КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
и проблемы национальной политики

ВЕСЬ МИР

КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА и проблемы национальной политики

ВЕСЬ МИР

КРИЗИС МУЛЬТИ-КУЛЬТУРАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Под редакцией
М.Б. ПОГРЕБИНСКОГО и А.К. ТОЛПЫГО

Москва
Издательство «Весь Мир»
2013

УДК 323.1; 327.39
ББК 66.5(0)
К 82

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса Национальной академии наук Украины
(протокол № 4 от 20 мая 2013 г.)

Научные рецензенты:
д. филос. н. М.М. Рогожа, д. с. н. П.В. Кутуев. д. пол. н. И.И. Погорская

Редактор
к.и.н. О.А. Зимарин

К 82 **Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики.** Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 400.

ISBN 978-5-7777-0554-9

Монография, подготовленная международным коллективом авторов, посвящена теоретическим и практическим аспектам современной национальной политики, осуществляемой в условиях полиэтничных обществ и культурного разнообразия в Германии, России, Украине и других странах Европы. Авторы исходят из того, что мультикультурализм как теория и практическая политика, выросший в странах с либерально-демократическим устройством, переживает кризис. Предметом их исследования становится, в частности, то, как различные страны справляются — или не справляются — с реальной поликультурностью в обществе, какую национальную политику проводят и какие результаты она дает.

Европейский опыт (преимущественно положение в Германии) в первой части книги рассматривает политолог В. Малинкович. Ситуации в России посвящена вторая часть книги, написанная академиком РАН, этнологом В. Тишковым. В завершающем разделе книги украинские исследователи М. Белецкий, Д. Кирюхин, М. Погребинский, А. Попов, А. Толпыго, А. Финько, С. Щербак анализируют различные аспекты национальной политики в Украине.

Книга адресована специалистам в области современной национальной политики, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся актуальными вопросами политической жизни Европы, России и Украины.

УДК 323.1; 327.39
ББК 66.5(0)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0554-9

© Издательство «Весь Мир», 2013

Оглавление

Предисловие 9

ЧАСТЬ I. Кризис мультикультурализма в Германии и других западноевропейских странах (*В. Малинкович*) 13

Введение 13

Глава 1. Иммигранты в Германии — кто они и откуда? 18

Иммигранты-европейцы 24
Мигранты из стран Евросоюза 25
Мигранты из СССР и постсоветских стран 26
«Югославы» 35
Мусульмане Германии 38
Выходцы из Турции 39
Мигранты-мусульмане из других стран 43

Глава 2. Конфликт двух цивилизаций в отдельно взятой стране 46

Рост антизападных настроений в мусульманском мире 46
Нарастающее раздражение 47
Leitkultur и атаки на мусульман 50
Тезисы Саррацина 54
Обеспокоенность судьбой Германии 54
Мусульманская угроза — реальная или мнимая? 55
Проблемы с рождаемостью 60
«Параллельное общество» 66
Книга, разделившая немецкое общество надвое 72

Глава 3. Иммигранты в других странах Западной Европы 76

Ситуация в бывших колониальных державах 76
Англия 77
Франция 81
Нидерланды 87
Иммигранты в странах Средиземноморья 90

Испания и Португалия 90
Италия 96
Положение мигрантов в остальных западноевропейских странах 101
Греция 101
Бельгия 103
Швейцария 105
Австрия 107
Скандинавские страны 109

Глава 4. Мультикультурализм и демократия 118

Испытание для демократии 118
Зачем он нужен, этот мультикультурализм? 129
О демократии в глобализированном мире 135

ЧАСТЬ II. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием (*В. Тишков*) 144

Введение 144

1. О новом понимании культурного разнообразия 150
2. Этнические и национальные сообщества 154
3. Языковое разнообразие и языковая политика 163
4. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития 170
5. Местное самоуправление в полиэтничном обществе 177
6. Мигрантофобия и неорасизм в условиях демократии 184

ЧАСТЬ III. Мультикультурализм: украинское измерение 195

Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст (*Д. Кирюхин*) 195

1. Проблема мультикультурализма 195
2. Нарративы украинского национализма 201
3. Конфликт идентичностей 211

Национализм и проблема социальной интеграции в Украине (*С. Щербак*) 219

1. Языковая и этническая структура Украины 219
2. Создание нации как проект 222
3. Национальная модель поликультурной Украины 228

Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние (*М. Погребинский, А. Попов, А. Толпыго*) 237

1. «Лоскутная страна» 237
2. «Еврейский фактор» 244
3. «Польская» Украина и «русская» Украина 245
4. Превращение малороссов в украинцев 249
5. Украина в годы советской власти и Второй мировой войны. Урбанизация и общий характер социальных перемен 255
6. УССР как предтеча украинской независимости. Новая украинская идентичность 260
7. Независимая Украина. Факторы стабильности и нестабильности в отношениях между этнокультурными группами 266
8. Две или три Украины? 271

Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины (*А. Финько*) 282

1. Мультикультурализм как политическая тенденция 282
2. Мультикультурализм: украинский вопрос 288
3. Правый политический спектр современной Украины: первые шаги 303
4. Политические маневры правых сил. Зарождение «оранжевого» феномена 308
5. Правые силы в роли сегмента «демократической оппозиции» режиму Кучмы 322
6. Национал-демократические и национал-радикальные партии и движения в условиях «оранжевых» событий. Феномен «Поры». Правые ревизионисты 335
7. Приход в исчезающую власть: национал-демократические партии после «оранжевой революции» 348
8. Феномен «Свободы» в контексте усиления правопопулистских тенденций в европейской политике 364

Конфессиональное разделение Украины
(*М. Белецкий*) 382

1. Немного истории 382
2. Современное состояние: статистические и социологические данные 386
3. Украинские церкви и этнокультурное разделение Украины 390

Об авторах 399

Предисловие

Мультикультурализм — очень сложное, многозначное, плавающее понятие. В еще большей мере то же относится к национализму — этим термином обозначают множество различных политических явлений. Основная причина многозначности этих понятий заключается в том, что их используют для описания различных политических процессов и явлений, которые, при всей их схожести, протекают поразному в разных обществах. Кроме того, становясь частью политических практик, они обретают новые коннотации — позитивные или негативные, — также меняющие исподволь их содержание.

Идеи мультикультурализма были сформулированы в странах с либерально-демократическим политическим устройством. Иными словами, мультикультурализм — и как теория, и как совокупность политических практик — вырос на почве либерализма. При этом в каждом случае политика мультикультурализма была направлена на решение различных задач. Если в Канаде ее цель состояла в том, чтобы обеспечить сосуществование франко- и англоязычной культур, а также аборигенных культур, то в Европе мультикультурализм был направлен на решение проблемы мигрантов — прежде всего, из исламских стран.

Однако правильность избираемых для решения этих проблем путей сейчас оказалась под вопросом. Можно даже сказать жестче: они выглядят несостоятельными, поскольку та политика мультикультурализма, которая проводилась в Европе в последние десятилетия, ныне поставлена под сомнение не только скептиками типа Т. Саррацина (книга которого детально анализируется в статье В. Малинковича), но и целым рядом европейских политиков. Здесь можно вспомнить прежде всего доклад премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона на Мюнхенской конференции (февраль 2011 г.), вызвавший необычайно бурную реакцию в общественно-политических и экспертных кругах Европы. В своем докладе Кэмерон, вслед за лидером Германии, открыто заявил о крахе европейской политики мультикультурализма. А аналогичные признания канцлера Германии Меркель, Генерального секретаря Совета Европы Торбьерна Ягланда и слова Николя Саркози «да, это провал», касающиеся политики мультикультурализма, произнесенные через несколько дней после выступления британского премьера, ясно по-

казали, что речь идет не только о привлекательной для значительной части их избирателей риторике, но и о неизбежности скорых радикальных изменений европейской политики.

Стоит заметить при этом, что Кэмерон никак не дистанцировался от британских ультраправых — «Лиги защиты Англии», которая как раз во время работы мюнхенской конференции провела в Лутоне акцию протеста против мусульман. Как сообщает газета *The Independent*, лидер Лиги Стивен Леннон будто бы даже сказал о Кэмероне: «Теперь он говорит то же самое, что и мы. Он знает, на кого опираться».

При этом выступление Кэмерона было встречено с одобрением не только британскими, но и российскими и украинскими правыми, которые поспешили истолковать его в своих интересах (в случае Украины интерпретация направлена на обоснование необходимости государственной политики по утверждению в стране этнокультурной гомогенности). Новый виток дискуссии по проблеме мультикультурализма и толерантности, развитие которой стимулировали заявления европейских лидеров, сделал предметом обсуждения вопросы, актуальные как для стран-членов ЕС, так и для многих постсоветских государств, таких, в частности, как Россия и Украина, столкнувшихся, подобно европейским странам, с проблемой этничности.

Вряд ли Кэмерону столь уж льстит поддержка его речи политическими радикалами, поскольку, произнося ее, он, очевидно, ставил перед собой иные цели, чем те, что преследуют представители, например, уже упоминавшейся откровенно враждебной исламу «Лиги защиты Англии». Кэмерон не призывает к новому крестовому походу против ислама. Главной темой его выступления стала защита либеральных ценностей и демократических политических практик от угрозы, которую несет для них распространение в европейских сообществах традиций и культур, чуждых либеральной демократии.

Как бы то ни было, острота проблемы не вызывает сомнений, а методы ее решения, применявшиеся до сих пор, если и не потерпели полный крах, то уж, во всяком случае, поставлены под большой знак вопроса.

Чрезвычайно важно, в том числе для российской и украинской ситуации, понять, в чем же именно оказалась несостоятельной проводившаяся до сих пор политика мультикультурализма. Означает ли ее неудача (или даже ее крушение, по мнению некоторых политиков), что общества, состоящие из людей, говорящих на различных языках, исповедующих различные религии и придерживающихся различных культурных традиций, попросту нежизнеспособны?

И не следует ли из этого признать необходимость отказа от права отдельных групп поддерживать и развивать свою культурную, религиозную и языковую самобытность, отличную от культуры большинства? Где грань, отделяющая культурное разнообразие общества от создания многочисленных «национальных гетто», живущих по своим законам и неспособных слиться в единую нацию?

Кто-то однажды справедливо отметил: северяне сражались с южанами во время Гражданской войны в США не за то, чтобы, освободив негров, предоставить им возможность перейти с английского на язык занде, мампруси или бакве и, одев набедренные повязки, бегать с копьями за бизонами в техасских прериях, а за то, чтобы наделить их равными с белыми гражданскими правами. И хотя речь Кэмерона во многом созвучна призывам ультраправых (как европейских, так российских и украинских), но есть важнейшее отличие: он выступил с призывом отказаться от «пассивной толерантности» в пользу более активного и сильного либерализма ради защиты либеральных ценностей, а не одной культуры от другой — христианства от ислама, белых от арабов, — в чем видят суть решения проблемы правые радикалы. Он четко заявил: «Свобода слова. Свобода вероисповедания. Верховенство закона. Равные права для всех, независимо от пола и расовой принадлежности, — вот что определяет наше общество».

Представляется, что именно проблема доминирования этнической идентичности над гражданской является сегодня ключевой. С ней сталкиваются сегодня практически все европейские государства, она имеет свое преломление и на постсоветском пространстве. Здесь так же, как и в странах Европы, приверженность устоявшимся или свежевыстраиваемым стереотипам одной из соседствующих культур зачастую вступает в противоречие с законными интересами и правами представителей других культур, да и просто с признанной международным сообществом системой демократических ценностей. И нет уверенности в том, что нейтральность государства в подобных ситуациях является оптимальным решением.

Выше уже шла речь о том, что мультикультурализм является детищем либерализма — он не только вписан в контекст либерально-демократических идей, но предполагает следование принципам либеральной демократии и применение на их основе соответствующих социально-политических практик. В этом и заключается его неоднозначность, которая обусловливает сложность переноса принципов мультикультурализма на другую почву, в страны с иным политическим устройством. В частности, это касается постсоветских государств.

Хотя проблема мультикультурализма достаточно остра для всей Европы, однако в разных странах она имеет свою специфику. В частности, она выглядит в России совершенно иначе, чем в Западной Европе, а в Украине — совершенно иначе, чем в России.

Предлагаемая читателю книга как раз и стремится осветить эту тему, выявляя сходства и различия между странами, учитывая их внутренние проблемы и показывая возможные пути их решения. В частности, речь идет о том, как различные страны справляются — или не справляются — с реальной поликультурностью в обществе, о том, какую национальную политику проводят, и к каким результатам она ведет.

Книга разделена на три части, носящих, впрочем, достаточно условный характер. Первая часть — большая статья В. Малинковича, в которой автор подробно рассматривает нынешнюю ситуацию и проблемы, возникающие в странах Европы, преимущественно Западной. (Здесь нельзя не упомянуть, что именно В. Малинкович был инициатором и вдохновителем работы над данной книгой, и без его настояний она едва ли была бы написана.)

В основе статьи В. Тишкова, выполняющей роль второй части монографии, лежит доклад, представленный в сентябре 2011 г. на Ярославском форуме, в котором подробно рассматривается ситуация в России.

Наконец, в третьей части подробно рассматривается украинская проблематика. Вначале социально-политическая ситуация в Украине рассматривается сквозь призму политической теории (статьи Д. Кирюхина и С. Щербак), а также в историческом плане (статья М. Погребинского, А. Попова, А. Толпыго). В работе А. Финько анализируется активность украинских правых сил, а в статье М. Белецкого — конфессиональный аспект проблемы.

Часть I.
Кризис мультикультурализма в Германии и других западноевропейских странах

Владимир Малинкович

Введение

Казалось бы, совсем недавно европейские государства были твердо намерены двигаться в сторону формирования мультикультурного гражданского общества. Это их намерение было зафиксировано в целом ряде документов Парламентской ассамблеи Совета Европы. В частности, резолюция ПАСЕ «Новая концепция эволюции государства демократического выбора», принятая 8 октября 2004 г., предлагала европейским странам развивать «гражданский мультикультурализм, основанный на равенстве всех граждан и их равной лояльности по отношению к общему государству (гражданской нации), при уважительном отношении к различиям и межкультурному сосуществованию»[1].

Прошло несколько лет. Процесс формирования мультикультурного общества все еще находился в зачаточном состоянии, а лидеры самых крупных государств Европы уже заявили о провале намечающегося курса. Первой такое признание сделала канцлер ФРГ Ангела Меркель. Неожиданно для многих, выступая 16 октября 2010 г. в Потсдаме, она вдруг объявила, что попытка Германии создать мультикультурное общество «потерпела полный провал»[2]. Через два месяца с небольшим подобные же заявления сделали руководители Великобритании и Франции. В начале февраля 2011 г. на совещании по вопросам безопасности в Мюнхене довольно резко высказался на эту тему английский премьер-министр Дэвид Кэмерон: «Мы позволили ослабить нашу коллективную идентичность. Следуя доктрине государственного мультикультурализма, мы стимулировали различные культуры к сепаратному существованию —

---

[1] Resolution PACE No 1407 (08.10.2004).

[2] Merkel Walks a Tightrope on German Immigration // Time World, 21. 10. 2010.

в отрыве одна от другой и от нашего магистрального направления. Мы потерпели неудачу, пытаясь реализовать подобный тип общества... Мы проявляли толерантность по отношению к тому, что все эти разделенные сообщества развиваются путем, уводящим в прямо противоположную нашим целям сторону»[1]. Еще через несколько дней, 10 февраля 2011 г. президент Франции Николя Саркози в интервью телекомпании TF1, отвечая на вопрос о перспективах мультикультурализма, сказал: «Мой ответ — да, это безусловный провал». По мнению Саркози, тот, кто собирается жить во Франции, обязан жить по правилам этой страны, причем не только юридическим. Французы, по мнению Саркози, не будут менять свой образ жизни в угоду прибывшим в страну мигрантам. Это мигранты должны адаптироваться к новым условиям и не молиться, к примеру, на улицах, если французам это не нравится[2].

Позиция лидеров ведущих европейских стран очевидна. Но что она должна означать? Можно ли сделать из приведенных выше высказываний вывод о том, что провозглашенный, но так и не реализованный курс на построение мультикультурного общества был ошибочным изначально, или же отказ от его проведения продиктован изменившимися в последнее время обстоятельствами? Прежде чем ответить на этот вопрос, попробуем проследить, что произошло в Европе и мире непосредственно перед тем, как курс на мультикультурность признали провальным.

* * *

По мнению экспертов, в Европе в последние несколько лет резко изменилось в худшую сторону отношение к мигрантам, особенно к мусульманам[3]. В достаточно широких слоях европейского общества стала возрождаться национальная нетерпимость. Особенно бурный рост негативных эмоций по отношению к мигрантам-мусульманам отмечается в Европе, начиная с 2004–2005 гг. Это может показаться странным, поскольку массовый приток мигрантов в европейские страны приходится вовсе не на эти годы, а на значительно более ранний период (на 60–90-е годы прошлого столетия). И экономика большинства стран Западной Европы перед послед-

---

[1] PM's speech at Munich Security Conference (www.gov.uk/gevernment/speeches/pms-speech-at-munech-security-confedence).

[2] Sarkozy sur TF1 pour reconquerir l'opinion — Politique — TF1 News. 10.02.2011.

[3] Living together, Combining diversity and freedom in 21st-century Europe. Report of the Group of Eminent Persons of the Council of Europe. Strasbourg: COE, 2011. P. 67 (http://book.coe.int/ftp/3664.pdf).

ним кризисом вроде бы находилась в довольно приличном состоянии. Создается впечатление, что изменение отношения к людям, приехавшим в Европу из исламских стран, объясняется не столько внутренними причинами, сколько событиями, которые происходили в то время за пределами европейского континента.

Одна из причин изменения отношения европейцев к мусульманам связана, на мой взгляд, с возросшей в этот период террористической активностью «Аль-Каиды». Эта организация начала свою террористическую деятельность еще во времена советско-афганской войны, но весь мир услышал о ней после трагических событий 11 сентября 2001 г. Очевидно, эти события напугали многих европейцев и способствовали в определенной мере росту настороженности по отношению к исламскому миру. Но так как США находятся все же относительно далеко от Европы, за океаном, и американская политика не пользуется особой симпатией у большинства европейцев, особенно бурной реакции на поведение исламистов тогда в европейских странах еще не было. Действиями террористов, конечно, возмущались, но до прямой вражды с мусульманами дело тогда еще не доходило. А затем последовало вторжение в Афганистан, и «Аль-Каиде» на какое-то время стало не до организации масштабных терактов.

Однако 20 марта 2003 г. войска международной коалиции, в которую оказались втянутыми многие европейские государства, напали на Ирак (как потом выяснилось, без достаточных на то оснований). Это акция вызвала возмущение многих мусульман во всем мире и способствовала распространению в их среде радикально антизападных настроений. К этому моменту террористическая деятельность экстремистов из команды Усамы Бен Ладена вновь активизировалась. Возмущенная вторжением в Ирак, значительная часть населения мусульманских государств поддержала развязанный боевиками «Аль-Каиды» террор, рассматривая его как справедливое возмездие. Даже в таких «светских» странах, как Турция и Ливан, действия экстремистов в тот момент поддержали около 20% всех жителей, в Пакистане и Индонезии — треть, в Нигерии — почти 60%[1].

На сей раз террор «Аль-Каиды» распространился и на Европу. 11 марта 2004 г. в Мадриде произошли четыре страшных взрыва в утренних поездах (191 человек погиб, более 2000 было ранено). А 7 июля 2005 г. в Лондоне были взорваны три поезда метро и один автобус (погибли 52 человека, ранено около 700). Смотреть на происходящее как бы со стороны европейцы уже не могли. Террористические действия исламистов напугали европейцев, заставили

[1] Report of Pew Research Center. September 17, 2008.

их волноваться за собственную безопасность (что прежде им было несвойственно). И конечно же, довольно большое число европейских обывателей, обеспокоенных возможной угрозой для жизни их близких, исходящей от живущих рядом мусульман, стали испытывать по отношению к ним недоверие и страх, переходящие во враждебность. Это с одной стороны. С другой — события первых лет XXI столетия на Ближнем и Среднем Востоке, несомненно, повлияли на настроения живущих в Европе мусульман, многие из которых, так же как и их единоверцы на родине, были возмущены интервенцией в Ирак. Хотя данных об отношении европейских мусульман к действиям «Аль-Каиды» у нас нет, нетрудно предположить, что среди этих мусульман в тот период было немало людей, симпатизирующих Бен Ладену. В мусульманской среде, особенно молодежной, стала более выраженно проявляться агрессивность по отношению к соседям-европейцам. Стимулом агрессивности молодых мигрантов с Востока стала их социальная неустроенность, но дело, очевидно, было не только в ней. Как бы то ни было, по арабским кварталам французских городов в 2005 г. прокатилась волна массовых беспорядков.

Думаю, все эти причины в немалой степени способствовали тому, что в странах Западной Европы наметился разрыв между различными этническими сообществами. Прежде всего, это касается отношений между теми, кто считает себя «коренными» европейцами, и представителями мусульманских общин. Позиции обеих сторон стали почти конфронтационными. Как показывают результаты социологических опросов, отношение «коренных» европейцев к мусульманам в это время существенно ухудшилось. По данным Pew Research Center (PRC)[1], в 2006 г. в негативном отношении к мусульманам признались 53% всех опрошенных этой организацией немцев и более 61% испанцев (на две трети больше, чем во время опроса, проведенного годом раньше). Через два года в этих двух странах число тех, кто не любит мусульман, стало чуть меньшим, зато в Англии, Франции и Польше оно продолжало расти: во Франции в 2008 г. таких было 38%, в Англии — 23%, в Польше — 46%.

А затем начался экономический кризис и, как следствие, в европейских странах резко обострились социальные противоречия, в том числе, очевидно, и между различными этническими группами. Социальные и межэтнические конфликты тесно переплелись. Межэтническое напряжение, конечно же, существенно повлияло на характер социальных беспорядков 2005 г. во Франции, еще более

[1] Ibid.

отчетливо проявилось оно во вспышках массового насилия в Англии в августе 2011 г. Массовая миграция арабов из стран Магриба и Ближнего Востока, где происходят сейчас революционные перемены, также усилила напряжение в отношениях между различными национальными и религиозными сообществами в западноевропейских странах, особенно в тех, что имеют выход к Средиземному морю. Но это случилось уже после того, как Меркель, Кэмерон и Саркози заявили о провале политики мультикультурализма.

* * *

Очевидно: проблему мультикультурализма в Западной Европе нельзя сводить только к взаимоотношениям между европейцами и мигрантами. Некоторые европейские страны страдают из-за острых конфликтов между различными этническими или религиозными группами, живущими в пределах одного государства уже много веков. Порой конфликты перерастают в кровавые столкновения и многочисленные акты террора. Всем известно о продолжающейся десятилетиями войне в Испании между басками и центральной властью, в Северной Ирландии между католиками, с одной стороны, и протестантами — с другой. Межэтнические и межрелигиозные трения обостряются всякий раз, когда автономистские устремления тех или иных групп населения одного государства трансформируются в откровенный сепаратизм (в тех же Испании и Британии и, особенно, в Бельгии). Надо заметить, что в подобных случаях мы чаще всего имеем дело не с проблемами мультикультурной жизни в рамках одного сообщества. Стремящиеся к самостоятельности этнические и религиозные группы «старых европейцев» хотя и проживают в одном государстве, но, как правило, отделены друг от друга территориально (лишь Брюссель и некоторые города Северной Ирландии являются исключением). Иммигранты же живут буквально бок о бок с коренным населением европейских городов. Если даже они и селятся в отдельных кварталах, то работают все же вместе с европейцами, детей своих посылают в те же детские сады и школы, что и европейцы, постоянно встречаются с местными жителями в разного рода учреждениях, общественном транспорте, магазинах, кафе и т.д. Сказанное, конечно, не означает, что политика мультикультурализма совсем не связана с внутренними проблемами «старых европейцев». Но провалилась эта политика в первую очередь из-за неспособности государств Западной Европы интегрировать иммигрантов в общественную жизнь страны таким образом, чтобы те могли сохранить все лучшее, что есть в их родной культуре. О том, почему так случилось, и пойдет здесь речь.

Глава 1. Иммигранты в Германии — кто они и откуда?

Мы уже упоминали о событиях, которые, несомненно, существенно затруднили проведение в странах ЕС курса, направленного на формирование мультикультурного гражданского общества. Но как объяснить тот факт, что один из самых высоких уровней отрицательного отношения к иностранцам, особенно мусульманам, демонстрирует сегодня Германия? Почему первой выступила с заявлением о провале политики мультикультурализма руководитель правительства именно этой страны? Страны, которая не участвует в Иракской войне и не имеет выходов к Средиземному морю. В Германии не было актов террора «Аль-Каиды» такого масштаба, как в США, Испании и Англии, да и экономический кризис потряс эту страну все же куда меньше, чем другие европейские государства. И тем не менее, еще до того, как страны Евросоюза взяли курс на мультикультурализм, в немецком обществе был самый высокий среди стран, входящих в ОБСЕ, уровень неприятия мигрантов-мусульман и, судя по всему, иностранцев вообще. В начале 2005 г., по данным репрезентативных опросов, отрицательное отношение к мусульманам выразили 14% англичан, 22% американцев, 30% поляков, 32% французов, 36% русских, 37% испанцев и... половина всех опрошенных немцев[1]. По-видимому, межнациональные конфликты в ФРГ имеют, помимо внешних, свои внутренние, чисто германские причины. Дабы понять, в чем здесь дело, рассмотрим положение мигрантов в Германии.

К началу 2012 г. в ФРГ было зарегистрировано 7 млн 370 тыс. иностранцев (9% всех жителей этой страны)[2]. Большая часть иностранцев — приехавшие из стран Европы (см. табл. 1). *(Хотелось бы обратить внимание, что статистическое управление ФРГ относит Турцию к числу европейских государств.)*

Иностранцами в Германии считаются те, кто постоянно проживает в ФРГ, но имеет гражданство другой страны. По данным большинства исследователей, иностранцев в Германии больше, чем зарегистрировано. Разница объясняется тем, что в ФРГ сейчас проживает приблизительно полмиллиона незарегистрированных граждан других государств и лиц без гражданства.

---

[1] Ibid.

[2] Здесь и далее общая численность иностранцев в Германии приводится по данным: Statistisches Bundesamt. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des Ausländerzentralregisters 2011. Fachserie 1. Reihe 2. Wiesbaden, 2012.

Всего в государствах Евросоюза — 31 млн иностранцев, а значит, в Германии проживает примерно каждый пятый из них. Это больше, чем в других странах ЕС (в Испании — 5,7 млн иностранцев, в Италии и Великобритании — по 4,5 млн, во Франции — 3,7 млн), но ведь и численность населения ФРГ больше. В процентном отношении ко всему населению иностранцев в Германии меньше, чем в Испании (там их 12%) и ряде других европейских государств. В Швейцарии, например, иммигранты и иностранцы составляют почти 24% населения, в Голландии — около 20%, Швеции — 13%, в Люксембурге — более 40%.

Еще раз хочется напомнить, что ***подавляющее большинство иностранцев в ФРГ — приезжие из европейских стран.*** В Германии постоянно проживает почти пять с половиной миллионов человек, имеющих паспорта других европейских государств, и они составляют почти ***80% (!)*** всех иностранцев. Даже если не считать турок, многие из которых родились в азиатской части своей страны, все равно европейцы будут составлять большинство среди иностранцев, зарегистрированных в ФРГ (56%). Поскольку кризис политики мультикультурализма обычно связывают с проблемами, вызванными напряженностью в отношениях с мусульманским миром, важно, думаю, отметить, что выходцы из исламских стран составляют лишь немногим более трети всех тех, кого здесь официально считают иностранцами.

По данным большинства исследователей, иностранцев в Германии на самом деле больше чем зарегистрировано — примерно 7 млн 200 тыс. (8,8% всех жителей этой страны). Разница объясняется тем, что в ФРГ сейчас проживает приблизительно полмиллиона незарегистрированных граждан других государств и лиц без гражданства. Помимо формально зарегистрированных иностранцев, к их числу в Германии обычно относят не только постоянных жителей этой страны с паспортами другого государства, но и тех, кто получил право на политическое убежище (*азюль*) или тех, кто его ожидает. Иностранцы, имеющие разрешение на постоянное проживание в Германии, и *азюлянты* пользуются почти теми же правами, что и граждане ФРГ. Юридически их статус мало чем отличается от статуса немецких граждан. Они лишены, по сути, только права избирать и быть избранными в органы государственной власти. Но реальное их положение в обществе часто отличается от положения «коренных граждан» и весьма существенно.

Немало, конечно же, в Германии и тех, кто не имеет права на постоянное проживание в этой стране, т.е. нелегалов. В их число попадают люди, не получившие азюля, но не желающие или не име-

Таблица 1.1

Иностранцы, приехавшие в ФРГ из европейских стран (31.12.2011)

Из стран ЕС; в том числе:	**Численность (тыс.):**	**Из других стран Европы; в том числе:**	**Численность (тыс.):**
Австрия	92,7	Албания	10,3
Бельгия	23,1	Белоруссия	19,1
Болгария	93,9	Босния	153,4
Великобритания	98,4	Исландия	1,4
Венгрия	82,8	Косово	137,0
Греция	283,7	Лихтенштейн	0,2
Дания	19,2	Македония	67,1
Ирландия	10,6	Молдова	12,0
Испания	110,2	Норвегия	6,0
Италия	520,2	Россия	195,3
Кипр	1,0	Сербия	252,6
Латвия	18,3	Турция	1 607,5
Литва	27,8	Украина	123,3
Люксембург	12,6	Хорватия	223,2
Нидерланды	137,7	Черногория	15,2
Польша	468,4	Швейцария	37,7
Португалия	115,5	***Всего:***	***2 909,7***
Румыния	159,2		
Словакия	30,2		
Словения	20,8		
Финляндия	13,2		
Франция	110,9		
Чехия	38,1		
Всего:	***2 599,2***		

ющие возможности выехать из страны, те, кто приехал в гости или на учебу по временной визе, но остался в Германии после того, как срок визы истек, и, наконец, те, кто попал в ФРГ в обход закона. Все эти группы людей в Германии часто встречаются с массой проблем, различной степени сложности, и порой сами создают проблемы для окружающих. Естественно, что власти страны должны постоянно держать таких людей в поле зрения и пытаться ограничить нелегальную миграцию.

Таблица 1.2

Иностранцы, приехавшие в ФРГ из других государств (31.12.2011)

СТРАНЫ	**Число мигрантов (тыс.):**	**СТРАНЫ**	**Число мигрантов (тыс.):**
Из Азии; в том числе:		**Из Африки; в том числе:**	
Азербайджан	14,4	Алжир	13,3
Армения	11,0	Гана	22,0
Афганистан	56,6	Египет	12,7
Вьетнам	83,8	Камерун	15,3
Грузия	13,8	Конго	10,3
Израиль	10,8	Марокко	63,0
Индия	53,4	Нигерия	18,7
Индонезия	12,6	Того	10,2
Иордания	7,9	Тунис	23,6
Иран	53,9	Страны Вост. Африки	39,5
Ирак	82,4	Южная Африка	15,1
Казахстан	49,5	***Всего:***	***276,1***
Китай	86,4	**Из Америки и Австралии; в том числе:**	
Ливан	35,0	Канада	14,0
Пакистан	31,8	США	101,6
Сирия	32,9	Страны Центральной Америки	30,3
Таиланд	57,1	Страны Юж. Америки	76,2
Тайвань	5,0	в том числе:	
Филиппины	19,4	Аргентина	4,7
Шри-Ланка	26,6	Бразилия	33,9
Корея Южная	24,7	Чили	6,2
Япония	31,4	Австралия и Океания	13,1
Всего:	***855,0***	***Всего:***	***236,8***

* * *

Обывательское сознание часто причисляет к числу иностранцев и тех, кто уже имеет гражданство ФРГ, но еще полностью не адаптировался в новых условиях и живет не совсем так, как немецкие

граждане (это касается многих иммигрантов второго поколения). Наличие общих для нынешних и вчерашних мигрантов проблем заставило власти ФРГ выделить в особую группу всех «лиц с бэкграундом мигранта». Кто же это?

Официальная статистика, руководствуясь правилами 2005 г., относит к этой категории лиц «всех, кто въехал на нынешнюю территорию Федеративной республики Германия после 1949 года, а также всех родившихся в Германии иностранцев и всех родившихся в Германии немецких граждан, у которых, как минимум, один из родителей приехал в страну после 1949 года или родился в Германии иностранцем»[1]. Год назад формулировку этого правила уточнили. Теперь в группу «лиц с бэкграундом мигранта» включают: «1) лиц, у которых нет немецкого гражданства, или 2) лиц, родившихся за пределами границ Федеративной республики Германия, или приехавших на проживание на нынешнюю территорию ФРГ после 1949 года, или 3) лиц, у которых место рождения, как минимум, одного из родителей находится за пределами нынешних границ ФРГ, или же один из родителей въехал на территорию ФРГ после 1949 года»[2]. Согласно этому правилу в эту группу лиц входят и так называемые «поздние репатрианты», т.е. лица немецкого происхождения, приехавшие в Германию из-за рубежа (прежде всего, из бывших соцстран) после 31 декабря 1992 г.

Общее число «лиц с бэкграундом мигранта» сегодня в Германии примерно в 2,2 раза больше, чем число формальных иностранцев. К началу 2012 г. их насчитывалось в ФРГ 15 млн 962 тыс. человек, т.е. 19,5% населения страны[3]. В их число входили 5,5 млн из 7 млн иностранцев, более 5 млн немецких граждан, родившихся за пределами Германии, но получивших гражданство ФРГ, а также 5,3 млн детей этих двух категорий лиц. Страны, из которых прибыли все эти люди, представлены в таблице 3.

---

[1] Statistisches Bundesamt Deutschland: Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2005. Wiesbaden, 2007.

[2] См.: §6Satz 2 Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes (Migrationshintergrund-Erhebungsverordnung — MighEV) vom 29. September 2010. BGBl. I. Seite 1372, 1373.

[3] Здесь и далее численность лиц с бэкграундом мигранта приводится по данным: Statistisches Bundesamt, Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2011. Fachserie 1. Reihe 2.2. Wiesbaden, 2012, а также: http://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Mikrozensus3.html.

Таблица 1.3

Страны, с которыми связаны резиденты ФРГ с бэкграундом мигранта (31.12.2011 г.)

СТРАНЫ	Численность (тыс.):
Страны ЕС	
Всего:	***4 987***
В том числе:	
Греция	392
Италия	780
Польша	1 473
Румыния	484
Др. страны Европы	
Всего:	***6 273***
В том числе:	
Босния	228
Россия	1 227
Сербия	286
Турция	2956
Украина	273
Хорватия	360
Азия, Африка, Америка	
Азия, Австралия (всего):	***2 533***
В том числе:	
Ближний и Средний Восток	1 597
Казахстан	922
Юг и Юго-Восток	644
Африка (всего):	555
Америка (всего):	399
В том числе: США, Канада	188

Примечание: Следует отметить, что у 1,2 млн мигрантов прежнее гражданство определить не удалось (часть из них, вероятно, попала в страну нелегально).

Сравнив данные трех таблиц, увидим, что процент европейцев среди всех лиц, имеющих бэкграунд мигранта (у которых известно их прежнее гражданство), будет не намного меньшим, чем среди ино-

странцев (70,5% и 79,5%). Если исключим турок, получим, соответственно, 52% и 56%. Но надо заметить, что большинство мигрантов из Казахстана (а их без малого миллион) и других центральноазиатских государств, возникших на территории бывшего СССР, — это, в подавляющем большинстве, немцы-репатрианты, русские или евреи, т.е. те же европейцы. Тех, кто прибыл из мусульманских стран (не учитывая немцев, русских и евреев Средней Азии), несколько более 4 млн (подробнее об этом ниже).

Власти ФРГ внимательно отслеживают динамику уровней общего и профессионального образования, доходов, занятости, социального статуса и криминогенности во всей многомиллионной группе лиц с бэкграундом мигранта. Вероятно, в этом есть практическая необходимость, но с точки зрения возможности сосуществования различных культур, довольно-таки искусственное выделение группы лиц с бэкграундом мигранта скорее запутывает ситуацию, чем ее проясняет. Прежде всего, потому что представители совершенно различных культур здесь собраны воедино, тогда как возможности выходцев из разных стран адаптироваться к новой среде вовсе не одинаковы. Во-вторых, потому что в этом огромном конгломерате трудно отделить социальные проблемы (связанные с повседневными потребностями людей, обустраивающихся на новом месте) от проблем, что возникли под влиянием устойчивых культурно-религиозных традиций прежней жизни. Чтобы оценить перспективы политики мультикультурализма, провести такое разделение необходимо. Одно дело — проводить социальную политику, направленную на интеграцию людей в немецкое общество, совсем другое — способствовать сосуществованию различных культур в едином мультикультурном обществе. Вторая задача, безусловно, намного сложнее.

Попробуем дифференцированно оценить весь огромный социальный слой иммигрантов и выделим из него три самые многочисленные группы. Во-первых, это группа вчерашних жителей стран Евросоюза (с двумя подгруппами — западных и восточных европейцев). Во-вторых, группа выходцев из СССР и постсоветских стран. В-третьих, беженцы из бывшей Югославии и государств, что возникли на ее территории. И, наконец, мусульмане (прежде всего, турки).

Иммигранты-европейцы

Как уже было сказано, мигранты из европейских стран (даже без Турции) — это больше половины всех живущих в Германии лиц с мигрантским «профилем». Примерно 60% всех европейцев при-

ехали в Германию из стран Евросоюза, остальные 40% — из постсоветских стран и бывшей Югославии.

Мигранты из стран Евросоюза

Приехавших из государств ЕС немногим менее пяти миллионов. Самую большую группу среди тех, кто приехал в ФРГ из других государств Евросоюза, составляют поляки — почти полтора миллиона, т.е. почти 10% всех тех, кого в Германии считают людьми с бэкграундом мигранта. Среди приезжих из Польши есть фольксдойчи и те, кто пытается убедить власти ФРГ в своем немецком происхождении, чтобы в льготном режиме получить немецкое гражданство. Большинство приезжих из Польши, по-видимому, все-таки поляки или наполовину поляки, так как очень многие польские немцы были изгнаны из этой страны сразу после войны. Вторая по численности группа — итальянцы (5% всех мигрантов), затем идут румыны (3%) и греки (около 2,5%). Было время, когда в ФРГ работали в качестве гастарбайтеров более 600 тыс. испанцев, однако остались здесь далеко не все (сейчас их в ФРГ около 130 тыс.)[1].

Массовый приток мигрантов в Германию с запада начался еще тогда, когда в Германии творилось всем хорошо известное «экономическое чудо» Аденауэра — Эрхарда. Рост экономики был стремительным, стране явно не хватало рабочих рук. И правительство молодого немецкого государства решает пригласить рабочих из-за границы. В 1955 г. оно подписывает соглашение о наборе рабочей силы с Италией, а спустя пять лет — с Испанией и Грецией. Прибывшие из этих стран сотни тысяч гастарбайтеров помогли немцам создать мощную экономику. Они же, будучи представителями развитых (но во многом отличных от немецких) культурных традиций, заложили основы мультикультурализма в Германии.

Большинству западных европейцев нет нужды менять паспорт, и они предпочитают жить в Германии в статусе иностранца. В самых больших группах мигрантов из Западной Европы — итальянской и греческой — около 30% мигрантов поменяли свое гражданство на немецкое; среди других иностранцев, что прибыли в ФРГ с запада или севера Европы, желающих получить паспорт ФРГ совсем мало.

По-иному ведут себя граждане восточноевропейских государств, недавно принятых в Евросоюз. Большинство из них, попав в Германию, спешат поменять свое прежнее гражданство на немец-

---

[1] См.: *Pinheiro T.* Spanische Einwanderer in Deutschland; http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de, 26.10.2010.

кое. Несмотря на то, что языковой барьер восточным европейцам преодолевать намного труднее, чем, скажем, голландцам, англичанам или скандинавам, да и к новым социально-правовым условиям им адаптироваться сложнее. Немецкое гражданство уже успели получить примерно 70% всех выходцев из Польши и Румынии. Эта цифра, на мой взгляд, демонстрирует, насколько привлекательным для восточных европейцев является уровень и стиль жизни в Германии и насколько он отличен от жизненных условий у них на родине. Кстати, опрос, проведенный среди иммигрантов в ноябре 2010 г., показал, что 58% постоянно проживающих в ФРГ поляков считают своей родиной Германию, а Польшу — только 24%. Среди румын процент патриотов Германии еще выше. Очевидно, что большинство восточных европейцев готовы интегрироваться в немецкую жизнь и их проблемы мультикультурализма особенно не заботят. Из этого вовсе не следует, что адаптация восточных европейцев будет легкой. Чем значительнее разница между их прежним и нынешним стилем жизни, тем с большим количеством проблем им придется столкнуться. Но важно отметить, что для них это будет процесс интеграции в немецкую жизнь (т.е. ассимиляция), а не участие в формировании мультикультурного общества в Германии. Не исключено, что следующие поколения поляков, румын, болгар, венгров, чехов или словаков вспомнят о своих корнях, но это если и произойдет, то не скоро. Пока же большинство бывших граждан стран Восточной Европы пытаются строить жизнь на новом месте, *отталкиваясь от своего прошлого*.

Среди 780 тыс. итальянцев и почти 400 тыс. греков, а также среди испанцев, португальцев, французов, голландцев или англичан, судя по всему, немало тех, кто высоко ценит культурные традиции своей родины и желает их сохранить, живя в ФРГ. Они не сталкиваются при этом с серьезными трудностями и не создают особых проблем для «коренных жителей» Германии. Неплохо функционируют их землячества, к тому же многие особенности жизненного стиля этих «ближних» иностранцев хорошо знакомы немцам, любящим проводить отпуск в соседних странах, и пользуются у них уважением. Вряд ли в Германии будет много противников такой — «западноевропейской» — мультикультурности.

Мигранты из СССР и постсоветских стран

По данным Федерального статистического управления в Германии в январе 2012 г. проживало 2 млн 956 тыс. выходцев из постсоветских стран. С учетом тех, кто попал в Германию до 1949 года, и их

детей, можно предположить, что в ФРГ сейчас проживает гораздо более трех миллионов человек, чье происхождение связано с постсоветскими странами, СССР или Российской империей. Очевидно, что в Германии мигрантов, говорящих по-русски, больше, чем даже выходцев из Турции.

«Русские немцы»

Самый значительный процент в этой большой группе русскоязычных переселенцев и их родственников составляют немцы-репатрианты. По данным официальной статистики в начале 2011 г. в ФРГ проживало 5 млн 14 тыс. немцев-репатриантов, относящихся к группе лиц с бэкграундом мигранта. Пятью годами раньше, по данным специального исследования, проведенного по инициативе газеты *Tageszeitung*, в Германии было 4 млн 482 тыс. немцев-репатриантов. 2 млн 334 тыс. приехали из бывшего СССР; 1 млн 445 тыс. — из Польши, 430 тыс. — из Румынии, 90 тыс. — из бывшей Югославии, 21 тыс. — из Венгрии и еще 56 тыс. — из других стран[1]. Насколько эти данные точны, сказать трудно.

Репатриация немцев в ФРГ началась еще при Аденауэре. К концу 1987 г. приехавших из-за рубежа немцев насчитывалось более 1 млн 400 тыс. Большинство же репатриантов приехало в Германию уже после падения Берлинской стены. По немецкому закону от 1 января 1993 г. (§ 1 Abs. 2 № 3 BVFG) немцы, что проживали до этого времени в восточных землях, считавшихся немецкими (в Данциге, Эстонии, Латвии, Литве, Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании или Китае) и прибыли на постоянное местожительство в ФРГ до 31.12 1992 г, считаются просто переселенцами (*Aussiedler*). А тех, кто прибыл после этого срока, называют поздними переселенцами (*Spataussiedler*) (§ 4 BVFG)[2] и причисляют к группе лиц с бэкграундом мигранта. Впрочем, немецкое гражданство предоставлялось всем немцам-переселенцам (обычным и поздним) в ускоренном порядке. Поздних переселенцев в 2010 г. было 3 млн 265 тыс., из которых полтора миллиона прибыли из Советского Союза и постсоветских государств.

Интеграция «русских немцев» в социальную жизнь их новой и в то же время старой родины была совсем непростой. Тех немцев,

---

[1] См.: http://www.initiative-tageszeitung.de/lexika/leitfaden-artikel.html?Leitfaden ID=66.

[2] См.: *Ipsen-Peitzmeier S., Kaiser M.* (Hrsg.). Zuhause fremd — Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland // Transcript V. Bibliotheca eurasica. Bielefeld, 2006. S. 13.

что знакомы нам из русской литературы (поэты, писатели, офицеры, чиновники, врачи, гувернеры, ремесленники, промышленники, зажиточные крестьяне-колонисты), давно уже нет. Одних выбили революция, гражданская война, ежовщина, другие отправились в лагеря и ссылку в годы Отечественной войны. Сегодняшние «русские немцы» очень мало похожи на героев старой литературы. Вплоть до самого распада СССР немцы так или иначе подвергались дискриминации. Жили они, в большинстве своем, на отдаленных, малоцивилизованных окраинах советской империи. Уровень их образования был ниже, чем средний по Советскому Союзу. Соответственно, низким был и социальный статус. Когда в конце 1960-х я служил врачом в Советской армии, в моей части было много немцев из Казахстана. Все они были колхозниками, и почти у всех было только начальное образование. Немецкий язык они знали хуже русского, да и с русским были не в ладу. К концу советского периода положение немцев улучшилось, но не намного.

Нет ничего удивительного, что адаптация репатриантов из постсоветских стран к жестко организованной жизни в ФРГ проходит трудно. Ожидания оказались завышенными, и многих на новом месте поначалу ждало разочарование. В большинстве семей переселенцев до сих пор продолжают говорить по-русски[1]. Жить они стараются рядом с другими репатриантами и общаются, по крайней мере, первое время преимущественно с ними. Приехав в ФРГ, молодые «русские немцы» плохо сходились со своими местными сверстниками и держались особняком. Более трети русских немцев заключали браки между собой. Государство разработало специальную, довольно широкую и затратную программу по интеграции молодых «русских немцев» (дети и молодежь до 25 лет — это 40% всех репатриантов). Реализация этой программы должна, конечно, дать свои результаты. Но пока процесс интеграции продвигается медленно.

Есть проблемы с занятостью репатриантов, хотя молодые «русские немцы» трудолюбивы и не гнушаются никакой работы. Процент «русских немцев», живущих «за чертой бедности», вдвое выше, чем у «коренных» граждан Германии (45,2% и 22,1%, соответственно)[2]. Страдают не только люди среднего и старшего возраста, но и молодежь. Правда, материальное положение в группе русских немцев

---

[1] См.: *Gärthe W.* Feststellung von Qualifikationen und Kenntnissen von Migrantinnen und Migranten, S. 32, Befragung der Friedrich-Ebert-Stiftung, 2003.

[2] См.: Statistisches Bundesamt, Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2010. Fachserie 1. Reihe 2.2. Wiesbaden, 2011.

18–25 лет даже чуть лучше, чем в группе местной молодежи этого возраста, но все равно остается довольно плохим — в условиях нынешнего экономического кризиса ситуация у всех молодых людей в Германии весьма неблагоприятна.

В среде подростков-репатриантов высок уровень преступности, с которой полиция и организации по работе с молодежью плохо справляются (прежде всего, из-за того, что большинство сотрудников немецких правоохранительных органов не знает русского языка и не знакомо с традициями «русского уголовного мира», которые часто копируют молодые правонарушители-репатрианты). Федеральное представительство землячества немцев из России неоднократно жаловалось на то, что правые силы в Германии пытаются развернуть в СМИ широкую кампанию против «русских немцев». Один из каналов телевидения как-то показал программу под названием «Уголовные дети репатриантов», а в популярной газете *Welt am Sonntag* была опубликована статья, озаглавленная «Новый страх перед русскими». Речь в статье шла о бандах «русских немцев», сеющих, якобы, повсюду страх и ужас.

Нельзя назвать особо благоприятным и положение репатриантов среднего возраста. Плохое знание языка и, что особенно важно, самих правил новой жизни не дает большинству из них возможности рассчитывать на интересную и хорошо оплачиваемую работу. Не менее 35% тех, кому сейчас от пятидесяти до шестидесяти лет, живут за порогом бедности (среди «коренных немцев» таких — 24%). Тем, кому за 65, еще хуже. Пенсионеры-репатрианты, получающие чаще всего минимальную пенсию, живут намного беднее своих сверстников из числа «коренных» жителей Германии[1]. Но главная проблема пожилых репатриантов — не деньги. Материальный достаток на прежней родине был у них, как правило, еще более скромным. Главное — слабые социальные связи и ощущение своей невостребованности, ненужности.

Видя, что процесс интеграции переселенцев в немецкое общество в ФРГ сталкивается с массой трудностей, власти страны приняли решение об оказании значительной материальной, организационной, хозяйственной и культурной поддержки немецким землячествам за пределами Германии. В расчете на то, что тем самым будет ограничен приток переселенцев в ФРГ, а те немцы, что все же приедут на постоянное жительство в Германию, уже будут знать немецкий язык и смогут легче адаптироваться к жизни на новом месте[2].

---

[1] Ibid.

[2] См.: Bundeszentrale für politische Bildung: Deutsche «Bleibehilfen» für die Minderheiten in der Herkunftsländern, 15.03.2005.

По-видимому, все эти проблемы решит время. Старики отойдут в мир иной, нынешняя молодежь в конце концов адаптируется, а следующее поколение наверняка будет ощущать себя полноценными гражданами Германии. Никакая другая культура, кроме немецкой, репатриантам в принципе не нужна. О возрождении в ФРГ периферийной русско-советско-немецкой культуры времен их детства никто, конечно, всерьез не мечтает, а те, кому не удается прижиться в Германии, имеет возможность вернуться на прежнюю родину (что кое-кто из «русских немцев» и делает). На решение вопроса о том, нужно ли проводить в жизнь в Германии политику мультикультурности, «русские немцы» никак не влияют.

«Русские евреи»

Несколько иначе, с точки зрения перспектив мультикультурализма, обстоит дело с русскоговорящими евреями Германии. В январе 1991 г., на основании закона о мерах по оказанию гуманитарной помощи прибывающим беженцам, евреи из бывшего СССР (без Эстонии, Латвии и Литвы) получили возможность приехать на постоянное жительство в ФРГ. Решение о предоставлении им такой возможности было принято правительством Гельмута Коля по рекомендации и под давлением Центрального совета евреев Германии, который взял на себя обязательство всячески поддерживать еврейских иммигрантов. Одним из аргументов в пользу принятия такого решения было наличие государственного антисемитизма в СССР. Государственная политика в Советском Союзе в течение длительного времени действительно была антисемитской, но, начиная с перестройки, таковой уже не являлась. А в конце 1991 г. СССР и вовсе перестал существовать. Бытовой антисемитизм, конечно, в постсоветских государствах сохраняется по сей день. В скрытой, а иногда и в открытой форме он присутствует и в Германии. Как показывают опросы, проведенные в 2008 г. *Pew Research Center*, каждый четвертый житель ФРГ признается, что не любит евреев[1].

Как бы то ни было, сегодня в ФРГ проживают более 220 тыс. евреев из бывшего СССР и постсоветских стран. И большинство из них довольно хорошо себя здесь чувствует. Еврейская молодежь, получившая совсем неплохое общее образование на бывшей родине, успешно начала строить профессиональную карьеру в Германии. Молодые евреи из стран СНГ занимают престижные места в немецком бизнесе, культуре, спорте и даже политике (бывший москвич

[1] Report of Pew Research Center. September 17, 2008.

Владимир Каминкер, например, — один из самых читаемых сегодня немецких писателей, а совсем молоденькая киевлянка Марина Вайсбанд была лидером партии «пиратов», которую сейчас поддерживают от 5 до 8% немцев).

Люди среднего возраста добились в ФРГ, в массе своей, относительного материального благополучия, но их социальный статус, как правило, ниже, чем в прежней жизни — прежде всего из-за плохого знания немецкого языка (хотя часть иммигрантов этой возрастной группы все же весьма преуспела как в материальном, так и в социальном плане). Еще сложнее ситуация у старшего поколения. Овладеть немецким языком старики уже не в состоянии, шансов получить хорошую работу у них нет, да и полноценно участвовать в жизни немецкого общества они не могут. Но «русских евреев» старается всячески опекать мощная и весьма влиятельная еврейская община Германии, получающая финансовые дотации из бюджета и имеющая разветвленную сеть различных религиозных, общественных и культурных организаций. Евреи-пенсионеры из бывшего СССР, располагающие избытком времени, находятся в центре их внимания. Вчерашние «старые коммунисты» теперь участвуют в различного рода культурных мероприятиях при синагогах и в местных еврейских общинах. И все же евреи среднего и старшего поколения, особенно в первые годы их пребывания в Германии, плохо вживались в немецкую жизнь. По данным опроса, проведенного в 1999 г., 58% «русских евреев» ФРГ заявили, что их жизнь лишилась всякого смысла[1].

Складывается неоднозначная ситуация. С одной стороны, молодые «русские евреи» довольно успешно интегрируются в немецкую жизнь. Иначе обстоит дело с пожилыми людьми. Как правило, они частично включаются в культурную жизнь еврейской общины, а частично — стремятся сохранить и обновить очаги русской культуры в Германии. То есть, если молодых евреев не особенно волнуют проблемы мультикультурализма, то старшее поколение в нем очень заинтересовано. Можно было бы предположить, что как и в случае с «русскими немцами» время работает на интеграцию «русских евреев» в немецкое общество. И это действительно так, но существует несколько факторов, этому противодействующих. Во-первых, нужно учитывать традиционную религиозную и культурную обособленность евреев, сохранять которую всегда будет еврейская община Германии, достаточно сильная сама по себя, а к тому же еще и поддерживае-

---

[1] См.: *Беленькая М., Сколник Дж.* Российские евреи в Германии: конец пути? // Вестник. 30.03.1999. № 7.

мая международными еврейскими организациями и Израилем. Во-вторых, глубокой и быстрой интеграции препятствуют воспоминания о трагедии Холокоста и периодически напоминающий о себе антисемитизм (местный и зарубежный). В-третьих, обособленность приехавших в Германию «русских евреев» еще долго будет подпитывать мощная русская культура. Ее влияние является столь сильным еще и потому, что среди евреев-иммигрантов немало талантливых представителей этой культуры (писателей, художников, артистов), и к тому же значительная часть «русских евреев» (в том числе и молодых) время от времени «наезжает» на свою бывшую родину.

Просто русские

За последние сто лет Германия встретила четыре волны русской миграции. Первая пришлась на годы после революции и гражданской войны. Берлин был буквально наводнен русскими (в столице Германии и окрестностях проживало тогда около 360 тыс. русских). Позже значительная их часть перебралась в другие страны, прежде всего, во Францию и США. Многие, однако, остались жить в Германии и при Гитлере. После Второй мировой войны здесь снова оказались еще от 200 до 250 тыс. русских. А в середине 70-х начала прибывать небольшая, но весьма влиятельная волна диссидентов, среди которых было немало известных писателей, художников, режиссеров, актеров. После распада СССР большая часть диссидентов вернулась на родину, но зато нахлынула «четвертая волна» мигрантов из постсоветских республик. В основном это были «русские немцы» и «русские евреи», но также просто русские и русскоязычные украинцы, армяне, грузины, казахи и т.д. Часть из них имела родственные связи с немцами («русскими» и «коренными») или евреями, часть приехала на учебу или на работу по контрактам, еще какая-то часть попала в Германию нелегально. Поскольку в одних только семьях репатриантов насчитывается более 40% лиц не немецкого происхождения (большинство из которых, вероятно, русские), можно предположить, что в ФРГ русских сейчас более миллиона.

До распада СССР русскую эмиграцию сплачивало противостояние правящему там режиму. Поэтому центром объединения эмигрантов были политические организации — сначала белогвардейские, затем НТС, с конца 70-х — объединения политэмигрантов-диссидентов. Культурная жизнь эмиграции так или иначе была привязана к жизни политической. Причем русские эмигранты Германии тесно общались со своими бывшими соотечественниками,

живущими в других странах, и культурная жизнь русского зарубежья представляла собой, вплоть до конца перестройки, некое единство, хотя и наполненное острыми внутренними противоречиями, прежде всего политического характера. В эмиграции было много очень ярких личностей, талантливых писателей, публицистов, художников. Издавались журналы («Современные записки», «Новый журнал», «Грани», «Посев», «Континент», «Синтаксис» и др.). Качественный уровень этих журналов, как и выходящей в Париже газеты «Русская мысль», был вполне сопоставим с уровнем советских изданий, но отличался от них отсутствием государственной цензуры, и потому был весьма привлекателен как для эмигрантов, так и для тех советских людей, что имели возможность с этими изданиями ознакомиться. Не менее интересными были и книги, издаваемые в эмиграции.

Культурная и политическая жизнь русской эмиграции тогда, несомненно, оказывала свое влияние на общекультурные процессы Европы, в том числе и Германии. Здесь в разное время жили и писали Николай Бердяев, Федор Степун, Владимир Набоков, Владислав Ходасевич, Гайто Газданов, а потом Георгий Владимов, Лев Копелев, Александр Зиновьев, Владимир Войнович, творили художники Кандинский, Веревкина, Явленский. В берлинском театре Макса Рейнгардта и в кино блистал Михаил Чехов, кинозвездой мирового уровня была Ольга Чехова. С 1951 по 1995 г. в Мюнхене работала радиостанция «Свобода» (до 1959 г. — «Освобождение»), которая стала своеобразным центром не только политической, но и культурной жизни, особенно в годы перестройки, когда там побывал весь цвет русской и советской интеллектуальной элиты.

Сейчас все по-иному. Разумеется, очаги культурной жизни сохраняются в Германии и сегодня. Есть русские библиотеки, магазины русской книги. Действует немало русских культурных организаций — Центр русской культуры в Мюнхене, Общество Пушкина в Бонне, Достоевского в Баден-Бадене, Чайковского во Франкфурте, несколько русских обществ в Берлине и т.д. По-прежнему издаются в Германии русские газеты и журналы. Но уровень их совсем не тот, что прежде.

Важно подчеркнуть, что большинство русских Германии сегодня ощущает себя не эмигрантами из России, надеющимися когда-нибудь вернуться на родину, а ***им***мигрантами, желающими, чтобы если не они, то их дети стали полноценными гражданами ФРГ. Есть все основания предполагать, что это их желание сбудется, поскольку уровень образования русских иммигрантов не ниже среднего по Германии. Но свой мощный культурный центр в Германии русские в ближайшее время вряд ли создадут. Политические организации

русских теперь не сплачивают. Единственное, что их хоть как-то объединяет (да и то, разумеется, только верующих), — это православная церковь. Общее направление русской культурной жизни в ФРГ определяют сейчас театральные и эстрадные гастроли артистов из России, книги, которые издаются в России, фильмы российских режиссеров и, особенно, российское телевидение, доступное сегодня иммигрантам. Творческая деятельность самих иммигрантов вторична, на культуру всей Германии она почти никак не воздействует. Конечно, иммигранты из России заинтересованы в сохранении очагов русской культуры в ФРГ, но очевидно, что их возможности повлиять на будущее политики мультикультурализма совсем невелики.

Еще перед Второй мировой войной Германия стала центром украинской политической эмиграции. В Мюнхене до сих пор находятся руководящие структуры всех трех входивших в Организацию украинских националистов (и враждующих между собой) политических партий. Здесь же были убиты агентом КГБ лидеры националистов Степан Бандера и Лев Ребет. В течение десятилетий украинская диаспора вела весьма активную церковную (в рамках греко-католической и украинской православной церквей) и культурную жизнь. Ооуновцы и сегодня доминируют в общественной жизни украинской иммиграции. В значительной мере потому, что процесс формирования единой нации в Украине еще не завершен и там продолжается борьба конфликтующих между собой сил запада и востока страны. Борьба эта находит свое отражение в жизни украинской диаспоры. Из мигрантов различных национальностей, приезжающих сейчас в Германию из Украины, с украинскими организациями связываются главным образом лишь те, кто поддерживал дома политические силы, представляющие западную часть украинского государства. Образовательный ценз украинцев Германии даже несколько выше, чем в среднем по стране, и профессионально они довольно хорошо подготовлены. В ФРГ украинская иммиграция имеет свои культурные центры и печатные издания, но особого влияния на общегерманскую жизнь она, как и нынешняя русская иммиграция, не оказывает.

Объединения иммигрантов из других постсоветских государств влияют на общественную жизнь Германии еще меньше, чем русские или украинцы. В какой-то мере привлекают к себе внимание грузины (особенно в связи с российско-грузинскими конфликтами) и армяне, у которых в Европе есть очень влиятельная диаспора, но только не в Германии, а во Франции. Помимо русских и казахстанских немцев, евреев, русских и украинцев, мигрантов из постсоветских государств в Германии относительно мало, и выбор политического курса правительством ФРГ от них никак не зависит.

«Югославы»

В начале 2012 г. в Германии было 1 млн 507 тыс. выходцев из бывшей Югославии (почти 10% всех лиц с бэкграундом мигранта). Больше всего людей приехали из Хорватии (360 тыс. — из числа тех, чье происхождение известно). Из Сербии прибыло 286 тыс., из Боснии и Герцеговины — более 240 тыс. Много в Германии албанцев из Косово (по-видимому, не менее 200 тыс.), есть македонцы, словенцы, черногорцы и более 50 тыс. «югославских» цыган.

Почти 60% всех приехавших «югославов» имеют паспорта той страны, из которой приехали, т.е. считаются в ФРГ иностранцами. Первые массовый приток мигрантов из Югославии приходится на начало 70-х. В 1973 г. в ФРГ проживали около полумиллиона гастарбайтеров из этой страны и еще чуть более ста тысяч других иностранцев и политэмигрантов[1]. Почти столько же югославов было в Германии и в 1986 г. Но спустя пять лет начался распад Югославии, который сопровождался жестокими войнами между народами, ее населяющими, и число мигрантов стало быстро расти: в 1991 г. их было 775 тыс., в следующем — уже 915 тыс., а в 2005 г. — 1 млн 730 тыс.[2] Затем численность «югославов» в Германии стала понемногу снижаться. Чтобы поддержать внутри Сербии, Черногории и Македонии те политические силы, что ориентированы на Евросоюз, страны ЕС разрешили сербам и македонцам с 1 января 2010 г. въезжать на свою территорию без визы[3]. Поскольку убежище жителям бывшей Югославии больше не предоставляли и право на работу не давали, к особому увеличению численности «югославских» мигрантов эта акция не привела. Правда, после того, как в июле 2012 г. Конституционный суд ФРГ посчитал необходимым несколько увеличить содержание ожидающих азюля, миграция сербов и македонцев в Германию немного увеличилась. Если в августе в страну приехали, с целью получить азюль, 496 сербов и 620 македонцев, то в сентябре немецкую границу пересекли уже 1396 сербов и 1060 македонцев. Этим, в общем-то, незначительным (по сравнению с общим потоком беженцев) увеличением числа сербов и македонцев тут же воспользовалось правоцентристское правительство, для того чтобы лишить жителей Балкан права на свободный

---

[1] См.: «Crkva i hrvatsko iseljeništvo». Kršćanska sadašnjost. Zagreb, 1982 / «Vjesnik». 14.05.2001.

[2] См.: Statistisches Bundesamt Deutschland: Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2005. Wiesbaden, 2007.

[3] См.: http://www.nachrichten.at/nachrichten/politik/aussenpolitik/art 391,222565.

въезд в Германию и другие страны ЕС[1]. Надо заметить, что немецкие социал-демократы с этим согласились.

Из-за тяжелой многолетней братоубийственной войны бывшие югославы, конечно же, единой общины в Германии создать не могут, хотя воевали друг против друга на той войне люди, имеющие общие этнические корни и говорящие, в большинстве, на одном языке (сербохорватском). На первый взгляд может показаться, что югославские войны 90-х годов были войнами религиозными. Ведь сербы — православные, хорваты и словенцы — католики, боснийцы и албанцы Косова — мусульмане. Но, судя по всему, конфликты тогда возникали не столько из-за различия вероисповедания, сколько из-за разного исторического прошлого. Немецкий эксперт по Балканам Рюдигер Россиг в своей книге о мигрантах из бывшей Югославии в ФРГ утверждает, что югославы народ не особенно религиозный[2]. Исключение — мусульмане из Боснии и Косово. Да и те преданы исламу гораздо меньше, чем их собратья по вере в странах Ближнего и Среднего Востока. А вот история у каждого из народов бывшей Югославии была своя, и она часто сталкивала между собой эти народы.

С начала XIII и до середины XV столетия православная Сербия была независимым государством. В XV в. Сербию завоевала Османская империя, — однако православная церковь добилась для себя права на проведение самостоятельной религиозной и культурно-образовательной деятельности, а в 1557 г. восстановила патриархат (с центром в городе Печ). Северную часть сербских земель (Воеводину) во второй половине XVIII в. у турок отвоевала Австрия, и она вошла в состав империи Габсбургов. В оккупированных турками землях в начале XIX в. образовалось Сербское княжество, автономия которого в 1830 г. была признана султаном. После Балканской войны 1877–1878 гг. Сербия обрела полную независимость.

Что касается Хорватии, то значительная ее часть еще в XI в. вошла в состав Венгерского королевства и вместе с Венгрией попала в состав империи Габсбургов. Другая часть (Истрия и Далмация) оказалась под властью Венецианской республики, и только город-государство Дубровник долго сохранял независимость. Под турками хорваты находились совсем недолго (в XVI в.). С 1797 г. уже почти вся Хорватия была в составе Австрийской империи. Доминирующая религия у хорватов — католичество.

---

[1] См.: Die Zeit. 12.10.2012; http://www.donaukurier.de/nachrichten/topnews/Berlin-Innenminister-beklagt-Asylmissbrauch;art154776,2666625.

[2] См.: Rüdiger Rossig, (Ex-)Jugos. Junge Migrantinnen aus Jugoslawien und seinen Nachfolgestaaten in Deutschland. Berlin, 2008.

История Боснии и Герцеговины представляется особенно сложной. До конца XII в. эти земли входили в состав Византийской империи, а затем Босния стала самостоятельным государством, в середине XIV в. значительно расширившим свою территорию за счет соседей. Христианство в Боснии многие исповедовали в традициях зародившегося в Болгарии учения богомилов. В 1250 г. папа римский объявил крестовый поход против богомилов, который сопровождался массовыми репрессиями и насильственным окатоличиванием боснийцев, что вызвало недовольство значительной части населения Боснии. В 1463 г. Боснию завоевали турки, и она оставалась в составе Османской империи до 1878 г. Многие боснийцы приняли ислам, многие породнились с мусульманами. По решению Берлинского конгресса Босния и Герцеговина после освобождения от турок должны были отойти к Австро-Венгрии, но это вызвало протесты Сербии и поддерживающей ее России. Реализация решения по рекомендации Бисмарка была отложена. В 1908 г. о своих претензиях на Боснию заявила Сербия. Австро-Венгрия в ответ ввела туда войска и аннексировала боснийские земли. Германия встала на сторону Австро-Венгрии. Сербия готова была начать войну, но Российская империя, вначале поддержавшая сербов, вынуждена была, в конце концов, признать австрийскую аннексию. Дальнейшее развитие этой ситуации привело к выстрелам в Сараево и стало поводом для начала Первой мировой войны.

Во время этой войны Сербия воевала на стороне Антанты; Хорватия, Босния и Герцеговина, как части Австро-Венгрии, естественно, за Тройственный (позднее Четверной) Союз. После войны по воле победителей было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС), в 1929 г. получившее название Югославия. Ядром государства, к неудовольствию других народов этой страны, стала Сербия.

В апреле 1941 г. Югославию оккупировала нацистская Германия. Сербы сразу же начали оказывать упорное сопротивление оккупантам, в котором участвовали как коммунистические партизаны хорвата Иосипа Броз Тито, так и отряды монархистов (четники). В Хорватии же было создано гитлеровцами марионеточное государство. Хорватские усташи, воюя против партизан, организовывали погромы населения (ими было замучено и убито несколько сот тысяч сербов, евреев, цыган). Четники отвечали погромами хорватов и мусульман. В Боснии, конечно, сербы, хорваты и мусульмане воевали друг против друга.

Все эти исторические события (особенно периода Второй мировой войны) сохраняются в памяти югославов по сей день. Когда

страна распалась, память о них в гораздо большей степени, чем религиозные различия, стала поводом для разжигания межнациональной розни и кровавых погромов, сопровождавших войны 1991–1999 гг. Очевидно, что взаимное неприятие, обострившееся в ходе этих конфликтов, испытывают в той или иной степени все живущие в ФРГ иммигранты из бывшей Югославии. Именно оно не позволяет им выступить в качестве единой общественной силы в Германии. Кроме того, еще не забытая война оставила в душах бывших югославов довольно значительный запас агрессивности, который порой они выплескивают уже на новом месте жительства, причем не только на своих соплеменников, но порой и на немцев.

Процент мигрантов из Югославии, имеющих законченное школьное образование, существенно ниже, чем у «коренных немцев» (65% и 82%, соответственно). Среди хорватов таких — 74%, боснийцев — 70%, сербов — 63%, албанцев Косова — еще меньше. Еще значительнее отставание в сфере профессиональной подготовки. Если среди немцев лица с профобразованием составляют 67%, то среди хорватов — 50%, боснийцев — 45%, сербов — 40%. Плохое знание немецкого языка и недостаток квалификации мешает «югославам», особенно в условиях экономического кризиса, успешно конкурировать с «коренными немцами» за рабочие места. Многие из них, как и другие мигранты первого поколения, работают нелегально. Словом, адаптация бывших югославов к условиям Германии идет совсем не просто, и, видимо, поэтому несколько сот тысяч из них вернулись на родину. Сейчас в ФРГ общая численность мигрантов из стран, что возникли на руинах Югославии, снижается.

Конечно, различные группы «югославов» в ФРГ имеют свои культурные очаги, но авторитетных в немецком обществе центров, способных адекватно представить культуру этих народов, у них нет. Нет, соответственно, и возможности влиять на выбор Германией политического курса в сфере межнациональных отношений.

Мусульмане Германии

Очевидно, что почти десять с половиной миллионов иммигрантов-европейцев не могут не создавать в Германии определенных проблем. Но все эти проблемы не настолько сложны, чтобы их нельзя было решить в рамках политики мультикультурализма. Не смогли бы заставить немецкое правительство отказаться от такой политики и выходцы из Америки, Индии, Китая, других стран Дальнего Востока и даже

из «черной» Африки. Просто потому, что их относительно мало — все вместе они составляют лишь немногим больше одного процента населения ФРГ. Все дело, видимо, в мусульманах. Их в Германии сейчас примерно четыре с половиной миллиона (5,5% всего населения). Как раз о способности приезжих мусульман безболезненно влиться в жизнь немецкого общества чаще всего сейчас и спорят.

Выходцы из Турции

Больше половины всех мусульман Германии — выходцы из Турции. По официальным данным их в ФРГ к началу 2012 г. было 2 млн 956 тыс., т.е. 3,5% населения страны. В Германии, как правило, всех приезжих из Турции считают турками, но на самом деле среди них немало представителей других этнических групп. Примерно четвертая часть всех мигрантов из этой страны — курды, у которых с турками весьма натянутые отношения; есть черкесы с Кавказа, крымские татары. Будем иметь это в виду, но, чтобы упростить изложение, назовем здесь всех приехавших в Германию из Турции турками и используем лишь официальные данные об их численности.

Первые 150 молодых турок приехали в ФРГ в поисках лучшей доли в 1958 г. Это были времена, когда Германия еще только строила свою сегодня столь мощную экономику. 30 сентября 1961 г. правительство ФРГ подписывает с Турцией соглашение о наборе рабочей силы. Через 10 лет в Германии уже было более 650 тыс. турецких гастарбайтеров. Но к началу семидесятых ситуация изменилась. «Экономическое чудо» уже свершилось, и потребность в притоке рабочей силы стала гораздо меньшей. В 1973 г. был принят закон, ограничивающий приезд новых мигрантов из Турции. Гастарбайтерам было разрешено остаться в Германии. Закон лишь притормозил, но не остановил приток мигрантов из Турции. Дело в том, что в 1975 г. Германия подписала Хельсинкское соглашение, обязавшее ее, наряду с другими членами ОБСЕ, содействовать воссоединению разъединенных семей. В Германию в большом числе стали приезжать родственники гастарбайтеров. В 1981 г. в ФРГ уже проживали 1 млн 800 тыс. турок. Пик пришелся на 1997 г., когда в стране было 2 млн 100 тыс. турецких граждан. Затем численность вновь прибывающих в Германию турок стала понемногу снижаться[1].

Поначалу рожденным в Германии детям турецких граждан без особого труда давали по достижению соответствующего возраста гражданство немецкое. Число граждан ФРГ турецкого происхожде-

[1] Türkeistämmige in Deutschland /Wiki.

ния довольно быстро росло (в 1997 г. гражданство получили 46 тыс. человек, в 1998 г. — 60 тыс., в 1999 г. — 104 тыс.). Но затем закон изменили. После 1 января 2000 г. право на немецкое гражданство могли получить лишь те турецкие дети, что были рождены в Германии и у которых хотя бы один из родителей постоянно проживал в ФРГ, как минимум, 8 лет (второй родитель должен был иметь разрешение на постоянное пребывание в этой стране)[1]. Число турок, ежегодно получающих гражданство ФРГ, стало быстро сокращаться (в 2000 г. таких было 86 тыс., в 2001 г. — 77 тыс., в 2002 г. — 65 тыс., в 2003 г. — 56 тыс.). Всего к началу 2011 г. гражданство ФРГ имели примерно 860 тыс. турок. Гораздо большая их часть (1 млн 630 тыс. человек) сохраняла турецкое гражданство, т.е. считалась в Германии иностранцами.

С 2005 г. в Германии стало сокращаться не только количество вновь прибывающих турок, но и их общее число (как иностранцев, так и немецких граждан). В 2005 г. в ФРГ было 2 млн 812 тыс., а в 2010 г. — 2 млн 485 тыс. турок. До 2011 г. приток новых мигрантов из Турции с каждым годом уменьшался и, в конце концов, он стал меньше, чем отток. Так, в 2010 г. в Германию приехало 27 тыс. турок, а вернулось на родину 33,5 тыс. Правда, в 2011 г. общее число живущих в Германии турок опять выросло. Не исключено, что небольшое увеличение произошло за счет вновь приехавших, но главным образом число официально зарегистрированных турок выросло, по-видимому, благодаря уточнению статистических данных. В 2011 г. удалось выявить большое число турок (или лиц с турецким бэкграундом) среди тех, кто уже проживал в стране. Так,в 2010 г. властям не было известно происхождение 2 млн 493 тыс. мигрантов, а в 2011 г. — только 1 млн 216 тыс. Значит,удалось установить бэкграунд 1 млн 277 тыс. человек, чья национальность ранее не была выявлена. Конечно, в их числе немало турок или же детей, у которых кто-то из родителей приехал из Турции[2].

В конце 2011 г. 47,5% всех проживающих в Германии турок составляли женщины. Процент молодежи среди турецких иммигрантов существенно выше, чем среди «коренных немцев» (25% и 16%,

---

[1] См.: Закон о гражданстве ФРГ (StAG), § 4, абз. 3.

[2] Этот вывод подтверждается тем, что общее число людей с бэкграундом мигранта в ФРГ на конец 2011 г., по данным статистики, увеличилось всего на 216 тыс. человек, тогда численность иммигрантов, чье происхождение стало известно, если судить по данным о регионах происхождения иммигрантов выросла на 1 млн 483 тыс. человек (из Европы — на 1 025 тыс., из Азии — на 388 тыс., из Африки и Америки — на 70 тыс.). Разница в 1 млн 267 тыс. очень близка к числу 1 277 тыс. человек, чье происхождение стало известно именно в этом году.

соответственно), но также выше и процент людей трудоспособного возраста. Живут турецкие мигранты, главным образом, в городах. Стараются селиться компактно. В больших городах Германии у них есть целые кварталы (например, в берлинском Нойкельне) со множеством турецких магазинов, кафе, художественных и спортивных клубов. Работает несколько турецких телевизионных каналов. В Германии построено много мечетей и молельных домов, строятся новые. Имеется масса организаций, как религиозных, так и светских. Внимательно следит за жизнью гастарбайтеров правительство Турции во главе с энергичным премьер-министром Эрдоганом, который часто встречается в Германии со своими земляками.

Очевидно, что турецкая община в ФРГ обладает значительной автономностью. Однако неверно говорить, будто турки создали в Германии абсолютно «параллельное общество», как часто утверждают те, кто их не любит. Параллельные прямые, как известно, не пересекаются, а турки постоянно включены в общегерманскую жизнь. Работают на немецких предприятиях, учатся в немецких школах и вузах, участвуют в тех же социальных процессах, что и немцы. Безусловно, такое включение в жизнь во многом чужого для них общества не является простым. Турки-иммигранты на каждом шагу встречаются с массой проблем и сами создают проблемы. Причем большинство этих проблем связано с их социальным статусом.

Всегда и везде на работу в чужие страны стремятся попасть, прежде всего, люди двух категорий — высококвалифицированные специалисты, у которых нет возможности реализовать свой потенциал на родине, и наиболее бедные и обездоленные, те, что нуждаются в средствах для существования. Сейчас в Германии переизбыток рабочей силы и она заинтересована только в очень хороших специалистах, но в начале шестидесятых ей нужны были те, кто готов был выполнять любую работу, даже самую грязную и тяжелую. На работу в ФРГ отправились крестьяне из самых бедных и запущенных регионов Турции, где у людей не было возможности прокормить семью. Их уровень общего образования и профессиональной подготовки был намного ниже, чем в среднем по Турции, не говоря уже о Германии — одной из самых высокоразвитых стран Европы и мира. Конечно, за прошедшие с тех пор десятилетия образовательный и культурный уровень турецких мигрантов изменился в лучшую сторону, но все-таки прошлое постоянно дает о себя знать.

Очень мешает турецким мигрантам плохое знание немецкого языка. Многие из них именно поэтому не могут занять достойное место в обществе. Лишь каждый пятый турок свободно владеет немецким языком. Остальные говорят по-немецки либо плохо, либо

совсем никак[1]. Недостаточно хорошее знание языка, низкий социальный статус, довольно плохое (по немецким меркам) материальное положение и, конечно же, культурные традиции, не дают возможности получить необходимое для успешной карьеры образование. Образовательный уровень мигрантов-турок ниже уровня и «коренных немцев», и среднего по стране. Практически все немцы старше 25 лет, за редким исключением, имеют законченное школьное образование. Среди турок люди, получившие такое образование, составляют 54% (плюс 21% еще продолжает учиться). Гимназию закончили 17% немцев и только 7,5% турок. Доля турок, имеющих высшее образование, вдвое меньше, чем у немцев.

Турецкие мигранты в числе тех, кто больше всего страдает от безработицы. В 2001 г. почти 42% всех турок работоспособного возраста в немецкой столице не имели работы. Не намного лучше была ситуация в других городах Германии. И десять лет спустя безработных среди турок в два с половиной раза больше, чем среди немцев. Многие турки, особенно турчанки, вынуждены работать нелегально — уборщицами, подсобными рабочими.

Массовая безработица сопровождается ростом преступности в среде турецкой молодежи. В какой-то мере способствует этому и характер семейного воспитания. В три раза чаще, чем немецкие дети, наблюдают маленькие турки случаи насилия в своих семьях; бьют их дома в два раза чаще, чем немецких детей. Привычные к насилию турецкие подростки и сами готовы прибегнуть к нему в конфликтных ситуациях. По данным берлинской полиции, турками совершено в 2 раза больше уличных правонарушений, в 3 раза больше сексуальных преступлений и в три с половиной раза больше преступлений с применением насилия, чем другими жителями столицы ФРГ.

Но не все так уж плачевно. Турецкая молодежь знает немецкий язык гораздо лучше, чем люди старшего поколения. 70% турок в возрасте старше 55 лет говорят главным образом по-турецки. Те же, кому не больше 25 лет, говорят по-турецки лишь в течение трети всего времени их общения с другими людьми. В остальное время они разговаривают либо по-немецки, либо на двух языках. То есть они все больше общаются с немцами, да и в разговорах друг с другом все чаще используют немецкий язык. По данным одного из крупнейших рекламных агентств Европы ARBORmedia (2000), турки старше пятидесяти лет смотрят почти исключительно турецкое телевидение. Те, кому от 30 до 50 лет, три четверти своего телевизионного времени отдают турецкому ТВ, одну четверть — немецкому.

---

[1] См.: Türken sind die Sorgenkinde der Integration // Die Welt. 17.04.2010.

У молодых же все наоборот (75% — немецкое ТВ, 25% — турецкое). Лишь 35% женщин в возрасте от 35 до 65 лет довольно сносно говорят по-немецки. Среди тех, кто моложе (15–35 лет), таких вдвое больше. В целом турчанки, как правило, владеют немецким языком лучше, чем мужчины. И учатся они тоже лучше — чаще заканчивают, к примеру, гимназию[1]. Сравнение показателей 2005 и 2010 гг. демонстрирует, что общий уровень подготовки турецкой молодежи (общеобразовательный и профессиональный) в последнее время растет. Постепенная адаптация молодых турок к условиям жизни в ФРГ идет, хотя и со многими осложнениями.

Адвокат турецкого происхождения Мехмет Даймагюлер в своей автобиографической книге «Нет прекрасных стран в наше время» утверждает, что, несмотря на успешную карьеру, его никак нельзя назвать человеком удачливым. Его отец, приехавший работать на сталелитейные заводы Круппа, всегда мечтал вернуться на родину. На просьбу Мехмета купить ему велосипед он всегда отвечал одно и то же: «Куплю, когда мы вернемся в Турцию». Жизнь в ФРГ казалась ему какой-то призрачной, ненастоящей. Не чувствовали себя в Германии уверенно и его дети. Брат Мехмета стал уголовником, уже в 14 лет он попал под суд. Сам будущий адвокат из-за проблем с языком был постоянным объектом насмешек и оскорблений. Ему с трудом удавалось сдерживать свою агрессивность, порой он впадал в глубокую депрессию. Лишь ценой колоссальных усилий он смог, окончив сначала лишь грундшуле (низшая форма школьного образования), поступить потом в реальную школу, затем в Гарвардский университет и стать юристом. Его жизнь, ставшая в конце концов благополучной, никак не может служить образцом удачной карьеры[2].

В октябре 2011 г. исполнилось 50 лет с начала турецкой миграции в Германию. Как пишет немецкий журналист Максимилиан Попп[3], турки укрепили экономику Германии, дали стране много политиков, успешных предпринимателей, режиссеров, артистов, писателей, художников, но так и не были признаны новой родиной.

Мигранты-мусульмане из других стран

Помимо выходцев из Турции, в ФРГ постоянно проживают, по-видимому, еще около двух миллионов мусульман, приехавших из

---

[1] См.: Türkischstämmige Frauen auf dem Vormarsch // Deutsch-türkische Nachrichten. 08.03.2011.

[2] *Daimagüler M.* Kein schönes Land in dieser Zeit. Das Märchen von der gescheiteten Integration. Güterloch V. 2011.

[3] См.: *Popp M.* Hässliche Heimat // Der Spiegel. 17.10.2011. No 42.

других стран (по данным официальной статистики — 1,5 млн). Точнее оценить их численность трудно, поскольку официальная статистика не делит выходцев из той или иной страны в зависимости от их вероисповедания. Приехали мусульмане в Германию из более чем сорока государств. Самая большая группа (после турок) — мигранты из бывшей Югославии: албанцы из Косова и Македонии, часть боснийцев. Их около полумиллиона. Вероятно, от 400 до 500 тыс. — арабы из стран Ближнего Востока и Магриба; остальные мусульмане — выходцы из Пакистана, Афганистана, Ирана и стран «черной Африки». Общаться между собой все эти группы мусульман могут только на немецком языке, которым большинство владеет лишь кое-как. Мусульмане-«югославы» говорят друг с другом либо на сербохорватском языке, либо по-албански, выходцы из стран средиземноморского бассейна — на арабском языке, некоторая часть мигрантов со Среднего Востока — на языках иранской группы, многие — на тюркских языках. Очевидно, что отсутствие общего языка и общих традиций не дает мусульманам Германии возможности стать единой культурной силой. Поэтому важнейшим центром мусульманства в Германии является самая многочисленная община — турецкая.

Разумеется, мусульман, приехавших в Германию из разных стран, объединяет религия. Но, хотя почти три четверти всех живущих в ФРГ мусульман считают себя глубоко верующими людьми, мечети регулярно посещает меньшинство. Не в последнюю очередь потому, что ислам требует, чтобы Коран читался исключительно по-арабски, а очень многие турки и особенно мусульмане из атеистической в прошлом социалистической Югославии этим языком не владеют. Подавляющее большинство мусульман Германии — сунниты, но есть шииты и алавиты. Ислам не признает единых религиозных центров, и поэтому в ФРГ функционирует множество разрозненных религиозных организаций, как общегерманского, так земельного уровня, но нет ни одного, способного объединить если не всех, то хотя бы большинство мусульман. Турецкий Исламский религиозный союз объединял в 2001 г. всего 90 тыс. мусульман, Исламский совет ФРГ — 97 тыс., остальные — еще меньше.

Отсутствие единого религиозного центра не позволяет мусульманам ФРГ иметь собственное лобби, которое могло бы отвечать за то, чтобы в Германии не нарушались права мусульманского меньшинства, и представлять их общие интересы (как представляет, к примеру, интересы всей еврейской общины Центральный совет евреев Германии). Существует, правда, Исламское объединение культурных центров, пытающееся представлять всех мусульман Германии в диалогах с немецкими властями и общественностью.

Это объединение пытается создать в Германии центры по изучению Корана и усвоению мусульманских духовных ценностей, заботится о духовном попечении мусульман, занимается строительством мечетей и молельных домов, помогает устраивать религиозные праздники и хоронить умерших магометан, старается добиться того, чтобы в общественных школах на уроках религии желающим преподавали основы мусульманского учения. Но так как Турция и другие мусульманские государства не признают Объединение культурных центров Германии, оно не пользуется действительно большим влиянием на иммигрантов, и потому его деятельность не может быть по-настоящему эффективной[1].

[1] См.: http://www.initiative-tageszeitung.de/lexika/leitfaden-artikel.html?Leitfaden ID=121.

Глава 2. Конфликт двух цивилизаций в отдельно взятой стране

Мы уже говорили о том, что в последние десять-двенадцать лет обострились отношения между «коренными» гражданами европейских государств и мигрантами — выходцами из исламских стран. Связано это было как с общими для всей Европы внешними причинами, так и с причинами, характерными для каждой из европейских стран в отдельности. Посмотрим, как эти причины проявили себя в Германии — стране, по праву считающейся локомотивом европейской экономики, занимающей к тому же лидирующее место в политической жизни Европы и всего мира.

Рост антизападных настроений в мусульманском мире

После начала второй интифады в Палестине, трагических событий 11 сентября 2001 г. и вторжения войск западных союзников сначала в Афганистан, а затем в Ирак, у большого числа мусульман стали проявляться радикальные антизападные настроения. Усилилась активность различных экстремистских группировок, причем их деятельность поначалу пользовалась поддержкой широких слоев мусульманской общественности. В 2003–2004 гг. террористические акты самоубийц-исламистов оправдывали очень многие жители мусульманских стран. В частности, действия «Аль-Каиды» признавали тогда справедливыми три четверти мусульман Ливана, две трети всех иорданцев, подавляющее большинство нигерийцев. Но затем волна симпатий к террористам пошла на спад. В 2010 г. число сторонников «Аль-Каиды» в той же Ливане, к примеру, сократилось до 2%[1] (среди мусульман этой страны, по-видимому, до 4%). Подобное снижения числа тех, кто симпатизирует террористам, наблюдалось и в других исламских странах.

Очевидно, схожие колебания настроений по отношению к террористам имели место и среди мусульман Европы. Но в каждой из европейских стран картина была своя. В государствах, примыкающих к бассейну Средиземного моря, к примеру, большинство мигрантов-мусульман — арабы и выходцы из стран черной Африки. В Германии же арабов и черных африканцев относитель-

[1] См.: Report of Pew Research Center. September 17, 2008.

но немного, основную массу приверженцев ислама здесь, как мы знаем, составляют турки. А в Турции даже в 2004 г., на пике антизападных настроений, «Аль-Каиде» большинство населения не симпатизировало. Тогда в поддержку ее действий высказывалось не более 15–20% турецких мусульман. Сейчас же число симпатизантов этой организации в Турции сократилось в пять-шесть раз — до 3% населения. Разумеется, ислам играет важную роль в жизни турок, но фундаменталистские течения в турецком обществе широкой поддержки не имеют. Даже в среде турецких радикалов пантюркизм намного популярнее панисламизма. Надо заметить, что у турок Германии религиозные чувства выражены намного слабее, чем в самой Турции (там религия играет важную роль в жизни 84% граждан, в ФРГ она представляется важной лишь для 44% турецких иммигрантов)[1].

Что же касается прочих мигрантов с Ближнего Востока, то следует заметить, что они, в большинстве своем, прибыли в ФРГ либо в поисках материального благополучия, либо убегая от преследований со стороны радикалов. Религиозные же фанатики из исламских стран Ближнего и Среднего Востока в развращенный, с их точки зрения, западный мир массово, конечно, не спешат. Это подтверждают исследования. В арабских странах религия играет важную роль в жизни 97–98% и очень важную — в жизни 75–80% жителей этих стран[2]. Среди арабов, живущих в Германии, тех, кто очень высоко ставит религиозные ценности, всего 37%. Важно отметить, что мусульмане Германии демонстрируют необычайно высокий уровень толерантности к другим вероисповеданиям. 86% из них считают, что необходимо быть открытым и доброжелательным по отношению ко всем религиям, причем толерантность высоко ценят все, независимо от пола, возраста, конфессии и происхождения[3]. Так что угроза распространения исламского фундаментализма в Германии не так уж велика (хотя совсем ее игнорировать, конечно, нельзя).

Нарастающее раздражение

И все же реакция на возросшую было, а потом пошедшую на спад активность мусульман в Германии была исключительно острой и явно гиперболизированной. Чем же это объясняется? На мой

---

[1] См.: Religionsmonitor 2008 — Muslimische Religiosität in Deutschland.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

взгляд, прежде всего, тем, что в ФРГ как раз в это время (т.е. в первом десятилетии XXI в.) началось несколько запоздалое национальное возрождение.

Запоздалым оно оказалось в силу исторических обстоятельств. Когда была создана Федеративная Республика Германия, даже говорить о национальном возрождении вслух никто не решался. Новому государству покровительствовали западные союзники — победители и оккупанты. Значительная часть земель, которые прежде считались немецкими, а после войны оказались в составе Польши, Чехословакии и СССР, была от Германии отторгнута, по-видимому, навсегда. Та территория, что осталась немецкой, оказалась поделенной между двумя странами. ГДР, к тому же, вела себя по отношению к Западной Германии враждебно. И самое главное: немцы были не просто побеждены, но морально раздавлены — грузом страшных преступлений, совершенных режимом Третьего рейха. О каком национальном возрождении могла тогда идти речь!

Первое поколение немцев, родившихся уже после войны, пыталось очиститься от грехов отцов, активно демонстрируя свою левизну и интернационализм. Идеология этого поколения («людей 68-го года» — социалистов, пацифистов, противников американского империализма и общества потребления) владела умами немцев до конца 80-х. А затем на авансцену выходит второе послевоенное поколение — прагматичное и умеренно-буржуазное. Оно уже не ощущает личной ответственности за то, что сделали их деды («Сколько же можно!»), и пытается получить от жизни весь тот объем наслаждений, что был ими заработан честным и нелегким трудом. Идеалистов же такого рода жизненные ценности никак не могут удовлетворить. Они пытаются предложить что-то свое и все время сдвигаются в сторону от политического центра — кто влево, кто вправо. Левое направление после развала соцлагеря становится все менее популярным. Правые же пытаются строить свою идеологию вокруг идеи национального самоутверждения.

Германия, между тем, сильно изменилась. Она совершила «экономическое чудо» и теперь является едва ли не самой богатой и благополучной страной Европы. Рухнула Берлинская стена и две части одной страны воссоединились. Сегодня немцы могли бы гордиться своей родиной. Но, увы, говорить о величии Германии им по-прежнему не положено. Англичане и французы, добившись куда меньших успехов, могут возвеличивать свое отечество, а немцы — нет. В определенной части немецкого общества (отнюдь не маленькой, если учесть, что Германия — родина романтического идеализма) растет скрытое раздражение.

Общественному раздражению нужен выход. Борьба против общества потребления, за социальные преобразования, вдохновлявшая шестидесятников, сегодня, после развала мировой социалистической системы, не кажется очень уж привлекательным делом. На повестке дня тема патриотизма, роста национального самосознания. А тут как раз в мире начинают претворяться в жизнь идеи, с идеологией возрождения немецкой нации и ее культурных традиций явно не совпадающие. Речь идет о быстро развивающихся процессах регионализации и глобализации, которые нацелены на постепенное стирание национальных границ. Стимулируются эти процессы, прежде всего, международным финансовым капиталом (преимущественно спекулятивным), который заинтересован в том, чтобы оттеснить государство как таковое на второй план. Впрочем, глобализация происходит не только по воле крупного капитала и взаимного переплетения экономических интересов различных стран мира. Стремительное развитие средств массовой коммуникации ведет к тому, что никакие регионы нашей планеты уже не могут сохранять в изоляции от остального мира свою систему ценностей, и эти ценности начинают также переплетаться между собой, как и экономические интересы.

На таком фоне начинает завоевывать популярность идеи формирования в европейских странах (в том числе в Германии) гражданского общества, основанного не на национальных приоритетах, а на мультикультурности. Немецких националистов (и умеренных, и радикальных) такие идеи, конечно, устроить не могут. И они, игнорируя происходящие в мире процессы, пытаются представить дело так, будто весь этот мультикультурализм придуман из-за каких-то там мигрантов, которые сегодня Германии вовсе и не нужны. И что хуже всего — из-за мусульман, малограмотных, агрессивных, враждебных, как они считают, социальному прогрессу и демократии. В ФРГ мусульман представляют, главным образом, турки. На них и ополчились.

Leitkultur и атаки на мусульман

О том, что когда-то турки помогли Германии совершить «экономическое чудо», сегодня стараются не вспоминать. В 70-е годы в ФРГ уже появились излишки рабочей силы, мигрантов теперь приглашали лишь на те работы, что не хотели выполнять сами немцы. Националисты уже тогда начали ворчать: «Пусть уезжают! Будем убирать свое дерьмо сами». Не успели кое-как перекрыть приток новых

гастарбайтеров, как после падения Берлинской стены возникла проблема с восточными немцами (*Ossi*, как их здесь называют), которым совсем непросто было адаптироваться к новым для них условиям. Потом пошел поток мигрантов из бывших стран соцлагеря и Югославии, где в течение 90-х шли кровавые войны. На какое-то время раздражение канализировалось в направлении русских немцев, поляков, румын и особенно «югославов». Хотя и о турках не забывали.

И тут радикализировались исламисты. Мусульмане-радикалы, стараясь отомстить Западу за агрессивные действия в Афганистане и Ираке, руководствуясь своими собственными, давно устаревшими, представлениями о Божьем промысле, стали взрывать дома, поезда, корабли и самолеты с мирными жителями. Объективно этот радикализм исламских экстремистов послужил мощным стимулятором роста национализма в Европе, в том числе и в ФРГ. Появился повод, указывая на исламскую угрозу, добиваться национального единства и возрождения старых немецких традиций, о чем многие жители Германии давно мечтали.

Когда немецкую, да и всю европейскую культуру давила американская «попса», это очень большому числу немцев не нравилось, но протестовать они не смели. Американцы — союзники, долгое время державшие над головой Европы спасительный ядерный зонтик. К тому же это самая могущественная нация в мире, да и культурные корни у американцев и европейцев (в том числе немцев) все-таки общие. Чтобы почувствовать себя сильной нацией, нужно было найти врага. Но не американцев, а кого-то еще, кто совсем не был бы связан с культурными традициями родной страны. И вот такой враг появился. Это самые непохожие, самые чужие и самые опасные — живущие рядом с немцами мусульмане Германии (прежде всего, представители самой большой группы мусульман в ФРГ — турки). И хотя через 3–4 года радикализация мусульманского общества начала спадать (во всяком случае, в турецкой среде), аргументы для оправдания нового немецкого национализма (якобы защищающего народные устои) уже появились. А затем дров в огонь добавил экономический кризис.

Правые экстремисты всегда преследовали мигрантов — избивали, поджигали дома, устраивали, где могли, погромы. И убивали. Национал-экстремисты из одной только неонацистской группы в Тюрингии с 2000 по 2007 г. убили, как минимум, восемь турок и одного грека (да еще женщину-полицейского). А таких групп в ФРГ, по-видимому, не так уж мало. Особенно много хулиганских и просто бандитских акций, направленных против мигрантов, отмечено

во вновь присоединенных землях бывшей ГДР — там и общая экономическая ситуация хуже (соответственно, социальное раздражение сильнее), и уважать закон люди не привыкли. Всего в Германии к концу 2010 г. было 219 правоэкстремистских групп и организаций, в которых насчитывалось 25 тыс. человек. Почти 10 тыс. из них готовы ради достижения своих целей применять насилие[1]. В ноябре 2011 г. министр юстиции признала, что политики явно недооценили масштабы распространения правого экстремизма.

Против иммигрантов, однако, выступают сегодня, увы, не только правые экстремисты. В последние годы в акциях протеста против «засилья мигрантов» стало участвовать все больше вполне добропорядочных людей, даже либеральных и левых взглядов. Они начали кампанию против мусульман под предлогом защиты от исламской опасности немецкой культурной традиции (*Leitkultur*), которая, якобы, имеет в Германии не только христианские, но и иудейские корни (хорошо было бы такое признание сделать лет эдак 80 или 100 назад). Наиболее массово протестуют немцы против строительства мечетей. В ФРГ уже построили около 240 мечетей и 2500 молельных домов. В Дуйсбурге выстроена самая большая мечеть в Европе. Согласно опросам общественного мнения, в 2009 г. 48% немцев не имели ничего против мечетей в Германии, но очень многие (38% всех опрошенных) этого категорически не хотели[2]. Сейчас, боюсь, недовольных строительством новых мечетей еще больше. Часть из них утверждает, что появление большого числа мечетей в Европе, в частности в Германии, подрывает основы христианской цивилизации. Причем говорят это многие из тех, кого еще вчера христианские ценности совсем не волновали. Немало и таких, кто считает, будто мечети своими куполами и минаретами нарушают архитектурный стиль германских городов. Вряд ли этот аргумент так уж серьезен. Турецкие мечети часто строятся по образцу Айя-Софии (в прошлом христианской церкви) или в супермодерном стиле зданий (среди них есть весьма интересные в архитектурном плане сооружения — например, мечеть в баварском Пенцберге). Думается, они куда меньше портят общий вид немецких городов, чем построенные на скорую руку коробки 50-х, стеклянные высотки 60–70-х годов или, к примеру, модная сегодня «ржаво-железная» архитектура. Частично в этом вопросе удалось достичь компромисса — договорились, что минареты и купола мечетей не должны превышать

---

[1] Hamburger Abendblatt. 17.11.2011.

[2] См.: Deutsche Welle, dw-world.de/dw/article/0,,4998045,00, 09.12.2009.

высоту куполов христианских церквей[1]. Кстати, в югендстиле и ардеко, столь типичных для довоенной немецкой архитектуры, совсем немало элементов восточной эстетики. Впрочем, дело здесь, конечно же, не в эстетике, а национальном сознании немцев. То строили мы сами, а это «чужие». Национализм всегда основывается на отталкивании от чужого.

Движение гражданских инициатив, направленное против строительства новых мечетей, наверняка не было бы столь массовым, если бы его участников не волновали чисто практические проблемы. Мол, площадки для строительства мечетей хорошо бы использовать с большей пользой — там можно было бы построить новые детсады и школы, которых всегда не хватает, магазины, спортзалы, места для парковок автомобилей и т.д. Так, защищая свои конкретные интересы, люди волей-неволей втягиваются не просто в борьбу по частным вопросам, но в противостояние двух разных культурных традиций в одной стране, в принципиальный спор о том, каким должно быть общество в Германии — мононациональным или же мультикультурным. Власть же в демократическом государстве не может не реагировать на их позицию (пусть и не всегда хорошо продуманную). Ведь 38, а то и больше процентов населения, да еще активного, — это громадная сила. Политики хорошо понимают: все эти люди — их потенциальные избиратели.

Как бы то ни было, в движение против строительства новых мечетей в немецких городах включается все больше и больше людей (особенно массовым было такое движение в Кельне). В поддержку этого движения высказывались многие известные политики и деятели культуры, причем самых разных идеологических направлений. Среди них был и Мартин Вальзер, самый выдающийся, пожалуй, из современных немецких писателей. Участие Вальзера в этих акциях симптоматично, поскольку он выступает не только против опасности исламизации Германии, но и против так называемого «сионистского лобби». Именно он настаивал на том, что пора отказаться от использования «груза Освенцима» с целью помешать возрождению культурных традиций немецкого народа. Не будучи врагом ни мусульман, ни евреев, Вальзер активно выступает против того, чтобы ислам и иудаизм утверждали себя в Германии в качестве самостоятельной культурной силы. Вчерашний левак, сегодня он, по сути, является убежденным приверженцем монокультурного развития страны, т.е., попросту говоря, немецким националистом.

---

[1] Совсем как в магометанской Испании Средних веков, только там католическая церковь не могла быть выше мечети, а здесь наоборот.

Пример Вальзера демонстрирует, что противостоят политике мультикультурализма в ФРГ не отдельные организации гражданской инициативы, не правые, не левые и не либералы, а те общественные силы разных политических направлений, для которых важнее всех прочих ценностей возрождение немецкой нации. Их можно было бы назвать *патриотами,* но именно к таким «патриотам» относится известное выражение Сэмюэля Джонсона о патриотизме, что хуже подлости, которое так любил повторять Лев Николаевич Толстой.

Мартин Вальзер, безусловно, очень талантливый художник, но он человек с весьма путаной политической биографией. В молодости был солдатом вермахта и даже, видимо, членом нацистской партии, в 60-е годы — радикальным «леваком», затем стал националистом. Его публичные выступления почти всегда парадоксально противоречивы и скандальны. Такому человеку массы особенно доверять не будут. Не годились в лидеры национального движения и другие потенциальные претенденты. Например, Герд Шульце-Ронхофф, который, во имя освобождения немцев от «груза Холокоста», сначала попытался избавить Германию от значительной доли ответственности за Вторую мировую войну (в книге «Война, у которой много отцов»), а затем пояснил, что едва ли не важнейшей причиной аннексии Гитлером Чехословакии была мультикультурная природа этого государства (книга «Чешско-немецкая драма 1918–1938 годов»). Но как ни старался Шульце-Ронхофф, не пробился он в вожди националистов. Во-первых, потому что слишком уж правый, во-вторых, потому что в прошлом генерал (а генералов недолюбливают интеллектуалы), и, наконец, потому что большинство его аргументов опровергнуто историками. Вот и не было до самого последнего времени у националистов авторитетного идеолога. В 2010 году он, наконец, появился. Никакой не радикал, а вполне всеми уважаемый специалист банковского дела, социал-демократ Саррацин.

В августе 2010 года в Германии вышла книга «Deutschland schaff sich ab» («Германия самоликвидируется»)[1]. Автор книги не писатель, не публицист и, в общем-то, не политик, а финансист — член Совета директоров Немецкого федерального банка Тило Саррацин. Казалось бы, что интересного может найти в книге, написанной банкиром, широкий круг читателей? И тем не менее, книга эта стала настоящей сенсацией. Уже за первые четыре месяца было продано

[1] *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab. München, 2010. [Издание на рус. яз.: *Сарацин Т.* Германия: самоликвидация / Пер. с нем. М.: Рид Груп, 2012.] Цитаты из книги Т. Сарацина далее приводится в собственном переводе автора статьи.

1 миллион 200 тысяч экземпляров, через год — около двух миллионов (невиданный объем продаж для книг отнюдь не развлекательного жанра). Книга переиздавалась уже более 20 раз, в библиотеках, чтобы ее прочитать, надо записываться в очередь.

Тезисы Саррацина

О чем же рассказывает нам книга, наделавшая столько шума? Хотя критика в адрес автора касалась, в основном, его негативного отношения к мусульманам Германии, глава, посвященная мигрантам, — это всего лишь одна шестая часть работы Саррацина (хотя тема миграции, конечно, проходит сквозной линией через всю книгу).

Обеспокоенность судьбой Германии

Подзаголовок книги — «Как мы ставим свою страну на карту» — демонстрирует намерение Саррацина обнаружить причины, по которым Германия, по его мнению, может оказаться на краю гибели как национальное государство. Саррацин ищет признаки приближающегося крушения, подробно рассматривает вопросы, касающиеся проблем бедности и социального неравенства, безработицы и правительственной политики в сфере занятости, недостатки системы образования и т.д. Многие его замечания и выводы, несомненно, справедливы и поэтому вызывают у читателя доверие к автору.

Больше всего, пожалуй, Саррацина волнуют проблемы демографии, в частности, продолжающаяся тенденция падения рождаемости, что ведет к уменьшению доли работоспособного населения в стране. Пугает его явно неудовлетворительный уровень общей и профессиональной подготовки молодежи, из-за чего снижается интеллектуальный потенциал всех тех, кто занят в науке и производстве. Касаясь вопроса о преодолении бедности, Саррацин признает, что социальная помощь людям, живущим на грани бедности, необходима, и она дает некоторые положительные результаты. Но предоставление такой помощи имеет и серьезные негативные последствия, поскольку снижает у лиц, получающих помощь, чувство социальной ответственности, уменьшает стремление трудиться, повышать свой уровень образования. Саррацин выступает против предоставления малообеспеченным слоям населения чрезмерной социальной поддержки и считает решающим фактором в борьбе с бедностью качественную перестройку всей системы занятости и социального страхования.

Разумеется, государство должно материально поддерживать инвалидов и стариков. Трудоспособное же население должно иметь не только возможность трудиться, но и соответствующее желание. «Смысл современного социального государства заключается в том, — пишет Саррацин, — чтобы никто из-за вынужденной безработицы не оказался в бедственном положении. Того, кто в силу сложных обстоятельств не может обменять на хлеб свой труд, солидарное сообщество должно временно содержать без такого обмена... Но будет, строго говоря, социальным злоупотреблением, если кто-то будет получать государственное пособие, за которое он, при наличии объективных возможностей, не предоставит ответную услугу»[1].

По мнению Саррацина, следует добиваться того, чтобы работоспособным людям было невыгодно существовать за счет государственного пособия, чтобы они всегда стремились найти работу. Для этого необходимо, помимо соответствующего воспитания молодежи и снижения неоправданно высокой, по мнению Саррацина, социальной помощи, еще и сделать такую работу лучше оплачиваемой. Для чего Саррацин предлагает повысить реально получаемую работником зарплату за счет уменьшения или снижения различного рода начислений на нее. Такая мера, конечно, уменьшит поступления в госбюджет, но зато «для многих получателей социальных пособий она послужит стимулом для того, чтобы предпочесть пособию по социальному страхованию лучше оплачиваемую работу»[2].

Саррацин критически оценивает целый ряд существующих ныне в ФРГ практик в сфере социального страхования, образования и занятости и предлагает свои решения. Какая-то часть из них экспертам представляется спорной, но многие предложения, очевидно, являются конструктивными. Поскольку тема этой работы — мультикультурализм, сконцентрируемся все же на том, что имеет к ней прямое отношение, — на проблеме мигрантов.

Мусульманская угроза — реальная или мнимая?

Любому непредвзятому читателю очевидно: автора книги о Германии, которая якобы сама себя уничтожает, волнуют не только вопросы процветания страны и благополучия ее жителей, но и необходимость сохранить мононациональный тип немецкого государства. В принципе, его не очень беспокоят те мигранты, что

---

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 152–153.

[2] Ibid. S. 160.

готовы влиться в традиционное немецкое общество, признать своим его культурное наследие, даже если их вклад в экономику ФРГ меньше, чем вклад немцев. Основную опасность, по мнению Саррацина, представляют мигранты-мусульмане, которые интегрироваться в чужую для них немецкую культуру не хотят. Проблемы, которые возникают по вине мусульман, он предлагает сгруппировать следующим образом.

— Пребывание мусульман в Германии создает серьезную дополнительную нагрузку для экономики этой страны.

— Мусульмане малообразованны и плохо подготовлены к современной европейской жизни.

— Они постоянно создают конфликты в обществе, занимаются нелегальным бизнесом, склонны к насилию.

— У мусульман много детей, что в ближайшей перспективе радикально изменит демографическую ситуацию в ФРГ.

— Мусульмане не хотят интегрироваться в немецкое культурное пространство и предпочитают создавать свое «параллельное общество», что грозит Германии сменой ценностных приоритетов.

— Гипертрофированная религиозность мусульман имеет тенденцию развиваться в направлении фундаментализма.

«На эту группу приходится от 70 до 80% всех проблем мигрантов в сфере образования, занятости, получения некомпенсированных трудом пособий и преступности»[1], — пишет Саррацин о мусульманах. Причем социальные проблемы он тесно увязывает с проблемами, так сказать, цивилизационными. Такое переплетение разного рода проблем, конечно, имеет место в реальной жизни, но автор книги явно преувеличивает связь общественного поведения мигрантов-мусульман с их вероисповеданием и не пытается отделить социально-экономические проблемы от культурно-религиозных даже там, где это сделать возможно. А между тем, предпринять такую попытку имело бы смысл, поскольку вопросы социальные и духовные решаются по-разному. По сути, перспективы формирования мультикультурного гражданского общества в первую очередь зависят от того, можно ли путем решения социально-экономических проблем мигрантов создать обстановку бесконфликтного сосуществования в одном государстве различных культурных и религиозных сообществ. У Саррацина ответ на этот вопрос готов заранее: нет, нельзя! И под этот ответ подбираются аргументы. Все свои социологические выкладки Тило Саррацин использует лишь для того, чтобы подтвердить свою позицию, вы-

[1] Ibid. S. 262.

работанную *a priori*. И при этом сознательно или невольно манипулирует данными статистики.

Чтобы подчеркнуть исходящую от мусульман опасность, Саррацин явно преувеличивает их численность в Германии. Так он пытается доказать, что в 2007 г. в ФРГ проживало от шести до семи миллионов мусульман, хотя официальной статистикой подтверждено постоянное проживание лишь 3 млн 998 тыс. выходцев из Турции, Боснии и Герцеговины, из стран Ближнего и Среднего Востока и из Африки[1]. Можно согласиться, хотя и с определенными оговорками[2], что численность иммигрантов из исламских стран действительно составила в том году около 4 млн человек. Но четыре и даже четыре с половиной миллиона — это никак не шесть или семь. Откуда же взялись еще два или три миллиона? Проблема в том, что в 2007 г. не было известно происхождение 4 млн 586 тыс. мигрантов. Довольно большая цифра, и она дает повод для спекуляций. Саррацин этим поводом воспользовался.

Если предположить, что доля мусульман в группе неизвестных составляет такой же процент, как и в группе лиц с бэкграундом мигранта, чье происхождение известно (т.е. 37%), то примерно 1 млн 700 тыс. из 4 млн 586 тыс. человек, происхождения которых тогда не знали, должны были бы быть мусульманами. Общее число мусульман в таком случае составило бы 4,7 млн человек. Это очень много, но Саррацину, чтобы напугать читателя, нужно еще больше. И он заявляет: доля мусульман выше, поскольку детей у мусульман больше, чем у прочих мигрантов. За сим следует совершенно произ-

---

[1] См.: Statistische Bundesamt: Fachserie 1 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit, Reihe 2.2 Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2007. Wiesbaden, 2009.

[2] Саррацин, приводя на с. 283 своей книги соответствующую таблицу, считает все 3 млн 998 тыс. человек мусульманами, тогда как Федеральное управление статистики этого вовсе не утверждает. И действительно, как можно утверждать, к примеру, что все 215 тыс. выходцев из Казахстана — мусульмане, если подавляющее большинство из них немцы-переселенцы, русские или евреи. Такой же примерно состав мигрантов из других государств постсоветской Азии. Среди прибывших боснийцев тоже около половины, скорее всего, не мусульмане, а христиане (в самой Боснии мусульман менее половины). Да и не все выходцы из стран африканского континента верят в Аллаха. Так что от 4 млн нам следует отнять, как минимум, четыреста или пятьсот тысяч. Правда, к числу мусульман из упомянутых выше районов следует, по-видимому, добавить еще живущих в ФРГ албанцев Косово, но их число намного меньше 400 тыс., так что в 2007 г. общая численность мусульман в Германии, о которых известно их происхождение, была все же никак не больше 4 млн.

вольный вывод: мусульман в ФРГ было в 2007 г. от 6 до 7 млн[1]. Такой вывод возможен лишь при условии, что в группе из 4 млн 586 тыс. мигрантов неизвестного происхождения было от 2 до 3 млн (т.е. от 45 до 65%) мусульман. То, что детей у мусульман неизвестного происхождения должно быть примерно столько же, сколько и у тех мусульман-мигрантов, чья родина известна, Саррацина почему-то не смущает.

Сравнив данные статистики за 2007 и за 2010 гг., нетрудно обнаружить несостоятельность расчетов Саррацина.

Общая численность мигрантов увеличилась совсем незначительно — на 300 тыс. (менее чем на 2%). Но зато на два миллиона человек стало меньше мигрантов неизвестного происхождения. Кто же они — люди, чья тайна происхождения теперь раскрыта? Действительно ли доля мусульман среди них составляет, как полагает Саррацин, от 45 до 65%?

Ничего подобного. Общая численность мусульман увеличилась примерно на 520 тыс.: африканцев осталось столько же, сколько и было в 2007 г., число турок и боснийцев уменьшилось почти на 120 тыс., на 640 тыс. стало больше выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока. Если мы соотнесем 520 тыс. выходцев из исламских стран с двумя миллионами мигрантов, чье происхождение стало известно после 2007 г., то увидим, что мусульмане в этой группе составляют вовсе не 65, не 45 и даже не 37%, а всего лишь 26%[2]. Хочу обратить внимание еще и на то обстоятельство, что из 640 тыс. мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока, о которых шла речь выше, 515 тыс. — выходцы из Казахстана, а они, как уже было сказано, в подавляющем большинстве вовсе не мусульмане. Так что, судя по всему, численность мусульман за последние три года не увеличилась, а уменьшилась. Увеличилось же, причем значительно (на 1 млн 650 тыс.!), число приехавших в Германию европейцев. Из них почти миллион — это бывшие или нынешние граждане стран Евросоюза.

Такая вот получается арифметика.

Все сделанные Саррацином многомиллионные добавки к 3 млн 998 тыс. мусульман — не что иное, как плод его авторской фантазии. Нет в Германии ни шести, ни семи миллионов мусульман. Нет, видимо, и пяти, их в ФРГ намного меньше.

---

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 261–262.

[2] Мы проигнорировали, чтобы не осложнять расчеты, вполне обоснованное предположение, что среди 300 тыс. человек, на которое увеличилось за три года общее число мигрантов, четверть или треть приехали из мусульманских стран (а значит, их общее число в интересующей нас группе на 70–100 тыс. меньше, чем полмиллиона, и доля, соответственно, меньше четверти).

С целью продемонстрировать читателю величину создаваемой мусульманами нагрузки на бюджет ФРГ, Саррацин приводит цифры, показывающие, что среди «коренных немцев» тех, кто живет, в основном, за счет пособий, 10,4%, а среди турок — 38,7%, среди всех мусульман-мигрантов — 43,6%. Разница, как мы видим, весьма существенная. Сам собой напрашивается вывод: мусульмане предпочитают жить за счет государственной помощи, поскольку не любят работать (лентяи) и еще потому, что их женщинам работать не положено. Автор книги подчеркивает, что процент мигрантов из стран Евросоюза, получающих пособие, мало отличается от среднего по стране, и делает вывод: «Значит, не статус мигранта как таковой является причиной возникновения экономических интеграционных проблем»[1]. Здесь Саррацин ставит точку, но мысль требует естественного завершения: *нагрузка на бюджет повышается именно из-за мигрантов-мусульман.*

Конечно, дополнительная нагрузка на госбюджет имеет место, но поскольку мусульман относительно немного (4,5 млн), она все же не так уж велика (если б их было, как считал Саррацин, 7 млн, она была бы более впечатляющей). В таблице, приведенной Саррацином, есть и другие цифры, но их он предпочитает не комментировать. Своим трудом зарабатывают средства на жизнь 41,4% всех жителей Германии, 43% немцев, 34% турок, 34% всех мусульман. Разница в желании трудиться между немцами и мусульманами не столь уж велика. Если учесть, что уровень вынужденной безработицы среди мусульман много выше и детей у них, действительно, больше, то будет очевидным: говорить о том, что мусульмане недостаточно трудолюбивы, нет никаких оснований. Иное дело, что их труд — менее квалифицированный и, как следствие, плохо оплачиваемый — не дает возможности прокормить семью без различных форм социальной помощи. И даже нелегальная работа, которой часто вынуждены заниматься турки (как правило, та, что не хотят выполнять сами немцы), — это все-таки тоже труд на благо немецкого общества, хотя и в обход закона.

Несомненно, Саррацин прав, утверждая, что мусульмане Германии в целом менее образованы и менее подготовлены профессионально, чем немцы. Более того, старшее поколение турецких мигрантов имеет более низкий уровень образования, чем, в среднем, турецкие граждане в Турции. Сложности с овладением немецким языком мешают туркам в Германии в большей мере, чем, к примеру, итальянским мигрантам или русскоязычным евреям, которые получили у себя на родине общеобразовательную, а часто и профес-

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 283.

сиональную подготовку примерно такого же уровня, что и немцы. Туркам же приходится начинать все с азов, причем турецким школьникам не приходится рассчитывать в учебе на помощь родителей. Плохо подготовленные подростки имеют мало шансов на карьерный рост и чаще других оказываются на нижних ступенях общественной лестницы, где привычным делом являются социальные конфликты и высок уровень преступности. Все эти проблемы социальные. Безусловно, влияют на возможность получения мусульманскими детьми и подростками хорошего образования и те ценностные установки, что доминируют в их семьях. Хочу, однако, заметить: влияние культурно-религиозных традиций страны, откуда приехали родители, на общее развитие детей мигрантов можно будет в полной мере оценить лишь тогда, когда будут решены проблемы социальные. А до этого, увы, еще далеко.

Что касается Саррацина, то он связывает низкий уровень образования мусульман-мигрантов не столько с социальными причинами, сколько с наследственностью. В интервью журналу «Ди Цайт» сразу после выхода книги он сказал: «Научно доказано, что интеллект на 50–80% передается по наследству. То, о чем я говорю, следствие простого логического анализа: Если у людей со слабым, в среднем, интеллектом будет высокая рождаемость, упадет средний уровень интеллекта всей популяции»[1]. Ученые единодушно опровергают эти слова. Американский генетик Гарри Острер, на работу которого «Дети Авраама» ссылался Саррацин, говорит, что тот абсолютно некорректно интерпретирует результаты его исследований[2]. Специалист по исследованию интеллекта Эльзбет Штерн утверждает: фраза, сказанная Саррацином, демонстрирует, что тот совершенно не понимает сути вопроса о возможностях наследования интеллекта. Приводимые им примеры того, что человек с IQ в 100 баллов за 50–80 из них должен быть благодарен своим генам, вовсе не дают основания подобным образом измерять интеллект человека[3].

Проблемы с рождаемостью

Саррацин, однако, уверен в своих выводах, и поэтому его особенно беспокоят проблемы демографические. Численность населения Германии все время падает, причем это падение происходит относительно медленно лишь потому, что, благодаря улучшающимся условиям жизни и прогрессу медицины, растет продолжительность

---

[1] Die Zeit. 26.08.2010.
[2] The European. 08.09.2010.
[3] Zeit online. 02.09.2010.

жизни стариков. Новорожденных же в ФРГ с каждым годом становится все меньше. По мнению Саррацина, немецкие женщины рожают сейчас едва ли не меньше всех в Европе (да и в мире, по-видимому, меньше немок рожают лишь японки. — *В.М.*). Поскольку перспективы деторождения связаны, в первую очередь, с численностью женской половины человечества, автор книги приводит таблицы, составленные в Секретариате ООН, где сравниваются данные, касающиеся числа девочек, приходящихся на одну женщину в Германии, с такими же данными в других странах мира. Результаты для немцев весьма неутешительны. В 2010 г. среднее число родившихся девочек на одну женщину в мире равнялось 1,09, в слаборазвитых странах — 1,73, в Африке — 1,78, в западной Азии — 1,37, в США — 1,01, в Европе — 0,71, причем во Франции — 0,91, в Англии — 0,89, в Италии — 0,66, а в Германии — 0,64 (!)[1]. По сравнению с шестидесятыми годами прошлого столетия рождаемость в ФРГ упала почти на 50% (даже больше, чем в Японии и Италии). Правда, шестидесятые годы вряд ли можно считать показательными, так как в ФРГ именно на это время приходился пик послевоенной рождаемости.

Резкое падение рождаемости в Германии началось не сейчас, а более ста лет назад. В 1890 г. там на одну женщину приходилось более пяти детей, а через двадцать лет — всего лишь двое. А между тем, эти двадцать лет были годами бурного экономического роста. Потом началась Первая мировая война, за которой последовала разруха, затем мировой экономический кризис, нацизм, Вторая мировая война и опять разруха. Были небольшие подъемы рождаемости после войн и во времена Третьего рейха, но, в конце концов, в начале 1970-х среднее число детей, приходящихся на одну немецкую женщину, уменьшилось до 1,3 (примерно половина из них девочки). Далее ситуация стабилизировалась и в течение вот уже сорока лет (далеко не самых худших, с экономической точки зрения) держится примерно на одном и том же уровне.

Ни для кого не секрет, что экономический и социальный прогресс (рост материального благополучия, повышение уровня образования и развитие демократии, предполагающее эмансипацию женщин) сопровождается падением рождаемости и старением населения. Безусловно, это очень важная проблема, и ею следует всерьез заниматься не только в Германии, но и во всем мире. Не совсем понятно только, при чем здесь мигранты. Саррацин прекрасно понимает, что без мигрантов рождаемость в Германии была бы еще меньше. Более того, если оправдаются прогнозы ООН и число де-

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 334, 337.

вочек на одну жительницу ФРГ увеличится, то произойдет это, не в последнюю очередь, благодаря мигрантам. Особенно благодаря выходцам из мусульманских стран, поскольку уровень рождаемости у иммигрантов-европейцев тоже низкий.

Казалось бы, мигранты лишь помогают Германии избежать самоликвидации, на опасность которой Саррацин намекает названием своей книги. Но нет. Автор книги ясно дает понять: ожидаемый упадок Германии произойдет не только потому, что в стране сократится численность населения и оно постареет, но и потому, что в ней будет много чужеродных элементов, не желающих жить по-немецки. И это, по Саррацину, ничуть не меньшая опасность для Германии, чем общее сокращение числа ее жителей. Саррацина очень пугает тот факт, что мусульманские женщины начинают рожать раньше и рожают больше, чем немки, — ведь это означает, что доля мусульман в общей численности населения будет расти. Ссылаясь на данные Федерального статистического управления за 2008 г., Саррацин пишет: женщины из стран Ближнего и Среднего Востока, а также Африки (все, с его точки зрения, мусульманки) в возрасте от 15 до 35 лет составляют 6,5% всех женщин Германии этой возрастной группы, а родили они 13,5% всех детей от женщин ФРГ этого возраста. Немки же составляют 75% всех женщин этой возрастной категории, а их дети — только 60% детей женщин соответствующего возраста[1]. Если такая тенденция сохранится, то через несколько десятилетий мусульмане в Германии могут оказаться в большинстве. Такая перспектива Саррацина никак не устраивает. В интервью журналу «Шпигель» после выхода книги он заявил: «Я бы не хотел, чтобы страна, в которой будут жить мои внуки или правнуки, была бы по большей части мусульманской, где на улицах говорили бы по-турецки или по-арабски, где женщины ходили бы в платках, а ритм жизни задавал призыв муэдзина с минарета»[2]. Не уверен, что немецкие девушки из компании панков или «готов», покрытые татуировкой и с кольцами во всех местах, выглядят лучше, чем молодые мусульманки в хиджабах, но, в конце концов, это дело вкуса. В любом случае опасность мусульманского засилья Саррацин явно преувеличивает.

Не будут его внуки жить в исламской Германии. Прогнозы, сделанные Саррацином, вряд ли подтвердятся. Во-первых, потому, что приводимые им данные лишь создают видимость того, что мусульманки *намного* больше рожают. Да, они начинают рожать раньше, чем немки, но те больше рожают в возрасте старше 30 лет, и общий

---

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 358–359.

[2] Spiegel. 2010. No36.

разрыв в числе рождений у немок и у мусульманок не столь разителен, как может показаться с первого взгляда. Хотя рождаемость, конечно, у немцев очень низкая, и, если бы ситуация не изменялась, доля лиц с мусульманским бэкграундом в общей численности населения Германии, несомненно, продолжала бы расти.

Но в том-то и дело, что ситуация меняется. Но не потому, что немки стали рожать больше. Совсем не в том направлении, как предполагал Саррацин, меняется численность мусульман Германии. Мы не знаем точно, сколько их сейчас в ФРГ, поскольку Федеральное управление статистики таких цифр не дает, но, судя по косвенным данным, их в последние годы не больше, а меньше. Известно, что после 2005 г. вернулись на родину не менее 120–150 тыс. мусульман из бывшей Югославии (боснийцев и албанцев Косова). И численность мигрантов из Турции несколько сократилась. В 2004 г. в ФРГ постоянно проживали 1 млн 760 тыс. лиц с турецкими паспортами, а в конце 2011 г. таких людей стало почти на 10% меньше (1 млн 600 тыс.). Кто умер, кто уехал, новых же мигрантов из Турции не прибавилось. Соответственно и общее число лиц с турецким бэкграундом в 2011 г. продолжало снижаться.

Но дело не только в этом. Саррацин, как правило, сравнивает нынешнюю численность мусульман Германии (четко не определяя, кого он имеет в виду) с их гипотетической численностью в будущем (например, в 2050 г.). Если же мы опустимся из заоблачных высей на землю и проследим за динамикой изменения численности самой большой — турецкой — группы мусульман за последние пять лет, то увидим совсем иную перспективу. Молодые турчанки, выросшие уже в Германии, рожают не так рано и не так много, как рожали их бабушки и матери. Мы уже говорили о том, что они учатся лучше, чем турецкие ребята, чаще кончают гимназии и, соответственно, намного больше заинтересованы в карьерном росте, чем турчанки старшего поколения. Сравнив соотношение представителей различных возрастов в общей массе турок в 2005 и в 2010 гг., мы увидим, что оно поменялось вовсе не в сторону роста числа новорожденных и доли молодых возрастных групп.

Сравнивая данные статистики за 2005 и 2010 гг., мы можем сделать несколько выводов, которые никак не подтверждают прогностические заключения Саррацина. Оказывается, за пять лет общая численность турок в Германии не выросла, а несколько сократилась (в 2011 г. она вновь несколько возросла, но причина этого роста, как отмечено выше, пока не ясна). Их доля во всем населении ФРГ, правда, увеличилась, но лишь едва заметно (2,9% в 2005 г. и 3% в 2010 г.). Произошло это, однако, не за счет роста рождаемости ту-

Таблица 1.4

Численность жителей ФРГ в зависимости от пола и возраста (2005)

ГРУППЫ:	Общее число (тыс.)	Средний возраст	До 5 лет (тыс.)	5–15 лет (тыс.)	15–20 лет (тыс.)	20–65 лет (тыс.)	св. 65 лет (тыс.)
Все жители	**82,465**	**42,3**	**3,540**	**7,950**	**4,920**	**50,285**	**15,760**
женщины	42,130	43,8	1,740	3,860	2 370	24,970	9,190
мужчины	40,335	40,8	1,800	4,090	2,550	25,315	6,570
Немцы	**67,100**	**44,4**	**2,370**	**5,710**	**3,740**	**40,740**	**14,570**
женщины	34, 590	46,0	1,160	2,785	1,800	20,280	8,565
мужчины	32,510	42,7	1,210	2,925	1,940	20,460	6,010
Турки	**2,500**	**31,3**	**100**	**440**	**225**	**1,635**	**100**
женщины	1,190	30,9	50	215	105	790	30
мужчины	1,310	31,6	50	225	120	845	70

Таблица 1.5

Численность жителей ФРГ в зависимости от пола и возраста (2010)

ГРУППЫ:	Общее число (тыс.)	Средний возраст	До 5 лет (тыс.)	5–15 лет (тыс.)	15–20 лет (тыс.)	20–65 лет (тыс.)	св. 65 лет (тыс.)
Все жители	**81,715**	**43,8**	**3,280**	**7,390**	**4,260**	**49,640**	**17,145**
женщины	41,655	45,1	1,600	3,595	2,095	24,645	9,760
мужчины	40,060	42,1	1,680	3,795	2,165	24,995	7,385
Немцы	**65,970**	**45,9**	**2,135**	**5,125**	**3,150**	**39,900**	**15,660**
женщины	33,830	47,3	1,040	2,500	1,525	19,770	8,995
мужчины	32,140	44,3	1,095	2,625	1,625	20,130	6,665
Турки	**2,485**	**35,2**	**75**	**290**	**225**	**1,725**	**170**
женщины	1,185	34,9	35	140	105	830	70
мужчины	1,300	35,4	40	150	120	895	100

рецких женщин, а за счет уменьшения числа новорожденных в немецких семьях. Турчанки продолжают рожать несколько больше, чем немки, но по сравнению с 2005 г. рождаемость у них тоже снизилась, причем быстрее, чем в группе немецких женщин. *За пять лет у турчанок родилось на 25% меньше детей, чем в предшествующую пятилетку (100 тыс. новорожденных в 2001–2005 гг. и только 75 тыс. — в 2006–2010 гг.)!*

Более того, *турецкое население ФРГ постарело в большей мере, чем немцы.* В 2005 г. средний возраст немцев Германии составлял 44,4 года, а спустя пять лет — 45,9 лет. За пятилетку они постарели на полтора года. Средний же возраст турецких мигрантов в 2005 г. составлял 31,3 года, а в 2010 г. — 35,2 года. Турки постарели за это же время почти на 4 года (мужчины и женщины в равной мере). Общая доля детей и подростков до 20 лет в турецких семьях в 2010 г. была все еще большей, чем в немецких (соответственно, 23,7% и 16%), но она стала существенно меньшей, чем в 2005 г., когда дети и подростки составляли 30,6% всех турок-мигрантов. То есть *доля детей и подростков (девочек в равной пропорции с мальчиками) в турецкой общине за пять лет сократилась на 22,6%!* Конечно, пять лет — недостаточно большой срок, чтобы определить долговременные тенденции рождаемости и старения различных групп населения ФРГ, но очевидно: Саррацин сознательно или подсознательно («по зову сердца», как говорится) перекручивает факты и тем самым многократно преувеличивает угрозу «мусульманизации» Германии.

Хочу заметить, что доля людей трудоспособного возраста среди турок Германии выше, чем среди немцев (69,5% и 60%). Процент пожилых людей старше 65 лет, получающих пенсию, напротив, среди турок в три с половиной раза меньше, чем среди немцев (6,7% и 23,7%). К тому же пенсии у турок в среднем куда более низкие, чем у немцев, а значит, бюджетные расходы на среднестатистического пенсионера-турка намного меньше, чем на пенсионера-немца. В целом *доля тех возрастных групп, что «нагружают бюджет» (дети, подростки, старики), у турок почти на 10% меньше, чем у немцев.* Даже с учетом того факта, что уровень безработицы у турок выше, чем у немцев, никак нельзя утверждать, будто иммигранты турецкого происхождения сидят паразитами на шее у немецкого народа. Подавляющее большинство турок трудоспособного возраста все же работает (легально или нелегально), причем часто на самых тяжелых и грязных работах. И своим трудом эти люди, несомненно, способствуют росту благосостояния всех жителей ФРГ. Саррацину, перед тем как заявить, что «экономически мы не нуждаемся в мусульманской миграции» и что мусульмане (в частности, турки) лишь

отягощают немецкую экономику, стоило бы внимательнее проследить, как изменяются во времени данные, публикуемые Федеральным статистическим управлением. Кстати, эти данные демонстрируют не только наличие очень высокого процента трудоспособных людей в турецкой общине Германии, но и их недостаточную востребованность. Безусловно, турецкие мигранты могли бы сделать для Германии больше, чем они делают. Куда полезней было бы, мне кажется, не пугать людей исламской опасностью, а подумать о мерах, которые помогли бы наиболее эффективно использовать трудовой потенциал живущих в ФРГ мусульман.

«Параллельное общество»

Зачем же все-таки Саррацин искусственно подгоняет факты? По-видимому, для того, чтобы его читатель проникся ощущением опасности исламизации Германии, которая в действительности не столь уж велика. Мусульмане в ФРГ не устраивают его, думаю, потому, что они для него не просто «чужие», но и «чуждые». Поскольку не хотят полностью растворяться в немецкой жизни и предпочитают (якобы) строить в Германии «параллельное общество». И он пугает читателя и, предполагаю, самого себя перспективой, что этих «чуждых» скоро будет в его стране намного больше. С тем, что мусульмане пытаются жить автономно, спорить не приходится. Но автономия — это вовсе не параллельная жизнь, поскольку жизнь мигрантов очень тесно переплетается с жизнью «коренных немцев».

Так ли уж плохо, что мигранты пытаются сохранить в Германии свои религиозные и культурные традиции? Для Саррацина и для многих немцев (надеюсь, не для большинства) ответ однозначен: это плохо и очень. В своей книге Саррацин пытается объяснить почему. Гетто, в которые постепенно превращаются, по его мнению, районы, где компактно селятся мигранты-мусульмане (Саррацин приводит пример берлинского района Нойкёльн), все больше напоминают ему нью-йоркский Гарлем. Здесь очень многие не имеют работы и живут на социальное пособие; здесь плохие школы, процветает нелегальный бизнес и высок уровень преступности, здесь мусульмане женятся преимущественно на мусульманках (Саррацин пишет, что только 3% турок женятся и 8% турчанок выходят замуж за немецких партнеров[1]). Здесь говорят преимущественно на турецком или арабском, немецкого языка почти не слышно. Интеграция в немецкое общество в таких условиях невозможна.

---

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 294.

Сравнение с Гарлемом представляется не очень удачным. Да, и там и там хватает безработных, живущих на пособие, много криминала. Но американские негры, в отличие от турок или арабов, говорят, в основном, по-английски, от браков с белыми, как правило, не отказываются (скорее, белые не спешат связывать себя с ними узами брака). К тому же большинство негров США, как и большинство белых американцев, — христиане. Правила их жизни существенно отличаются от мусульманских правил. В негритянском гетто совсем иные устои семейной жизни. Там никто не придерживается освященных веками традиций, там господствует безотцовщина. Негры довольно спокойно относятся к тому, что женщины вступают во внебрачные связи, тогда как мусульманские семьи, как известно, жестко патриархальны. В конце концов, у американских негров нет иной родины, чем США (все их разговоры о желании вернуться на землю предков — в Африку — так и остаются пустыми разговорами). А у мусульман Германии есть родина за пределами ФРГ. И Саррацин не совсем прав, утверждая, будто «в отличие от итальянцев, испанцев или поляков, редко кто из мусульман возвращается на родину»[1]. Мы уже говорили о сотнях тысяч боснийцев и албанцев Косова, вернувшихся домой по окончании югославских войн, хотя на родине у них до сих пор не все гладко. И в Турцию вернулись в последние десять лет более трехсот тысяч выходцев из этой страны. Основная масса турок (в отличие, кстати, от поляков) сохраняет турецкое гражданство, старается помогать своим родственникам в Турции и часто посещает родные края. Мой сосед-турок всегда берет в дополнение к оплачиваемому отпуску еще и отпуск за свой счет, чтобы провести с семьей как можно больше времени на родине.

Очевидно, сегодня районы, заселенные мусульманами-мигрантами, во многих отношениях неблагополучны. Но важно отметить, что особо высокий уровень безработицы среди турок, их отставание в общеобразовательной и профессиональной подготовке, как и порождаемая этими факторами преступность, — все это явления социального порядка. Проявив определенные усилия, государство и общество могли бы с этими проблемами справиться. Безусловно, нужно перестроить систему обучения мигрантов немецкому языку, которая сегодня работает далеко не лучшим образом. Свободное владение языком страны проживания — это главное, что нужно мигрантам, чтобы сделать успешную карьеру в Германии и сблизиться с немецким окружением (если оно, со своей стороны, будет стремиться к такому сближению). Примеров, когда выходцы из ислам-

[1] Ibid. S. 296.

ских стран занимают лидирующие позиции в немецком обществе, даже сейчас не так уж мало. Всей Германии, например, хорошо известно имя черкеса из Турции Джема Оздемира — сопредседателя Партии зеленых, третьей по своему политическому значению партии ФРГ, рейтинг которой в последнее время быстро растет. Немецкие интеллектуалы, несомненно, знают имя талантливого кинорежиссера Фатиха Акина, получившего «Золотого льва» и Венеции и приз за лучший сценарий в Каннах. Что же касается широкой публики, то она в дни побед сборной Германии по футболу готова носить на руках Месута Озиля — одного из лучших игроков этой команды. Все эти люди, как и многие другие выходцы из Турции, трудятся и добиваются признания и славы, конечно же, не только для себя, но и для своей второй родины — Германии.

Можно не сомневаться, при наличии адекватных социальных программ значительная часть мигрантов-мусульман вольется в немецкое общество, и границы гетто начнут размываться. Но все же автономная жизнь мусульманских общин в немецком море полностью не растворится. Потому что там мечети и молельные дома, там другая вера. Она — главное препятствие на пути к интеграции, и здесь усилия немцев, даже если они будут весьма значительными, могут и не дать особых результатов. Это-то и пугает больше всего Саррацина. Читатель, несомненно, легко почувствует негативное отношение Саррацина к исламу. Но он сам (из тактических, видимо, соображений) избегает прямо обличать ислам и использует для этой цели цитаты из работ других авторов. Общий смысл этих цитат сводится к тому, что фундаментализм — типичное явление для большинства приверженцев ислама.

Саррацин признает: христианство до эпохи Просвещения тоже переживало фазу фундаментализма — с крестовыми походами, религиозными войнами и кострами, на которых сжигали еретиков. Но, пишет он, «христианство имеет за собой много веков секуляризации, и католическая церковь давно уже не та, что во времена инквизиции»[1]. А ислам, по мнению Саррацина, остался по-прежнему консервативным и агрессивным. В подтверждение корректности этого высказывания он приводит слова нынешнего турецкого премьер-министра Эрдогана, сказанные им в 1997 г.: «Минареты — наши копья, купола мечетей — наши шлемы, верующие — наши армии». Думаю, религиозный человек вряд ли сказал бы, что христианство имеет секуляризацию «*за собой*», поскольку секуляризация всегда направлена против строгого следования рели-

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 268.

гиозным догмам, в том числе и христианским. Но Саррацин, видимо, глубоко верующим человеком не является. Иначе понял бы он и то, что в словах Эрдогана звучит призыв к мусульманам крепить свою веру, а вовсе не готовиться к войне против иноверцев.

Спор между мусульманской и европейской цивилизациями действительно серьезен. Это, по сути, спор людей средневекового сознания, ориентированного на ценности, что важнее самой жизни, с постмодернистами, отрицающими вообще всякие высокие устремления (макронарративы). По сути это, не спор христианской доктрины с исламом, а спор людей, верующих в Бога, с людьми неверующими. И Саррацину как любителю статистики не мешало бы обратить внимание на то, что в Европе людей, которым очень нужна вера Бога, совсем мало (во Франции — 10%, в Англии — 18%, в Испании — 19%, в Германии — 22%). В исламских же странах таких людей — подавляющее большинство[1].

Не нам решать, кто прав в острейшем мировоззренческом споре верующих с атеистами, но Саррацин явно упрощает ситуацию, утверждая, будто ислам агрессивен по своей природе, будто мусульмане неспособны толерантно относиться к представителям иных верований. Утверждение это голословно. Многих европейцев, посещавших в разные времена Ближний Восток, удивляла как раз неожиданная для них толерантность мусульман по отношению к инаковерующим. Итальянец Н. Бизани, приехавший в 1788 г. в Стамбул, писал: «Чужестранец, наблюдавший нетерпимость Лондона и Парижа, был бы сильно удивлен, увидев здесь церковь рядом с мечетью и синагогой, а дервиша рядом с монахом-капуцином... Здесь можно видеть, как турки, евреи, католики, армяне, греки и протестанты беседуют о делах или о развлечениях с таким благодушием и в такой гармонии, словно они из одной страны и у них общая религия»[2]. Подобные наблюдения сто и более лет назад были весьма типичными. Преследования армян и курдов, заметим, начались в Турции уже после того, как эту страну стали модернизировать по европейскому образцу, ограничивая религиозное влияние на социальную жизнь. Так что ислам за это не в ответе.

Пытаясь убедить читателя в том, что ислам со времен пророка Магомета и по сей день нетерпимо относится к чужой вере, причем не только к христианству, но и к религиозным традициям Восто-

---

[1] Ethnocentric Attitudes Are on the Rise in Europe. Unfavorable Views of Jews and Muslims on the Increase in Europe. 17.09.2008. P. 18.

[2] Цит. по: *Slavoj Žižek.* Against Human Rights // New Left Review. July-August 2005. No 34.

ка, Саррацин приводит обширные цитаты из работы французского критика ислама тунисского происхождения Абдельвахаба Меддеба. А тот, в свою очередь, ссылается на мнение автора «Печальных тропиков», основоположника структурной антропологии Клода Леви-Стросса, который, якобы, испытывал страх перед исламом. Не знаю, читал ли сам Саррацин «Печальные тропики», но союзника себе он выбрал неудачно. Тот явно попал пальцем в небо. Критикуя отдельные стороны исламского вероучения (в частности, то, что оно развивается «с мужской ориентацией»), Леви-Стросс в то же время подчеркивал, что ислам «первым на Ближнем Востоке провозгласил терпимость» и что «он относится ко всем религиям уважительно». Более того, сравнивая три великие монотеистические религии (христианство, иудаизм и ислам), французский антрополог полагал, что именно ислам «представляет собой наиболее развитую форму религиозной мысли». По этой как раз причине Леви-Стросс и считал, что «из всех трех религий именно ислам вызывает наибольшее беспокойство». Не из-за своего консерватизма, агрессивности и нетолерантности, как полагает Саррацин, а в силу того, что это во многих отношениях наиболее развитая религия. То есть ислам является наиболее мощной опорой религиозного сознания в его противостоянии с сознанием антирелигиозным!

По мнению Леви-Стросса, ислам своим книжным отношением к жизни, утопизмом и упрямством в отстаивании веры очень напоминает современных прогрессистов-просвещенцев — бывших революционеров, «которые превращаются в консерваторов, испытывающих ностальгию по прежнему положению вещей, некогда заставившему их занять бунтарскую позицию». Слова эти написаны более чем полвека назад, но они прямо касаются Тило Саррацина, Мартина Вальзера и всех тех, кто всеми силами пытается сохранить статус вчерашнего дня и не допускать в Европу людей из других цивилизаций, особенно мусульман. Не чувствуя, что общий ментальный корень, давший жизнь как европейской, так и мусульманской цивилизациям, «обуславливает, — как сказал Леви-Стросс, — существование слишком многочисленных общих черт, исключающих взаимное противопоставление».

Как важно было бы сегодня всем европейцам, в том числе немцам, внимательно вчитаться в слова выдающегося французского ученого, обращенные к своим соотечественникам: «Если бы Франция открыла двери, чтобы впустить в страну на равных правах двадцать пять миллионов в большинстве своем неграмотных мусульман, то даже этот шаг был бы не более дерзким, чем тот, который сделала Америка, не желавшая оставаться глухой провин-

цией англосаксонского мира. Когда граждане Новой Англии сто лет назад решили позволить иммиграцию наиболее обездоленных слоев общества из самых отсталых районов Европы и справились с захлестнувшей их волной, они заключили и выиграли пари... Рискнем ли мы когда-нибудь сделать то же самое?»[1]

Саррацин явно не намерен прислушиваться к голосу мудрого Леви-Стросса и предлагает решить проблему мигрантов-мусульман Германии по-своему. Следует как можно скорее, считает он, сменить политику, основанную на принципе «Добро пожаловать!» на политику «Вход воспрещен!». И вот что для этого нужно сделать в первую очередь:

«Путь в немецкое социальное государство должен стать невозможным без прохождения "дорожной таможни"». *Супруга или супруг не должны иметь права приехать в Германию, чтобы воссоединиться со своим законным партнером, пока не сдадут экзамен по языку. Требования на этом экзамене должны быть достаточно высокими.* (И неважно, что очень многим иностранкам и иностранцам, заключившим брак с гражданами ФРГ, выполнить это требование будет совсем не просто и они годами могут оставаться отрезанными от своей семьи.) *Семьям нельзя будет воссоединиться и в случае, если в течение трех лет супруг* (*немецкий гражданин*) *хоть раз получал страховку.* (Это тоже серьезное препятствие для воссоединения семей, поскольку в условиях кризиса очень многие, не по своей вине, могут оказаться без работы). Пройдя требуемый тест и приехав, наконец, в ФРГ *иностранный супруг немецкого гражданина в течение десяти лет не должен иметь права на социальное пособие* (очень демократично!).

Детей мигрантов, начиная с третьего года жизни, родители, под угрозой снятия пособия на детей и других финансовых санкций, обязаны отдавать в детский сад, где воспитатели должны с ними говорить исключительно по-немецки. (Дети, не знающие этого языка, будут себя там чувствовать затравленными волчатами. Но дело не только в этом. В Германии сейчас катастрофически не хватает детских садов, и если мигранты получат преимущественное право направлять туда своих детей, это вызовет очень сильное раздражение у немцев, такого права не имеющих, и, конечно же, усилит, а не ослабит напряженность межнациональных отношений.) *В школах не принимать никаких ссылок на религиозные традиции*, детям мигрантов не следует давать никаких поблажек, в частности на уроках физкультуры. Головные платки девочек-мусульманок запретить, ввести единую школьную униформу.

---

[1] См.: *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ, 1999. С. 530–534.

За мигрантами, получающими пособие или находящимися на больничном, должен быть установлен очень жесткий контроль. Они обязаны всегда находиться в четко определенном месте, чтобы исключить возможность прогулов или же работы с оплатой «по-черному». Любое нарушение этого правила должно караться. Нелегальную миграцию следует искоренить при помощи больших штрафов и отказа от предоставления пособий. В дальнейшем *пускать на жительство в Германию только специалистов высокой квалификации. Всем остальным путь в ФРГ перекрыть.* Информация обо всех, кто не имеет немецкого гражданства, должна храниться в специальном банке данных общефедерального уровня.

Цель всех мер, предлагаемых Саррацином, очевидна, да он ее и не скрывает: всякую миграцию в ФРГ, за исключением нужных Германии специалистов очень высокой квалификации, следует прекратить[1]. Думаю, ради того, чтобы убедить немцев в необходимости добиваться этой цели, Саррацин и написал свою книгу.

Книга, разделившая немецкое общество надвое

Не успела книга Саррацина появиться на прилавках магазинов, как ее автора тут же начали активно критиковать и не менее энергично защищать. Сразу же после выхода книги Саррацину настоятельно предложили уйти в отставку со своего поста. Что он и сделал, дабы «не подрывать авторитет банка». Сигмар Габриэль, руководитель социал-демократической партии, членом которой являлся Саррацин, заявил, что не знает, почему автор книги, содержание которой может рассматриваться как расистское, все еще состоит в СДПГ. А лидер неонацистской НДПГ предложил Саррацину войти в руководство его партии. Словом, появление этой острой и во многих отношениях противоречивой книги стало явлением национального и даже общеевропейского масштаба. Повсюду она вызывала горячие споры. Одна часть немцев приняла книгу с восторгом, другая — с возмущением. В дебатах вокруг книги Саррацина участвовали канцлер ФРГ Ангела Меркель и тогдашний президент страны Кристиан Вульф, лидеры всех ведущих политических партий, известные ученые, писатели, литераторы. Меркель, ознакомившись с тезисами, изложенными Саррацином в его книге, по предварительным публикациям, заявила, что книга эта никому ничем не поможет, но «ранит очень многих людей в этой стране, которых она оклеветала». Она подчеркнула, что специально подобранные авто-

[1] *Sarrazin T.* Op. cit. S. 326–330.

ром слова и выражения, презрительные отзывы, оскорбительные для больших групп людей, недопустимы. Ничего конструктивного автор, по мнению Меркель, не предложил[1].

Журналисты сразу же на Саррацина наклеили ярлыки: ненавистник ислама, шовинист, расист и даже нацист. Впрочем, резко критиковали Саррацина не только политики и журналисты, но и многие известные деятели науки и культуры Германии. Выдающийся немецкий философ Юрген Хабермас в связи с выходом книги Саррацина опубликовал в октябре 2010 г. в «Нью-Йорк таймс» специальную статью «Leadership and Leitkultur», где он пишет: «С августа на Германию накатываются волны политической шумихи по поводу интеграции, мультикультурализма и роли Leitkultur, т.е. ведущей национальной культуры. Этот дискурс вновь усилил тенденции роста ксенофобии среди широких масс населения. Такого рода тенденции прослеживались в исследованиях и обзорных материалах уже в течение многих лет. Но только сейчас, — считает Хабермас, — они обрели голос»[2]. Всю эту шумиху философ связывает с двумя событиями — выходом книги Саррацина и заявлением президента Вульфа об исламе как части немецкой культуры.

Книга Саррацина, по мнению Хабермаса, — это горючее, с помощью которого разжигается нетерпимость по отношению к меньшинствам, прежде всего к мусульманам. Наличие обширного материала, который автор использует для своих ошибочных биологических выводов, и содержащиеся в книге откровенные призывы к дискриминации мусульман сделали работу Саррацина необычайно популярной. Ученые (Хабермас ссылается на статью социолога Армина Насехи) убедительно доказывают псевдонаучность используемых Саррацином методов исследования, несостоятельность которых выявлена уже несколько десятилетий назад, но их не хотят слушать. Поздно, считает Хабермас. «...Яд, что выпустил Саррацин, подкрепив культурную враждебность по отношению к иммигрантам аргументами из области генетики, уже глубоко проник в подсознание масс». Когда Насехи и Саррацин встретились на диспуте в Доме литературы в Мюнхене, — рассказывает Хабермас, — атмосфера там была настолько нетерпимой, что толпа слушателей, состоящая из представителей образованного среднего класса, отказалась выслушивать какие-либо возражения в адрес Саррацина[3].

---

[1] Süddeutsche Zeitung. 25.08.2010; Spiegel online. 18.09. 2010; No 24.de, 28.10.2010; Welt online. 28.10.2010.

[2] *Habermas J.* Leaderschip and Leitkultur // New York Times. 28.10.2010.

[3] Ibid.

Впрочем, защищал Саррацина не только средний класс, но и представители элитарной части общества. Причем не только из праворадикальных кругов. Среди защитников Саррацина был премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер, открыто заявивший, что иммигранты из стран с другой культурой, в частности турки и арабы, приносят Германии больше вреда, чем пользы. Поддержали Саррацина уже упомянутый писатель и публицист Мартин Вальзер, известный политик, в прошлом министр образования и науки и обер-бургомистр Гамбурга социал-демократ Клаус фон Донаньи, издатель крупнейшей газеты Германии «Франкфуртер альгемайне цейтунг» Бертольд Колер, социолог и публицист турецкого происхождения, активистка движения против строительства мечетей Несла Келек, публицист, писатель и режиссер еврейского происхождения Ральф Джордано и многие, многие другие.

Клаус фон Донаньи бросился опровергать обвинения Саррацина в расизме так же решительно, как он в свое время опровергал обвинения в антисемитизме, направленные против Мартина Вальзера. В своей статье «Страх перед словом» он пытается помочь читателю понять, чего же добивается автор книги «Германия: самоликвидация». Донаньи пишет о Саррацине: «На странице 326 он по-ленински четко говорит, “что делать”: 1. Добро пожаловать каждому, кто готов учить немецкий язык, работать, усердно повышать уровень образования, адаптировать к новой ситуации свои привычки и поведение. 2. Каждый должен стремиться, чтобы, как минимум, их дети стали немцами. 3. Мусульмане, язычники или христиане имеют одни и те же обязанности. 4. Тем, кто хочет, чтобы он и его дети оставались турками или арабами, лучше бы оставаться у себя на родине; мы не хотим никаких меньшинств (другими словами, “параллельного общества”)... Дальше этого Саррацин не идет, и именно такова сегодняшняя практика в других странах. Следует ли все это считать ложью? Расизмом?»[1]

Если быть точным, в главе «Что делать?» Саррацин предлагает не совсем то, о чем пишет Донаньи. И цель всех его предложений несколько иная. Как мы уже писали, Тило Саррацин выступает против предоставления права на жительство в Германии кому-либо, кроме высококвалифицированных специалистов. Никакого «добро пожаловать!» просто старательным работникам, даже хорошо вышколенным и вполне дисциплинированным. Таких пускать в страну не надо. Особенно опасны в Германии мусульмане, у которых обычно много детей. Расизм ли это? В самой книге фрагментов, которые можно

[1] *Dohnanyi K. von.* Feigheit vor dem Wort // Süddeutsche Zeitung/ 06.09.2010.

было бы оценить как откровенно расистские, на мой взгляд, нет, но некоторые публичные высказывания Саррацина, сделанные вскоре после выхода книги (об опасности высокой рождаемости у народов со слабым интеллектом, о сравнении генотипа евреев и басков и т.п.) расизмом все-таки попахивают.

Если о расизме Саррацина можно спорить, то откровенный немецкий национализм этого писателя не вызывает, думаю, сомнения ни у его приверженцев, ни у противников. Вторая книга Тило Саррацина, вышедшая из печати весной 2012 г., — еще одно тому подтверждение. Называется книга «Европа не нуждается в евро», и обсуждаются в ней вопросы как экономические, так и политические[1]. Саррацин утверждает, что при решении проблемы евро надо ориентироваться на политические цели, но при этом не следует забывать и об экономической выгоде. Вроде бы, правильно. Из текста, однако, видно: раздражают автора не столько большие расходы Германии по поддержанию стабильности евро, сколько то, ради чего это делается. Саррацин считает большой ошибкой решение Гельмута Коля содействовать с помощью введения единой валюты объединению Европы[2]. Не нужна Саррацину не только еврозона, но и сама объединенная Европа. Он не скрывает, что является сторонником не объединенных, а самостоятельных и сильных национальных государств и, прежде всего, конечно, Германии, которая, сохранив немецкую марку и навязав ее как главную валюту другим европейским странам, могла бы утвердить свое доминирующее положение на континенте. Не считает к тому же Саррацин, что Германии все еще необходимо помнить о грузе нацистского прошлого. Он резко критикует бывшего канцлера Гельмута Шмидта за «очень немецкий рефлекс» — за то, что тот хотел, чтобы немцы, поддерживая евро и идею объединения Европы, очищались таким образом от греха Холокоста[3]. Конечно же, Саррацин терпеть не может подобного рода рефлексов — не надо никаких комплексов, сегодняшние немцы должны быть сильными и уверенными в себе. Словом, не случайно один из лидеров Партии зеленых Юрген Триттин назвал Саррацина, прочтя его вторую книгу, «шовинистом немецкой марки, националистом и реакционером»[4]. Впрочем, дело не в том, как назвать Саррацина, а в том, что его книги, увы, пользуются популярностью.

---

[1] *Sarrazin T.* Europa braucht den Euro nicht // DVA. 2012.
[2] Der Länderfinanzausgleich war ein Fehler // FAZ. 28.01.2012.
[3] *Sarrazin T.* Europa braucht den Euro nicht. S. 203.
[4] Spiegel Online. 21. Mai 2012.

Глава 3. Иммигранты в других странах Западной Европы

В какой мере ситуация с мигрантами в Германии является типичной для других европейских стран? По каким-то аспектам налицо большое сходство, а по другим существуют значительные отличия. Специфика проблемы мигрантов в каждом государстве определяется, главным образом, тремя факторами — местоположением страны на европейском континенте, наличием или отсутствием имперского прошлого и, конечно, общим уровнем социально-экономического и политического развития. Довольно важно и то, на языке какой группы (романской или германской, если речь идет о Западной Европе) говорят в стране, принимающей мигрантов.

Сегодня все европейские страны привыкли делить на те, что входят в Евросоюз и те, что находятся за его пределами. Тем не менее здесь, говоря о странах Западной Европы, мы будем иметь в виду те государства, что считались западноевропейскими еще до распада так называемого «социалистического лагеря». Внутри же «старой Европы» разница между странами, входящими и не входящими в ЕС (например, между Швецией и Норвегией, или Бельгией и Швейцарией), куда менее выражена, чем между, скажем, Румынией или Болгарией, с одной стороны, и Германией или Голландией, с другой. К тому же (и это весьма существенно в данном контексте) большинство новых государств ЕС не столько принимают у себя мигрантов, сколько сами являются их поставщиками в «старую» Западную Европу. Особенно в этом преуспели Польша и все та же Румыния. Словом, германский опыт интеграции мигрантов мы будем сравнивать с опытом других стран «классической» Западной Европы.

Прежде всего, попытаемся определить, как сказывается на характере миграции и отношении местного населения к иностранцам история государств, имевших в прошлом обширные колониальные владения.

Ситуация в бывших колониальных державах

К числу держав с имперской историей, в первую очередь, следует отнести два государства, которые еще пятьдесят-шестьдесят лет назад были величайшими колониальными державами мира, — Великобританию и Францию. До Второй мировой войны большими колониями, во много раз превышающими размеры метрополии,

владели и Нидерланды. Огромные заморские территории имели в свое время Испания и Португалия, но они утратили большинство своих колоний задолго до того, как это произошло с Англией, Францией и Нидерландами. До Первой мировой войны была великой империей и нынешняя Австрия, но принадлежащие ей земли находились не за морями, а по соседству (хотя, надо признать, имперское прошлое все же влияет на характер сегодняшней миграции и в эту страну). Были обширные колонии и у других европейских стран (в частности, у Италии и Бельгии), но их наличие в прошлом на решении современных проблем миграции сказывается меньше, чем другие факторы.

Англия

Если в сегодняшней Германии проблема мигрантов является важной, но все же не решающей, то в Великобритании в 2007 г. она, судя по опросам общественного мнения, считалась едва ли не самой главной. Объяснение этому следует искать в том факте, что в этой стране довольно часто случались, начиная с 80-х годов, массовые беспорядки. Особенно острыми были беспорядки лета 2001 г. Тогда в них участвовали десятки тысяч так называемых «цветных» мигрантов, и распространились они на многие большие города Англии. Бунт этот имел место до теракта 11 сентября 2001 г., и спровоцирован он был, прежде всего, усилившимся в то время социально-экономическим неравенством. А после 11 сентября отношения между коренным населением и мигрантами стали еще более напряженными из-за общей атмосферы начинающейся войны цивилизаций, которая в тот момент стала ощущаться повсюду в мире. Это напряженность больше не спадала, и вскоре после так называемой «арабской весны» в Англии произошел взрыв — начавшиеся летом 2011 г. сразу в нескольких английских мегалополисах массовые беспорядки были настолько мощными, что многие заговорили о «революции». Властям с большим трудом удалось тогда навести в стране порядок.

Одна из главных причин частых расовых конфликтов в Англии, несомненно, связана с тем, что многие «цветные» оказались в этой стране раньше, в большем количестве и в ином качестве, чем в странах, не имевших обширных колоний. Дело в том, что в Великобритании еще с феодальных времен действовало так называемое jus soli (право почвы — *лат.*), согласно которому британское гражданство предоставлялось всем, кто когда-нибудь постоянно проживал на территории Британской империи. До 1962 г. все граждане стран Содружества (имевшие, надо заметить, британское гражданство) могли

беспрепятственно приезжать на постоянное жительство в Англию и пользоваться теми же правами, что и англичане[1]. В первые полтора десятилетия после войны в Англию из колоний приехало в поисках лучшей доли около трехсот тысяч человек, преимущественно молодых людей. Когда в конце пятидесятых в мире начала рушиться колониальная система, миграция в Англию ее вчерашних подданных резко возросла. С 1961 по 1971 г. в страну приехало 600 тыс. мигрантов. В 1962 г. консервативное правительство пыталось ограничить приток мигрантов, но, из-за сохраняющегося jus soli, желаемого эффекта достичь не смогло. Пришедшие затем к власти лейбористы захотели было вновь полностью открыть границы, но сделать этого не рискнули и вынуждены были, напротив, еще больше ужесточить контроль за миграцией. Потому что вслед за первыми мигрантами в Англию в большом числе стали съезжаться их родственники. Число мигрантов намного превысило миллион. Тогда и стали обостряться социальные проблемы внутри английского общества, раз за разом начали возникать острые конфликты между мигрантами и англичанами. Игнорировать общественные настроения лейбористы, естественно, не могли и пошли на уступки большинству. С тех пор политика консерваторов и лейбористов в отношении мигрантов если и отличалась, то незначительно.

Таким образом, первые миллионы английских «цветных» — это те, кто по рождению имел британское гражданство, а также их супруги и дети. Социально-экономический статус большинства представителей данной довольно многочисленной группы людей в целом хуже положения «белых» англичан, и это их, как полноправных граждан Великобритании, возмущает больше, чем, к примеру, турок-гастарбайтеров в ФРГ. Особенно радикально настроенными в этом отношении оказались дети и внуки выходцев из бывшей колоний. Они родились и выросли уже в Англии, конечно же, считают себя настоящими англичанами и, сталкиваясь с недружественным отношением к себе белых, рассматривают его как проявление расизма. И стараются всеми силами (дозволенными и недозволенными методами) ему сопротивляться.

После распада Британской империи в Англии, помимо иностранцев, стали выделять группу иммигрантов — тех, кто в течение определенного времени жил в Великобритании, но родился за ее пределами. Акт о британском гражданстве 1981 года упразднил, наконец, jus soli[2]. Однако совсем игнорировать свою историю государ-

---

[1] Randall Hansen // «Focus-Migration: Vereinigtes Königreich».

[2] http://www.ind.homeoffice.gov.uk/lawandpolicy/policyinstructions/nismenu.

ство не могло, и миграция в Англию жителей бывшей империи продолжалась. А вскоре развалился «социалистический блок» и Англию захлестнула новая волна миграции. В период с 1991 по 2001 г. общее число иммигрантов увеличилось более чем на 600 тыс. и в первые годы нового столетия составило почти 5 млн чел. — 8,3% всего населения Великобритании[1].

Имперское прошлое, конечно же, сказалось на этническом составе иммигрантов. Последняя перепись населения Великобритании показала: 45% всех живущих в Англии иммигрантов составляют выходцы из вчерашней «жемчужины Британской короны» (22,7% — из Индии, 16,1% — из Пакистана, 6,1% — из Бангладеш). Еще 25% — чернокожие (в основном, выходцы из Африки и стран бассейна Карибского моря). Более 5% — китайцы и 15% — люди смешанного расового происхождения (в большинстве своем наполовину англичане). Все остальные составляют меньше 10% от общего числа иммигрантов[2].

Очевидно, что этнические меньшинства в Англии — совсем не те, что в Германии и, как мы далее увидим, в других больших европейских государствах. Мусульман в Англии относительно немного, но зато они, чаще всего, являются выходцами из политически крайне неблагополучных стран, находящихся в состоянии войны или перманентного террора (Пакистан, Нигерия, Судан, Сомали, Ирак и др.). Понятно, что экстремистские настроения довольно широко распространены не только внутри упомянутых государств, но и среди тех, кто перебрался из этих стран в Англию. Из-за присутствия большого числа чернокожих конфликты в Великобритании гораздо чаще, чем в Германии (и даже во Франции), имеют расовую подоплеку. Особую остроту этим конфликтам придает то, что большая часть «цветных» иммигрантов (формально граждан Великобритании) проживает в неблагоустроенных и социально неблагополучных (в том числе и в криминальном отношении) районах британских мегаполисов. Так, в пределах «большого Лондона» живут 82% (!) всех африканцев, 57% чернокожих карибского происхождения, почти половина всех выходцев из Бангладеш, 42% индийцев и 29% пакистанцев[3].

Религиозные и расовые конфликты в «толчее» многомиллионных городов возникают не только между иммигрантами и так называемыми «коренными жителями» Англии, но и между различными

---

[1] Randall Hansen // «Focus-Migration: Vereinigtes Königreich».

[2] Office for National Statistics. 2001. Census.

[3] Randall Hansen // «Focus-Migration: Vereinigtes Königreich».

группами иммигрантов (между мусульманами и индусами, индусами и сикхами, индусами и тамилами, суннитами и шиитами, «черными» и «цветными» и т.д.). Социальное положение большинства «цветных» иммигрантов из-за более низкого уровня образования и более высокого процента безработных по сей день остается намного худшим, чем у англичан. По этой же причине среди «цветных» в разы выше, чем в целом по Англии, степень криминогенности. Это обстоятельство вызывает сильное раздражение широких слоев английского общества, что еще больше затрудняет адаптацию «цветных» мигрантов к новой для них среде. Им стараются не сдавать жилье в благополучных районах, не спешат принимать на приличную работу, даже при наличии соответствующего образования. В стране довольно много националистических и откровенно расистских организаций и партий, требующих немедленного выдворения «цветных» из Англии.

В течение довольно длительного времени государство пыталось как-то противостоять этнической и расовой дискриминации. Парламентом был принят целый ряд антидискриминационных актов (1965, 1976, 2000) и законов, направленных на то, чтобы повысить уровень образования и занятости иммигрантов. Именно в Англии в 1997 г., когда там победили на очередных парламентских выборах лейбористы, впервые вошло в моду слово «мультикультурализм». Однако внутренние и внешние обстоятельства (расовые беспорядки в городах Англии в 2001–2005 гг., террор «Аль-Каиды», войны в Афганистане и Ираке) не позволили политике мультикультурализма дать положительные результаты. В 2005 г., когда ПАСЕ рекомендовала государствам ЕС развивать в своих странах мультикультурное гражданского общество, для многих англичан «мультикультурализм» уже был бранным словом.

Правительство радикальным образом меняет свою иммиграционную политику. Теперь оно старается всячески ограничить приток мигрантов с низким уровнем образования и профессиональной выучки. Жестко преследуются все, кто оказался в Англии нелегально (а таких в 2005 г. было, по данным полиции, от 500 до 800 тыс.). Увеличивается число разного рода ограничений при приеме мигрантов на работу. За согласие предоставить нелегалам работу взимаются непомерно большие штрафы — до 100 тыс. фунтов за одного нелегального работника.

В то же время стимулируется приток специалистов высокой квалификации из стран Восточной Европы, сохраняющих (по крайней мере до тех пор, пока они убедительно не докажут свою полезность Британии) прежнее гражданство. Введена новая модель регистрации

работающих иностранцев. За период с мая 2004 по сентябрь 2007 г. в соответствии с требованиями этой модели в Англии получили работу 715 тыс. человек. Две трети всех зарегистрированных таким образом людей составляли приезжие из Польши, 10% — из Литвы, еще 10% — из Словакии. В этот период выдается и больше разрешений на работу специалистам из Индии и Пакистана, но только тем, кто имеет высокую профессиональную квалификацию. Что же касается всех остальных мигрантов, то их положение еще более ухудшилось. Каждым трем из четырех мигрантов под различными предлогами в праве на работу отказывают. Ежегодно сотни тысяч так и не сумевших адаптироваться мигрантов начинают покидать Англию. В последние восемь лет число лиц, приезжающих в страну на длительное пребывание (на учебу, работу или для получения азюля), составляло около 580 тыс. человек в год (в 2010 г. — 591 тыс., в 2011 г. — 566 тыс.). Покидало же ее в это время, в среднем, 350–390 тыс. (427 тыс. — в 2008 г., 331 тыс. — в 2010 г., 350 тыс. — в 2011 г.)[1].

Нынешний политический курс британских властей в отношении мигрантов уже не имеет ничего общего с мультикультурализмом. Поднимать уровень жизни иммигрантов из слаборазвитых стран они явно не спешат. Либеральное английское общество больше не желает включать в себя потомков своих сограждан по Британскому Содружеству, тем более на поликультурной основе. Партии, чей успех на выборах зависит от общественных настроений, всегда готовы, ради привлечения на свою сторону большинства, принести в жертву интересы меньшинства. И нет ничего удивительного в том, что лидер консерваторов, британский премьер Дэвид Кэмерон был в числе первых европейских политиков, заявивших о крахе мультикультурализма.

Франция

Пожалуй, еще более напряженной, чем в Великобритании, выглядит ситуация с иммигрантами во Франции. Как и в Англии, массовый приток мигрантов в страну начался сразу после Второй мировой войны. Перед этой войной во Франции проживало около 40 млн французов по рождению и полмиллиона человек с приобретенным французским гражданством. В 1946 г. лиц с приобретенным гражданством уже было 853 тыс., в 1962 г. — 1 млн 267 тыс., в 1990 г. — 1 млн 780 тыс., в 1999 г. — 2 млн 355 тыс., а в 2008 г. — 2 млн 723 тыс.

---

[1] См.: Office for National Statistics (http://www.ons.gov.uk/ons/rel/migration1/migration-statistics-quarterly-report/august-2012/index.html).

Помимо иммигрантов с приобретенным гражданством, к их числу относят и тех, кто получил в стране вид на жительство или право убежища, а таких сегодня около трех миллионов. Французская статистика причисляет к иммигрантам всех, кто родился за пределами страны и до приезда во Францию не имел французского гражданства. Любопытно, что эти люди продолжают считаться иммигрантами и после того, как получат французское гражданство. Кроме того, во Франции традиционно проживало (постоянно или в течение долгого времени) много людей с паспортами других стран. Их считают иностранцами, даже если они родились на французской территории (jus soli здесь не действует)[1]. В 2008 г. во Франции было 3 млн 603 тыс. иностранцев[2]. В 2009 г. иммигранты распределялись по странам, в которых они родились, следующим образом.

Таблица 1.6[3]

СТРАНЫ	**%**	**Численность** (тыс.)
Европа	**37,7**	**2050**
В том числе: Евросоюз	**33,5**	**1818**
В том числе: Испания	4,6	252
Италия	5,7	311
Португалия	10,8	585
Великобритания	2,8	151
Другие страны ЕС	9,5	518
Другие страны Европы	4,3	232
Африка	**42,7**	**2317**
В том числе: Алжир	13,3	722
Марокко	12,2	664
Тунис	4,4	236
Другие страны Африки	12,8	695
Азия	**14,2**	**773**
В том числе: Турция	4,5	242
Камбоджа, Лаос, Вьетнам	3,0	162
Другие страны Азии	6,8	369
Америка, Океания	**5,4**	**292**
Всего:	**100**	**5433**

[1] Marcus Engler // «Focus-Migration: Frankreich».
[2] INSEE, recensements de la population. 2008.
[3] http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=immigrespaysnais.

При первом же взгляде на эту таблицу бросается в глаза, что более половины всех иммигрантов-европейцев (56%) приехали из трех стран — Португалии, Италии и Испании. Многие из них прибыли во Францию в середине семидесятых, после того как там была утверждена программа использования иностранной рабочей силы. Тогда же приехали и турки, но во Франции их намного меньше, чем в Германии, поскольку та раньше и на лучших условиях пригласила к себе турецких гастарбайтеров. Далеко не все португальцы, испанцы, итальянцы и турки вернулись на родину. Их число, к тому же, увеличилось за счет родственников, присоединившихся к гастарбайтерам по Хельсинкскому соглашению о воссоединении семей. После распада советского блока и особенно после вступления в ЕС стран Восточной Европы значительно увеличилось число граждан из этих государств, приехавших во Францию на работу или учебу. Теперь право на пребывание в стране чаще всего выдается лицам, воссоединяющимся со своими живущими во Франции родственниками (88 тыс. в 2010 г. — на 10% меньше, чем в 2005 г.), тем, кто приезжает для получения образования (почти 60 тыс. в 2010 г. — на 28% больше, чем в 2005 г.) или на работу (18 тыс. в 2010 г.), а также беженцам (19 тыс. в 2010 г.)[1]. «Родственники» стараются получить французское гражданство, беженцы — политическое убежище, а приехавшие на учебу или на заработки, как правило, так и остаются иностранцами.

Всего же в настоящее время во Франции проживает примерно 5,5 млн иммигрантов, которые составляют около 9% всего населения страны. Если к этому добавить еще около 4 млн проживающих во Франции иностранцев и, как минимум, полмиллиона нелегалов, то окажется, что во Франции проживает приблизительно 10 млн так называемых «некоренных жителей» (16% населения).

Доля европейцев среди всех иммигрантов хотя и значительна (38%), но все-таки намного меньше, чем в ФРГ. Конечно же, во Франции, как и в Англии, на характере миграции сказывается имперское прошлое этого государства. Большинство иммигрантов составляют выходцы из бывших французских колоний — Алжира, Туниса, Марокко, Ливана, Сирии, стран Западной и Экваториальной Африки, а также Лаоса, Вьетнама, Камбоджи.

Арабы из стран Магриба и большинство ливанцев и сирийцев — мусульмане, как и многие чернокожие африканцы. Как минимум, половина всех французских иммигрантов — приверженцы ислама. Хотя точных данных о численности мусульман, постоянно

[1] http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=TITSEJ.

проживающих во Франции, нет, очевидно, что их там не менее четырех миллионов, т.е. в процентном отношении ко всему населению больше, чем в любой другой европейской стране. Причем в отличие от весьма умеренных в религиозном отношении турок, составляющих основную массу мусульман Германии, африканские мусульмане Франции, как правило, проявляют гораздо больше религиозного энтузиазма.

Повышенная религиозная активность (а подчас и агрессивность) французских мусульман не в последнюю очередь объясняется тем, что Франция является не только бывшей империей, но еще и средиземноморской державой. Родственники и друзья мусульман-иммигрантов живут совсем рядом — по другую сторону довольно узкого Средиземного моря. Связь с ними, по сути, никогда не прерывается. Не случайно наиболее острые конфликты между мусульманами и французами имеют место на юге страны (особенно в Провансе и, в частности, в Марселе). Здесь очень высок процент арабов, теснее их связи с бывшей родиной. А в арабских странах Магриба сильны позиции «Аль-Каиды» и других исламских фундаменталистских организаций. Сильнее здесь и антиизраильские и (шире) антисемитские настроения. Поджоги синагог и еврейских магазинов, а также акции террора против евреев и другие проявления антисемитизма, которые часто связывают с деятельностью исламских экстремистов (порой не без оснований), изменили отношение к иммигрантам определенной части еврейской интеллигенции, ранее активно выступавшей в защиту их прав. Тем не менее, значительная часть левых интеллигентов, среди которых немало евреев, все еще продолжает выступать как против антисемитизма, так и против любых проявлений расовой, национальной и религиозной нетерпимости. После убийства в Тулузе алжирским иммигрантом Мохаммадом Мера троих еврейских детей и их учителя в Париже состоялся многотысячный совместный митинг евреев, французов и арабов против антисемитизма и... расизма.

Религиозный экстремизм части иммигрантов-мусульман, особенно проявившийся после 11 сентября 2001 г. и интервенции в Афганистан и Ирак, усиливается за счет неблагополучного социального положения иммигрантов. Осенью 2005 г. эта гремучая смесь взорвалась. Массовые беспорядки, охватившие пригороды Парижа и других французских городов, поставили Францию на грань национальной катастрофы. Они, с одной стороны, заставили правительство принять новую программу содействия интеграции мигрантов во французское общество, а с другой — способствовали дальнейшему усилению и до того весьма мощного радикально националистиче-

ского движения. Центр этого движения, по вполне понятным причинам, находится на юге страны, где больше всего арабов. В 2002 г. лидер партии «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пен в первом туре выборов президента получил 17% голосов и прошел во второй тур. А в первом туре президентских выборов 2012 г. его дочь Марин Ле Пен получила еще большую поддержку избирателей (почти 18%) и, хотя во второй тур не прошла, продемонстрировала всем, что значительная часть французского общества крайне отрицательно относится к пребыванию иммигрантов у них на родине. Эту часть французов, как и многих других, пугают расовые беспорядки, высокий уровень криминогенности в среде иммигрантов, большие расходы на их адаптацию во Франции и, конечно, постоянные разговоры о том, что Франция в скором времени превратится в страну ислама из-за высокого уровня рождаемости у мусульман. Аргументы, по сути, те же, что и у Саррацина. И так же, как у него, к фактам здесь примешивается вымысел. Исламизация Франции не грозит, потому что там в последние годы отмечается, в отличие от Германии, существенный рост рождаемости среди «коренного населения» (т.е. этнических французов) — 2,01 ребенка на одну женщину в 2010 г. Что же касается мусульман Франции, то рождаемость в их семьях, по данным Национального института демографических исследований, не намного превышала рождаемость в семьях французских[1].

Острые межнациональные противоречия, несомненно, находятся сегодня в самом центре социально-политической жизни Франции. На одном полюсе радикальные националисты, поддерживаемые 18% французских граждан, на другом — большая часть иммигрантов, составляющих почти 10% населения страны. Многие связывают этот конфликт с «врожденными» недостатками политики мультикультурализма. Надо, однако, заметить, что во Франции мультикультурная политика последовательно никогда не проводилась. Разница позиций французских социалистов и правоцентристов в отношении мигрантов более выражена, чем у английских лейбористов и тори. Часто политика, начинаемая одной партией, менялась во Франции на прямо противоположную после очередных президентских выборов.

Так, в начале девяностых консервативный министр внутренних дел Шарль Паскуа, который считался ментором Жака Ширака, объявил, что целью его политики является достижение нулевого уровня иммиграции. В 1993 г. по инициативе Паскуа был принят закон о мигрантах. Ждать решения о возможном воссоединении семьи теперь

[1] Libération. 21.01.2004.

нужно было не год, а два, намного сложнее стала процедура получения французского гражданства, упростились условия депортации нелегалов из страны. С помощью этого жесткого закона удалось временно сократить на 12% ежегодный приток мигрантов, но он вызвал массовые протесты. В 1996 г. африканцы и китайцы, в течение долгого времени ожидавшие предоставления им вида на жительство (так называемые «люди без бумаг»), зашли в одну из парижских церквей и отказались ее покинуть до принятия решения по их вопросу. Эта акция привлекла к себе общественное внимание и получила довольно широкую поддержку. А затем правительство возглавил социалист Лионель Жоспен, и правительство добилось отмены «закона Паскуа». Тогда же был предоставлен особый статус и льготы при получении гражданства высококвалифицированным специалистам, ученым и художникам. На следующих парламентских выборах опять победили правоцентристы (которые к тому же оказались под прессингом возрастающего влияния партии Ле Пена), и вновь усилилась политика ограничения прав и возможностей мигрантов.

После осенних массовых беспорядков 2005 г. власти вынуждены были уже в следующем году подготовить новый закон об иммигрантах. Он, среди прочего, ужесточал правила предоставления вида на жительства родственникам французских граждан. Прежде чем получить право на десятилетнее пребывание во Франции, жена (или муж) француза (француженки) должна была подтвердить, что не менее трех лет живет в браке, а также доказать свою готовность интегрироваться во французское общество и продемонстрировать хорошее знание французского языка. Отменил новый закон и введенное при Жоспене право на автоматическую легализацию нелегальных мигрантов после их десятилетнего пребывания во Франции. Чиновники получили еще больше поводов для того, чтобы отказать мигранту в праве на проживание в стране. После того как закон вступил в силу, процент отказов существенно увеличился и мигрантов стали чаще высылать из страны. Надо заметить, что, помимо ограничительных мер, были в новом законе и правила, стимулирующие приезд во Францию «компетентных и талантливых людей», которые могли бы содействовать развитию и процветанию страны.

Лишь в 2006 г., причем под давлением обстоятельств (бунты 2005 г.), правительство вынуждено было, наконец, разработать серьезные интеграционные программы — по улучшению социального статуса иммигрантов, повышению уровня образования и уменьшению числа безработных в их среде. Была поставлена цель — облегчить адаптацию иммигрантов к французской жизни и в то же время ограничить возможность соблюдать во Франции все привычные для

них религиозные правила и национальные традиции. Чтобы как-то согласовать мусульманские традиции с французскими законами, в 2003 г. был избран Национальный исламский совет. Причем французское правительство показало мусульманам, какого рода согласование его устраивает, — девочкам-мусульманкам запретили носить в школе хиджаб.

Словом, французская политика в сфере межнациональных отношений была предельно противоречивой. Социальные факторы, которые в огромной степени способствовали отчуждению мигрантов от основной массы французского общества, начали устранять слишком поздно и делали это непоследовательно. Что же касается культурной составляющей жизни иммигрантов, то власти всегда готовы были принести ее в жертву государственным интересам и настроениям большинства французов. И причина здесь не просто в позиции того или иного политика, той или иной партии. Корни этого явления уходят во времена Великой французской революции, когда начало формироваться современное представление о нации, когда утверждалась идея равноправия всех людей и впервые стал предметом публичного обсуждения вопрос об отделении государства от церкви. Реализация принципа равноправия по-французски означала предоставление гражданам довольно-таки широкого объема личных прав. В то же время коллективными правами меньшинств, особенно в сфере религии и культуры, в этой стране часто пренебрегали. Не случайно Франция попала в число немногих государств, отказавшихся подписать и ратифицировать Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Впрочем, провал политики мультикультурализма во Франции в первую очередь связан, конечно, не с прошлым, а с настоящим. Мультикультурализм мог бы дать положительные результаты, будь более нацеленной и последовательной современная социальная и национальная политика французского государства, более гибкой и толерантной его внешняя политика (особенно на Ближнем Востоке). Причем положительными эти результаты были бы как для иммигрантов, так и для французов.

Нидерланды

Население голландских колоний в свое время многократно превышало население метрополии. Сразу после Второй мировой войны обрела независимость крупнейшая из колоний — Индонезия. Более 300 тыс. индонезийцев приехали в Голландию в первые два послевоенных десятилетия и в облегченном порядке получили там гражданство. В середине 70-х независимость получил Суринам, а следом

и бывшие колонии в Карибском бассейне. Колониальная империя распалась, и в Нидерланды прибыли новые сотни тысяч мигрантов. Кроме того, в 60-е годы Голландии, как и другим быстро развивающимся европейским странам, потребовалась дополнительная рабочая сила. И в страну пригласили гастарбайтеров — из менее развитых западноевропейских стран, из Турции, Марокко и Югославии. После нефтяного кризиса 1973 г. гастарбайтеров больше не приглашали. Западные европейцы, в большинстве своем, вернулись домой, турки же, марокканцы и югославы остались. К ним, как и к индонезийцам и суринамцам, по сей день продолжают приезжать родственники.

Принятые при левоцентристах законы 1985 и 1992 гг. предусматривали довольно простую процедуру приобретения голландского гражданства. Более того, закон 1992 г. допускал двойное гражданство. С конца 1980-х и до начала 2000-х гг. гражданами Нидерландов стали несколько сот тысяч мигрантов. Сегодня в Голландии с населением в 16,7 млн человек проживает 1 млн 750 тыс. людей с бэкграундом мигранта (т.е. иммигранты и их дети) и еще примерно столько же иностранцев. Все вместе аллохтоны, т.е. люди, переселившиеся в страну из других мест, составляют около 20% всех жителей Нидерландов — больше, чем в большинстве других западноевропейских стран. Почти 900 тыс. человек, т.е. свыше половины всех людей с бэкграундом мигранта, — выходцы из бывших голландских колоний Индонезии, Суринама и Антильских островов. Еще около 800 тыс. — гастарбайтеры и их потомки из Турции, Марокко и бывшей Югославии. Многие из них имеют двойное гражданство. Среди иностранцев преобладают немцы, англичане, поляки[1].

В конце XX столетия Нидерланды могли считаться образцом мультикультурного общества. Страна, добившаяся независимости в борьбе за право на свободу вероисповедания, всегда гордилась толерантностью своих граждан. Не только допускалось, но считалось крайне желательным, чтобы иммигранты могли сохранять свой язык и свои традиции. Государство делало все возможное, чтобы приезжим, недостаточно хорошо знающим голландский язык, на новой родине было комфортно. Когда, к примеру, у мигрантов возникали трудности при ознакомлении с необходимыми документами и иной информацией, им бесплатно предоставляли переводчика. Автономия религиозной и культурной жизни всячески поощрялась.

Поначалу большинство голландцев приветствовали такую политику. Сколько-нибудь серьезного давления на мигрантов с их стороны не было. Но со временем стали все больше выявляться

[1] Evelyn Ersanili // «Focus-Migration: Niederlande».

различия в социально-политическом положении иммигрантов и коренных жителей Голландии. Это порождало взаимное раздражение. Какая-то часть голландцев посчитала, что расходы на адаптацию чужестранцев слишком велики, сами же иммигранты полагали, что они явно недостаточны. В 1998 г. правящая партия, под давлением большинства, вынуждена было провести ряд законов, ужесточающих политику в отношении мигрантов. Правда, от принципов мультикультурализма тогда еще не отказались. А в 2002 г. к власти пришли правоцентристы. В отличие от французских правых они не решились открыто выступить против мультикультурализма, но значительно сократили долю расходов на социальную поддержку иммигрантов и приняли закон, существенно ограничивающий возможности получения мигрантами голландского гражданства. Теперь для этого необходимо было сдать письменный экзамен, продемонстрировать хорошее знание голландского языка и готовность интегрироваться в голландскую жизнь.

В середине 2000-х разница в социальном статусе мигрантов и голландцев стала разительной. В 2006 г. уровень безработицы среди всех аллохтонов был в два с половиной раза, среди турок — в три с половиной, а среди марокканцев и антильцев — в четыре раза выше, чем среди голландцев. Соответственно росла в этих группах и криминогенность, особенно среди марокканцев и антильцев. По данным полиции, 10% марокканских и антильских подростков в возрасте 12–17 лет уже совершили какое-то преступление (у голландцев — 2%). Среди парней-марокканцев в возрасте 18–24 лет участников преступлений было почти 18%, среди антильцев — 13% (среди голландцев — около 3,8%)[1]. Если учесть еще, что среди аллохтонов оказалось примерно в два раза больше тех, кто получал социальную поддержку от государства, чем среди автохтонов (такую помощь получали 13% голландцев и 30% марокканцев), то нет ничего удивительного, что недовольство части коренного населения стало быстро расти. Окрепли позиции радикально правых сил, настаивающих на выдворении из страны всех иммигрантов.

Как и повсюду в Европе, ситуацию усугубили террор «Аль-Каиды», афганская и иракская войны, а также разразившийся в 2008 г. экономический кризис. В начале первого десятилетия XXI в. очень популярным политиком стал профессор Пим Фортёйн, резко выступавший против исламистов и мультикультурализма. При этом Фортёйн не был правым радикалом в обычном понимании этого слова. В прошлом марксист, он поддерживал легализацию

[1] Ibid.

однополых браков, не скрывал своего гомосексуализма, добивался официального признания эвтаназии, выступал с критикой церкви, т.е. скорее его можно было бы назвать либертарианцем, если бы не высказываемая им готовность использовать насилие против мигрантов. В 2002 г. Фортёйн был застрелен неким радикальным экологом ван дер Графом. Это было первое политическое убийство в Голландии за последние сто с лишним лет.

Борьба против мультикультурализма со смертью Фортёйна не прекратилась, а лишь усилилась. В 2004 г. создал «Партию свободы» Герт Вильдерс. Выступая с требованиями запрета миграции мусульман в Голландию, называя Коран «источником исламского терроризма», Вильдерс добился широкой общественной поддержки. В 2009 г. его «Партия Свободы» получила 16% голосов на выборах голландских представителей в Европарламент, а в 2010 г. заняла третье место на выборах в парламент Нидерландов, завоевав 24 из 150 мест и войдя в правительственную коалицию в союзе с христианскими демократами.

Впрочем, борьба за мультикультурализм в Голландии еще окончательно не проиграна. Созданная в 2010 г. коалиция развалилась из-за разногласий по вопросу об отношении к Евросоюзу. 12 сентября 2012 г. на досрочных выборах в парламент партия Вильдерса получила на 9 мест меньше, чем в прошлый раз. Уменьшилось и ее влияние на власть и общество. Левые же партии Голландии по-прежнему придерживаются курса на мультикультурализм, а сформировать эффективное правительство без их участия будет сегодня трудно. Хотя трудно будет и игнорировать все еще достаточно сильное влияние правых сил на сознание значительной части голландских граждан.

Иммигранты в странах Средиземноморья

Испания и Португалия

Когда-то *Испания* владела огромными заморскими территориями. Но после оккупации страны войсками Наполеона в Латинской Америке началась борьба местного населения за независимость. В 20-е годы XIX в. Испания утратила большую часть своих колоний, а в конце того же столетия навсегда ушла из Западного полушария. Свои африканские колонии она потеряла после Второй мировой войны. Марокко Испания покинула в 1956 г., Гвинею — в 1968 г., а Сахару — в 1976 г.

Имперское прошлое сказалось на испанской миграции довольно парадоксальным образом. В XX в. Испания была преимущественно страной эмигрантов. Причем с начала столетия и до 60-х годов испанцы-эмигранты направлялись, главным образом, в бывшие испанские колонии, теперь независимые государства Латинской Америки. Перед Первой мировой войной туда (и в Бразилию) выехало более полутора миллионов испанцев. Еще одна волна испанской эмиграции в Америку приходится на годы гражданской и Второй мировой войн. С 1946 по 1958 г. за море отправилось еще 624 тыс. испанцев. После этого эмиграция продолжалась, но ее направление изменилось. Теперь испанцы двинулись на заработки в европейские страны, где как раз начался экономический подъем и требовался приток рабочей силы. С 1960 по 1975 г. примерно 2 млн испанцев уехали гастарбайтерами в государства Западной Европы (главным образом, во Францию, Германию, Швейцарию). Сегодня 2,7 млн испанцев постоянно живут за границей: 1,5 млн — в Южной и Северной Америке, 1 млн — в Европе. Еще примерно 1,5 млн человек работают во Франции и других европейских странах сезонно (обычно на сборе урожая).

До конца 70-х годов прошлого века иностранцев в Испании было совсем немного (200 тыс. — в 1975 г.). После смерти Франко, когда началась демократизация страны, многие состоятельные европейцы стали покупать в Испании, стране с прекрасным средиземноморским климатом, недвижимость. Чуть позже, когда развалился блок социалистических стран, а Испания вступила в фазу устойчивого экономического развития, сюда, в поисках хорошего заработка, стали в большом числе приезжать граждане из стран Восточной Европы и бывшего СССР. Начался приток мигрантов и из бывших испанских колоний. В 2000 г. в Испании постоянно проживало уже более 1 млн приезжих из других стран (не считая сотен тысяч нелегалов). С тех пор и до конца 2008 г. число мигрантов увеличивалось примерно на 20% год. К началу 2008 г. разрешение на постоянное пребывание в стране получили 3 млн 980 тыс. иностранцев. Кроме того, муниципальными администрациями были зарегистрированы еще 1 млн 240 тыс. выходцев из других стран, не имеющих в Испании вида на постоянное жительство. То есть в начале 2009 г. в Испании проживали 5,22 млн иммигрантов (11,3% всего населения). В дальнейшем миграция в Испанию продолжалась, но более медленными темпами — начался экономический кризис[1].

Примерно половина всех иммигрантов — это выходцы из стран, которые когда-то были испанскими колониями (8% — из

[1] Axel Kreienbrink // «Focus-Migration:Spanien».

Эквадора, по 5% — из Колумбии и Боливии, 3% — из Аргентины, 13% — из других испаноязычных стран Америки, 12% — из Марокко, еще 5% — из иных африканских государств). Особенно много иммигрантов (14%) приехало из Румынии. Немало в Испании поляков, украинцев и русских, 7% — англичане, по 3% — немцы и итальянцы. Всего же европейцы составляют 45% всех живущих здесь выходцев из других стран. Мигрантов из Азии в Испании совсем немного[1].

То, что большинство среди мигрантов составляют выходцы из бывших испанских колоний, объясняется не столько старыми политическими и экономическими связями (они давно разорваны), сколько все еще сохраняющимися связями культурными. И в первую очередь, конечно, тем, что на родине этих мигрантов доминирует испанский язык. Таким своеобразным способом проявляет себя сегодня имперское прошлое Испании. Именно потому, что Испания в свое время имела огромные колонии, сегодня своим родным испанский язык считают более 330 млн человек. В этом смысле его опережает, по-видимому, только китайский[2]. А для многих мигрантов язык является важным фактором, влияющим на выбор страны проживания, — ведь знание языка очень сильно помогает адаптироваться на новом месте. По этой же причине, думается, в Испании (как, кстати, и в Италии) довольно много румын — их язык, как и испанский, имеет латинскую основу.

Очевидно: тот факт, что более половины всех иммигрантов и иностранцев, живущих в Испании, понимает язык этой страны и что 45% всех этих людей являются выходцами из европейских стран, благоприятно сказывается на характере взаимоотношений между испанцами и приезжими. Тем не менее утверждать, будто эти отношения совсем безоблачные, трудно. На заработки в другую страну, как правило, едут люди, не имеющие перспектив у себя на родине, часто из-за недостаточно высокого уровня образования и квалификации. К тому же незнание правовых норм и традиционных правил поведения в стране, куда приезжают мигранты, всегда осложняет первый период их жизни в новой среде и никак не способствует установлению хороших взаимоотношений с местным населением. А в Испании долго не было законодательства, способствующего интеграции мигрантов.

Поскольку массовая миграция в Испанию началась лишь в 90-е годы прошлого века, правовое регулирование связанных с нею про-

---

[1] Instituto National de Estadistica, padron municipal 2008.

[2] Точнее, язык *мандарин*.

цессов стало осуществляться довольно поздно. Поначалу на первом месте стояли вопросы визового режима, обеспечения пограничного контроля, определения рабочих квот и правил выдачи мигрантам разрешения на работу. Необходимо было привести в соответствие с европейскими стандартами и нормы предоставления беженцам права на убежище. Лишь после этого были предприняты первые шаги, которые должны были бы помочь иммигрантам интегрироваться в испанскую жизнь. Важно было наладить порядок воссоединения семей, создать для решения проблем иммигрантов соответствующие административные службы.

В 2000 г. был принят закон об обеспечении прав и свобод иностранцев и их интеграции. В том же году социалисты проиграли выборы, а пришедшая к власти Народная партия несколько ужесточила миграционную политику. Появилось больше искусственных барьеров на пути воссоединения родственников, были предприняты более жесткие меры по предотвращению нелегальной миграции, частыми стали случаи выдворения нелегалов из страны и уголовного преследования тех, кто помогал нелегалам. Через четыре года вновь победили социалисты, и отношение к мигрантам опять стало более либеральным. В начале 2005 г. прошла кампания по легализации пребывания в Испании людей, не имеющих всех нужных документов. Государством был создан фонд содействия коммунам и местным властям в проведении политики интеграции мигрантов. В этот фонд в 2005 г. поступило 120 млн, в 2006 г. — 182 млн, в 2007 г. — 200 млн евро. Затем был принят стратегический план интеграционных мер на 2007–2010 гг., на реализацию которого было истрачено более 2 млрд евро.

Законодательство о предоставлении испанского гражданства в 1982–2002 гг. менялось четыре раза. Льготные условия предоставлялись прежде всего гражданам Латинской Америки (особенно тех стран, где было больше всего иммигрантов из Испании). Основаниями для принятия такого рода решений, как правило, служили двухсторонние межгосударственные соглашения. В 1975–2006 гг. испанское гражданство получили 379 тыс. латиноамериканцев. Среди всех тех, кто стал в это время гражданином Испании, 62% составляли выходцы из американских стран, 19% — африканцы (главным образом, марокканцы), 11% — европейцы и 8% — мигранты из стран Азии. Перед началом кризиса большинство легальных иммигрантов получили разрешение на работу и смогли этим разрешением воспользоваться. Безработица среди имеющих такое разрешение иммигрантов была лишь на 5% больше, чем среди испанцев (что, по европейским меркам, не так уж плохо). В общем, можно сказать,

что до начала экономического кризиса особо серьезных проблем с легальными иммигрантами не было.

Намного сложнее обстояло дело с нелегальной миграцией. Границы Испании в районе Гибралтарского пролива находятся у самых берегов Африки. Из Марокко, Мавритании, Сенегала и других африканских государств в Андалузию, Валенсию или на принадлежащие Испании Канарские и Балеарские острова устремляются на лодках и небольших суденышках беженцы. Многие из них гибнут, так и не добравшись до Испании. Только в одном 2006 г. вблизи Канарских островов и возле Андалузского побережья береговой охраной было обнаружено более 800 трупов. По данным неправительственных организаций в тот год погибло от шести до семи тысяч беженцев. Но 32 тыс. человек добрались-таки тогда до Канарских островов и еще 7,5 тыс. — до берегов Андалузии. В середине 2000-х гг. Испания с помощью Евросоюза значительно укрепила свои границы. На какое-то время это помогло сократить приток нелегалов в страну, но потом началась «арабская весна». Во время и после этой «весны» число устремившихся в Испанию беженцев значительно увеличилось. Решить проблему «морских беглецов» из зон конфликта очень трудно. Вернуть домой людей, перенесших страшные испытания на море и рассказывающих о своем безнадежном положении на родине, в большинстве случаев невозможно. В силу как гуманитарных, так и практических соображений. Испания пытается договориться с пограничными службами соседних государств, но чиновники этих служб, во-первых, не всегда серьезно относятся к своим обязанностям, а во-вторых, легко подкупаются. Но морской путь — не единственная возможность для нелегалов попасть в Испанию. Эта страна — один из центров мирового туризма. Часть тех, кто въезжает сюда по туристическим визам, затем ищет себе нелегальную работу и жилье. И государство, не имея реальных механизмов возвращения «псевдотуристов» домой, вынуждено соглашаться на легализацию их статуса в Испании. Особенно часто таким путем попадают в Испанию граждане государств восточной и юго-восточной Европы, а также постсоветских стран (прежде всего, Украины, России, Молдовы).

В иммигрантской среде, особенно среди нелегалов, уровень криминогенности выше, чем в целом по стране. Несомненно, вместе с мигрантами в Испанию попадают и активисты исламских фундаменталистских организаций, в том числе и «Аль-Каиды». 11 марта 2004 г. экстремисты устроили самый кровавый теракт за всю историю Испании. Погибло 200 человек, ранено полторы тысячи. Казалось бы, это событие должно было бы вызвать в Испании массовые

акции протеста против мигрантов и создать в стране атмосферу, не менее напряженную, чем в Англии или Франции. Однако этого не произошло. В какой-то мере, думается, благодаря разумной и сдержанной позиции правящей тогда социалистической партии. И еще потому, что в Испании общественное внимание было отвлечено тогда на, так сказать, «внутрииспанские» проблемы. На баскских сепаратистов, приучивших, кстати, испанцев к террору, на взаимоотношения центральной власти с каталонскими и прочими «автономистами» и т.п. Как сложатся отношения коренных испанцев с иммигрантами в условиях острейшего экономического кризиса, пока предсказывать трудно.

Ситуация с мигрантами в *Португалии* во многом похожа на испанскую. Бывшая колониальная империя, эта страна еще в начале XIX в. утратила ставшую независимой Бразилию. В 1975 г., после «революции гвоздик», Португалия отказалась от своего имперского статуса. Как и в Испании, до войны из Португалии эмигрировало куда больше людей, чем в нее въезжало. В Бразилии и сегодня проживает более 200 тыс. португальских граждан. С началом нынешнего экономического кризиса Португалия вновь стала превращаться в страну эмигрантов (только в 2010 г. ее покинули 150 тыс. граждан)[1].

Приток мигрантов в Португалию начался в 1980-х. Если в 1981 г. в стране насчитывалось 54 тыс. иммигрантов, то в 1991 г. — 114 тыс., а в 2001 г. — 219 тыс.[2] Самую большую группу мигрантов — 45 тыс. — составляли тогда выходцы из бывших африканских колоний (Острова Зеленого мыса — 22,3 тыс., Ангола — 10 тыс., Гвинея-Бисау — 7,7 тыс.). Из стран Европы в Португалию приехали в те годы 30 тыс. человек, причем 27,5 тыс. — из государств ЕС. Американцев было 18 тыс. (10 тыс. — бразильцы), азиатов — около 5 тысяч[3]. Сейчас число иммигрантов (легальных и нелегальных) увеличилось, главным образом, за счет выходцев из Восточной Европы — прежде всего, украинцев, русских, румын и молдаван. Нуждаясь в притоке финансов из-за рубежа и будучи не особенно привлекательной для зажиточных людей из государств ЕС, Португалия предоставляет право на жительство гражданам стран, расположенных за пределами Шенгенской зоны, если те покупают на ее территории недвижимость или заводят собственный бизнес. Сейчас вторую или третью по численности группу иммигрантов составляют в Португалии украинцы (их там сегодня около 40 тысяч).

---

[1] http://www.dradio.de/dkultur/sendungen/politischesfeuilleton/1759671/.

[2] См.: Serviço de Estrangeiros e Fronteiras, 1999, 2000, and 2001.

[3] Ibid.

Еще в 1990-х были созданы структуры, регулирующие положение иммигрантов, содействующие получению ими нужного образования (причем на основе принципов мультикультурализма) и адаптации к новой жизни. Разумеется, всех проблем разрешить не удается. Бывают в Португалии и трения в отношениях между иммигрантами и коренным населением. Важной для страны проблемой здесь, как и в Испании, является нелегальная миграция. И все же до серьезных социальных конфликтов на расовой и межнациональной почве дело здесь пока, слава Богу, не доходит.

Италия

Апеннинский полуостров перекрывает Средиземное море поперек. Принадлежащие Италии Пелагские острова (самый большой из них — хорошо всем известная Лампедуза) находятся в ста километрах от берегов Африки, остров Пантеллерия — еще ближе. От каблучка итальянского сапога до Албании — 80 км. На севере же Адриатики, в районе Триеста, Италия прямо заходит на Балканы. География определяет и характер миграции в Италию (см. табл. 1.7).

Таблица 1.7

Иностранные резиденты в Италии (на 01.01. 2010 г.)[1]

Страны, из которых прибыли мигранты	Численность	%
Румыния	887,8	21,0
Албания	466,7	11,0
Марокко	431,5	10,2
Китай	188,4	4,4
Украина	174,1	4,1
Филиппины	123,6	2,9
Индия	105,9	2,5
Польша	105,6	2,5
Молдова	105,6	2,5
Тунис	103,7	2,4
Македония	92,8	2,1
Перу	87,7	2,0
Эквадор	85,9	1,9
Египет	82,1	1,8
Шри Ланка	75,3	1,7

[1] См.: Istat 2010.

Окончание табл. 1.7

Страны, из которых прибыли мигранты	**Численность**	**%**
Бангладеш	74,0	1,6
Сенегал	72,6	1,5
Пакистан	64,9	1,3
Сербия	53,9	1,2
Нигерия	48,7	1,1

Всего в Италии в начале 2010 г. было 4,4 млн иммигрантов, уже получивших статус резидента. Больше всего среди легальных иммигрантов румын. Если к ним добавить молдаван, говорящих на одном с румынами языке, то эта группа составит более миллиона человек (примерно четверть всех иммигрантов). Вторая по численности группа — арабы из Марокко, Туниса, Египта и других стран (630 тыс.). Более 600 тыс. албанцев из Албании и государств бывшей Югославии. 320 тыс. выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш и Цейлона. Около 200 тыс. китайцев (многие из них работают на совместных итальянско-китайских предприятиях). Много украинцев (175 тыс.) и поляков (более 100 тыс.). Кроме того, в Италии живет не менее 150 тыс. южноамериканцев, более 120 тыс. филиппинцев и примерно столько же чернокожих африканцев.

В январе 2011 г., по данным статистики, статус резидента в Италии получили уже 4 млн 570 тыс. человек[1]. Сотни тысяч мигрантов ожидают сейчас в Италии решения своей дальнейшей судьбы. А из Африки прибывают все новые и новые беженцы. Рискуя жизнью (за последние годы утонуло несколько тысяч человек), множество арабов убегают морем от североафриканских революций. Чаще всего на остров Лампедуза. Лагеря для беженцев переполнены. В районах, куда перевозят беженцев с Лампедузы, возникает напряженность в отношениях между арабами и местным населением, недовольным резким ухудшением условий своей жизни. На обустройство беженцев требуются большие деньги. Ситуация становится все более сложной, и итальянское правительство настаивает, чтобы другие страны ЕС распределили между собой беглецов из стран Магриба. Оказать какую-то финансовую поддержку Италии государства Евросоюза готовы, но приглашать к себе беженцев они не спешат. Тех беженцев, которые самостоятельно пытаются пробраться во Францию (в частности, тунисцев, знающих французский язык) французские пограничники возвращают назад в Италию. Ряд государств

[1] См.: Istat 2011.

ЕС (прежде всего, Франция) требуют пересмотра Шенгенского соглашения и ужесточения режима на границах между европейскими странами.

Миграция в Италию начала принимать массовый характер в 1970-е гг. Но до распада соцлагеря и начала югославских войн мигрантов в этой стране было относительно немного. А затем их число стало быстро расти. В 1994 г. в стране было 600 тыс. зарегистрированных мигрантов, в 1998 г. — 1 млн, в 2004 г. — уже два, в 2006 г. — три[1]. В 2010 г. число иммигрантов превысило 4,5 млн, сейчас их наверняка более 5 млн (около 8% населения страны).

Долгое время Италия чаще других европейских государств отказывалась предоставлять мигрантам легальный статус. Регулированием миграционных процессов в Италии стали всерьез заниматься только в 1995 г., когда был принят так называемый «декрет Дини». Декрет этот определял условия въезда иностранцев в страну и правила депортации нелегалов, порядок легализации мигрантов, получения ими разрешения на работу, порядок воссоединения семей. Предусматривал этот декрет и некоторые (явно недостаточные) меры содействия интеграции мигрантов в итальянское общество. Больше интеграционных мер предусматривал закон 1998 г. Им же более четко были определены процедуры, необходимые для высылки нелегалов из страны. Были созданы государственные структуры, специально занимающиеся проблемами мигрантов. Ситуация несколько изменилась к лучшему (в 2002 г. 650 тыс. мигрантов получили в Италии вид на жительство). Но в том же 2002 г., после прихода к власти Сильвио Берлускони, был принят, с целью ограничить приток мигрантов, еще один закон. Теперь, чтобы иностранец мог получить право на постоянное пребывание в Италии, он должен был прожить в ней не менее шести лет (если только он не гражданин страны, входящей в ЕС). Разрешение на работу дается ему не на четыре года, как раньше, а только на два. Не имеющего легального статуса мигранта можно немедленно депортировать. С другой стороны, появились и требования к работодателю, на которого трудятся иммигранты. По закону 2002 г. он обязан предоставлять им определенные социальные гарантии. После принятия закона 2002 г. рост миграции в страну несколько сократился, но все же продолжался. 9 декабря 2010 г. был принят еще один закон, еще более осложняющий положение тех, кто хотел бы жить в Италии. По этому закону право на постоянное жительство может получить лишь тот, кто сдаст экзамен по итальянскому языку и подпишет

[1] См.: F.A.Z. 16.08.2006. No 189. S. 12.

обязательство подготовиться к интеграции в итальянское общество в течение двух лет. Если через два года окажется, что это обязательство не выполнено, иностранец будет лишен легального статуса.

Социально-экономическое положение легальных мигрантов в Италии хуже, чем у коренного населения. Сюда не приезжают в большом числе на работу граждане стран Западной Европы, а уровень образования и профессиональной подготовки албанцев, африканцев, а часто и румын, как правило, ниже, чем у коренных жителей страны. Отрицательно сказывается на трудовой карьере и недостаточно хорошее знание языка. Имеет место в Италии, по данным гуманитарных организаций, и прямая дискриминация иммигрантов. Неправительственные организации, кстати, довольно активно работают в итальянской провинции, привлекая внимание местной власти к судьбе мигрантов. По мнению обозревателей, с их помощью положение вчерашних иностранцев в последнее время несколько улучшилось[1].

Самая большая проблема — конечно же, нелегалы. Их в Италии, как минимум, 500 тыс.[2], а по некоторым оценкам даже около миллиона. Попадают нелегалы в Италию не только морем. Многих албанцев за деньги тайком провозят на автобусах через горные дороги в Альпах. Становятся нелегалами и те, кто довольно долго жил в стране по временной визе, но постоянного статуса так и не получил (после вступления в силу закона от декабря 2010 г. число таких людей, думаю, увеличится). Италия — самое привлекательное в Европе место отдыха. Каждый год сюда — на морские пляжи и в прекрасные итальянские города — приезжают миллионы туристов. И десятки тысяч из них стремятся остаться здесь надолго, а то и навсегда. Словом, путей проникновения в Италию множество, и окончательно перекрыть потоки нелегалов в эту страну практически невозможно.

Значительная часть нелегалов втягивается местными криминальными структурами в преступный бизнес. Время от времени власти устраивают кампании по выдворению нелегалов из страны, однако большинство из них вскоре возвращается. Во многих случаях деньги, заработанные мигрантами в Италии, являются для их семей на родине едва ли не единственным средством выживания. Разумеется, большинство нелегальных мигрантов работает все же не в откровенно преступном бизнесе. В Италии шире, чем в других

---

[1] См.: *Paciolla M.* Migranten in Italien (cafebabel.com., 13.03.2012).

[2] European Migration Network/Ministero dell'Interno. Canali migratori. Visti e flussi irregolari, Quarto Rapporto. P. 3.

европейских странах, распространен так называемый «неформальный бизнес» (в частности, в сельском хозяйстве, в сфере домашнего обслуживания и в розничной торговле). Здесь задействовано особенно много мигрантов, как имеющих статус резидента, так и нелегалов. В домашнем хозяйстве лишь треть иностранцев работает по официально оформленному контракту, причем среди остальных большинство составляют нелегалы.

Несомненно, ситуация с мигрантами в Италии особенно сложная в связи с тем, что туда легче, чем в другие страны, попасть нелегально из неблагополучных стран Африки или юго-восточной Европы. Поэтому для нее крайне важно принять действенные меры по борьбе с нелегальной миграцией. Конечно, Италия очень заинтересована в реализации положений Пакта Евросоюза 2008 года об иммиграции и представлении убежища. Пакт этот предусматривает арест нелегалов сроком на полтора года с последующей высылкой из страны, как минимум, на пять лет[1]. Жесткие меры по отношению к нелегалам, безусловно, необходимы, но рассчитывать только на них нельзя. Миллион человек выслать из страны не удастся. Людям, оказавшимся в Италии и не имеющим возможности почему-либо вернуться домой, нужно дать какой-то выход из положения. Они должны иметь шанс, продемонстрировав законопослушание и проявив определенные адаптационные усилия, легализовать свой статус. Иначе многие из этих людей будут искать поддержку в мафиозных структурах, чем те, конечно же, охотно воспользуются.

* * *

Массовая миграция в Италию, Испанию и Португалию началась сравнительно недавно. Большинство иммигрантов живут в этих странах менее десяти лет. Их главные проблемы сегодня — легализация своего статуса, изучение языка и трудоустройство. Идет первичный период адаптации, тем более сложный, что приехали мигранты из очень неблагополучных стран. Структуры, ставящие своей задачей организацию автономной культурной и религиозной жизни тех или иных национальных землячеств, окрепнуть еще не успели. Как будет в дальнейшем развиваться жизнь иммигрантов Италии и Испании — по мультикультурному сценарию или же путем их полного растворения внутри местного сообщества — покажет время.

---

[1] См.: *Brady H.* EU migration policy: An A-Z. Centre for European reform, 2009.

Положение мигрантов в остальных западноевропейских странах

Греция

Греция, так же как Италия и Испания, — средиземноморская страна. Но основные потоки мигрантов попадают сюда не через море, а с севера. С точки зрения перераспределения потоков мигрантов это государство не похоже на другие европейские страны. Как любят говорить острословы, Греция — это одновременно сердце европейской цивилизации и ее тыльная сторона.

Массовая миграция в эту страну началась в конце 90-х гг. прошлого века, когда развалился блок просоветских стран и начались гражданские войны в Югославии. Впрочем, еще раньше в Грецию нелегально приезжало немало мигрантов из Албании и Болгарии. В последнее десятилетие прошлого века большинство мигрантов в Грецию составляли албанцы. По данным исследователей, их было там 150 тыс.[1], по данным греческого МИД — до 500 тыс.[2] Позже, якобы, 220 тыс. албанцев вернулись домой. Второй по численности группой мигрантов были болгары. По-видимому, их было не менее 100 тыс., но более точное число назвать трудно, так как многие болгары приезжали в Грецию на сезонные работы, а когда их рабочая виза оказывалась просроченной, оставались там[3]. В середине 2000-х гг. в стране проживало от 50 до 100 тыс. поляков, много македонцев, румын, украинцев, грузин, молдаван. Приезжали в Грецию и выходцы из Азии (турки, филиппинцы, пакистанцы, индийцы и арабы), но тогда они были в меньшинстве.

До 2009 г. Греция привлекала восточных европейцев сама по себе. Получив западные кредиты, эта страна стала очень быстро развиваться. Если в 1985 г. ВВП Греции равнялся 4,5 тыс. долл. США на душу населения, то в 1995 г. — уже более 12 тыс. долл. США (т.е. за 10 лет он увеличился почти втрое). Еще через десять лет доля ВВП на одного человека составляла 21,5 тыс. долл., а в 2008 г. — более 30 тыс. долл. США. Это колоссальный рывок. В последний год XX в. приходящаяся на одного человека доля ВВП в Греции была в 11,5 раз больше, чем в Албании, в 8 раз больше, чем в Македонии,

---

[1] *Petrinioti X.* Immigration into Greece, Athens: Odysseas (in Greek) cited in *Lazaridis, G. and K. Romaniszyn* "Albanian and Polish Undocumented Workers in Greece: A Comparative Analysis // Journal of European Social Policy. Vol. 8 (1). 1998. P. 12.

[2] См.: www.mfa.gr.

[3] *Siadima M.* Immigration in Greece During the 1990'S: An Overviev, Kings College London, MA // Mediterranean Studies. September 2001. P. 11.

в 7 раз больше, чем в Болгарии, и в 3,2 раза больше, чем в Турции. Не удивительно, что жители соседних стран старались попасть на заработки в Грецию.

А потом Европу поразил экономический кризис. Греция должна была расплачиваться по долгам и, как известно, оказалась на грани банкротства. Все радикальным образом изменилось. Тем не менее поток мигрантов в Грецию, неожиданно для многих, не сократился, а, напротив, со второй половины 2010 г. резко возрос. Вот только состав мигрантов радикальным образом изменился, и мотивы теперь у них были совсем иные. Сама по себе Греция мигрантов больше не интересовала. Но она сохраняла свою привлекательность как первая страна ЕС на сухопутном пути из Азии в Европу. В 2005–2006 гг. Испания, Италия и Мальта серьезно усилили пограничный контроль, и приток мигрантов в Европу через Средиземное море стал уменьшаться. Мигранты стали переключаться на Грецию[1]. Затем началась «арабская весна», и огромные массы людей побежали из охваченных революциями и войнами стран Магриба. Лагеря беженцев оказались переполненными, как и приемные пункты в Италии и Испании. Мигрантам из Азии прорываться в Европу через Северную Африку теперь было не с руки. И они двинулись через Турцию в Грецию. С тем, чтобы потом перебраться в более благополучные страны Евросоюза.

По данным Еврокомиссии 90% нелегальных мигрантов в 2011 г. пробирались в страны ЕС через Грецию. В феврале того же года греческое правительство начало строительство вдоль реки Эврос (Марица) на границе с Турцией бетонную трехметровую стену в 12,5 км длиной, попросив на это деньги у партнеров по ЕС. Вряд ли, однако, с помощью этой стены удастся перекрыть поток мигрантов — протяженность греко-турецкой границы куда больше дюжины километров. Кроме того, в Эгейском море, между Грецией и Турцией находится много островов, в том числе совсем маленьких, и контролировать это пространство очень трудно. Евросоюз выделил деньги на укрепление греческой пограничной службы, однако эти средства в стремительно беднеющей Греции, увы, не всегда используются по назначению.

Положение скопившихся в пораженной кризисом Греции мигрантов ужасно. Сотни тысяч афганцев, пакистанцев, сирийцев, египтян, нигерийцев, беженцев из других азиатских и африканских государств (теперь они, а не европейцы с Балкан составляют подавляющее большинство мигрантов в Греции) месяцами выстаивают

[1] NEWSLETTER Migration & Bevölkerung, Ausgabe 7/2009.

длинные очереди в полицейский участок в Афинах, где им могут выдать долгожданную «розовую карточку». Эта карточка предоставляет ее обладателю все права жителя страны Евросоюза. Но только на шесть месяцев. Получают ее далеко не все, поскольку у многих мигрантов либо совсем нет необходимых документов, либо они фальшивые. Те же, кто получил «розовую карточку», спешат перебраться в другую страну ЕС, хотя удается это далеко не всем и не сразу.

Получить работу, даже самую тяжелую и плохо оплачиваемую, мигрантам в Греции почти невозможно — рабочих мест не хватает сейчас и для греков. «Практически весь деловой центр Афин в течение 24 часов в сутки занят мигрантами; их здесь тысячи, и живут они ужасно» — рассказывает британский исследователь проблем миграции Мартин Болдуин-Эдвардс. «В пяти минутах от моей квартиры, — продолжает он, — я вижу фигуры истощенных людей, о которых нельзя с уверенностью сказать, что они переживут следующий день»[1]. Средства для своего существования мигранты с востока получают за счет мелкой торговли контрабандным товаром и продажи наркотиков. Их тысячами бросают в тюрьмы, но это мало что меняет. Греки боятся мигрантов и, в большинстве, относятся к ним враждебно. Мигрантов часто избивают, а порой и убивают. Страх местных жителей легко перерастает в ненависть, чем и пользуются ультраправые националисты (по сути, полуфашисты) из партии «Золотой рассвет». Партия эта становится все более популярной — совсем недавно, на повторных парламентских выборах 2012 г., она получила почти 7% голосов.

Очевидно, что проблема мигрантов в Греции острее, чем в других европейских странах. Нормализовать ситуацию и снизить накал развертывающихся вокруг этой проблемы страстей, пожалуй, возможно (хотя и трудно), но для этого нужны весьма значительные средства, которых в стране, как известно, нет. Впрочем, сейчас трудно предсказать не только судьбу живущих в Греции мигрантов, но и самой Греции.

Бельгия

Бельгийское государство сравнительно молодое. В 1830 г. оно выделилось из состава Нидерландов, и больше половины населения этой страны — фламандцы, говорящие на нидерландском

[1] См.: *Migranten in Griechenland.* «Fremdenhass ist ein neues Phänomen in der griechischen Gesellschaft» (http://www.tagesspiegel.de/ 24.08.2012).

языке. Между ними и франкоязычными валлонами постоянно возникают конфликты, из-за которых в стране очень трудно создать правительство, которому доверяло бы большинство граждан. В последние годы страна находится буквально на грани распада. Чрезвычайно сложные и напряженные отношения между фламандцами и валлонами отодвигают в Бельгии на второй план проблему мигрантов. Тем не менее, эта проблема существует.

С конца XIX в. Бельгия владела большой и богатой африканской колонией в бассейне реки Конго (после 1908 г. официально). В 1960 г. колония обрела независимость и стала Республикой Конго. Часть конголезцев перебралась в Бельгию, но их доля среди всех иммигрантов была незначительной. Большую часть приехавших в шестидесятые годы иностранцев составляли гастарбайтеры. Еще в 1946 г. бельгийское правительство договорилось с Италией о приезде в страну 50 тыс. итальянских рабочих, а в 1961–1966 гг. приехали на работу в Бельгию 130 тыс. турок и марокканцев. После нефтяного кризиса 1973 г. экономический бум закончился, и в 1974 г. бельгийское правительство решило остановить миграцию. Но в соответствии с Хельсинкскими соглашениями оно не вправе было мешать процессу воссоединения семей[1]. Рост численности иммигрантов продолжался. Закон 1984 г. о бельгийском гражданстве был довольно жестким и, главное, дискриминационным по отношению к иммигрантам неевропейского происхождения. В 2000 г. этот закон обновили, и он стал более гибким в своих требованиях. И, как следствие, в 2000-х гг. довольно много иммигрантов получили бельгийское гражданство.

После радикальных перемен в Восточной Европе, после афганской и иракской войн, после «арабской весны» профиль бельгийских мигрантов изменился. Стало больше беженцев (главным образом, из Палестины, Ирака, Афганистана, Судана и Конго), которым Бельгия редко отказывала в праве убежища, а также экономических мигрантов из Восточной Европы и постсоветских государств. В 2006 г. в стране насчитывалось более миллиона иностранцев[2] (9% населения). Примерно половина из них — европейцы (180 тыс. итальянцев, 60 тыс. французов, 50 тыс. немцев, 40 тыс. поляков, 35 тыс. евреев[3], а еще русские, украинцы, румыны и др.). Многие считают,

---

[1] «Europa braucht innovative Programme zur Integration von Migranten und ethnischen Minderheiten», Bericht über ein internationales Seminar 13.–25. März 2011. Herausgeber: Heinrich Bücker-Gärtner Linnéuniversitet Kalmar/Växjö, Schweden. S. 51.

[2] Ibid. S. 52.

[3] http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_ Бельгии #cite_note-3.

что число жителей Бельгии, имеющих иностранные корни, гораздо больше миллиона, поскольку во второй половине XX в. один миллион вчерашних иностранцев уже получил бельгийское гражданство (правда, многих из этих людей уже нет в живых). Есть данные (которые большинству исследователей представляются завышенными), что в Бельгии проживает 2,75 млн человек с бэкграундом мигранта (т.е. 25% населения)[1].

Очень долго, вплоть до 1989 г., Бельгия не имела сколько-нибудь продуманной интеграционной политики. В результате этого запаздывания проблема иммигрантов уже в конце прошлого века приобрела, как и в большинстве других стран Западной Европы, острый социальный характер. Однако с помощью ряда законодательных актов первой половины 2000-х гг. и особенно интеграционного декрета 2009 г. правительству удалось несколько смягчить социальную напряженность в иммигрантской среде. Особенно эффективными оказались некоторые инициативы муниципальных властей, в частности в Генте. В 2010 г. интеграционная политика бельгийских властей была оценена по 148 параметрам в соответствии с индексом MIPEX (Migration Integration Policy Index). Было признано, что закон о гражданстве 2000 г. и декрет об интеграции 2009 г. помогают иммигрантам улучшить свое экономическое положение, особенно в общественном секторе, защищают от последствий кризиса и способствуют их интеграции в бельгийское общество[2].

Существуют, однако, проблемы иммигрантов, порождаемые не столько социальной, сколько внешнеполитической ситуацией. Важнейшая из проблем заключается в том, что с потоком беженцев в страну попадает немало людей из различного рода экстремистских организаций, в том числе из «Аль-Каиды». Это особенно волнует бельгийцев, поскольку в Брюсселе расположены штаб-квартиры НАТО и Евросоюза.

Швейцария

В 2011 г. в Швейцарии проживало 1,82 млн иностранцев (см. табл.1. 8.).

---

[1] http://www.unzensuriert.at/content/005086-Belgische-Demographie-Bereits-mehr-als-ein-Viertel-Migranten. 31. Juli 2011. 9:43.

[2] «Europa braucht innovative Programme zur Integration von Migranten und ethnischen Minderheiten», Bericht über ein internationales Seminar 13.–25. März 2011. Herausgeber: Heinrich Bücker-Gärtner Linnéuniversitet Kalmar/Växjö, Schweden. S. 80.

Таблица 1.8[1]

Страны и регионы, из которых прибыли иностранцы	**Численность** (тыс.)	**%**
Страны ЕС-27	1 145,0	63,1
в том числе: Германия	275,3	15,2
Франция	99,9	5,5
Италия	288,0	15,9
Австрия	37,9	2,1
Португалия	223,7	12,3
Испания	65,8	3,6
Остальные страны Европы	400,8	22,0
в том числе: Сербия	109,3	6,0
Турция	71,4	3,9
Африка	74,8	4,1
Америка	76,6	4,2
Азия	113,6	6,1
Океания	4,1	0,2

Знакомство с приведенными в таблице цифрами позволяет понять, почему в Швейцарии проблем с иммигрантами меньше, чем в других государствах Западной Европы, хотя иностранцев в этой стране очень много — 23,6% всего населения. Дело в том, что подавляющее большинство иностранцев в Швейцарии (почти 90%) — это европейцы или американцы, причем три четверти всех европейцев приехали из стран Евросоюза. Африканцев и мигрантов из стран Азии Швейцария старается к себе не пускать, азюль выдает крайне редко, мультикультурализм не поощряет. В ноябре 2009 г. в стране, когда-то славившейся своей веротерпимостью, на всенародном референдуме было принято решение, запрещающее строительство минаретов.

Иностранцев много, но, в основном, это нужные стране люди — либо те, кто готов выполнять неквалифицированную работу, которой не хотят заниматься швейцарцы, либо, напротив, специалисты очень высокой квалификации. От всех остальных стараются избавиться. Разными способами. На собеседование при устройстве на работу, например, человек с бэкграундом мигранта приглашается в пять раз реже, чем швейцарец. Лишь в редких случаях принимается во внимание профессиональная подготовка, полученная в государствах, не входящих в Организацию экономического сотрудничества

[1] PETRA, STATPOP.

и развития (ОЭСР). Женщины из слаборазвитых стран, имеющие маленьких детей, практически лишены даже минимальных шансов найти работу. До сих пор в Швейцарии не выработаны стандарты интеграционной программы для вновь прибывающих мигрантов[1]. Стать гражданином Швейцарии мигрант может лишь в исключительных случаях. Правила получения гражданства постоянно усложняются, хотя они давно уже намного жестче, чем в других государствах ОЭСР. Чтобы иметь право подать ***документы*** на получение гражданства, иностранец должен не менее 12 лет прожить в Швейцарии. Кроме того, во многих кантонах существуют дополнительные ограничения для желающих стать швейцарским гражданином[2].

По сути, миграционная политика Швейцария направлена на то, чтобы оградить граждан этого государства от проникновения в страну тех, кто может создать для нее проблемы. С определенной точки зрения такая политика может быть оправдана, но не следует забывать, что она является дискриминационной, т.е. противоречит основополагающим принципам демократии. Кроме того, швейцарцам стоило бы помнить: свое благополучие они обеспечили не только собственным трудом, но и прибылью, получаемой за счет труда граждан других государств. В том числе и тех стран третьего мира, откуда, из-за происходящих там бурных перемен, устремляются в Европу потоки беженцев.

Австрия

В 2011 г. в Австрии постоянно проживали 1 млн 569 тыс. человек с бэкграундом мигранта. Из них 1,15 млн родились за границей, а 415 тыс. — уже на австрийской территории[3].

Ситуация с иммигрантами в Австрии больше всего похожа на положение в ФРГ. В Австрии резиденты с бэкграундом мигранта — это 18,7% всех жителей страны, а в Германии — 19%. Приезжие из стран Евросоюза составляют в Австрии треть всех иммигрантов, в Германии — 30%. И в ФРГ, и в Австрии примерно 3% жителей — турки. Разница в том, что в Германии значительнее процент русских немцев и меньше выходцев из стран юго-восточной Европы, особенно из бывшей Югославии. Если в ФРГ «югославы» составляют примерно 8,5% всех лиц с бэкграундом мигранта, то в Австрии — 33%.

---

[1] Integration von Zuwanderern in der Schweiz erfolgreich: Verbesserungsbedarf bei schwachen Gruppen (Paris/Bern — 14.02.2012); https://biblio.parlament.ch/e-docs/362083.pdf.

[2] Ibid.

[3] http://www.statistik.at/web_de/presse/065608.

Причина того, что в Австрии очень много иммигрантов-«югославов», понятна — эта страна соседствует с государствами, прежде входившими в югославскую федерацию, и, кроме того, Хорватия, Словения и Босния до Первой мировой войны были частью Австро-Венгерской империи. Какая-то часть жителей Югославии пытались приехать на заработки в Австрию еще до распада своей страны, но основная масса попала туда уже после этого распада. Когда начались жестокие междоусобные войны, именно к австрийской границе направился основной поток беженцев из развалившегося на части государства.

Социально-экономическое положение иммигрантов в Германии и Австрии примерно одинаковое. Уровень образования мигрантов, приехавших не из государств Евросоюза, существенно ниже, чем у коренных жителей и выходцев из стран ЕС. Если среди коренных австрийцев 15–64 лет среднее образование имеют 73%, обязательный минимум — 13,7%, а высшее образование — 13,3%, то у «югославов» этого возраста почти 40% имеют минимальное образование и только 5% — высшее. У турок положение с образованием еще хуже (минимальное — 68,3%, высшее — 3,6%)[1]. Существенно выше в иммигрантской среде, по сравнению с австрийцами, уровень безработицы (среди австрийцев — 6,7% безработных, у сербов — 11,7%, у турок –13,9%). Больше среди иммигрантов и людей, чьи доходы ниже прожиточного минимума. «Югославы» в среднем зарабатывают меньше австрийцев (соответственно, 17 тыс. и 22 тыс. евро в год), но бедных среди них не намного больше, чем среди коренных жителей (16% и 12%). Среди турецких иммигрантов люди, живущие за чертой бедности, встречаются куда чаще[2].

Интеграционная политика австрийских властей, направленная на преодоление социального неравенства между коренным населением и иммигрантами, подобна той, что проводится в ФРГ. Осложнения связаны с тем, что мигранты-югославы доставляют, пожалуй, больше хлопот, чем турки. Это не удивительно: большинство турок — гастарбайтеры или их потомки, а большинство «югославов» — люди, убегающие от гражданской войны, в которой многие из них участвовали. Они принесли с собой в Австрию взаимные обиды, религиозную нетерпимость, горечь перенесенных страданий, т.е. значительную долю того напряжения, что создавало грозовые разряды колоссальной силы у них на родине. Чтобы это

---

[1] STATISTIK AUSTRIA, Mikrozensus-Arbeitskräfteerhebung 2009, Jahresdurchschnitt. — Bevölkerung in Privathaushalten.

[2] AMS Österreich, Arbeitsmarktforschung/Statistik, 2008.

напряжение в Австрии сошло на нет, понадобится не одно десятилетие.

Существенно и то, что в Австрии сильнее, чем в Германии, проявляет себя национал-экстремизм. Если в ФРГ радикально националистические партии, в лучшем для них случае, могут прорваться только в ландтаг, то здесь в 2008 г. две союзные правоэкстремистские партии получили 29% голосов на выборах в австрийский парламент. Добиться этого они смогли, не в последнюю очередь, благодаря своей антиисламской и антииммигрантской пропаганде. Одно из тогдашних требований правых радикалов к мигрантам: «Либо ассимилируйтесь, либо депортация!» пользовалось поддержкой 71% опрошенных социологами австрийцев. Конечно, о последовательном проведении политики мультикультурализма в этих условиях не может быть и речи. Правда, после гибели в 2008 г. популярного лидера правых Йорга Хайдера активность национал-экстремистов несколько снизилась, и политика властей, направленная на интеграцию мигрантов в австрийское общество без принудительной ассимиляции, стала вызывать больше симпатий. В 2010 г. почти 18% опрошенных австрийцев считали, что процесс интеграции идет очень плохо. В 2011 г. тех, кто так считает, было 13%, а в 2012 г. — 12%[1]. Совсем небольшой, но прогресс.

Скандинавские страны

Одним из самых страшных событий последних лет было массовое убийство в Осло, совершенное 22 июля 2011 г. Из ненависти к мигрантам и исламу норвежец Андерс Брейвик хладнокровно расстрелял и взорвал 77 человек, абсолютно ничего ему не сделавших. Как это могло случиться в Норвегии, самом богатом и социально благополучном государстве мира, славящемся к тому же, как и все скандинавские страны, своей толерантностью к инакомыслию?

В 1952 г. Швеция, Дания, Норвегия и Исландия создали организацию экономического сотрудничества северных стран — Северный Совет, к которому позже присоединилась Финляндия. С конца 1950-х гг. входящие в этот Совет страны стали быстро развиваться и им понадобилось привлечь рабочих из-за рубежа. Гастарбайтеры приехали из западноевропейских стран, Югославии, Турции, Марокко, Пакистана. После нефтяного кризиса 1973 г. чужеземных рабочих больше не приглашали, но к тем из них, кто остался в скандинавских странах, продолжали приезжать родственники. Тем не менее, до конца

[1] http://www.statistik.at/web_de/presse/065608.

80-х годов подавляющее большинство мигрантов в скандинавских странах были выходцами из соседних государств и других стран Западной Европы. Лишь в начале 90-х годов прошлого века резко возросла доля восточных европейцев и стали приезжать в большом числе мигранты из Азии, Африки и Латинской Америки.

В 2007 г. в Швеции жили 1 млн 220 тыс. резидентов, родившихся за пределами страны. Примерно 400 тыс. из них (одна треть) родились в Азии или Африке. В 2010 г. в этой стране проживали уже 1 млн 337 тыс. вчерашних иностранцев. На первый взгляд может показаться, что это очень много для страны с населением меньше десяти миллионов (14,3% всех жителей). Но не следует забывать, что более трехсот тысяч человек (25–26%) — скандинавы, в том числе шведы, которые родились в одной из соседних стран. И еще полмиллиона — европейцы или американцы[1]. Пик миграции в Швецию пришелся на 2008 г., когда в страну въехала 101 тыс. мигрантов. Почти 18% — это вернувшиеся домой шведы, более 9,3% — жители других скандинавских стран, 3,4% — немцы, 7% — поляки, 2,5% — румыны, 1,8% — сербы. Более 12% — беженцы из Ирака. Среди остальных довольно много сомалийцев (4%), таиландцев (3%), китайцев (2,7%)[2]. Примерно такой же была миграция в Данию и Норвегию (в Финляндии мигрантов намного меньше). Поскольку репатриантов в этих странах меньше, чем в Швеции, то и доля тех, кто приехал в страну из-за рубежа, в общей численности населения несколько меньше, чем в Швеции. Процент же неевропейцев, соответственно, — выше. В 2010 г. в Норвегии постоянно проживало более 500 тыс. людей с бэкграундом мигранта (11% всех жителей), а в Дании — 500 тыс. тех, кто родился за границей (9% населения страны).

Скандинавские страны не имеют выхода к Средиземному морю и не граничат с развивающимися странами. Большинство мигрантов из слаборазвитых стран попали сюда из других западноевропейских государств после подписания Шенгенского соглашения. Именно из-за того, что Норвегия, Швеция и Дания являются наиболее благополучными странами Европы, сюда — транзитом через Грецию, Испанию, Португалию, Италию или Мальту — особенно стремились попасть мигранты из Азии, Африки, восточной и южной Европы. Тем более, что слабым в Скандинавии, где сильны позиции левых партий, традиционно оказывалась очень серьезная социальная поддержка. И получить политическое убежище в конце 90-х и первые годы 2000-х гг. здесь было относительно легко.

---

[1] http://focus-migration.hwwi.de.

[2] Statistika Centralbyrän, 2009.

Толерантные скандинавы поначалу отнеслись к проблеме иммигрантов спокойно. Государственные структуры начали активно содействовать адаптации прибывающих в их страны людей, выделяя для этого большие средства. Но поток мигрантов с каждым годом нарастал, и на их поддержку уходила все б льшая и б льшая доля бюджета. Налоги же, за счет которых формируется бюджет, и прежде были в этих странах непомерно высокими. Сначала в правых, а затем и в либеральных газетах и журналах все чаще стали появляться статьи, в которых приводились цифры расходов, идущих на адаптацию иммигрантов. В 2001–2006 гг. тема миграции стала предметом публичных дебатов на телевидении.

Еще больше, чем скачок расходов на интеграцию, напугал граждан скандинавских стран рост преступности, который был параллелен росту числа иммигрантов. Большинство приезжающих, особенно азиатов и африканцев, селились в самых больших городах Швеции, Дании, Норвегии. В Осло, например, почти четверть всех жителей города в 2010 г. составляли иммигранты[1]. И, по данным полиции, на их долю приходилось до 90% всех преступлений, связанных с насилием[2]. Попытки уменьшить преступность за счет реализации новых интеграционных программ быстрого эффекта дать не могли, зато существенно увеличили бюджетные расходы, что еще больше рассердило обывателей.

В Скандинавии, как и по всей Европе, на поведении иммигрантов сказываются события на Ближнем Востоке, в Афганистане и Пакистане, в странах Магриба. Более активными стали исламские фундаменталисты. И толерантность, которая всегда наилучшим образом характеризовала граждан скандинавских стран, неожиданно стала помехой в деле смягчения напряженности в отношениях между местным населением и мигрантами. Слишком большой оказалась разница между средневековым сознанием многих приезжих и модерным, а то и постмодерным сознанием скандинавов. Постмодернизм здесь упомянут не случайно. Ставшее популярным в Европе конца XX в. релятивистское отношение к универсальным ценностям особенно сильно себя проявляет в странах, где веками культивируется толерантное отношение к любому мнению, где чрезвычайно дорожат свободой самовыражения и где меньше всего табу. Швеция, Норвегия, Дания, безусловно, попадают в число таких стран. Но, как известно, в определенных обстоятельствах отсутствие табу может привести к плохим результатам.

---

[1] http://www.norwegen.no/News_and_events/germany/policy/Migration-in-Norwegen/.

[2] *Савенков В.* Свободная пресса. 26.07.2011.

В свое время издевался над христианскими ценностями датский карикатурист Херлуф Бидструп, в наше время другой датчанин — Курт Вестергаард — публикует карикатуры на пророка Мухаммеда. Если бы свои антихристианские картинки Бидструп рисовал лет пятьсот назад, он бы рисковал головой, но в давно секуляризированной Европе XX в., тем более в толерантной Дании, они мало кого всерьез задевали. А вот нарисованные там же, но уже в XXI в. карикатуры Вестергаарда оскорбили очень многих. Во-первых, потому что к этому времени современные средства массовой коммуникации тесно связали Европу с регионами, где доминируют совершенно иные ценности и где к такого рода шуткам относятся более чем серьезно. Во-вторых, потому что многие тысячи людей с выраженным религиозным сознанием в силу различных обстоятельств переместились из развивающихся стран в Европу и, в частности, в Данию. Очень многое изменилось в последние десятилетия и в Датском королевстве, и во всем мире. И с этими переменами приходится считаться.

К этой теме мы еще вернемся, а здесь хотелось бы заметить, что с середины 2000-х гг. конфликт между мигрантами и местным населением стал конфликтом внутри самого скандинавского общества — противостоянием сторонников и противников мультикультурализма. Одна часть шведов, норвежцев и датчан настаивала на том, что нужно проявить терпение и продолжать толерантную политику интегрирования мигрантов в общественную жизнь скандинавских стран на основе принципов мультикультурализма, другая же часть проявлять чрезмерное терпение не хотела и требовала немедленных мер по ограничению миграции. Последних с каждым годом становилось все больше. Уже в середине 90-х гг. тема миграции стала обыгрываться в политической борьбе правых и левых сил. Раньше и сильнее всего это проявилось в Дании.

Видимо, из-за близкого соседства с Германией, которая в прошлом неоднократно вмешивалась в дела Дании, в сознании многих датчан парадоксальным образом уживаются вместе универсализм и веротерпимость, с одной стороны, и ориентация на культурную гомогенность — с другой. По мнению датского исследователя Ульфа Хедетофта, датская политическая система (в отличие от политической системы других северных стран) не склонна признавать права меньшинств и делает это только в исключительных случаях. «В этом смысле, — пишет Хедетофт, — Дания похожа на Францию: здесь ценят равенство, секуляризацию и *ассимиляцию*»[1].

---

[1] *Hedetoft U.* Denmark: Integrating Immigrants into a Homogeneous Welfare State http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=485.

В 2001 г. власть в Дании получили консерваторы. Одержать победу они смогли не в последнюю очередь потому, что обыграли в свою пользу тему миграции. Кроме того, им оказала поддержку радикально правая Народная партия, и, придя к власти, победителям пришлось отрабатывать долги. Уже в следующем году в несколько раз сократилось число выдаваемых мигрантам разрешений на проживание в Дании. Азюль стали предоставлять лишь в очень редких случаях. Подавляющему большинству беженцев (даже из тех районов, где идет война) в предоставлении политического убежища было отказано. А в 2011 г. был принят закон, который резко ограничивал возможности воссоединения датских иммигрантов со своими ближайшими родственниками[1]. Закон, кстати, откровенно противоречил требованиям Хельсинкского соглашения. Правда, он не спас консерваторов от поражения на парламентских выборах того же года. Победили в 2011 г. левоцентристы, премьер-министром стала лидер социал-демократов Хелле Торнинг-Шмитт. Теперь наверняка можно ожидать каких-то изменений политики в отношении мигрантов, но насколько они будут радикальными, сказать трудно. Ведь против репрессивного закона 2011 г. проголосовали только 7 из 179 депутатов парламента[2].

В Швеции наступление правых, которые здесь также всегда готовы использовать в своей политической игре антииммигрантские настроения большой части населения, началось несколько позже, чем в Дании. В 2006 г. на выборах в риксдаг победили правоцентристы, и с этого момента начался откат от политики мультикультурализма, которую проводили раньше социал-демократы. Правоцентристы пытались уверить массы в том, что в результате проведения политики мультикультурализма в обществе, ранее воспринимавшемся как нечто цельное, появилось разделение на «мы» (шведы) и «они» (мигранты). Пора, мол, восстановить единство шведского общества[3]. Красивые слова, но на практике за ними стояли лишь ограничительные меры против мигрантов (правда, менее жесткие, чем в Дании) и однонаправленный контроль за процессом интеграции, который теперь все больше и больше напоминает ассимиляцию. Очевидно, что действенные меры против тех, кто нарушает закон, необходимы, но стоило бы попытаться возродить терпимое отношение местного населения к тем иммигрантам, что соблюдают шведские законы

---

[1] Strict Immigration Laws 'Save Denmark Billions' // Spiegel online. 24.04.2011.

[2] http://german.ruvr.ru/2011/06/29/52561860.html.

[3] Bernd Parusel in «Focus-Migration: Schweden» (http://focus-migration.hwwi.de).

и в то же время сохраняют свои религиозные и культурные традиции. Этого правоцентристы не делают. Зачем? Усиливающиеся в обществе антиисламские и антииммигрантские настроения уже помогли им в 2010 г. остаться при власти на второй срок, возможно, они помогут и в будущем.

Последовательно придерживаются принципов мультикультурализма только левые партии Норвегии — Рабочая партия и Левая социалистическая. В 2005 г. эти партии в союзе с партией Центра, победив на выборах, создали «красно-зеленую коалицию». Через четыре года они повторили успех. Левые проводят мультикультурную интеграционную политику не только на уровне административных решений, но также вырабатывая на практике новые формы совместной жизни людей с различными культурными традициями. Поисками таких форм должны были заняться и собравшиеся в июле 2011 г. на острове Утойя в окрестностях Осло молодые активисты Рабочей партии и их друзья-иммигранты. Не успели.

Далеко не все скандинавы одобряют мультикультурную политику левых. Многие предпочитают упрощать сложные решения, не желают объяснять высокий уровень преступности в иммигрантской среде тем, что люди приехали из слаборазвитых стран, что у них низкий уровень общего и профессионального образования, очень высокий уровень безработицы, есть проблемы с языком и так далее. Социальные факторы поддаются изменениям, нужно только проявить волю и терпение. А этого никто не любит. Куда проще во всем обвинить ислам, который-де изначально порочен. Тот факт, что мусульманская религия решительно осуждает уголовные преступления (особенно резко — такие как изнасилование), их не смущает. Если кого-то все же смущает, то на помощь приходит мифотворчество, так часто вытесняющее конкретное знание. Ислам виноват, и всё тут. Все, кто предлагает дружественное сосуществование с мусульманами и прочими чужаками, — враги общества и против них следует бороться любыми методами. Когда Брейвик методично, одного за другим, расстреливал подростков на острове Утойя — он, несомненно, целился в мультикультурализм.

* * *

Проанализировав ситуацию с иммигрантами в странах Западной Европы, можно сделать несколько обобщающих выводов.

1. Миграцию иностранцев в Западную Европу нельзя рассматривать как некий равномерно протекающий процесс. Хотя, в общем, за последние 60 лет число мигрантов в Европе увеличилось, очевидно, что этот рост в одни периоды тормозился, в другие

же резко ускорялся. Совсем нетрудно выделить при этом несколько временных потоков.

Первый поток мигрантов хлынул в послевоенную Европу в пятидесятые-шестидесятые годы, и вызван он был двумя разными причинами. Массовая миграция в бывшие колониальные державы (Англию, Францию, Голландию) была связана с начавшимся процессом деколонизации. Для жителей метрополий необходимость принять у себя значительное число людей из своих бывших заморских территорий была своеобразной расплатой за эксплуатацию колоний. Тогда же в наиболее развитых европейских странах (в Германии, Австрии, Бельгии, Нидерландах, Швеции, Дании, Норвегии и некоторых других) начался экономический подъем и им понадобились рабочие руки из-за границы. Руководители этих стран пригласили к себе (в интересах своих народов) гастарбайтеров из соседних государств — главным образом, из более бедных стран Западной Европы, Турции, Югославии, Марокко.

После охватившего всю Западную Европу нефтяного кризиса 1973 г. гастарбайтеров приглашать перестали. Поток мигрантов затормозился, но не прекратился, поскольку к тем, кто остался в европейских странах, стали приезжать в большом числе их родственники. Этому способствовало подписание странами, входящими в ОБСЕ, Хельсинкского соглашения 1975 г., в котором был пункт о необходимости содействовать воссоединению семей.

Мощный поток беженцев пришелся на 90-е годы прошлого века. Рухнул «железный занавес», и через приоткрытую дверь в Западную Европу бросились в поисках долгожданного капиталистического рая миллионы людей из стран так называемого «соцлагеря». В эти же годы начались кровопролитные югославские войны, и, спасаясь от них, в Западную Европу побежали многие сотни тысяч хорватов, сербов, боснийцев, албанцев, македонцев. После того как мир перестал быть биполярным и перестала ощущаться сдерживающая сила двух сверхдержав, во многих развивающихся странах третьего мира настало время революций, переворотов, междоусобных войн. Люди стали массово покидать свои дома, разбегаясь по миру. Кто мог, стремился попасть в благополучную Европу.

Когда было подписано Шенгенское соглашение, стало заметным активное передвижение мигрантов уже внутри самой Европы. Вскоре после терактов «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. начались войны в Афганистане и Ираке. Эти войны, конечно же, сопровождались появлением новых потоков беженцев, многие из которых попытались прорваться в Европу. Потом случилась «арабская весна», а следом — ливийская война. Поскольку Западную Европу и третий

мир разделяло Средиземное море, именно его старались преодолеть арабы стран Ближнего Востока на пути в европейское благополучие. Мигранты же из других слаборазвитых стран шли в Европу через Турцию и Грецию.

2. События первого десятилетия нового столетия можно рассматривать как начало предсказанного Хантингтоном столкновения цивилизаций. Причины этого столкновения не только в неизбежном из-за выраженного экономического неравенства конфликте центра и периферии единого капиталистического мира, но и в разнице доминирующих идеологий сталкивающихся между собой цивилизаций — постмодернистских в основе своей, с одной стороны, и домодерных, средневековых, с другой. В афганской, иракской и, косвенно, ливийской войнах приняли участие многие западноевропейские страны. И если раньше в мусульманском мире радикальные исламисты старались вызвать ненависть, прежде всего, к США и Израилю, нейтрально относясь к Европе, то теперь волну этой ненависти они пытаются распространить и на европейские страны. Надо признать, что в этом деле они достигли определенных успехов, причем не только в странах Ближнего и Среднего Востока. Среди европейских иммигрантов-мусульман, особенно в молодежной среде, появилось немалое число фундаменталистов, в любой момент готовых спровоцировать людей на бунт. Это одна из причин того, что взаимоотношения между местным населением и иммигрантами после 2003 г. стали намного более напряженными.

Росту напряженности способствовало также неравное положение приезжих и коренного населения. Более низкий социальный статус иммигрантов, массовая безработица и экономическое неравенство стали благодатной почвой для распространения экстремизма. Усилились нетерпимость, агрессивность и, как следствие, криминогенность в иммигрантской молодежной среде. Усугублялось все тем, что интеграционные программы, как правило, запаздывали и были направлены, в основном, на преодоление уже обнаруживших себя конфликтов, а не на их предотвращение. Реакцией на рост преступности среди мигрантов и неэффективность дорогостоящих и запаздывающих программ их интеграции стало нарастающее раздражение местного населения. Этим недовольством в своих целях воспользовались правые партии, которым удалось заразить иммигрантофобией значительную часть населения стран Западной Европы. Требование любой ценой остановить миграцию (а то и выдворить из страны всех мигрантов) стало весьма популярным. Попытки реализовать это требование, имевшие место в ряде стран, не дали тех результатов, на которые рассчитывали их инициаторы. Меры,

направленные против легализации мигрантов, помимо прочего, сопровождались увеличением числа нелегалов и, как следствие, дальнейшим ростом преступности. Своеобразный замкнутый круг.

3. Непоследовательность интеграционной политики правительств большинства стран Западной Европы объясняется тем, что партии, сменяющие одна другую у власти, по-разному видят задачи такой политики. С точки зрения партий правого центра, интеграция должна иметь своей целью ассимиляцию мигрантов. Левые же силы не против мультикультурного общества, но каким оно должно быть, представляют нечетко. Главное: большинство партий, ради достижения ближайших политических целей, легко идут на уступки настроениям большинства, отказываясь от своих принципов.

Глава 4. Мультикультурализм и демократия

Даже самый общий анализ проблем миграции в западноевропейских странах убеждает нас в том, что все эти проблемы напрямую связаны с событиями, происходящими за пределами Европы, с темой глобализации. Одно дело, оказывается, — успешно развивать демократию внутри страны, надежно огражденной от проникновения туда людей иной культуры и иного, нетипичного для жителей этой страны, мировоззрения, совсем другое — придерживаться принципов демократии в планетарном масштабе.

Испытание для демократии

Может показаться, что книга Тило Саррацина, которой здесь было уделено немало внимания, посвящена ситуации в Германии. На самом же деле в ней затронута масса проблем, которые касаются отнюдь не только немцев. Обсуждение темы мигрантов в этой книге и в ходе полемики вокруг нее продемонстрировало, на мой взгляд, что нынешняя система либеральной демократии находится в состоянии кризиса.

Под удар попала одна из «священных коров» либерализма — свобода слова. Как мы уже знаем, за публичное высказывание своего мнения Саррацина лишили работы и чуть было не исключили из партии, в которой он состоял почти сорок лет. С партией, входящей в Социалистический интернационал, казалось бы, все ясно — многое в книге Саррацина противоречит идеологическим установкам СДПГ. Но из партии-то его все-таки не исключили. А вот с работы в Федеральном немецком банке (по рекомендации Меркель) вынудили уволиться, поскольку он-де ответственен за принятие жизненно важных для всей Германии финансовых решений и его радикализм в вопросах, касающихся миграции, опасен для общества.

Не все, естественно, с этим согласились. Бывший в то время президентом страны Кристиан Вульф настаивал на тщательном анализе всех причин, которые привели к отставке Саррацина. Издатель газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Бертольд Колер напомнил политической элите страны о том, что в демократическом обществе свобода выражения мнений «защищает не только те мнения, что кажутся полезными канцлеру и представляются умным колумнистам достойными респектабельной дискуссии по установ-

ленным наукой правилам, но также и ошибочные, предосудительные, лишенные особой ценности мнения». Если, конечно, они не задевают гарантированные конституцией интересы других. Не будет пользы для демократии, если свобода мнений будет по чьей-то элитной воле ограничена. Это демократии во вред — утверждал Бертольд Колер[1].

Что ж, очевидно, необоснованное ограничение пространства свободного слова демократии не на пользу. Но и публичное оскорбление миллионов людей заявлением, что у мусульман наследственно более слабый интеллект, чем у европейцев, — ей, заметим, тоже навредит. А разве соответствует демократическим стандартам (и, кстати, Хельсинкским договоренностям) отказ предоставить женам граждан ФРГ возможность воссоединиться с семьей лишь на том основании, что они плохо владеют немецким языком? Разве согласуется с демократией предложение Саррацина на десять лет лишать жену немецкого гражданина социального пособия, поскольку она приехала в Германию из-за рубежа? Какая польза для демократии в том, что людей заставляют грешить, не соблюдая религиозные предписания, потому только, что кому-то не нравится хиджаб?

Впрочем, сказанное никоим образом не означает, что книгу Саррацина нужно запретить, а его самого уволить из-за нее с работы. Несмотря на излишнюю резкость выражений и авторскую односторонность, книга Саррацина представляет несомненный интерес тем, что ставит исключительно важные для всего общества вопросы и предлагает неординарные, пусть и во многом спорные, варианты их решения. Никак нельзя сказать, что всё в этой книге ошибочно, предосудительно и лишено ценности. Впрочем, Бертольд Колер прав: ошибочные мнения тоже могут быть публично высказаны. Разумеется, если они не подрывают конституционный правопорядок.

И дело здесь не только и не столько в судьбе самого Саррацина. В ходе полемики вокруг его тезисов выявился еще один важный и очень сложный аспект проблемы свободы слова. Мне кажется, ограничение пространства этой свободы не может быть определено законом той или иной страны однажды и навсегда. Пока государства демократической Европы были, в силу разных причин, отделены от остального мира, правила, в них устанавливаемые, могли бы быть сориентированы только на интересы их собственных граждан и на общие принципы европейской демократии. Но сейчас мир радикально изменился. В эпоху глобализации совершенно иными стали средства коммуникации, паутиной связывающие между собой

[1] *Sarrazin T.* Eine deutsche Debatte. München: Piper Verlag, 2010. S. 159.

весь мир. И нынешние законы, а также нормы общественного поведения в каждой из стран должны учитывать эти перемены. Пределы свободы слова в государстве должны теперь, на мой взгляд, определяться не только в расчете на граждан этого государства. Нужно учитывать и наиболее важные ценности людей, живущих в других странах нашей ставшей уже очень тесной планеты.

Нельзя, думаю, считать нормальным явлением и оставлять безнаказанными действия европейцев или американцев, сознательно подвергающих осмеянию религиозные ценности миллионов людей, живущих как в Европе или США, так и за пределами этих стран. Вспомним еще раз ситуацию с нарисованными Куртом Вестергаардом карикатурами на пророка Магомета, что были опубликованы датской газетой *Jylland-Posten*. Саррацин и его сторонники нисколько не сомневаются в том, что Вестергаард имел полное право сделать то, что он сделал. Да, в соответствии с нынешним датским законодательством и нормами давно секуляризованной европейской жизни — имел. Но всем очевидно, что при современных возможностях СМИ подобного рода «шуточки», специально рассчитанные на скандал, обязательно станут известными в исламских странах, где религиозные чувства у людей развиты куда сильнее, чем у большинства европейцев. И эти их чувства, несомненно, будут оскорблены. Очень многие люди захотят отомстить за оскорбление своих святынь. И месть может быть непропорционально жестокой. Вспомним совсем недавнюю историю с созданным в США откровенно антиисламским фильмом «Невинность мусульман», оскорбляющим пророка. Фильм этот вызвал волну массовых беспорядков почти во всех мусульманских странах. Погибли десятки людей, в том числе американский посол в Ливии.

Безусловно, наибольшая доля вины за эти беспорядки ложится на радикальные исламистские организации, подстрекавшие людей к жестокому отмщению. Но никак нельзя снять ответственность с тех, кто создавал фильм, провоцирующий верующих людей, и с тех, кто поощрял к этому создателей фильма, утверждая безграничную свободу самовыражения. Любопытно, что в момент беспорядков из-за «Невинности мусульман», когда на улицах Каира, Бенгази и других мусульманских городов уже лилась кровь, французский журнал *Charlie Hebdo* опубликовал очередную карикатуру на Магомета. Позиция издателей журнала была предельно циничной: пока разгневанные толпы бунтуют, громят западные посольства и убивают людей, на скандальной теме можно неплохо заработать.

Заработать на свободе слова, конечно, можно, однако не забудем, что государственные границы проходимы сегодня не только

для современных средств массовой коммуникации, но и для религиозного фанатика, готового ради спасения чести пророка пожертвовать своей жизнью и лишить жизни других. И ради того, чтобы совершить акт отмщения, ему вовсе не обязательно добиваться статуса иммигранта — можно найти и другие возможности попасть в Европу. Так что европейским законодателям нужно подумать о том, как заставить безответственных людей уважать жизненно важные ценности не только своего, но и других народов. Добившись в этом деле успеха, они защитили бы не только чувства миллионов людей в разных странах, но и жизнь, и безопасность своих собственных граждан. И способствовали бы воспитанию взаимопонимания между народами. Надо заметить, что такого рода законодательные меры вполне отвечали бы принципам гуманизма, на которых держится западная демократия. Если, конечно, иметь в виду, что гуманизм основывается не только на уважении индивидуальных прав и свобод, но и на общечеловеческой солидарности. Увы, эта солидарность пока не созрела настолько, чтобы парламенты европейских стран были готовы обсуждать такие законопроекты.

Но не одна только проблема свободного слова выявилась в ходе публичного обсуждения книги Саррацина и вопроса о его отставке. Эту отставку, по данным социологических опросов, осудило большинство рядовых немцев. А в демократическом государстве мнение большинства потенциальных избирателей, как уже было замечено, игнорировать нельзя. Мартин Вальзер, осуждая выступление Меркель по поводу книги Саррацина, которую она еще не успела прочитать, сказал: «Это большая удача... Политический класс непродуманно быстро осудил книгу Саррацина, но народ вышел на улицы, раскупил миллионы книг и тем самым поддержал Саррацина... Можно-таки на народ положиться!»[1]

Думаю, Вальзеру не стоило так уж восторгаться тем, что реакция масс заставила политических лидеров тут же изменить свою позицию. Политики в странах с представительной демократией не могут и не должны игнорировать общественное мнение. Но и в том, что они слишком часто идут у него на поводу, мало хорошего. Меркель, очевидно, поспешила со своими первыми заявлениями по поводу книги Саррацина. Была, видимо, уверена, что общество встретит книгу в штыки. А когда поняла, что ошиблась, в срочном порядке пошла на попятную. Всего лишь через месяц после того, как она раскритиковала книгу Саррацина и настояла на его отстав-

[1] См.: интервью М. Вальзера газете «Бильд». 09.11.2010 // http:www.bild.de/politik/2010/di-politik-hat-sarrazin-toericht-shnell-verurte:et-14582506.bild.html.

ке, Меркель вдруг решила уступить общественному мнению. Не потому, думаю, что изменила свое отношение к книге, а потому что у Саррацина оказалось слишком уж много сторонников. О полном провале политики «мультикульти» Ангела Меркель заявила как раз в тот момент, когда немцы массово раскупали книгу Саррацина, во всех газетах и журналах активно обсуждали ее главные тезисы, а опросы общественного мнения показывали, что большинство граждан недовольно высказыванием канцлера и поддерживает автора книги. Любопытно, что, делая свое заявление о провале курса на формирование поликультурного общества, Меркель даже назвала этот курс так же, как и сторонники Саррацина. Не «политика мультикультурализма» (к которой она, судя по прежним высказываниям, была «привязана всем сердцем»), а пренебрежительное, издевательское «мультикульти» — словечко из лексикона острых на язык журналистов[1]. Очень скоро стало ясно: отказ канцлера развивать мультикультурализм будет иметь вполне конкретные последствия. Возглавляемый Меркель блок партий ХДС/ХСС потребовал изменить закон именно так, как того требовал в своей книге Саррацин. «Мы хотим, чтобы от супруга-иностранца, желающего приехать в нашу страну, уже перед въездом потребовали основательного знания немецкого языка», — заявил депутат бундестага от фракции этого блока Михаэль Фризер[2]. Такая вот политическая флуктуация.

Уже говорилось о том, что лево- и правоцентристские партии Скандинавии (за исключением, пожалуй, Норвежской партии труда) легко меняют, в угоду общественным настроениям, свои программные установки. То же происходит и в других европейских странах. А как же иначе? Не подыграешь большинству, не получишь власть. Держатся за свои принципы, как правило, лишь партии, у которых нет шансов прийти к власти. И еще те высшие чиновники, что не избираются всенародно. Так, бывший президент ФРГ Кристиан Вульф, вроде бы, проявил больше принципиальности, чем Меркель. С одной стороны, он, как мы знаем, не согласился с увольнением Саррацина, с другой — куда решительнее, чем фрау канцлер, поддержал немецких мусульман, заявив, что «ислам принадлежит Германии»[3]. Эти его слова вызвали недовольство многих немцев, но Вульф рискнул. Возможно, потому, что президента страны выбирает не народ непосред-

---

[1] Незадолго до выступления Меркель, 13 сентября 2010 г. в популярном немецком журнале «Фокус» была опубликована статья О. Метцгера, которая называлась «Конец “мультикульти”».

[2] www.CDU/CSU.de, 03.11.2011.

[3] Focus. 03.10.2010.

ственно, а депутаты Федерального собрания, и его зависимость от общественного мнения все-таки меньше, чем у канцлера. Правительство формируется по результатам всенародных парламентских выборов, причем на довольно короткий срок, а потому оно должно думать не столько о завтрашнем дне страны, сколько о том, каким образом сохранить доверие избирателей до следующих выборов. Вот и занимаются политические лидеры популизмом. Очевидная издержка современной представительной формы государственного правления.

Конечно, хорошо, что мнение народа в странах западной демократии оказывает существенное влияние на политический процесс. Безусловно, политики должны с этим мнением считаться. Но так ли уж обязательно всегда и во всем уступать массам? Общественное мнение, в общем-то, верно отражает текущую ситуацию, но вряд ли массы хорошо представляют, в каком направлении должна развиваться страна с учетом даже ближайшей перспективы. Идти у них на поводу — загубить перспективу.

К сожалению, уровень воздействия масс на характер принимаемых политиками решений зависит, прежде всего, от количества сторонников тех или иных взглядов, а вовсе не от их качества. Утверждение, что народ всегда прав и на него можно положиться, не является абсолютной истиной. Часто народ поддерживал опасные для себя самого решения. В нацистской Германии немцы на референдумах почти стопроцентным большинством поддерживали Гитлера, который бросил их в кровавую мировую бойню. А в сталинском СССР народные массы приветствовали репрессии против ни в чем не повинных людей, хотя сами же от этих репрессий страдали. Очевидно, что в тоталитарных странах власть формировала нужную ей позицию большинства при помощи обмана, насилия и создания атмосферы страха. Демократия этого в больших масштабах не допускает, но и в демократических странах большинство далеко не всегда защищает истину. Отнюдь не редко оно готово поддержать наиболее простые, но далеко не самые разумные решения. И не только потому, что у государственной бюрократии и капитала, ответственных за принятие важнейших решений в западных странах, есть средства для массовой «промывки мозгов».

Общество на Западе социально дифференцировано, атомизировано и разобщено. Эпоха, когда, к примеру, интересы трудящегося большинства противопоставлялись меньшинству так называемых «эксплуататоров», уже в прошлом. Интересы тех, кто работает сегодня, во многом противоречат интересам вчерашних работников — нынешних пенсионеров. Временно работающие контрактники, которых становится все больше, недолюбливают тех, у кого есть

постоянное место работы. Одна отрасль экономики противостоит другой, малый бизнес — среднему, оба они — крупному капиталу, промышленный капитал — финансовому и так до бесконечности. В этих условиях найти нечто такое, что могло бы объединить в устойчивое большинство различные социальные слои и страты, очень сложно. Сложно, но возможно. Так происходит, когда значительная часть общества ощущает угрозу (истинную или мнимую), исходящую извне. Многие жители западных стран именно в мигрантах видят носителей такой угрозы, проникающей вместе с приезжающими из-за границы в их повседневную жизнь. Страх перед мигрантами порождает в массах потребность в этнонациональной солидарности. Что на руку убежденным националистам.

Национализм и демократия. Еще одна тема, ставшая исключительно актуальной в связи с проблемами миграции. Как мы уже говорили, у немцев десятилетиями сохранялся комплекс национальной неполноценности, обусловленный преступлениями Третьего рейха. Очень долго они пытались сдержать трудно скрываемое раздражение по поводу того, что их Германия, играя решающую роль во всех европейских делах, не может быть названа «великой страной». События последних лет, по оценке бывшего депутата бундестага Освальда Метцгера, «положили конец терпению»[1]. Особенно возмутил значительную часть граждан Германии «паразитизм» мигрантов, который весьма убедительно, как им показалось, продемонстрировал в своей книге Саррацин. Мне, правда, думается, что дело вовсе не в убедительности приведенных Саррацином доказательств и даже не в обиде немцев за то, что их «объедают». Многие из доводов Саррацина весьма сомнительны и довольно легко опровергаются. Просто немцы поверили Саррацину потому, что очень хотели поверить. Ведь он открыто сказал то, что они давно уже желали бы высказать да боялись. А тут появился повод и их прорвало.

Как-то сразу забыли мюнхенцы, берлинцы, жители Франкфурта, Кёльна, Гамбурга или Штутгарта, что фрукты и овощи они часто покупают в турецких или арабских магазинчиках, а обедают и ужинают в итальянских, греческих, индийских, вьетнамских, таиландских, китайских и японских кафе и ресторанах. Забыли и о том, что турецкие мигранты, по словам того же Саррацина, не очень-то конкурентоспособны на рынке труда и выполняют чаще всего наиболее физически тяжелую или наименее оплачиваемую работу, которую большинство тех самых немцев, что сегодня демонстрируют мигрантофобию, выполнять не хотят. Не хотят помнить они, что мигранты

[1] Focus. 13.09.2010.

не только «нагружают» госбюджет, но и внесли в 60–70-е годы колоссальный вклад в строительство самой мощной сегодня экономики Европы. И сейчас вносят. Стоит, к примеру, мюнхенцу перед началом рабочего дня пройтись у проходных автомобильного концерна БМВ, и он сразу услышит, что турецкий, польский, сербохорватский, румынский языки в толпе идущих на завод рабочих звучат чаще, чем немецкий. А автомобилестроение, замечу, — основа основ немецкой экономики. В одном из лучших в мире мюнхенском кардиологическом центре меня оперировали немка и араб, палатным врачом была русская еврейка, завотделением — индус, сестры — гречанка и чешка. Сплошным интернационалом, оказывается, создавался и поддерживается сегодня известный всему миру бренд высокого немецкого качества. Кстати, приехав в Мюнхен спустя почти двадцать лет[1], я заметил, что город стал живее, ярче, веселее, улыбчивее — не в последнюю очередь благодаря иммигрантам, число которых за прошедшее время увеличилось здесь в два-три раза и сейчас составляет более 20%. И незаметно, кстати, что за эти годы сильно вырос в городе уровень преступности. Не знаю, как берлинский Нойкёльн, но мюнхенский Ной-Перлах, где живет много иммигрантов, на нью-йоркский Гарлем совсем не похож. Так что все не так уж плохо. Правда, значительная часть немцев положительного воздействия иммиграции на жизнь Германии замечать, увы, не желает. И не столько потому, мне кажется, что их очень уж волнует материальный аспект проблемы. Суть дела, по-моему, в том, что многие немцы хотят, отталкиваясь от «чужих», самоутвердиться как нация. И через 65 лет после окончания войны, через 20 лет после воссоединения двух Германий избавиться, наконец, от комплекса национальной неполноценности.

Думаю, можно согласиться с Ральфом Джордано в том, что «книга Саррацина катапультировала национальное сознание на новый уровень»[2]. Это было бы совсем неплохо, если бы столь стремительный подъем самосознания немцев не сопровождался отталкиванием от «чужого», если бы в основе его не лежало чувство, называемое *Ausl nderhass* (ненависть к иностранцам). Сегодня наиболее «чужими» и «чуждыми» в Германии кажутся мусульмане. Но было время, когда ими считались евреи. Еврей Ральф Джордано то время, конечно же, никогда не забудет: в течение нескольких лет находился он на волосок от смерти и спасся лишь потому, что долгие

---

[1] Автор статьи эмигрировал в Германию еще в советские годы, затем вернулся на Украину, два десятилетия прожил в Киеве, но недавно вернулся в Мюнхен. — *Примеч. ред.*

[2] См.: *Giordano R.*Wider die Kreidefresser // Die Welt. 04.09.2010.

месяцы прятался с родителями и братьями в тесном погребе. И тем не менее, Джордано поддерживает тезисы Саррацина и выступает против строительства мечетей на немецкой земле, полагая, что ислам не совместим с демократией. Видимо, забыл он, что на заре демократии, в годы Французской революции, сторонники республики видели как раз в иудеях главных противников формирования гражданской нации. Потому что те не хотели растворяться во французской культуре.

Не раз в истории (до и после Французской революции) процесс национального самоутверждения начинался, увы, с еврейских погромов и поджогов синагог. Сегодня, слава богу, случаи мусульманских погромов и поджогов мечетей в Германии крайне редки (хотя, к сожалению, все же имеют место). Президент Центрального совета евреев Германии Дитер Грауман, по-видимому, почувствовал наличие обозначенных здесь параллелей и упрекнул Саррацина в том, что тот «перешел красную черту» и бросил искру, способную поджечь мир в стране. Он, кстати, был одним из немногих, кто поддержал позицию президента ФРГ Вульфа, заявив, что «ислам, безусловно, является частью Германии»[1].

Желание многих немцев поддержать национальное возрождение можно объяснить необходимостью преодолеть комплекс национальной неполноценности, избавиться, наконец, от «груза Освенцима». Но массовая миграция чужестранцев стимулировала подъем национальных чувств не только в Германии, но и в большинстве других европейских стран. Очевидно, что эти чувства активно эксплуатируются национал-экстремистами, но возникают-то они не столько под влиянием националистической пропаганды, сколько в силу объективных причин. Изменившиеся из-за массового притока иммигрантов условия жизни граждан западноевропейских стран убедили многих из них в том, что принципы демократии приносят позитивные шаги лишь тогда, когда эта демократия надежно защищена государственными границами. Процессы глобализации размывают эти границы. И жители демократических стран, испытывая дискомфорт из-за появления в их среде чужих людей, часто не подготовленных к жизни в рамках современной правовой системы и порой агрессивно настроенных, начинают особенно ценить свое национальное государство — как единственного гаранта их безопасности и благополучия. Национализм в этом случае выступает в качестве одной из форм сопротивления глобализации. Надо признать, что там, где национальное государство наиболее жестко пере-

[1] Der Tagesspiegel. 14.03.2011.

крывает мигрантам путь на свою территорию, пусть и нарушая при этом общедемократические принципы, значительно больше порядка. Граждане в таких странах живут в обстановке большей свободы и безопасности (в качестве примера возьмем Швейцарию). Все это так, но брать эти страны за образец решения проблем иммиграции нельзя никак. И дело не только в том, что их «суверенная» демократия, мягко говоря, не совсем справедлива. Не менее важно и то, что наглухо закрывшуюся от мировых проблем «демократию в отдельно взятой стране» просто нельзя сохранить в условиях тотальной глобализации.

Это одна сторона дела. Есть и другая. Попытки консолидировать нацию путем растворения в *Leitkultur* всех пришельцев не только обречены на провал фактически. Они могут подорвать основы существования современного демократического общества. Формирование национального самосознания за счет маргинализации тех, кто придерживается иных культурных традиций, обязательно натолкнется (и уже наталкивается) на их сопротивление. Чтобы с этим сопротивлением справиться, необходимо будет создать в стране атмосферу страха и выстроить соответствующий образ врага. Поскольку самые неподатливые сегодня — мусульмане, с них и будут лепить такой образ. Это уже и делается, в том числе и с помощью книги Саррацина. Правые радикалы будут раздувать образ врага до невероятных размеров. Люди начнут испытывать страх. А для испытывающего такой страх человека, пишет журналист Кай Соколовский, неважно, соответствуют ли его представления реальному положению вещей или нет. Из всей получаемой им информации он отбирает лишь то, что его пугает и соответствует страшному образу, уже выстроенному в его сознании. Этот образ до примитивности прост: мусульмане глупы, не умеют читать и писать; мусульмане ленивы и не хотят работать; мусульмане вороваты и склонны к насилию; мусульмане ненавидят страну, в которой живут, и не желают быть ее гражданами; мусульмане размножаются, как крысы, и скоро заполонят собою всю страну; мусульмане заставляют женщин носить головной платок и избивают их; мусульмане не хотят никого знать, кроме мусульман, и т.д., — конца этому перечню нет. В подтверждение своей правоты, человек, испытывающий страх перед мусульманами и их ненавидящий, продемонстрирует (и саррацины ему в этом помогут) специально отобранные, причем недобросовестно, выдержки из статистических материалов. А все, что не совпадает с его образом врага, напуганный человек проигнорирует[1].

[1] *Sokolowsky K.* Feindbild Moslem. Berlin: Rotbuch Verlag, 2009. S. 181.

Вспоминая историю, нельзя не обратить внимание на то, что подобным же образом накануне прихода к власти нацистов формировался образ врага из евреев. Чем все это закончилось, хорошо известно. Сейчас тех, кто уже слепил из мусульманина образ врага, слава богу, относительно немного. Но массовая поддержка немцами «тезисов Саррацина» настораживает и вызывает обеспокоенность за судьбу демократии в Германии. «Без уважительного отношения к меньшинствам демократическое общество невозможно» — пишет в своей книге Кай Соколовский[1]. И он абсолютно прав.

На опасность того, что атмосфера ксенофобии может стать серьезным препятствием на пути развития демократии в ФРГ, обратил внимание и Юрген Хабермас. Он не считает, будто нынешние ксенофобские настроения возрождают атмосферу, что была в Германии накануне 1933 г. Но и той тенденции, что просматривается сегодня, по его мнению, достаточно, чтобы обратить самое серьезное внимание на необходимость утверждения в общественном сознании либерального понимания конституционализма[2]. Проталкиваемая сейчас Саррацином и его сторонниками концепция *Leitkultur* идет вразрез с таким пониманием. Ведь она требует, чтобы иммигранты не только выучили немецкий язык и соблюдали законы ФРГ, но полностью ассимилировались, т.е. восприняли как свои ценности немецкого общества и отказались ради них от собственных культурных традиций. Или же убирались восвояси. С гуманизмом и демократией эта концепция не имеет ничего общего. Вероятно, стопроцентного возрождения настроений 1933 г. не будет, но идеология «Подчиняйся нашим правилам или убирайся вон!», продолжай она овладевать массами, обязательно породит новые формы экстремизма. Средневековому сознанию мусульманских радикалов будет противопоставлен европейский крайний радикализм, тоже средневекового образца. Уже появилось достаточно много групп и организаций, проповедующих идеологию нового крестового похода против мусульман. Есть уже у новых крестоносцев и свой герой — «тамплиер»-убийца Андерс Брейвик. После его кровавого преступления, ужаснувшего весь мир, в праворадикальные организации скандинавских стран, Англии, Голландии и Германии вступили десятки тысяч (!) новых членов.

В Европе, к счастью, есть еще немало людей, готовых противостоять нарастающей волне ксенофобии. Как мы знаем, далеко не все представители интеллектуальной, культурной и политической

---

[1] Ibid. S. 184.

[2] См.: *Habermas J.* Leaderschip and Leitkultur // New York Times. 28.10.2010.

элиты Германии выступили в поддержку Саррацина. Многие из них посчитали его взгляды антигуманными и направленными против основ демократии. Но правительство страны отреагировало не на их голоса, а на настроения так называемых «широких масс». И отступилось от политики мультикультурализма. Почему? Хабермас полагает, что причина в том, что на политической сцене Германии появляется все больше *неполитических фигур,* которые следуют отнюдь не лучшим образцам немецкой политической культуры, отказываясь от проведения нацеленной на перспективу партийной политики. По мнению Хабермаса, Европе необходимо возродить политический класс, который был бы готов отказаться от проведения курса, колеблющегося в зависимости от сиюминутных обстоятельств, и решительно добиваться реализации стратегических целей[1]. Боюсь, что в данном вопросе Хабермас излишне оптимистичен и несколько упрощает ситуацию. Политики, стремящиеся к достижению долгосрочных целей, при нынешней системе представительной демократии, к власти, скорее всего, не придут, а если и придут, то не надолго. Потому что избираются они атомизированным сегодня обществом, консолидировать которое можно только радикальными стимуляторами, способными воздействовать на эмоции толпы, подобно яду, источаемому книгой и высказываниями Саррацина. В очередной раз выявились внутренние противоречия современной западной либеральной модели. Очевидно, что эта модель — лучшая из существующих, но далека от идеала (и, как мы знаем, не очень прочна). Пришло, видимо, время многое в ней менять. Никто, правда, толком не знает как.

Зачем он нужен, этот мультикультурализм?

Объектом атак со стороны тех сил, что хотели бы свести к минимуму влияние иммигрантов на жизнь страны, в которой они живут, является мультикультурализм. При этом само это слово может и не произноситься. Хотя тезисы Саррацина и развернувшаяся вокруг них полемика дали правительству ФРГ повод признать политику «мультикульти» абсолютно провальной, прямо тема мультикультурализма в книге «Германия: самоликвидация» не поднималась. Тем не менее очевидно, что нападает Саррацин на политику, допускающую возможность культурной автономии различных этнических и религиозных групп мигрантов, т.е. именно на мультикультурализм. В своей

[1] Ibid.

книге он стремится доказать читателю, что мигранты-мусульмане не способны *интегрироваться* в немецкое общество, что мусульманское «параллельное общество» является источником социального неблагополучия для всей Германии. Саррацин не раз подчеркивает, что все дело не в мигрантах как таковых, а именно в мусульманах, потому что консерватизм их религии неприемлем для немецкого общества. Кто-то мог бы из этого сделать вывод, что поликультурное общество в Германии в принципе возможно, но только без мусульман. Но нет, Саррацин настаивает на том, что *всякую* автономию мигрантов (да и саму миграцию как таковую) следует предельно ограничить, а лучше всего вообще запретить. Он противник любого варианта мультикультурализма, хотя и старается не произносить этого слова.

Мультикультурализм предполагает, что культурные традиции, которые принесли с собой иммигранты на новую родину, вовсе не должны растворяться в господствующей там *Leitkultur*. Кто желает, могут интегрироваться в эту культуру, а те, кто намерен сохранить свою религию и все то ценное, что есть в духовном наследии его народа, вправе жить в автономном национально-культурном пространстве, связанном как сообщающиеся сосуды с основным культурным пространством европейской страны, в которую они приехали. Разумеется, Саррацину и его сторонникам никакие национально-культурные автономии не нужны. Только *Leitkultur*. Они потому и концентрируют свое внимание на мусульманах, что те особенно упорны в отстаивании своих верований и культурных традиций. Но предпочтительно не пускать в ФРГ вообще никаких иностранцев (за исключением, разве что, крайне необходимых стране специалистов), а то вдруг какие-нибудь сербы или русские заартачатся и тоже решат жить в Германии по своим правилам. Нет, этого не должно быть.

Подозреваю, очень многие западные европейцы не хотят знать, что такое мультикультурализм и зачем он нужен. С их точки зрения, интеграция должна быть равнозначной ассимиляции. Можно, конечно, пользоваться своим родным языком и жить по своим обычаям, но только у себя дома или на собраниях своей общины. А вне этих пределов будьте добры жить так, как все коренные жители страны. Не только по законам этой страны, но и в соответствии с традициями и обычаями большинства. В таком, примерно, ракурсе воспринимают интеграцию Саррацин и те, кто его поддерживает; так же, по-видимому, стали считать и многие представители правящей элиты других европейских государств — после того как почувствовали, на чьей стороне массы.

Любопытна в этом смысле полемика Меркель с турецким премьер-министром Эрдоганом во время их встречи по поводу пяти-

десятой годовщины начала турецкой иммиграции. Казалось бы, Эрдоган высказал вполне банальную мысль: «Если ребенок хочет выучить новый язык, он должен хорошо знать свой собственный». Нет ничего удивительного, что это высказывание относилось к турецким мигрантам в Германии, ведь большинство из них турецкие граждане и, естественно, должны знать турецкий язык. Тем более что это язык их родителей. Меркель тут же заметила, что для интеграции в немецкое общество первоочередным и обязательным должно быть знание немецкого языка. А министр ее правительства, отвечающая за вопросы миграции, Мария Бёмер назвала приведенное выше высказывание Эрдогана контрпродуктивным. Другой министр Ганс-Петер Фридрих расставил все точки над *i*, сказав, что первым языком молодых турок Германии должен быть язык немецкий, а вовсе не турецкий[1]. Сразу после этой полемики фракция ХДС/ХСС вдруг напомнила публике о своей инициативе ввести специальный экзамен по языку для въезжающего в Германии супруга-иностранца. Четко прослеживается новая политическая линия правящего блока партий. Совсем по-разному, по-видимому, представляют себе интеграцию немцы, с одной стороны, и выходцы из Турции — с другой. Турки Германии, конечно же, с воодушевлением восприняли заявление Эрдогана о том, что языковый барьер для турчанок, направляющихся к мужьям в Германию, это «нарушение прав человека». Вдохновил их, естественно, и призыв премьер-министра Турции «Жить вместе!», обращенный как к турецким мигрантам, так и к немцам. «Жить вместе» — значит интегрироваться в мультикультурное общество Германии, но не ассимилироваться. Те же, кто требуют от иммигранта, чтобы он немецкий язык знал лучше родного, отрицают возможность малейшего отклонения от *Leitkultur*. Не знаю, насколько искренне Ангела Меркель симпатизировала когда-то идее создания мультикультурного общества, но, похоже, она не очень-то задумывалась над смыслом политики мультикультурализма, от которой в угоду массам поспешила отказаться.

«Жить вместе» — так, кстати, называется доклад группы видных общественных деятелей, сделанный ими по просьбе генерального секретаря Совета Европы Ягланда. Доклад этот содержит рекомендации по предотвращению дискриминации мигрантов в европейских странах. Жить вместе — значит соблюдать законы страны проживания, но также и совершенствовать законодательство этой страны в интересах всех ее жителей, а не только этнического большинства. Жить вместе — значит жить по закону, но не по обычаям

[1] Spiegel online. Politik. 02.11.2011.

большинства. Уважительно относиться к этим обычаям необходимо, но строго следовать им вовсе не обязательно. Причем уважать обычаи живущих рядом нужно как меньшинству, так и большинству. По крайней мере внешне такое уважение должен демонстрировать каждый, даже если стиль жизни соседа ему не очень нравится. Так атеист обязан уважительно относиться к верованиям людей религиозных, хотя вовсе не должен разделять их взгляды, ходить с ними в церковь или молиться.

Иная ситуация возникает, когда обычаи вступают в коллизию с нормами права. Правовым нормам в этом случае, безусловно, следует отдавать предпочтение, но тем, кто закон готовит, нужно учитывать традиции не только основной массы населения, но и меньшинств (если, конечно, они не вступают в конфликт с фундаментальными принципами существующей системы права). Среди мусульманских традиций, несомненно, есть такие, что противоречат правовым устоям демократических государств, и мусульмане, приезжая на постоянное жительство в европейскую страну, должны быть готовыми отказаться от них в пользу права. Но желание строить мечети, носить хиджаб в школе и отказываться от некоторых школьных правил на уроках физкультуры ради соблюдения религиозных традиций принципам права демократической страны не противоречат. В этих случаях вполне достижимы компромиссные решения. Гражданам стран, принявших мигрантов, нужно бы подобного рода традиции мусульман воспринимать спокойно, даже если они им не по душе. И какие-то правила скорректировать с учетом потребностей тех, кто живет вместе с ними. Согласится общественность европейских государств, включая Германию, с таким подходом к проблемам иммиграции — в Европе будет построено мультикультурное общество, не согласится — не будет. Второе более вероятно, потому что правители в этом вопросе, скорее всего, пойдут на поводу у большинства.

Разумеется, для того чтобы мультикультурность стала реальностью, необходимы серьезные усилия всего общества и государства. Прежде всего, нужно решить те социальные проблемы, которые осложняют положение мигрантов и делают жизнь в автономных культурных сообществах непривлекательной и даже опасной для коренных граждан. Обязательное условие — постоянный *двусторонний* диалог между этими гражданами и представителями автономных культурных сообществ иммигрантов, *обоюдное* желание понять друг друга. Очевидно, что для успешного диалога нужно, чтобы иммигранты стремились выучить язык страны, в которой они живут. Это *conditio sine qua non*. Но столь же обязательно для достижения

взаимопонимания признание за иммигрантами права жить в европейском демократическом государстве, сохраняя и развивая родной язык, свои верования и культурные традиции.

Безусловно, проведение политики мультикультурализма потребует материальных затрат, внесения выработанных путем компромисса изменений в законодательство, пересмотра отдельных положений школьных программ и правил. Но главное — нужно добиться определенных сдвигов в сознании как европейцев, так и мигрантов, а это сделать труднее всего. Необходимы общественные структуры, деятельность которых имеет целью достижение межнационального взаимопонимания. Нужны специальные хорошо финансируемые культурные программы, которые будут регулярно знакомить коренных жителей страны с религией, культурой, искусством, традициями, со стилем жизни иммигрантов — людей, которые живут не просто рядом, но вместе с ними.

Концепция «мультикультурализма» весьма перспективна, но большинство людей о перспективах не очень-то задумываются — им нужна спокойная, комфортабельная жизнь уже сегодня, сейчас. Правящие в европейских странах политические силы вынужденно подыгрывают мнению большинства. Отказ от мультикультурализма уже задекларирован политиками. И многие ученые-социологи поспешили принять новую реальность и приспособить под нее свои теоретические установки. В октябре 2010 г. отправила в отставку мультикультурализм Ангела Меркель, в феврале следующего 2011 г. то же сделали Кэмерон и Саркози, а уже через месяц, в марте того же года в Швеции состоялась научная конференция, на которой общественности были предложены совершенно новые дефиниции таких понятий, как «ассимиляция», «дискриминация», «мультикультурализм», «маргинализация» и «интеграция». Приведу эти определения:

«— ***Ассимиляция*** означает, что меньшинство перенимает социальные и культурные стандарты большинства, чтобы полностью интегрироваться в господствующую культуру.

— ***Дискриминация*** означает, что некие группы мигрантов в одной или нескольких сферах общественной жизни отделены от других. Они могут без проблем сохранять собственную культуру, поскольку не происходит никакого взаимообмена со страной, принимающей мигрантов. В результате создается ***мультикультурное общество***, в котором все культуры существуют одна подле другой»[1].

---

[1] См.: «Europa braucht innovative Programme zur Integration von Migranten und ethnischen Minderheiten», Bericht über ein internationales Seminar 13.–25. März 2011. Herausgeber: Heinrich Bücker-Gärtner Linnéuniversitet Kalmar/Växjö, Schweden. S. 51.

Прочитал и не поверил своим глазам. Мультикультурное общество, оказывается, возникает как результат дискриминации. Судя по всему, не только советская пропаганда умела выдавать черное за белое, и наоборот. Как писал недавно узбекский писатель Александр Джумаев, «не спит классовое сознание “старых демократий”, демонстрируя свои собственные европейские “двойные стандарты”»[1].

Читая написанное далее, немного успокоился:

«— ***Маргинализация*** означает, что определенные группы людей не могут более находиться ни в сфере собственной культуры, ни в сфере культуры принимающей страны. Эти лишенные корней люди не имеют доступа к собственной культуре и находятся в поисках идентичности, с которой они могли бы заново начать свою жизнь.

— ***Интеграция*** предполагает включение в общество новых групп населения без того, чтобы они утратили собственную культурную идентичность; одновременно они не должны быть изолированы от большинства».

Любопытная, конечно, словесная эквилибристика. Если верить словарям, слово *интеграция* означает всего лишь объединение частей в нечто целое, или (что ближе к нашему случаю) включение кого-то в новое для него сообщество в качестве его полноценного члена. Понятие это вовсе не определяет, на основе чего такое объединение или включение происходит. Здесь возможны различные варианты. В данном случае авторы этим словом определили как раз то, что раньше называлось мультикультурализмом: объединение в единое гражданское общество той или иной страны различных этнических групп с сохранением их культурной идентичности. То есть мультикультурализм теперь будет называться интеграцией. Хотелось бы верить, что ученые, видя, как дружно политики отказываются от мультикультурализма, попытались обеспечить продолжение этого курса, но под другим названием. Не беда, если в дальнейшем политику мультикультурализма будет маскировать слово «интеграция». Важно, чтобы такая политика проводилась. В этом, однако, уверенности нет, поскольку большая часть населения европейских государств, ничего не зная об играх ученых, наверняка будет настаивать на том, чтобы интеграция равнялась ассимиляции. Что же касается правящих партий, то они, скорее всего, согласятся с мнением большинства и не будут реагировать на словесные выверты ученых. Хотя, возможно, и используют их в своей «двойной бухгалтерии».

---

[1] См.: Дружба народов. 2012. № 9 // http://nagazine.euss.ru/druzhba/2012/9/d11.rtml.

О демократии в глобализированном мире

Вернемся, однако, к «суверенной демократии». Возможна ли она в глобализированном мире? В Западной и Центральной Европе полностью суверенных государств уже нет. 27 европейских стран отдали значительную часть своего суверенитета Евросоюзу. Все они, за исключением Великобритании и Ирландии, вошли или собираются войти (Румыния, Болгария, Кипр) в Шенгенскую зону. Присоединились к этой зоне и несколько стран, в ЕС не входящих, — Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн, Сан-Марино, Ватикан, Монако. Границы внутри Шенгенской зоны не охраняются, а защита зоны от проникновения в нее мигрантов извне определяется не столько законами национальных государств, сколько общими для всех правилами. Правда, в исключительных случаях пограничный контроль внутри зоны может временно восстанавливаться. В последнее время Франция часто пользуется этим правом, стараясь не пропускать на свою территорию беженцев из Африки, перебравшихся в Италию. Она же активнее других настаивает на пересмотре Амстердамского соглашения по Шенгенской зоне и на частичном восстановлении погранконтроля внутри этой зоны. Иными словами, европейское национальное государство хотя и может влиять на приток мигрантов на свою территорию, но в этом вопросе уже не самостоятельно. Поскольку государство полностью не контролирует потоки мигрантов, оно не может последовательно проводить и независимую интеграционную политику.

Не являются западноевропейские страны и полностью независимыми в своей внешней политике. Подавляющее большинство этих стран входят в НАТО — военную организацию, которая самым активным образом участвует в политических событиях, влияющих на судьбы всего мира. Начиная с 1992 г. НАТО было задействовано во всех югославских войнах (в 1999 г. эта организация, как известно, без санкции ООН начала воздушную войну против Югославии). Участвуют страны НАТО в афганской войне, многие из них поддержали интервенцию США в Ирак в 2003 г. В 2011 г. авиация стран НАТО бомбила Ливию, причем европейские государства (Франция, Англия, Италия) проявляли в ходе ливийской войны гораздо больше инициативы, чем США. Все упомянутые здесь события, как и многие другие, в которых прямо или косвенно участвовали западноевропейские страны, радикальным образом повлияли на ситуацию в Азии и Африке и заставили множество людей покинуть свои дома. В сегодняшнем мире 72 млн так называемых «перемещенных лиц» ищут спасения от голода, сти-

хийных бедствий и войн. В том числе и войн с участием европейцев. Лишь относительно небольшая часть всех перемещенных лиц пытается обрести убежище в Европе. И жителям европейских государств надо бы помнить о своей доле ответственности за то, что в их страны двинулись сотни тысяч «югославов», албанцев, арабов, афганцев и пакистанцев.

Хорошо бы не забывать и о том, что массовый приток родственников к работавшим в Европе гастарбайтерам в 70–90-е годы прошлого века оказался возможным потому, что европейские политики, желая прорвать выстроенный Советским Союзом «железный занавес», в свое время добились внесения в Хельсинкское соглашение ОБСЕ положений о необходимости содействовать воссоединению семей. Принятое тогда решение вполне соответствовало принципам демократии и духу гуманизма и заслуживает самой высокой оценки. Но *pacta sunt servanda*. Европейские политики обязаны не только требовать соблюдения Хельсинкского соглашения другими государствами, но и сами соблюдать его. А это происходит, увы, далеко не всегда. Двойные стандарты в этом вопросе — обычное дело. Словом, проводимая европейскими государствами внешняя политика накладывает на них дополнительную ответственность, что должно быть учтено ими при проведении политики внутренней, в том числе и в отношении мигрантов.

Процесс глобализации не остановить, а значит, не остановить и перетекание из страны в страну людских потоков. Даже меры по усилению пограничного контроля, принятые Италией и Испанией в середине 2000-х и Грецией в 2010 г., не помогли сдержать на пути в Европу сотни тысяч людей, убегающих от арабских революций и войн в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Но это еще не все. Скоро страны ЕС должны будут смягчить визовый режим для своих восточных соседей. И тогда еще больше увеличится приток тех, кто приезжает в Западную Европу на учебу или на работу. Кто-то приедет на законных основаниях, кто-то — нелегально. Нелегальную миграцию, безусловно, нужно сдерживать, но средства, необходимые для того, чтобы такое сдерживание было эффективным, вряд ли намного меньше, чем нынешние расходы на обустройство мигрантов. А на очереди быстро развивающаяся Латинская Америка и, наконец, Индия и Китай, постоянно расширяющие свои связи с Европой. В европейские страны приезжают и будут приезжать во все больших масштабах люди из-за границы — в качестве туристов, на учебу или на высококвалифицированную работу (что допускает даже Саррацин).

Кроме того, многие европейцы работают за рубежом, очень многие отдыхают за пределами Европы. Очевидно, сотни тысяч,

миллионы людей из разных стран, в том числе мусульманских, вступят с гражданами европейских государств в законный брак. И далеко не все супруги-иностранцы согласятся отказаться от привычного для них стиля жизни и родной культуры. И не все дети от смешанных браков будут воспитываться исключительно в согласии с европейскими традициями. Словом, следует иметь в виду, что в государствах Западной Европы всегда будет значителен процент тех, кто, живя в этих странах, захочет сохранять, по крайней мере частично, культурные традиции своей родины.

Конечно, западноевропейские государства вправе ограничить въезд в страну так называемых «экономических мигрантов», но далеко не всегда возможно провести четкий раздел между теми, кто приезжает, чтобы лучше зарабатывать, и теми, у кого нет никаких средств к существованию. Не может демократическое государство отказать в праве на убежище людям, пострадавшим от войн, экологических катастроф или политических репрессий. А таких сегодня в мире очень много, в том числе и в исламских странах. И нельзя тех, кто у себя на родине подвергался репрессиям за свои убеждения, за свою веру, лишить права исповедовать эту веру в стране, предоставившей им кров. Наконец, Европа, как магнитом, притягивает «экономических мигрантов» не в последнюю очередь потому, что европейские и американские СМИ, западная теле- и киноиндустрия сами рекламируют жизнь в Европе как весьма и весьма привлекательную. И тянутся к ней люди со всех концов нашей планеты. Европейцы могут спросить их:

— Почему же не строите у себя дома такую же жизнь?!

— Потому что отдельные люди не в состоянии повлиять на выбор пути развития своей страны, — ответят вам. — А еще потому, что путь этот в любом случае будет очень долгим, а жизнь человеческая коротка.

— Ну, если так уж хотите жить на Западе, так подчиняйтесь всем западным правилам.

— Но, во-первых, «саррацины» нас в Европу и в этом случае не пустят (хотя бы потому, что детей у мигрантов больше, чем у европейцев). А во-вторых, большинство потенциальных мигрантов ради того, чтобы жить на Западе, готовы пожертвовать многим, но не всем — важнейшие для них религиозные ценности они хотели бы сохранить (не нарушая при этом законы). Необходимы компромиссные решения, т.е. уступки не только со стороны мигрантов, но и со стороны европейцев.

Немалое число европейцев скажут на это: им-де иммигранты в родной стране, и вообще в Европе, не нужны. У них хватает обяза-

тельств по отношению к своим соотечественникам, да еще и к партнерам по ЕС. В условиях постоянного размывания культурных ценностей своего народа гражданину европейской страны совсем не просто сохранить собственную национальную идентичность. Развиваться же другим народам и странам он помогает, предлагая им свои новейшие технологии, качественные товары, оптимальные формы организации общественной жизни.

И такой ответ будет верен, но лишь отчасти. Европейская помощь развивающимся странам весьма значительна и очень важна, но предлагается она вовсе не бесплатно — прибыль для Европы, уверен, намного превышает убытки. Безусловно, европейские страны не должны предоставлять право на постоянное жительство всем желающим. Если б такое случилось, Европа, наверняка, погибла бы, да и остальному миру не поздоровилось. Речь идет вовсе не обо всех жаждущих попасть в европейский рай, а о тех, кто много работал (по приглашению!) в Европе, и об их родственниках. Если не нынешнему, то предыдущему поколению европейцев труд иммигрантов был необходим. В число потенциальных иммигрантов попадают и близкие родственники самих европейцев из стран, находящихся за пределами ЕС. Проявлять к ним толерантное отношение и в чем-то им уступать граждане европейских государств обязаны уже хотя бы потому, что это касается прав их соотечественников. И наконец, беженцы. Об ответственности европейцев (моральной и, в силу международных обязательств, юридической), немало сказано выше. Впрочем, сам вышеприведенный диалог не без оснований может показаться надуманным. Тем не менее, подобные аргументы сторон мне не раз приходилось слышать в Германии в ходе бесед с немцами и иммигрантами. Я их только сопоставил.

Очевидно, что происходящая сейчас смена площадок, на которых развивается демократия, — с национальной на региональную, а потом и на планетарную — должна сопровождаться и переформированием системы ценностей. Сторонники европейской модели демократии, будут, естественно, стремиться к тому, чтобы именно ее основные принципы были признаны общечеловеческими.

Демократия изначально ориентирована на то, чтобы стать универсальной ценностью[1]. Еще Кант отказался от представления

[1] Замечу, что современную либеральную модель демократии в качестве универсальной ценности рассматривать трудно, поскольку работает она, прежде всего, на интересы капитала, а значит, демократией в строгом понимании этого слова, в общем-то, не является. Но, повторю в очередной раз, эта политическая система все-таки самая гуманная из ныне существующих.

о том, что суверенное народоправство должно быть обязательно связано с суверенитетом государства, и начал разрабатывать теорию правовой системы, целью которой должно стать «объединение всех народов для установления определенных всеобщих законов их возможного общения». Кант назвал такое право *jus cosmopoliticum* — право гражданина мира[1]. Мудрец из Кенигсберга на столетия опередил время, предложив перестроить международное право из права государств «во всемирно-гражданское право как право индивидов» (выражение Хабермаса[2]). Пока проект Канта не более чем проект. Кант верил в возможность создания мирового правительства. Философы школы коммуникативной этики рассчитывают на политическое конструирование мирового сообщества без такого правительства — путем радикального преобразования структур и унций Организации Объединенных Наций. События последних лет, увы, не оправдывают их ожиданий, но это вовсе не означает, что такого рода проекты не имеют будущего.

Усилия с целью добиться того, чтобы субъектами международного права стали не только государства, но и отдельные люди, жизненно необходимы уже сегодня. Ведь остановить процесс все ускоряющейся регионализации и глобализации невозможно. Весь вопрос в том, кто будет управлять таким процессом. Только ли капитал и адмінресурс (исключительно в своих собственных интересах)? Или же контроль за развитием этого процесса будет осуществляться при активном участии гражданского общества? Очень важно найти принципиально новые формы взаимоотношения между государством, политическими структурами и сообществом граждан. Граждане, безусловно, должны иметь больше прямого влияния на принятие политических решений, но их мнение не всегда должно быть самым главным. Политическим структурам нужно сохранить за собой важную роль в разработке и претворении в жизнь перспективных проектов. Потому что общественность гораздо лучше реагирует на сиюминутные запросы, чем на долгосрочные предложения, и часто демонстрирует консерватизм. Вспомним, что в вопросах, напрямую относящихся к нашей теме, европейское общество сегодня оказалось не на высоте — ведь именно под его давлением политики отвергли мультикультурализм.

Европейское общество более или менее однородно. Даже наличие большого числа иммигрантов не может очень уж сильно

---

[1] *Кант И.* Метафизические начала учения о праве // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 735.

[2] *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. М.: Весь Мир, 2011. С. 295.

повлиять на эту однородность. Поэтому преимущества мультикультурализма не всегда очевидны в Европе. Но мир очень быстро глобализируется, и в общемировом масштабе переоценить значение политики мультикультурализма невозможно. Мировое сообщество будет попросту разорвано на части разного рода конфликтами, если не признает равноправие многообразных форм культурной жизни, т.е. мультикультурализм (или культурный плюрализм). От этого никуда не уйти. Толерантность, взаимная терпимость (разумеется, в границах идеологии гуманизма, т.е. при отношении к человеческой жизни как к высшей ценности) должны стать основой поведения представителей различных культур в общении между собой на международном уровне. С развитием процесса глобализации этот уровень, вероятнее всего, станет доминирующим и распространится на правила внутренней жизни государств.

Но это все в будущем. А пока еще сохраняется линия, отрезающая Европу от стран Азии и Африки. Эта линия раздела между Западом и Востоком существует уже много веков, и проходит она вдоль Средиземного моря. Продолжается она и на северо-востоке, но там выражена не столь четко, поскольку расплывается в просторах России. Сейчас именно Средиземное море — граница между миром модерна и постмодерна, с одной стороны, и исламским миром, все еще сохраняющим средневековые традиции — с другой. Но столкновение цивилизаций в этом районе началось еще задолго до появления ислама. Обе стороны, и юго-восточная и северо-западная, стремились перейти естественную границу и проникнуть на чужую территорию— вспомним греко-персидские и Пунические войны, завоевательные походы Александра Македонского. И ислам, как только он утвердился в Передней Азии, тут же ринулся в Европу. С трудом сдержав натиск мавров под Пуатье, христианская Европа меньше чем через три столетия сама пошла крестовыми походами на восток. А потом в течение еще трех столетий отбивалась от турецких вторжений.

Тем, кто убежден в интеллектуальной отсталости мусульманских народов, стоило бы вспомнить, что средневековый исламский Восток был богаче, ярче, талантливее и умнее раннехристианского Запада. Именно мусульмане стимулировали в то время научную мысль в Европе. Достаточно сказать, что «Канон медицины» Абу Ибн-Сины, переведенный на латынь, в течение веков служил наставлением для многих европейских врачей. А толчком для развития рационального мировосприятия в Европе послужили комментарии к работам Аристотеля великого Ибн-Рушда, известного в западном мире под именем Аверроэса («Аристотель объяснил природу,

а Аверроэс — Аристотеля» — говорили его современники). Богатство и красота восточных городов, роскошь дворцов мусульманских халифов (Гаруна аль-Рашида, в частности) были предметом острой зависти европейских королей и императоров. Это уже потом, после Ренессанса и Реформации, когда на Западе во многом изменилась система ценностей и началась секуляризация, Европа быстрыми шагами двинулась вперед. А мир ислама застыл.

Радикальные перемены происходят сегодня в странах Дальнего Востока и Индии, в Латинской Америке, но консервативный мусульманский пояс, отделяющий Восток от Запада, все еще препятствует сближению народов. Нет ничего удивительного в том, что Европа заинтересована в изменении ситуации в мусульманских странах. Чтобы больше там было уважения к личности, больше терпимости к независимому мнению. Естественно, Европе хотелось бы утвердить в мире либеральные ценности. И не только потому, что это *ее* ценности, но еще и потому, что без свободных граждан не удастся сформировать демократическое мировое сообщество. Эта Кантова цель весьма гуманна и благородна. Вот только методы, с помощью которых Запад сегодня пытается добиться поставленных целей, не соответствуют принципам демократического сообщества. Стыдливо пряча от людских глаз запачканные в грязи (и крови) руки, Европа сейчас демонстрирует миру свое двуличие — говорит одно, а делает совсем другое.

Под предлогом борьбы с диктатурами политические лидеры Запада пытаются силой навязать свои ценности мусульманскому миру. Примеры: Афганистан, Ирак, Ливия. Причем, если раньше такой подход к решению международных проблем демонстрировали, главным образом, американцы, то в ливийском конфликте первые роли уже разыграли европейцы — французы, англичане, итальянцы. Ориентация на свою экономическую мощь и преимущество современных военных технологий вряд ли принесет Европе успех. Да и внешнеполитическая стратегия, выбранная европейскими государствами, не кажется очень уж удачной. Диктатуры в ближневосточных странах противостояли не столько демократическим силам, пока очень слабым, сколько мусульманскому экстремизму, который после арабских народных революций, активно поддержанных Европой, может еще более усилиться. Исламский фундаментализм пользуется поддержкой довольно широких слоев населения арабских стран, включая молодежь. Поведение западных политиков радикальных исламистов только усиливает. Не исключен вариант, когда в ряде государств Ближнего Востока радикальные исламисты прорвутся к власти при помо-

щи демократических процедур. В этом случае Западу, привыкшему чтить нормы права, придется смириться с этой очень опасной для него ситуацией. Если же западные страны, чтобы сдержать натиск исламского фундаментализма, в очередной раз попытаются, используя принцип двойных стандартов, прибегнуть к силе, нет уверенности, что они своего добьются. Военным технологиям Запада исламисты давно уже научились противопоставлять террор фанатиков-одиночек. А с ним, как показывает опыт, очень трудно бороться. Тем более что в новых условиях, сложившихся после перемен в арабском мире, у экстремистов, боюсь, появятся дополнительные возможности для организации террористических актов в Европе и США.

Куда более действенным способом демократизации стран Ближнего Востока мог бы стать интенсивный диалог между достаточно широкими слоями мусульман, уже хорошо знакомых с принципами и стилем жизни западной демократии, и европейцами, многие из которых пока, надо признать, о ценностях исламского мира ничего знать не хотят. Но где найти в большом количестве знакомых с европейской жизнью мусульман? Конечно же, в самой Европе, особенно в Германии. Ведь в этой стране, находящейся вдали от Средиземного моря, самой большой группой представителей мусульманского мира являются иммигранты из Турции. А Турция сегодня, при всех недостатках правящего там режима, — самая демократическая страна мусульманского мира. Расположенная сразу на двух континентах, она (как, впрочем, и Россия) могла бы стать мостом между двумя мирами, двумя цивилизациями, что выросли, как писал Леви-Стросс, из одного ближневосточного корня. А выходцы из Турции, постоянно проживающие в ФРГ (особенно их дети, выросшие и воспитанные уже в демократической стране, но связанные еще традициями с родиной своих предков) могли бы серьезно способствовать налаживанию взаимопонимания между Европой и мусульманскими странами.

«Мобилизация масс по религиозным, этническим и националистическим мотивам будет тем менее вероятной, чем шире распространятся требования толерантности со стороны демократического гражданского этоса *уже в границах национальных государств*», — писал Юрген Хабермас[1]. Всплеск националистических настроений в Германии в связи с выходом книги Саррацина, история с Брейвиком, недавние этнические беспорядки в Англии и, наконец, отказ лидеров ведущих европейских государств от политики мульти-

[1] *Хабермас Ю.*. Между натурализмом и религией. С. 307.

культурализма, казалось бы, опровергают этот вывод. Мне все же думается, что в главном Хабермас прав. Чтобы успешно развивать демократию за пределами Европы, нужно прежде научиться быть взаимно терпимыми у себя дома — в отношениях между мигрантами и большинством местных граждан. Это будет весьма ценный урок толерантности, необходимый и тем и другим. Если он будет усвоен, можно надеяться и на успешный диалог представителей разных культурных традиций уже вне Европы.

Если будет? Пока очевидно лишь то, что пускать дело воспитания терпимости на самотек ни в коем случае нельзя. Негативные эмоции овладевают массами легко и быстро, а чтобы воспитать чувство терпимости, особенно по отношению к «чужому», нужно основательно потрудиться. По существу Хабермас прав, да только «требования толерантности со стороны демократического гражданского этоса» распространяются, увы, пока не очень-то широко. Философ сам же это и продемонстрировал в своей нью-йоркской статье, поведав, как негодующая публика в мюнхенском Доме литературы (не самая, надо понимать, отсталая часть немецкого общества) отказалась слушать оппонента Саррацина. Зачем ей это? — образ врага в головах уже вызрел, кому нужны какие-то там контраргументы. Словом, борьба за утверждение толерантности как важнейшей общественной ценности будет трудной, и успех в ней, к сожалению, не гарантирован[1].

[1] Определенную надежду в этой связи внушает заявление Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, в котором позиция Саррацина, представленная в его книгах и интервью, оценивается как «несомненно, расистская». Комитет потребовал, чтобы Германия приняла дополнительные меры по правовой защите населения от проявлений расовой дискриминации. См: Die Welt. 19.04.2013.

Часть II. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием

Валерий Тишков

Введение

Понятие *культурной сложности* широко используется в современной общественно-политической практике. Эта категория меняла свое содержание, и сегодня само явление обозначается по-разному: *культурное разнообразие, многонациональность*, *мультикультурализм*, *полиэтничность*, *мозаика культур* и т.д. За этими обозначениями скрываются не просто разные научные взгляды и предпочтения политиков. На этом поле идут жесткие дебаты, распространены упрощенные лозунги-суждения, именно здесь действуют разного рода экстремисты и процветают группы ненависти. Только у последних в арсенале другие обозначения для феномена культурных различий: *несовместимость культур, конфликт цивилизаций, генетический код, этнический баланс, культурные дистанции* и т.д.

Для ученых, как и для политиков, эта тема далеко не нова, ибо с момента образования современных (национальных) государств существует коллизия между доктриной и политикой формирования наций на основе населения, которое находится под юрисдикцией суверенного государства, и существующими групповыми отличиями на основе культуры, религии, исторической и региональной специфики.

Культурной основой формирования политических (гражданских) наций чаще всего служат культура и язык доминирующего большинства, но это всегда условность, ибо любое государство и заключенное в его границах общество всегда имели сложный этнический состав. В России так было со времени Новгородской республики, которая представляла собой своего рода конфедерацию славянских, финно-угорских и скандинавских племенных групп.

Основой централизованного российского государства могло стать одно из русских княжеств, и совсем не обязательно — Московское, но по ряду причин именно Москва стала центром большой страны, а московский вариант русского языка стал основой литературной нормы. Примерно то же самое произошло при формировании французского государства и французской нации: «заслуживавший мессы» Париж[1] и вариант языка провинции Иль-де-Франс стали политической и культурной основой страны и ее нации. При формировании наций на переселенческой основе ядро составляли исторически более ранние и политически более сильные (обычно связанные с метрополией) группы населения (белые англофоны в Австралии и Канаде, англосаксы протестантского вероисповедания — в США и т.д.).

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более — социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как категория права и политики появились только в эпоху Первой мировой войны и Лиги Наций в целях государственного обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали целый набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принад-

[1] Слова «Париж стоит мессы» якобы произнес король-протестант Генрих Наваррский, осознавший, что хотя вся Франция уже признала его королем Генрихом IV, но Париж вряд ли покорится, пока он не станет католиком.

лежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния при разных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е гг. она дополнилась концептом единого советского народа — общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е гг. в странах западной демократии утвердилась политика *мультикультурализма* в разных ее вариантах — от Канады и Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Все более популярной становится концепт коллективных прав и так называемой *консосиальной демократии* (демократии согласия), который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с приниженным положением из-за дискриминации и других прошлых и настоящих несправедливостей.

Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», т.е. ущемления прав большинства и его ответной реакции в форме ксенофобии и шовинизма. О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма в Москве в 1999 г.[1] Схожий анализ и оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом турецкого происхождения Сейлой Бенхабиб. В своей переведенной на русский язык книге «Притязания культуры» она писала о проблеме усиления влияния культурного фактора на политические процессы под воздействием массовой международной миграции и глобализации в целом. Опираясь на рассмотрение существующих в разных странах форм взаимодей-

[1] *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.

ствия традиций и норм, обычаев и права, С. Бенхабиб попыталась дать ответ, в какой мере и каким образом возможно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии — свободой и равенством граждан[1].

Что касается Российской Федерации, то и после распада СССР заложенный в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового демократического государства. Политика поддержки *многонациональности* (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то, что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу нового раунда дезинтеграции. В 1990-е гг. он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном сепаратистском конфликте в Чечне.

В середине 1990-х гг. в России и в мире была позитивно воспринята программа ЮНЕСКО «Культура мира», которую инициировал тогдашний гендиректор Федерико Майор. Эта же организация объявила 1995 г. Годом толерантности, и в России на эту тему стали проходить конференции и школьные уроки, учреждаться вузовские кафедры, писаться научные труды и учебные пособия. В начале 2000-х годов Министерство образования и науки Российской Федерации исполняло Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». В рамках программы исследовательскими группами из институтов РАН и РАО были подготовлены научные разработки, значимость которых сохраняется[2]. После закрытия этой программы аналогичные программы сохранялись в правительстве Москвы, а также в ряде российских регионов. В частности, по московским программам было издано несколько книг с практическими

---

[1] *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003.

[2] Толерантность и культурная традиция / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: Изд-во РУДН, 2002; Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во РУДН, 2002; *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурного общения: В помощь школьному учителю. М.: Изд-во РУДН, 2004; Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003; *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М.: Изд-во РУДН, 2003; *Мартынова М.Ю., Лопуленко Н.А.* В мире жить — с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России. Пособие для учителей. М.: Изд-во РУДН, 2002.

рекомендациями, в том числе и по актуальным проблемам молодежных субкультур и экстремизма в мегаполисах[1]. На уровне федеральных округов более или менее последовательную работу проводил Приволжский федеральный округ, включая независимый мониторинг этноконфессиональных отношений в 15 субъектах округа.

Все эти усилия не пропали даром. Они способствовали более эффективной государственной этнополитике и обеспечению гражданского согласия в округе. По крайней мере, многоэтничное Поволжье ушло от радикализма первой половины 1990-х гг. и выбрало путь толерантной многокультурной политики, даже если она так и не называлась публично. О сохраняющихся проблемах речь пойдет ниже, но нужно уметь отдавать должное сделанному и не позволять неофитам-политикам или каждой новой команде «эффективных менеджеров» начинать все с нуля.

Заслуживает позитивной оценки опыт работы Общественной палаты Российской Федерации, созданной в 2006 г., где в первом составе действовала Комиссия по вопросам толерантности и свободы совести (затем переименована в Комиссию по проблемам межнациональных отношений). Первое тематическое пленарное заседание Общественной палаты 14 апреля 2006 г. было посвящено проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии и утверждения гражданского согласия в российском обществе. Затем на эту же тему были проведены общественные слушания и еще одно из пленарных заседаний. Рекомендации пленарных заседаний и материалы слушаний[2] используются общественными организациями страны, научными работниками и преподавателями.

В последние годы российскими учеными были выполнены многочисленные социологические, этнологические, психологические, культурологические и другие исследования по проблемам межэтнических отношений, миграции, толерантности и ксенофобии.

---

[1] Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007; Молодые москвичи. Кросскультурное исследование / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2008; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН; Молодежные субкультуры Москвы / Сост.д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

[2] См.: О толерантности и противодействии экстремизму в российском обществе (рекомендации Общественной палаты Российской Федерации). М., 2006; Единство и многообразие России. Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007; За гражданское согласие — против нетерпимости и экстремизма (по материалам форума 22 апреля 2009 года) / Под ред. Н.К. Сванидзе и В.А. Тишкова. М., 2009.

К сожалению, уровень отечественного обществознания в данной области оставляет желать лучшего, ибо в своей массе трактовка проблем основывается на отсталых представлениях об этническом и национальном, на упрощенных взглядах на основы государственного строительства и государственной политики в полиэтничных обществах. Реанимированные из прошлых эпох биологизаторские и этнонационалистические подходы дополнились идеологией и практикой нового расизма, который основан на неприятии культурных различий[1].

Эта тенденция свойственна и для части западного научного сообщества, не говоря уже о политиках крайне правого и ультранационалистического толка. Именно здесь начался неоконсервативный поворот, который избрал предметом своей критики прежде всего либеральную концепцию многокультурности и политику признания культурного разнообразия и культурной свободы.

Это была своего рода реакция не только на издержки либеральной экономической модели, но и на неспособность западных демократических обществ найти адекватный ответ на социально-культурные последствия массовой иммиграции в свои страны в период послевоенного развития. Особо острую реакцию принимающих обществ вызвала проблема трудной интеграции мигрантских групп мусульманского вероисповедания. Появилась когорта публицистов и политических активистов, которые стали не только проповедовать ультраправые, ксенофобские взгляды, но и пытаться возрождать идеи насильственной ассимиляции или депортации «чужаков», а также формулировать новую форму расизма, который получил название *культурного расизма*. Своего рода «похоронами мультикультурализма» стали публичные заявления известных национальных лидеров (А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерон).

К сожалению, в России труды представителей консервативной и расовой мысли типа американцев С. Хантингтона и П. Бьюкенена переводятся и издаются быстрее, чем работы действительно авторитетных авторов. Проповедники цивилизационных подходов с их химерами «архетипов», «ментальностей», «генофондов», культурной несовместимости и непреодолимых конфликтов оказали сильное воздействие на российскую общественную мысль и отрицательно повлияли на настроения и взгляды многих россиян. Совместный разговор ведущих экспертов по всем этим проблемам давно назрел. Ибо, несмотря на разочарование политикой мультикультурализма

[1] Об этом см.: *Шнирельман В.А.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

и толерантности, реальная политическая практика и большинство интеллектуальной элиты в странах либеральной демократии признают необратимость происшедших перемен под воздействием массовой иммиграции, включая выходцев из стран мусульманского культурного ареала. Речь идет о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию.

С интервалом в десять лет, сначала в Московском центре Карнеги в 1999 г., а затем в Институте философии РАН в 2009 г., прошли две международные конференции, на которых видные европейские и российские ученые обсудили проблемы мультикультурализма в трансформирующихся обществах и современные тенденции в общественной практике и научных изысканиях[1]. Как отмечает один из организаторов этих конференций, российский философ В.С. Малахов, «сегодня актуален не вопрос о том, допустимо или недопустимо проявление культурных различий в публичной сфере, а вопрос о том, как организовать демократическое общежитие в условиях плюрализации социального пространства»[2]. Ежегодный доклад ООН о человеческом развитии за 2004 г. также избрал центральной темой проблему культурной свободы в современном мире. Его авторы во главе с нобелевским лауреатом Амартией Сеном взяли под защиту принципы культурного разнообразия и толерантности как условия успешного развития национальных государств и мира в целом[3].

1 О новом понимании культурного разнообразия

Тема «Демократические институты в многоэтничных обществах» затрагивает проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный

---

[1] Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002; Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлевой. М., 2011.

[2] Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. С. 8.

[3] Доклад о развитии человека — 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. Анализ доклада см.: *Тишков В.А.* Проблемы управления культурным многообразием // Хроника ООН. 2004. № 1. С. 41.

характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно *проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня одними из наиболее трудно решаемых.* Получилось это оттого, что в них вовлечены не материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, а ценностные и мировоззренческие вопросы. В конфликтных ситуациях эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине *конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения.*

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на геополитическом и континентальном, на национальном государственном, на уровне регионов и мест внутри государств и на трансгосударственном уровне. *Самое важное в политических функциях этничности, культуры в ее широком смысле — это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов.* Другими словами, вопрос заключается в том, какова должна быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и страна не оказались вовлеченными в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому Богу. Казалось бы, простой вопрос, но сколько он заключает в себе непримиримых убеждений, трудно преодолимых узости мысли или жестокого расчета!

В центре нашего анализа проблема понимания и управления многоэтничными обществами в контексте современной политической ситуации, когда часто за кризисом понимания следуют преждевременные похороны политики мультикультурализма, а вместе с этим предпринимаются попытки дискредитировать толерантность — важнейшую духовную и моральную ценность, один из ключевых компонентов зрелой и эффективной государственной политики и общественных установок. Проблема толерантности и ксенофобии не является новой. Однако само человеческое бытие

существенно и быстро меняется, вместе с ним меняются научные подходы и политические приоритеты. Заметим, *традиционный взгляд понимает под культурной сложностью наличие в обществе составляющих его культурных единиц, самостоятельных и целостных в своей самости и обладающих схожими структурами-свойствами, но которые отличаются своим содержательным проявлением.* Например, если следовать постулатам так называемой советской теории этноса или конструкциям российского историка Л.Н. Гумилева, то у всех этнических единиц (народов, этносов, национальностей) должны быть свои этногенез, этническая территория, расовый тип, язык, «национальный характер». Ожидаемой нормой является их отличительность, а не схожесть друг с другом. Многие исследования этнологов, социологов или этнопсихологов не только предполагают наличие таких субъектов, но и якобы выявляют «этнические коды», «культурные дистанции», «цивилизационную совместимость — несовместимость» и прочие интригующие неофитов и политиков конструкции.

Откуда и по какой причине в российской общественной и научной мысли расцвела одержимость культурным партикуляризмом и вместе с этим утвердилось игнорирование реально существующей культурной схожести? Общность россиян проявляется не только в русском языке общения и в мировоззрениях, но и в морально-ценностных и поведенческих установках, которые быстро узнают внешние наблюдатели, но которые не хотят признавать внутренние эксперты. Неужели, например, у представителей мифического «финно-угорского мира», т.е. у карелов, хантов, эстонцев и венгров, или у носителей выдуманной «тюркско-татарской цивилизации», т.е. у российских татар, якутов, алтайцев и турок-османов, есть некие общие культурные коды, а вместе с русскими, мордвой и чувашами у них общих «культурных кодов» нет?

По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации[1]. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и российскому проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на преимущественное право большинства без особого вни-

[1] См. анализ критиков российского проекта: *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя. М.: Просвещение, 2010.

мания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления?

Сначала нужно разобраться с *пониманием этнического и национального*. На протяжении долгого времени в российском обществознании описание этнических групп заключалось в том, чтобы установить сами по себе эти единицы (своего рода номенклатуру народов-этносов), найти и описать их структурные элементы, вычертить эволюционное древо и этническую карту по языковым семьям и даже по расовой типологии. Этот подход в изучении человеческого общества исходит из того, что как сам человек, так и исторические явления и культурная традиция имеют начальное место и этапы развития. Человеческие культуры проходят через явление *культурогенеза* во всем его разнообразии в зависимости от среды, социально-исторических факторов и коллективных человеческих стратегий. Относительно этнических сообществ начало восходящей эволюционной линии закладывается *этногенезом*, который предполагает рождение этноса (у Л.Н. Гумилева — от некоего внешнего толчка). Уже после «рождения» складывается своего рода этническая картина мира и этническая иерархия (этносы, суперэтносы и т.п.), а среди этносов происходят *этнические процессы*.

Следует отметить, что еще до нынешних теоретиков этноса в российском обществознании существовали похожие, хотя и без биологизаторского расизма, взгляды на этнообразование и этнические процессы как на реально-социологические операции слияния, разделения, нового формообразования из старых форм или из их отдельных частей. Для них устанавливаются хронологическое время, исторические даты отсчета, созревания и самого свершившегося факта. В рамках такой методологии определяются «объективные признаки нации» и даже исторический момент, когда нации появляются на свет. Все это ведет к *культурному расизму* в науке и политике, когда люди одной этнической принадлежности воспринимаются как биологические или биосоциальные целостности, пребывающие в некомплементарном и даже в несовместимом состоянии по отношению друг к другу. Не говоря уже о том, что по этой теории есть этносы молодые, есть старые, есть этносы пассионарные, а есть этносы-паразиты, которые разлагают изнутри тело другого этноса.

В постсоветское время в России ко всем этим построениям добавились межгрупповые границы, связанные с миграцией и переселенцами из стран бывшего СССР. Так появились «коренные»

и «понаехавшие», «черные» и «азиаты», «лица кавказской национальности» и т.п. Все это расиализированные категории, т.е. им придается не только культурно-этнический, но и расовый смысл.

Рассмотрим основные сферы существования культурного разнообразия в современных государствах, в том числе в Российской Федерации, а также какие проблемы возникают в этой связи у современных государств и как они их решают с разной долей успеха.

2 Этнические и национальные сообщества

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность постоянно воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. И все же культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества. Именно поэтому мы изучаем разные культуры, культурные различия и взаимодействия. Не для того чтобы уничтожить, а для того чтобы сохранить культурное разнообразие.

Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода коллективные тела или как карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажами есть только условное и статичное отражение неповторимого богатства рельефа. Внешне, казалось бы, приближенный к реальности *примордиалистский* подход, построенный на обращении к норме (часто эту норму называют *традицией*) и на «реальности этноса», не улавливает и не отражает явление культурной мозаики. Он не объясняет конкретные ситуации, пренебрегая полевым материалом и жизненными примерами[1].

Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность — как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур.

---

[1] См.: *Филиппов В.Р.* Советская теория этноса. Историографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

Например, содержание слов «русский» и «татарин» так менялось в разные эпохи, что все историко-демографические таблицы и карты мало что могут дать, если не учтен сам фактор смысловых перемен. Античная и средневековая мозаика названий племен и народов, почти полная смена их номенклатуры в новое и новейшее время, перемещение названий (этнонимов) в пространстве далеко не всегда обозначают «вымирание этносов» или «великое переселение народов». На самом же деле путешествуют ментальные карты, воображение и наблюдения путешественников, а сама этнографическая реальность может оставаться той же самой.

И наоборот: заключенный в понятие культурной единицы материал частично или радикально меняется, а понятие продолжает существовать. В дореволюционной России русскими считались все три восточнославянских народа и даже все принявшие православие. Суть понятия «русский» существенно изменилась, когда в инструкции переписчикам по рекомендации этнографов была вписана подсказка (в переписи населения 1926 г.): «Если назовет себя русским, тогда уточните, кто он (она) — великоросс, малоросс или белорус)». Отныне только первых стали записывать русскими, а русские малороссы стали украинцами, русские белорусы стали просто белорусами.

Культурный поток можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы. Так, до эпохи социалистического нациестроительства в России татарами называли все тюркские народы, включая азербайджанцев. Затем казанские татары (*казанлы*) забрали в свою исключительную собственность самоназвание *татары*, хотя в стране сохранялись сильно от них отличающиеся сибирские татары и крымские татары, не говоря уже о кряшенах. С 1980-х гг. среди части татар возникло движение с целью перейти к новому-старому самоназванию «булгары». До сих пор пока удалось только переименовать теплоход «Украина» в «Булгарию» (с трагическим исходом), но не саму нацию татар. В конце 1980-х и начале 1990-х гг. в России были сторонники восстановления старой категории «великоросс», но этническое понимание русскости не уступило свои позиции. Зато произошло много других акций-новаций и ретроакций (*саха* вместо *якутов*, *саамы* вместо *лопарей* и т.д.). Возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей. В России количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989) до 182 (2002), и в переписи населения 2010 г. еще добавится около десятка. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права.

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или

в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности или меланжа. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, — выиграют, те, кто будет пятиться назад, — проиграют.

А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций — самых всеохватных и мощных социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, которые обычно называют народами или нациями (китайцы, индийцы, россияне, бразильцы, канадцы и т.д.). Попытки разделить страны на «национальные государства» и «многонациональные» только затуманивают проблему, ибо в международном праве и в серьезной академической науке такие категории просто не существуют. Именно сообщества по государству (многоэтничные согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения (или разрушения) этнических, языковых, религиозных и других культурно отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что собою представляют современные нации? В отечественном обществознании по этому вопросу существуют методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России, в отличие от большинства стран, долгое время существовало и сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенное пятнадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не вза-

имно исключающем смысле[1] только в самые последние годы стало в России признанным. Наиболее определенно в пользу российской гражданской нации выступили президент Российской Федерации Д.А. Медведев, а до него президент В.В. Путин. В 2007 г. был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», а с 2008 г. издается журнал «Вестник российской нации», в котором публикуются научные и практические материалы из отечественного и мирового опыта гражданского нациестроительства. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом) предлагаются с завидной настойчивостью [2], особенно в теледебатах и в Интернете.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Как видим, трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах.

Например, в Канаде рождавшийся в 1970–1980-е гг. концепт «первых наций» (*first nations*) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады вплоть до права участвовать в зажжении олимпийского огня. Тридцать лет назад премьер-министр П. Трюдо и многие канадские интеллекту-

---

[1] *Тишков В.А.* Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.

[2] *Попов Г.Х.* Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 10.06.2011. С. 6.

алы настороженно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». Трюдо тогда с трудом убеждал соотечественников, прежде всего квебекских франкофонов, что «мы все — одна нация канадцев». Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель местного оргкомитета сказал: «Эти игры еще больше укрепили единство канадской нации!» Есть надежда, что подобные слова будут сказаны и по итогам Олимпийских игр в Сочи.

А вот пример годичной давности. Во время мирового чемпионата по футболу в ЮАР, в его начальной стадии, в СМИ среди нефутбольных новостей прошло сообщение о массовой демонстрации в Барселоне против решения Верховного суда в Мадриде признать неконституционным обозначение в Конституции (Статуте) провинции населения Каталонии как «каталонской нации». Это право было признано только за всем испанским народом, который включает не только кастильцев, но и басков, галисийцев, каталонцев и других граждан страны. Каталонские националисты, с которыми я встречался за месяц до этого в Барселоне, ждали решения суда почти два года, и оно оказалось не в их пользу. Мадрид признает только языковое разнообразие (резкое отличие от Франции, где французский язык есть один и для всех!), но отрицает этническое деление испанской нации на еще какие-то нации (здесь как во Франции!).

Однако важное отличие Испании от России в том, что каталонцы не считают себя этнической общностью, а считают себя самоуправляемым регионом-нацией. Каталонцы — это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталонское происхождение и говорит на каталанском языке. Ситуацию острого конфликта счастливо разрешил финал чемпионата в ЮАР. Вся Испания праздновала победу в финале национальной (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из Барселоны и даже был игрок из Страны басков.

Так что во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций. В Китае, например, все официально признанные 55 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (*джонхуа миндзу*) считаются все китайцы — граждане страны. Подобные запреты, однако, не мешают использовать самоназвание *нации* уйгурским, бенгальским, гавайским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. По-

этому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще, ибо в нашей стране в ментальном и языковом смысле этнические общности (народы или национальности) давно «национализированы». Узурпировать эту самокатегоризацию исключительно в пользу общероссийского употребления бессмысленно.

Однако вернемся к Франции. Начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая, идентичность появились только спустя сто лет после Французской революции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ — французы при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Именно эту истину пытался разъяснить генсек Французской компартии Жорж Марше генсеку КПСС Л.И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х гг. этнодемографический справочник о странах мира. В нем, помимо французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этносы, а также «переходные группы» в лице мигрантов из разных стран и разных поколений.

Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что был прав автор справочника С.И. Брук. Сейчас мне кажется, что прав был Ж. Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж нынешний лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку, то мы отлучим от принадлежности к нациям еще целую когорту национальных лидеров: шотландца Гордона Брауна, индейцев Чавеса и Моралеса, афроамериканца Барака Обаму (по старой отечественной категоризации негры США — это этнорасовая общность, не входящая в собственно американский этнос-нацию[1]).

Но тогда что есть французы как нация? Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Во Франции актуализированное старое — это

[1] *Нитобург Э.Л.* Негры США. XVII — начало XX в. Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979.

совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине (французский «терруар» на месте этничности[1]). Это разнообразие, или культурная гетерогенность, французов в свое время сводила с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

С того времени ситуация еще больше усложнилась. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», т.е. граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и другие), 5 млн — это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн — турки, 0,5 млн — североафриканские евреи, более 700 тыс. — французы — выходцы из французских колоний. Усложнилась религиозная ситуация во Франции: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь и еще есть 22% агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих мусульман (5–10% населения).

Мы не обсуждаем перспективы французской нации, но отмечаем сам феномен усложнения этнорелигиозного состава, казалось бы, универсальной гражданской нации. И обращаем внимание на то, что монокультурность никогда не была реальностью этой страны. Существовала только **доктрина монокультурности**, позволявшая не признавать так называемые *этнии*. В реальности антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе разной специфики (от исторических и протогосударственных отсылок до марок вина и сортов сыра). От французской монокультуры остается, пожалуй, только язык, но и французский язык иногда кажется последним бастионом перед натиском иноязычной иммиграции. Этот бастион французскости охраняется специальным конституционным законом 1992 г. о защите языкового наследия и серией других государственных декретов. И все же представляется, что Франция более спокойно переживает проблемы хиджабов и погромов в парижских пригородах, чем это делают российские интерпретаторы событий в этой стране.

О США как о примере в российской аудитории говорить сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «под-

---

[1] *Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.

брасываемых» либералами-западниками американских рецептов, негодных для уникальной России. Однако отметим, что и в США образ нации как интегрированного сплава был прежде всего актом речи и политической программой. Это представление воплощалось первоначально в доктрине плавильного тигля, хотя Америка никогда не была монокультурной, и тем более она никогда не была гражданski солидарной. В ней всегда было множество этнических и расовых групп и всегда было многоязычие, не говоря уже о прошлой и сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились ни переплавка, ни блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на вопрос так: формула *единство в многообразии* (E pluribus unum), начертанная на американском гербе и монетах, в этой стране состоялась. Она уже давно составляет основу и условие существования американской нации. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее полезное приобретение по этой части — переезд в США из Краснодарского края около 10 тыс. турок-месхетинцев). При этом массовая иммиграция происходит на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее — в мессианской) форме и усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан.

Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и возрастании доли населения иностранного происхождения. Такое впечатление, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что для них утратили смысл какие-либо политические разговоры и научные штудии по поводу «культурного ядра» (*core culture*), который якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (белых англосаксов-протестантов) и про 100-процентных американцев прекратились еще два-три десятилетия назад. Но сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном (доминирующем) компоненте нации, а тем более — о ее государствообразующей части. Сегодняшние американцы — это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы — нация наций» (*we are a nation of nations*). Все это дополняется еще одним процессом усложнения, а именно — признанием множественной расовой принадлежности в дополнение к признанию множественной этнической идентичности (начиная с переписи населения 1980 г.).

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту и может быть понятнее отечественной аудитории: национальный состав Великобритании. Англичане составляют примерно пять шестых населения Великобритании, примерно как русские в России. Однако назвать эту страну мононациональной или хотя бы моноязычной невозможно. Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях. Христиане разных исповеданий составляют 72% и мусульмане — 3%. Огромное этническое и религиозное разнообразие современного городского населения и рост так называемых региональных языков — явление крайне примечательное: шотландским владеют около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским — около 60 тыс. в Шотландии, уэльским — около 20% в Уэльсе, ирландским — около 10% в Ольстере, корнуэльским владеют около 3 тыс. человек. Вот такая сегодняшняя Англия с якобы моноязычной английской нацией[1]! Где здесь этнос и где здесь нация? И как называется эта нация? Или нации в Соединенном королевстве Англии, Шотландии и Северной Ирландии не существует? Эта нация называется *британской*, а смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е гг. специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности. Эту смену в обозначении национальной идентичности ни в коей мере не поколебали последние беспорядки в британских городах.

Интересно заметить: просвещенный публицист Л. Радзиховский однажды во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском, и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. В нашей стране единственно возможная формула: *Российский народ — это нация наций.*

3 Языковое разнообразие и языковая политика

С языковым разнообразием в современных государствах сложилась схожая ситуация, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связы-

[1] Добавим, что по данным последней переписи (2012 г.) в Уэльсе вторым по распространенности языком теперь является польский. — *Примеч. науч. ред.*

вается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Достаточно привести в пример того, что российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности», и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность — это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что язык физически более ощутим через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование.

Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации типа «Летнего лингвистического института», собирающего данные о языках для переводов Библии и для миссионерской деятельности.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире новых языков не появляется и под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI в. в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тыс., которые были зафиксированы в XX в. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 г. присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все

больше овладевают мировым языковым пространством. Для озабоченности этим есть определенные причины. Однако мировая языковая ситуация и положение с языками в разных странах имеют более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Во-первых, *размывание и перемешивание языковых ареалов* зашло настолько далеко, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX в. или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX в. Во-вторых, происходит *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран.* Наконец, в-третьих, существует тенденция к *ревитализации языков*, т.е. языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США — одни из примеров.

Отталкиваясь прежде всего от опыта собственной страны, мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». В России в XX в. не исчез ни один язык, кроме сиреникского диалекта эскимосского языка (из-за ликвидации в 1960-е гг. поселка Сиреники на Чукотке). Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ. Через это, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Из этих оценок следует несколько вопросов для науки и для политики.

Во-первых, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка», и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (как по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык (так называемый материнский язык)», или же что-то другое, например, язык своей национальности независимо от владения и использова-

ния? Федеральный закон 2001 г. о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочего собрать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать — из проведенных в 2002 и 2010 гг. переписей так и не стало ясно.

Мы приветствуем подход Европейской языковой хартии, ибо она ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групповых носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности. Например, если вы бурят, то ваш родной язык должен быть обязательно бурятский, если вы татарин, то ваш родной язык татарский, и никакие другие вместо этих или наряду с ними языки родными быть не могут! В реальности ситуация отличается от идеальной: десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Такая ситуация широко распространена в европейских странах, но и в России она не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместных поселений и высокого уровня образования среди населения. Было бы полезно на уровне европейских институтов и структур ООН достичь некоторого консенсуса по вопросу о родном языке.

Второй вопрос — насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое пространство обучения, культуры и информации? Вообще, чей это вопрос и кто его мониторит, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило сто или двести лет назад, и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги» языков по примеру аналогичной книги по вымирающим природным видам. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не делается. Это приводит к косвенному насилию

и к открытой дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР эта языковая дискриминация имеет массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что́ есть язык и какова должна быть политика по отношению к языковому вопросу. В конце XX в. языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или по языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Есть проекты и поддерживаются научные исследования, которыми занимаются также и российские ученые. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечает своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем (*top world languages*), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (типичная позиция: «у нас столько-то русских школ, и у вас должно быть столько же украинских!») не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.

В этом вопросе есть свои «двойные стандарты», которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход рос-

сийского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США, Великобритании и Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними мониторами как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС далеко не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств.

По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав Хартию в мае 2001 г., Россия рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Например, подписав Хартию в 1999 г., до настоящего времени ее не ратифицировали Франция и Исландия. Как и во многих европейских странах и даже более чем где бы то ни было, в России имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России, преемницы бывшего СССР — государства, в котором немало было сделано для развития языков, такой подход тем не менее непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи — национальные) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких сообществ («без своего языка нет народа»!).

На современном этапе язык (языки) представляют собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об

«исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, т.е. сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. При возвращении А.И. Солженицына из эмиграции его дети-подростки не говорили по-русски, но они не перестали считать себя русскими. Похожие ситуации пережили миллионы российских эмигрантов и их потомков, утративших знание русского языка, но сохранивших чувство связи с исторической родиной.

Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и в уязвимости одних языков по сравнению с другими.

Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств, если будет ратифицирована Россией, может стать стимулом для обновления государственной языковой политики. При этом пересмотра потребуют не столько имеющиеся правовые нормы, которые в значительной мере готовы к восприятию и адаптации требований по сохранению и поддержке недоминирующих языков. Должны быть пересмотрены общественные и политические взгляды на суть языковой проблемы. Это окажет позитивное влияние на политическую и научную мысль и улучшит практику государственного управления в языковой и культурной сфере. С точки зрения прежних доктрин «равенства национальностей» любой ратификационный список языков будет дискриминационным, так как он не сможет включить все разнообразие российских языков. Но если следовать духу Хартии, прежде всего следует учитывать положение собственно языка и на этой основе выстраивать приоритеты языковой политики.

Далеко не все благополучно обстоит с языковой политикой в других странах, в том числе ратифицировавших Хартию. Например, ратифицировавшая Хартию Великобритания, в которой функ-

ционирует много языков, ограничила свой список тремя языками — валлийским, шотландским гэльским, ирландским. Швейцария назвала только два «подзащитных» языка — итальянский и ретороманский как «наименее используемые официальные языки». Украина ратифицировала Хартию в 2005 г., спустя девять лет после подписания, в ратификационный список вошло 13 языков. При этом часть бытующих в этой стране языков при значительном количестве носителей осталась вне списка. В частности, языки армянский, цыганский, грузинский, татарский. Не рассматривается в качестве языка и русинский язык.

В России ситуация с разнообразием языков намного сложнее. Очевидно, что из более чем сотни российских языков только два-три десятка могут первоначально войти в ратификационный список. Но и внесение этого количества будет сопряжено со значительной организационной и финансовой нагрузкой из-за большой территориальной разбросанности языков. По мере продвижения языковой политики в России список языков может расширяться. Следовательно, процесс имплементации Хартии в нашей стране растянется на десятилетия, но это не должно восприниматься как установление приоритета одним национальностям и дискриминация в отношении остального населения.

Чем быстрее федеральная и региональная элита осознает необходимость нового концептуального подхода, тем последовательнее можно реализовывать механизмы сохранения и развития языков и тем более терпимым будет само общество. Важно, чтобы гражданские институты приобщались к решению проблем развития языков, а не сосредоточивали свою активность на межэтнической конфронтации, как это было в России в 1990-е гг. В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого масштабной иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей родины.

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и с практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и де-

мократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками, и за счет средств государства государственный язык(и) получает необходимые условия своего развития и функционирования. Задача российского государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

4 Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития

Развитие и укрепление правовой системы государства создает предпосылки для укрепления нации как сообщества граждан, осознающих свое единство с государством, выступающим защитником прав человека, в том числе в этнокультурной сфере. Недоверие к государству в лице федеральной власти, напротив, создает предпосылки для дезинтеграции нации, когда более предпочтительными становятся региональные или этнические лояльности. В связи с принятой в России политикой поддержки этнических культур у части экспертов и политиков возникают опасения в том, что это может привести к ущемлению прав представителей каких-то народов, в том числе русских, т.е. к известной по опыту стран Запада позитивной дискриминации («дискриминации наоборот»). Поскольку российское общество по причинам сильного распространения ксенофобии и мигрантофобии не готово к политике преференций представителям миноритарных сообществ, важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа к власти и к ресурсам граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, общественных кампаний, чтобы снять такие опасения.

В вопросе утверждения общероссийской идентичности и патриотизма нельзя забывать исторический опыт ассимиляционных

процессов и этнически избирательных репрессий, из-за которых идея многоэтничной российской нации может восприниматься как новое издание концепта «советского народа» или как скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства. Одновременно не меньшие усилия требуются и для противодействия этническому национализму шовинистического толка, когда российский проект представляется как препятствие установлению статуса этнических русских в качестве государствообразующей нации, т.е. предоставлению особых прав одной этнической общности в ущерб остальным.

В условиях информационной открытости и растущей гражданской активности люди в некоторых полиэтничных странах (где этничности придается особое значение) остаются чувствительными к вопросу о том, кем является по национальности тот или иной администратор или политический лидер. К таким странам относится и Россия, хотя состав органов законодательной и исполнительной федеральной власти достаточно полно отражает полиэтничный характер российского общества. Учитывая наличие компонента этнического федерализма в форме республик и сложный состав населения большинства других регионов страны, этот вопрос представляется более важным на уровне власти в субъектах Федерации и в органах местного самоуправления.

Предпринимавшиеся до этого попытки законодательно ввести квотное представительство не принесли позитивных результатов, за исключением некоторых районов Севера и Северного Кавказа (Дагестан). Этнические квоты как принцип формирования власти в полиэтничных обществах не были приняты и в Европе. Они не дали позитивных результатов и в тех странах, где использовались (например, в Пакистане и Ливане). Для России представляется более эффективным создание органов общественного территориального самоуправления или общественных советов при органах власти, в полномочия которых будут входить в том числе вопросы этнокультурного развития и состав которых будет формироваться с учетом этнического состава населения региона.

Этот вопрос целесообразнее начать решать на уровне субъектов Федерации, накопить соответствующую практику, а затем подумать о принятии соответствующих нормативных документов. В том случае создается поле для действия так называемого местного права, сочетающего черты государственного и обычно-правового регулирования. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда возможно создание неофициальных правил поведения, которыми будут руководствоваться значительные группы населения, причем не в узких клановых

интересах, а для «правовых решений жизненных ситуаций»[1]. Для полиэтничного общества правовой плюрализм (сочетание централизованного и обычного права) является вполне приемлемой нормой. Признанное правовое разнообразие и есть то самое единое правовое пространство, которым озабочены многие юристы.

Развитие разных форм автономии, в том числе этнотерриториальной, при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры. Законодательные собрания и исполнительные органы власти полиэтничных регионов обычно являются более чувствительными к этнокультурным запросам населения. Деятельность органов власти субъектов Федерации показывает, что именно в этнокультурной сфере их полномочия и проекты могут быть более эффективными, нежели федеральные.

Поскольку этнокультурные интересы населения в значительной степени касаются их повседневной жизни, одним из инструментов их регулирования является взаимодействие органов власти с этническими общественными организациями. В этом вопросе государственная правовая система России предлагает разные пути, как через общее законодательство о культуре и языке, так и через целевую поддержку культур всех национальностей — от доминирующей русской до культур малочисленных народов.

Задачи законодательного регулирования этнокультурного развития заключаются в создании гарантий для равноправного развития культур всех народов России, защите прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей. Для некоторых народов этнокультурное развитие тесно связано с доступом к ресурсам, с экологическими проблемами, с сохранением уникальных систем традиционного жизнеобеспечения, как, например, северное оленеводство. В этом случае культурная и этническая идентичности обретают экономические и общественно-политические параметры, а в ряде случаев — трансгосударственный характер. Нынешний аборигенный житель российского Севера может быть связан с собственной этнической группой, с местным или региональным сообществом, с государством и, наконец, с наднациональными образованиями типа Арктического совета и международных циркумполярных общественно-политических объединений для ко-

---

[1] *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107. См.: также: *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 39–45.

ренных малочисленных народов Севера. Такое положение характерно для современного развития аборигенных народов во всем мире, и Россия не является исключением. Более того, у России имеется большой позитивный опыт политики в отношении аборигенных малочисленных народов, которым она может поделиться.

Необходимо отметить, что государству и обществу часто не хватает гибкости в вопросах этнокультурного характера. Мифологизированный смысл некоторых этнических коалиций, возможно, требует и адекватной политической реакции в такой же мифопоэтической форме без необходимой институализации субъектов этнополитики. Длительные неудачи в попытках придать мифологизированному по своей сути казаческому движению в России государственно-бюрократический характер (вплоть до отдельного департамента в Администрации президента России и специального федерального закона) подтверждают этот наш вывод. Иначе получается, что, например, мифическое славянское единство и международные связи славянских народов всячески приветствуются, а в черкесских, финно-угорских или чукотско-эскимосских международных ассоциациях и связях зачастую видится только угроза национальной безопасности. По нашему мнению, развитие общественных этнокультурных организаций по пути открытости и кросс-этнического взаимодействия может способствовать формированию общероссийского самосознания и в большей степени интегрировать государство и общество.

В Российской Федерации помимо Конституции есть целый ряд федеральных законов, которые обеспечивают правовые гарантии этнокультурного развития и самоопределения в рамках общедемократических норм и гражданских прав. Обратим внимание на некоторые положения законодательства о культуре. Так, согласно статье 1 федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», одной из задач данного законодательства является «создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации». Более подробно этот вопрос раскрывается в статье 6:

«Российская Федерация признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур, обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры посредством законодательного регулирования федеральной государственной культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры».

Специальные статьи посвящены правам и свободам народов и иных этнических общностей в области культуры. Среди этих прав отметим следующие:

«Право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания». При этом отмечается, что политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях.

«Право на культурно-национальную автономию всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности». Здесь, к сожалению, повторяется уязвимый советский концепт «своей» и «не своей» государственности, якобы существующей в рамках одного согражданства, и этот концепт, конечно, требует устранения как из правовой мысли, так и из текстов законов. Тем не менее важно, что культурно-национальная автономия означает право представителей этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания культурных центров, обществ и землячеств. Этнокультурные центры, общества и землячества имеют право представлять в органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии этнической культуры, проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия, содействовать охране исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев. Они могут создавать клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению этнического языка.

В 1996 г. был принят федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно статье 1 этого закона, «национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее — национально-культурная автономия) — это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В законе были сформулированы права национально-культурных автономий (НКА), которые включали право получать поддержку со стороны органов государственной власти, необходимую для «со-

хранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры». К сожалению, позднее обязательство по государственной поддержке НКА было устранено из текста закона. За пятнадцать лет деятельности НКА в стране было создано и действуют более 400 автономий разного уровня, в том числе 16 федеральных НКА. В России накоплен определенный опыт, который позволяет оценить положительно введение экстерриториальной формы внутреннего самоопределения наряду (а не вместо) с формой этнотерриториального самоопределения в форме республик и автономных округов. Этот опыт вполне соответствует опыту демократического устройства полиэтничных государств, который апробирован в других странах. Анализируя этот опыт, мы приходим к выводу, что самой полной и эффективной формой самоопределения в сложных обществах является реализация права культурно отличительных групп и сообществ на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе, т.е. не кантонизация, не экстерриториальные этнические курии, не сецессия, а действенное участие во всех сторонах жизни государственного сообщества — вот что означает современную и самую демократичную форму самоопределения.

Пока же этнополитика в России во многом носит верхушечный и патерналистский характер. По мнению некоторых специалистов, действующий ныне в России закон о НКА «должен говорить не о контроле государства над этническими организациями, а о взаимодействии с ними и их поощрении к общественно необходимым видам деятельности»[1]. Тем не менее, принятием этого закона государство еще раз подчеркнуло протекционистский характер своей культурной политики. Об этом же свидетельствует статья 22 законодательства о культуре: «Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными государственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития».

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта чело-

[1] *Степанов В.В.* Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 79–108.

века все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона[1].

Правовые гарантии такой политики были закреплены в федеральном законе 1992 г. «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называет в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 6).

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. В Республике Башкортостан, например, башкирский язык (меньшинства населения) стал обязательным школьным предметом для всех учащихся республики, что явно нарушало свободу выбора. Похожие ситуации предпочтительного статуса местных языков и языков меньшинств возникли и в некоторых других республиках. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности[2].

В конце 2007-го и в 2009 гг. были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью

---

[1] *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. М., 2010. № 1. С. 39–46.

[2] Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченности местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создает больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках.

Несмотря на эти существенные коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая, этнонационалистическая версии, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу демонтирования образов врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества[1]. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтогенных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

5 Местное самоуправление в полиэтничном обществе

Демократизация государственного устройства стала важнейшим направлением реформирования посткоммунистической России, и в этой области произошли исторические перемены. Однако радикальность перехода (транзита) в большой и сложной по составу населения стране вызвала неоправданные импровизации, острые конфликты вплоть до открытого насилия, а также ослабление ка-

[1] *Тишков В.А.* Новая историческая культура. М., 2011.

дрового состава органов власти субнационального уровня, их ресурсного обеспечения и компетенции. Но в целом процесс демократической децентрализации 1990-х гг. представлял в своей основе позитивное политическое творчество новых элит и общественных сил. Это творчество опиралось частично на российский исторический опыт, в том числе и досоветский, на сохраняющиеся институты, кадры и доктринальное наследие СССР, а также включало полезные заимствования и новации, вызванные местной спецификой и конкретной общественно-политической ситуацией (например, в республиках Северного Кавказа и в арктических регионах).

Несмотря на этот позитив, фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России скорее идеологической интенцией, нежели институционной данностью. На практике разделить выполнение органами местного самоуправления государственных полномочий и полномочий по решению вопросов местного значения в большом числе случаев оказалось невозможно. К категории политической мифопоэтики можно также отнести и констатации, что «местное самоуправление — это основа российской государственности» или что «местная власть — это наиболее демократическая форма власти». На самом же деле этнография местной власти гораздо более сложна, как и ситуативны и динамичны отношения и роль местных властей в общегосударственной эволюции.

В полиэтничных государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в его конституционно-правовой дефиниции, т.е. применительно к уровню ниже субъектов Федерации — регионов. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства» и их государственность составляет часть федеративной государственности, тем не менее именно они и составляют одно из главных средоточий проблемы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов — это территории проживания культурно отличительных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением.

Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межнациональных отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем. Их эскалация происходит от неспособности низовых властных структур решить эти проблемы, главным образом по

причине ограниченности прав и скудости ресурсов. Однако в ряде случаев именно местные власти, общественность, традиционные институты социального контроля продемонстрировали б льшую эффективность в разрешении межнациональных проблем, чем федеральные или регионально-республиканские органы власти. Там, где местная власть фактически отсутствует или коррумпирована (как это было в карельском городе Кондопога), тогда межэтнические распри обретают форму массовых волнений и погромов.

Формированию демократической системы местного самоуправления в России мешает общая неразвитость институтов гражданского общества, а если говорить точнее, неготовность российских граждан к самоорганизации и низкая значимость ценностей самоуправления в массовом сознании. Именно этот социокультурный фактор не позволяет местному самоуправлению стать влиятельным политическим институтом. В современной России существует гибрид самоуправления и местной государственной администрации.

Разная степень развития местного самоуправления отражает сложный характер самой страны и ее государственно-административного устройства. Отчасти это проблема больших по размерам территорий, непонимание природы местной власти и неумение ее отправлять, а также это проблема полномочий и ресурсов. Сказываются слабые правовое регулирование и координация правовых норм федерального и регионального уровней. Какие вопросы могли бы стать предметом глобального обсуждения проблемы, как управлять местными сообществами в многоэтничной стране?

Во-первых, сама природа и культурная обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянная динамика. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания, или сюда должны быть включены и те, кто уехал в город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через конкретное участие (спонсорство, культурная деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т.п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и (или) муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы никогда не могут совпадать с границами культурными и границами местных хозяйственных комплексов. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? У нас есть ощущение, что здесь фактически сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джеррименденинга,* т.е. границы сельских или городских районов могли быть изменены только исходя из политических расчетов, ибо с административными границами связано определение границ избирательных округов. Встает вопрос, насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления.

Современная антропология местных сообществ говорит о том, что они складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать-пятьдесят лет назад казалось и действительно было насилием в формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, т.е. кажется исторической нормой и даже «традицией». Другими словами, адаптационные возможности современных людей достаточно велики, и они способны не только стихийно самоопределять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже если они не учитывали местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества — это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или на мотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. Следует сразу же отметить, что осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся транспортные пути и автомобильные средства передвижения.

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в манифестной форме некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности могут обретать географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного

времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двух разных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной и той же территории и проживать смешанно или раздельно-смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических кварталов»).

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, бытовыми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью т.п. Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение (как одной из форм человеческой идентичности) даже может возрастать. Значит, этнокультурный фактор должен быть признан среди приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение местного культурного многообразия является одной из задач местного самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ.

Но опять же, насколько далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечали высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов? Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной местной кантонизации культурно сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и некоторых других регионов Российской Федерации. Аргументом в пользу данного варианта является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких многоэтничных образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений.

По поводу этого аргумента есть серьезные сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем культурная основа пространственных границ местных сообществ — это не только

проблема Северного Кавказа или республик, но и всей страны, ибо местное культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. «Марийцы и есть марийцы, мордва и есть мордва», — считают многие, но только не сами члены местных сообществ, где имеет значение деление марийцев на горных и луговых (даже разные языки!), а мордвы — на эрзю и мокшу. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители, но в какой мере этот фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических предпринимателей» и замороченных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну фундаментальную проблему: в какой мере оправданна единая категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмосковья такое деление не носит принципиального характера (и там и там нет деревни). Но в большинстве стран, в том числе и в России, дихотомия город-село имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различны. Некоторые специалисты обратили на это внимание. И.Д. Саначев, в частности, писал, что «в современной российской муниципальной науке, а в особенности в российском законодательстве, предпринята бесперспективная, на наш взгляд, попытка нивелировать разницу между сельской и городской местной властью, нивелировав — заодно уж — и разницу в администрировании этих местных образований... Однако очевидно, что формы организации, экономическая основа администрирования и менеджерирование сельских и городских поселений (включая впервые и так называемые сельские территории) настолько различны, что пытаться не видеть эти различия просто преступно и чревато большими осложнениями на практике»[1].

Анализ повседневности жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет выяснить эти принципиальные различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе различной категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о су-

---

[1] *Саначев И.Д.* Местное самоуправление в России: шаг вперед или политическая игра? // Становление местного самоуправления в Российской Федерации / Ред.-сост. О.Л. Савранская. М.: МОНФ, 1999. С. 10.

ществовании в Российской Федерации смешанных муниципальных образований с объединением городских и сельских территорий. По имеющимся полевым наблюдениям[1], в данном случае мы имеем дело с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строится это повседневное подчинение и зависимость, которые в Конституции, законах и указах не прописаны? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. Но тогда каких?

В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т.д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах и т.д., которые делают итоговую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие политические, идеологические и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых российских регионах нет нормальных основ для функционирования местной власти вообще.

В целом мы имеем переходную ситуацию, когда возможны как возврат к унитаристской системе государственного управления (естественно, с местной властью), так и дальнейшее продвижение в направлении самоуправляющихся местных сообществ в качестве одного из условий демократического и социально благополучного государства. Вторая перспектива труднее, но потребность в ней больше. Можно позитивно оценить решение Государственного совета от 11 февраля 2011 г. в Уфе относительно большей передачи ре-

---

[1] Социальная антропология современного российского города: Итоги полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010; Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2010.

сурсов, полномочий и ответственности в области этнокультурной политики и регулирования межэтнических отношений на уровень региональной и местной властей.

6 Мигрантофобия и неорасизм в условиях демократии

За два последних десятилетия Россия пережила масштабные миграционные процессы. В 1990-е гг. в страну, только по официальным данным, прибыло более 5 млн иммигрантов, из которых 3,3 млн составляли русские. Среди мигрантов около 1,2 млн были вынужденные переселенцы и беженцы. По мнению авторитетных специалистов, общее число иммигрантов и среди них вынужденных переселенцев и беженцев в реальности было примерно в два раза больше[1]. На так называемых нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов приходилось до 6 млн человек, а к середине 2000-х гг. эти оценки уже составляли до 10 млн человек[2]. В 2010 г. в России, по данным Федеральной миграционной службы, находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых менее 1 млн человек трудились на законных основаниях. Первую волну мигрантов составляли выехавшие из зон вооруженных конфликтов в Закавказье (Азербайджан и Грузия) и Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан). Это были в основном русские, армяне, турки-месхетинцы, южные осетины. Затем в первой половине 1990-х гг. произошел массовый выезд русских в основном из Казахстана и стран Средней Азии, Закавказья, с Украины и из стран Балтии. С середины 1990-х гг. начинается массовая трудовая миграция, и доля русских в ней упала до минимума. Это были в основном временные трудовые мигранты с Украины и из Молдавии, Азербайджана и Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии[3]. За ними шли мигранты из Турции, Китая и Вьетнама.

---

[1] Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 60, 168. См.: также: Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 1999.

[2] *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. С. 135–136.

[3] Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 1997; Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г.С. Витковской. М.: Московский центр Карнеги, 1998.

В 2000-е гг. заметно увеличилась доля трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Среди этой волны миграции преобладали выходцы из сельской местности, плохо знающие российскую культуру и русский язык. Именно эта часть мигрантов стала объектом особой эксплуатации, бытовой и политической мигрантофобии со стороны основного населения. Эта часть мигрантов заняла наименее престижные ниши на рынке труда, главным образом это неквалифицированные работы в строительстве (40% мигрантов в 2009 г.), торговле (30%) и жилищно-коммунальном обслуживании, а также ремонтные и подсобные работы по найму юридических и физических лиц. Доля мигрантов перед финансово-экономическим кризисом 2008 г. составляла немногим более 1% трудовых ресурсов страны (реально данная цифра в несколько раз выше). Это намного меньше, чем доля иммигрантов в трудовых ресурсах Швейцарии (22%), США (15%), Австрии (10%), Германии (9%). Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта (стоимость произведенных работ, товаров и услуг), то он составляет от 7 до 10% ВВП России. Это во много раз превосходит объем отправляемых мигрантами в страны исхода денежных средств. Хотя именно последняя цифра в несколько сот миллионов долларов постоянно фигурирует в оценках миграции и почти никогда не дается оценка результатов труда мигрантов для национальной экономики и обеспечения повседневной жизни россиян.

Миграция влияет на этнический состав населения страны, особенно регионов, куда переселились на постоянное жилье мигранты первой волны и где сосредоточено особенно много временных трудовых мигрантов. Так, в 1990-е гг. заметно изменился состав населения южных областей и краев России. В Краснодарский и Ставропольский края и в Ростовскую область прибыло много мигрантов армянской национальности, сюда же переехали десятки тысяч россиян из республик Северного Кавказа, а также из районов Севера и Дальнего Востока. В центральные области России (Владимирская, Ярославская, Нижегородская и другие области) прибыло и осталось на постоянное жительство много азербайджанцев, армян, а также внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, дагестанцы). Наиболее ощутимо и болезненно воспринимались быстрые этнодемографические перемены в составе населения за счет групп, которые до этого не проживали в данных регионах. Это касается как малых городских поселений, так и крупных городов. Особо алармистскими были оценки политиков и некоторых ученых в отношении Москвы, которую якобы заполонили иммигранты. В реальности эти изменения не были столь ради-

кальными не только в Москве, но и в южных регионах России. Тем не менее иммиграция стала все больше рассматриваться как негативный фактор, как угроза существующей культуре и образу жизни, а также в аспекте обеспечения национальной безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом.

После принятия нового закона о гражданстве и передачи ФМС в подчинение МВД в 2001 г. смыслом и целью миграционной политики стала борьба с незаконной миграцией. Для оправдания этой политики создавался негативный образ мигранта как потенциального преступника, нежелательного конкурента и нахлебника, который пользуется возможностями России и услугами ее жителей. Это отвечало корыстным интересам многочисленных работодателей, ибо запугивание и унижение иммигрантов позволяло недоплачивать за их труд и не нести никакой ответственности за условия их жизни и состояние здоровья. Проблема миграции стала фактически морально-нравственной проблемой всего российского общества, которое по большому счету этот экзамен не выдержало. В 2000-е гг. мигрантофобия в России достигла предельного уровня, включая многочисленные случаи насилия и жестокие убийства мигрантов. Этим занимались группы националистически настроенной молодежи под влиянием довольно известных политиков, журналистов и целой когорты появившихся самозваных специалистов по миграции и демографии. При этом уже не делалось особых различий между иностранными «гастарбайтерами» и российскими гражданами — выходцами из республик Северного Кавказа или Закавказья.

Губернаторы регионов называли мигрантов «подпольной чужеземной армией» (А. Тулеев), которые «не хотят жить по местным законам и обычаям» (А.Л. Черногоров) и которые «устанавливают свои криминальные порядки, всячески притесняют местное население» (Е.С. Строев). Бывший заместитель председателя комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками А. Савельев усматривал угрозу массовой миграции в «размывании нашего этнодемографического портрета». Как отмечает В.А. Шнирельман, этот политик-расист «не находил для миграции иных слов, кроме «миграционный потоп», «армия варваров», «замкнутые группировки», «агрессивный потенциал», «агрессия инородческого Юга», «агрессия против белого человека»[1]. Директор некоего мифического Института демографических исследований И. Белобородов заявил, что «приток иммигрантов создает угрозу межэтническому балансу, про-

[1] *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 18–19.

воцирует межэтнические конфликты и никак не решает демографическую проблему». Этим «экспертом» был выдуман «критический порог»: «Когда около трети проживающих — представители иной культуры, с этим сложно что-то делать»[1].

В антииммигрантской риторике одним из распространенных является положение о «нарушении межэтнического баланса», суть которого состоит якобы в разрушении культуры и образа жизни автохтонного населения при превышении определенной доли жителей в общей численности. Как считает В.А. Шнирельман, «это служит стержневой идеей культурного расизма, сторонники которого придерживаются эссенциалистского взгляда на культуру и считают, что, во-первых, человек едва ли не с молоком матери впитывает строго определенные культурные коды, во-вторых, они в неизменном виде сопровождают его на протяжении всей его жизни и он не способен что-либо изменить, в-третьих, он является носителем одной, и только одной, строго определенной культуры»[2]. Акцент на неизменности «культурных кодов» приводит к идее о якобы неизбежном конфликте культур и цивилизаций и отсюда — о пагубности иммиграции. Здесь культурная идентичность рассматривается как главная в сравнении с гражданской и политической, а интересы личности подчиняются коллективу под названием «народ» или «нация».

С самого начала 1990-х гг. в арсенале политических программ и научных исследований была проблема новых диаспор, зарубежных соотечественников и их сначала, казалось бы, неизбежной, затем — возможной и желательной «репатриации» на свою историческую родину. В качестве исторической аналогии чаще всего приводился пример Франции, когда в эту страну вернулось много французов после утраты колоний, особенно после войны в Алжире в 1950-е гг. В действительности этот пример с бывшими колониальными метрополиями Европы (Великобритания, Франция, Голландия) не вполне подходит для его сравнения с Россией после распада СССР. Российская империя и СССР не были классическими колониальными империями, здесь не было метрополии как таковой с ее господствующей нацией и угнетаемой колониальной периферией. Российский/советский народ представлял собой историческую и социально-культурную общность, а образовавшиеся после распада независимые государства представляли собой многоэтничные сообщества, в которых все население было «бывшими

---

[1] Цит. по: *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 19.

[2] Там же.

соотечественниками», русские же среди них представляли собой не служащих колониальных администраций, а в большинстве своем — старожильческое население этих стран и регионов. В Нарве и Тарту, Одессе и Севастополе, Барнауле и Гурьеве русские жили столетиями, и именно они были первожителями многих территорий и мест.

Этнический национализм среди элит новых государств и желание так называемого международного сообщества, а по сути, стран Запада дистанцировать Российскую Федерацию от стран нового зарубежья и распространить на них собственное влияние объясняли морально-политическую и научно-академическую поддержку тезиса о распавшейся империи и о русских как об «оккупантах» и «колонизаторах». Эта поддержка и попустительство явной дискриминации больших групп населения по этническому признаку (вплоть до отказа в гражданстве рожденным в новых странах жителям) были одним из факторов, которые обострили проблему миграций в постсоветском пространстве. Выехавшие в Россию «этнические соотечественники» оказались затем среди наиболее резко настроенных против новых стран и их жителей, а тем более тех, кто прибыл в Россию в качестве трудовых иммигрантов.

Российская миграционная политика претерпела многие коллизии, особенно по части Федеральной миграционной службы и ее руководителей, но одним из наиболее значимых ее поворотов стал 2002 г., когда по новому законодательству о гражданстве были введены фактически непреодолимые барьеры на пути легализации иммигрантов, расцвела коррупция со стороны чиновников и произвол со стороны правоохранительных органов и работодателей. Несколько миллионов уже находившихся в России мигрантов из стран бывшего СССР, в том числе и русских, теперь не могли легализовать свое положение и тем более — получить гражданство. В 2006 г. этот закон и миграционный порядок были несколько смягчены в части регистрации иммигрантов (уведомительный порядок), и доля нерегистрируемой (нелегальной) миграции сократилась (на миграционный учет было поставлено около 3 млн иммигрантов). Зато были введены квоты на иммигрантов по заявкам регионов и юридических лиц, т.е. представителей бизнеса, где использовался труд иммигрантов. Но эти квоты совсем не учитывали потребности физических лиц, иными словами — обычных граждан страны, миллионы которых постоянно используют труд иммигрантов при ремонте квартир и строительстве дач, уходе за детьми, престарелыми и больными, на дачных и других работах. Политика квот стала фактически фикцией.

Еще одной неудачей миграционной политики оказалась программа репатриации соотечественников, запущенная в 2007 г. с явно

этнически избирательным уклоном и с надеждой вернуть в Россию часть остающегося в ближнем зарубежье русскоязычного населения, перевесив тем самым «нежелательный миграционный поток» в лице коренных жителей Средней Азии и Закавказья. По этой программе за последние годы в Россию переехало несколько тысяч человек, а не сотен тысяч, как рассчитывали авторы программы.

Тем временем на протяжении второй половины 2000-х гг. в России росли мигрантофобские настроения. Мигрантам по-прежнему предъявляли претензии в том, что они якобы отбирали у местного населения рабочие места, тормозили рост зарплаты и не позволяли в полной мере развиваться высокотехнологичным производствам, захватывали престижные квартиры и стремились к созданию «этнических анклавов». Мигранты якобы создавали непосильную нагрузку на социальную сферу, приносили болезни, обеспечивали значительную долю преступлений, не хотели интегрироваться и пытались навязать свою культуру. Весь этот набор антимигрантских тезисов достаточно хорошо знаком и другим странам, которые принимают иммигрантов, но в России есть своя специфика в том, как на эти мифы, на недобросовестную и неквалифицированную информацию реагирует общество. Прежде всего в стране сложилась целая политическая философия антимиграционизма, в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы. Они придают негативный характер представителям целых этнических групп и даже используют тезисы коллективной ответственности, такие как, например, депортация из страны всех грузин или всех таджиков. Эта политическая философия нового расизма имеет как экономическую (масштабная и приносящая многим членам общества большие и малые прибыли), так и социальную (как реакция на трудную адаптацию самих россиян к конкурентной среде рыночной экономики) природу. У этой философии есть и свой морально-психологический аспект, а именно: кризис идентичности россиян, его политической и интеллектуальной элиты, при котором место прежней межэтнической терпимости заняло ожесточение по отношению к новым суверенным соседям, откуда многим нынешним жителям пришлось уехать с моральными и материальными утратами. Но самое главное — антимиграционизм имеет также и криминально-коррупционную составляющую, ибо оправдывает неправовые действия и прямое насилие по отношению к временным жителям России и даже к собственным гражданам — переселенцам из других регионов страны.

Побочным, но опасным порождением политической философии антимиграционизма стали крайние формы ксенофобии и расизма, которые довольно быстро распространились в молодежной

среде. Однако идеологами и наставниками экстремистских групп часто выступают представители образованной элиты, лидеры общественных организаций и политических партий. Правовые санкции и даже запреты на деятельность такого рода организаций и партий, а также издательств, интернет-сайтов и редакций изданий несколько улучшают ситуацию, как и судебные процессы против убийц и террористов из числа националистических и расистских экстремистов. Но в целом современная Россия столкнулась с проблемой, для эффективного решения которой пока не хватает компетенции и силы государства и необходимого потенциала толерантности в институтах гражданского общества.

Следует заметить, что в демократических странах ксенофобия и расизм практикуются в более мягких формах, чем в странах с тоталитарными режимами. Однако демократия не служит панацеей от расизма. Демократические нормы и свободы фактически допускают этнически избирательную дискриминацию, придавая первоначально части жителей страны статус культурно отличительного сообщества (меньшинства или расы) через разные бюрократические процедуры (например, переписи населения) и политические декларации, затем наделяя эти сообщества образами «чужаков» и людей «другой крови» и, наконец, порождая расистские практики.

Существующие в странах демократии и в Российской Федерации эти практики пока изучаются и обсуждаются недостаточно. Хотя речь идет о довольно разных вещах. Во-первых, это *бытовой расизм*, который не требует разработанной идеологии, но который распространен в разных социальных группах и оказывает свое влияние как в семейной среде, так и в повседневном общении людей.

Во-вторых, это *политический расизм*, основанный на партийной идеологии, когда действующие во многих странах партии и другие организации кладут в основу своих программ и деятельности открытые или скрытые формы этнорасовой непримиримости и вражды. В России в последние годы ряд таких организаций был запрещен судебными решениями, но произведенная ими программатика остается в общественном обороте через публикацию экстремистской литературы, неформальные коалиции, флешмобы и социальные сети в Интернете.

В-третьих, существует *институциональный расизм*, присущий отдельным социальным институтам (армия, школа, медицинское обслуживание, социальная помощь, религиозные организации и пр.). По этой части в странах Запада в рамках многолетней политики политической корректности накоплен большой и позитивный опыт, который заслуживает внимания российских политиков и ученых.

Наконец, есть *государственный расизм*, который обнаруживает себя в законодательстве, принципах формирования государственных служб, некоторых санкционированных государством практик. В России конституционно-правовые нормы отвечают должным требованиям демократических обществ, но вот практики очень часто отстают от этих норм.

Формирование расового мировоззрения и неорасистских практик в постсоветской России можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, при всем интернационализме и дружбе народов как лозунгах коммунистическая этнополитика включала в себя практики, которые на Западе обоснованно считались расистскими, — например, трактовка этничности не как формы идентичности, а как жестких коллективных тел (со своей территорией, государственностью, культурой и характером), и иерархия народов и наделение их неравными политическими статусами. Крушение коммунистической утопии и переход от «реального социализма» к реальному капитализму расчистили дорогу расистским идеям и их политическим проявлениям. Этот наследованный от советского времени этнонационализм усилил свое влияние в последние советские десятилетия, когда марксизм окончательно стал догмой и «обслуживал» консервативную верхушку страны. Тогда этническая парадигма стала более привлекательной и даже обрела солидную академическую оболочку в виде теории этноса.

Во-вторых, распад СССР происходил на фоне своего рода «национального возрождения», т.е. мощного взрыва периферийного этнонационализма, который зачастую воспринимался частью отечественных политиков и ученых и, конечно, западным сообществом как «союзник демократии», как справедливая форма «национального освобождения» от советского колониализма. Именно в эти годы распада расцвели крайние формы этнического (основанного на «почве и крови») национализма, а вместе с ним — и шовинизма (национализма большинства). Наконец, последовавшие после распада иммиграция и внутренняя миграция (например, из республик Северного Кавказа) воспринимались населением и описывались публично в культурных терминах как «столкновение культур» и как «культурная несовместимость».

В-третьих, либеральные реформы существенно подорвали статусы части интеллектуального слоя, работников военно-промышленной сферы и спецслужб и вызвали неуверенность в жизненных перспективах многих россиян, что не могло не породить настроения социального протеста. Многие из не принявших новый уклад или ушедших в сферу личного обустройства оказались восприимчивы

к разного рода ксенофобской идеологии, которая стала обильно поставляться на книжный и информационный рынок, а также в сферу образования. Негативную роль сыграла часть профессуры старшего поколения, которая занималась индоктринацией молодежи по части «развала страны», «мировых еврейских заговоров», «агентов Запада» и т.д. Ксенофобия у молодежи подпитывалась примитивным патриотическим воспитанием и антизападническими, антиамериканскими проповедями через влиятельных комментаторов и политических харизматиков на предмет защиты страны от внутренних и внешних врагов. Последние стали чаще всего ассоциироваться с иммигрантами, которых так и стали называть «захватчиками», «оккупантами». Одновременно формировалась ненависть к либерально настроенным гражданам, к ученым и общественным активистам, которые сотрудничали с западными коллегами и пользовались поддержкой иностранных научных и других фондов. Объектами нападок для ксенофобов и лжепатриотов стали не только «чужаки», но и отечественные «грантососы», «западники», «агенты влияния», которых «лидер Международного евразийского движения», известный расист А. Дугин призывал «экстерминировать» (т.е. физически уничтожать): «В русское общество пробрались различные животные, называемые “либералами”, “западниками”, “агентами влияния” и т.д. Огромный выводок вирусов, который в течение десятилетий поражает российское общество. Эти люди поднимают вопрос о том, нужен или не нужен патриотизм, потому что они сами являются воплощением болезни. Их надо либо изолировать (если они заражены вирусом), либо экстерминировать (если вирусы — это они сами)»[1].

Расистские настроения, дискриминация по этнорасовым признакам и нападения на «расово чуждых» в России росли довольно быстро. Это отмечали российские эксперты, а также западные наблюдатели. В 2006 г. правозащитная организация «Международная амнистия» сделала вывод, что «ситуация с расизмом в России несовместима с тем местом, которое страна занимает на международной арене, что подрывает ее положение в мире»[2]. Специальный докладчик Совета по правам человека ООН Дуду Дьен также отметил усиление в России влияния политических партий расистской ориентации, формирование расистской и ксенофобской культуры и рост насилия на этой почве[3].

---

[1] Русский журнал. 21 апреля 2009 г. № 11(25).

[2] Цит. по: *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 468.

[3] *Дьен Д.* Доклад специального докладчика Совета по правам человека ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости 3 мая 2007 года.

Сегодня некоторые авторы объясняют ксенофобию социально-экономическим неблагополучием, негативными демографическими тенденциями и войной в Чечне с ее тяжелым «чеченским синдромом»[1], а также «оборонительной реакцией» русских на натиск чужеродных «торгашей» и «преступников»[2]. Но эти аргументы мало убеждают, ибо стремление ксенофобов выдать себя за жертву засилья «чужаков» известно очень давно. Оно распространено также и в других европейских странах. Российские социологи опровергают мнение о связи роста ксенофобии с ухудшением материального положения. В 2000-х гг. экономическое положение страны и населения заметно улучшилось, но снижения ксенофобии не наблюдалось. Некоторые специалисты полагают, что именно динамика изменений благосостояния и радикальные различия воспринимаются людьми острее, чем положение устойчивого материального (благо) состояния. Ксенофобия и всплески массовой агрессии могут быть связаны с завышенными социальными ожиданиями или с разочарованиями в либеральных реформах, с нарастанием неотрадиционализма с его ностальгией по прошлому, с болезненным привыканием этнического большинства к своему новому положению после распада СССР[3].

Действительно, следует признать, что начало 2000-х гг. было ознаменовано триумфом консервативной «националистической элиты»[4]. По крайней мере, так все выглядело в общественно-политическом дискурсе, который был настроен на воспевание брежневских времен и дореволюционных консерваторов типа П.А. Столыпина. Общественные настроения в России (как и в ряде других стран) оказались под большим влиянием неотрадиционализма, испытывающего ностальгию по «доброму старому времени» и настороженно относящегося к переменам. Особенно распространенными эти настроения оказались среди представителей силовых ведомств, части технической интеллигенции и некоторых течений художественной культуры и поп-культуры. Немало российских интеллектуалов, охваченных идеей консерватизма, отчаянно ищут для нее надежную опору и находят таковую в «вечных ценностях», «народ-

---

[1] *Паин Э.А.* Между империей и нацией. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 93–95.

[2] *Могилевский Р.* СССР развалился, а комплексы остались // Известия. 10.11.2005. С. 6.

[3] *Паин Э.А.* Указ. соч. С. 90; *Он же.* Этнополитический маятник. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 219.

[4] *Лапкин В.В.* Закономерности смены российских политических сезонов // Полис. 2004. № 1. С. 42–46.

ном менталитете», «традиционных устоях», «этнокультурном портрете», а некоторые ученые (особенно психологи и культурологи) всячески пытаются приписать им биологическую основу. Так, «биология становится символическим гарантом от новых потрясений»[1].

Следует прислушаться к тем социологам, которые подчеркивают, что традиционалисты, ныне составляющие большинство населения, недовольны не столько самими по себе рыночными отношениями, сколько тем, что сами они не сумели получить от этого ожидаемой выгоды[2]. Поэтому объяснение высокого накала ксенофобии должно исходить из того, что речь сегодня может идти уже не о сопротивлении модернизации, не о разочаровании ее ходом и плодами, а о страхе упустить возможности для жизненного успеха и роста личного благосостояния, предоставляемые модернизацией. При этом угроза видится со стороны «чужаков», и, опасаясь их конкурентоспособности, люди пытаются обезопасить себя, опираясь на поддержку со стороны государства. Отсюда проистекает желание, особенно среди этнических русских, т.е. большинства населения, получить определенные преимущественные права, урезав в правах этнические меньшинства, «некоренных» и «иностранцев». Подспудно в этом может содержаться опасная идея передела собственности, которая ассоциируется в умах людей с неправовыми («прямыми») действиями. Именно передел собственности стал подоплекой печальных событий в карельском городе Кондопоге в 2007 г. Эти события, а также массовые беспорядки в Москве в декабре 2010 г. убеждают в серьезности проблемы, с которой столкнулась Россия и которая может стать помехой модернизации страны и ее развитию по пути демократии. Если не придет должное понимание ситуации и не будут найдены эффективные механизмы управления, т.е. так называемого хорошего правления (*good governance*).

---

[1] *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 475.

[2] Российская идентичность в условиях трансформации / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. С. 96–97.

Часть III. Мультикультурализм: украинское измерение

Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст

Денис Кирюхин

Проблема мультикультурализма

Понятие «мультикультурализм» сегодня используется преимущественно в двух значениях. Во-первых, им обозначается государственная политика, в рамках которой признается принципиальная равноценность и равнозначность различных культурных (и религиозных) традиций. Эта политика направлена на создание условий для сосуществования разных культур и религий в рамках одного национального государства. Как в свое время принцип толерантности был выработан в качестве средства решения острой проблемы религиозных войн, охвативших Европу со времен Реформации, так сегодня, как упреждение, принцип мультикультурализма призван предотвратить возникновение конфликтов на этнокультурной и религиозной основе.

Во-вторых, под словом «мультикультурализм» подразумевается культурное и этническое многообразие, характерное для многих современных обществ, для глобального сообщества в целом[1]. «Земной

[1] Возможно, такое определение с точки зрения академического подхода является не совсем точным. Действительно, можно согласиться с теми исследователями, кто подчеркивает, что слова, оканчивающиеся на «-изм», означают принципы, идеи, но никак не определенное состояние. Последнее, к примеру, может передаваться терминами «культурное разнообразие» и «культурный плюрализм» (См.: *Колодій А.* Доктрина мультікультуралізму: перспективи модифікації у нових державах із неконсолідованими націями // Демократичне врядування: науковий вісник. 2001. Вип. 8. Online: http://www.lvivacademy.com/visnik8/fail/Kolodij.pdf). Однако когда мы сегодня говорим о мультикультурализме как определенном состоянии, тем самым подчеркивается не просто разнообразие культур, этносов, религий, но и указывается на тесную связь и взаимозависимость, которая установилась между различными этносами и культурами

шар стал маленьким», как предрекал когда-то Ф. Ницше, и многие культуры, религии, языки неожиданно оказались очень тесно сосуществующими друг с другом в рамках одного национального государства (в случае Европейского союза речь идет преимущественно о христианской и исламской культурно-религиозной традициях), что и позволяет говорить в целом о едином мультикультурном глобальном мире и о проблемах, перспективах и задачах, которые в связи с этим возникают.

За такой «плавающей семантикой» этого термина (так довольно точно обозначил особенности «мультикультурализма» В. Малахов), которая дезориентирует многих политиков и экспертов, очень часто остается незамеченным один существенный факт. Оба значения, которые вкладываются в данный термин, отчетливо демонстрируют новую и до недавнего времени не проявлявшуюся значимость — (гео)политическую, правовую и экономическую — культурной идентичности (культуры в целом) в современных обществах, новую, по сравнению с тем, какую роль партикулярная культурная традиция и/или религия играли в социально-политической сфере еще, вероятно, несколько десятков лет назад.

Провозглашение в качестве ценности сохранения и поддержания культурной идентичности индивида и группы — это одно из проявлений сформировавшейся в рамках либеральной традиции реакции на указанное культурное многообразие[1]. Европейские государства, реализующие политику мультикультурализма, декларируют стремление к обеспечению равенства всех проживающих в стране культурных сообществ путем отказа от попыток поставить одну культурную традицию в привилегированное положение по отношению к другим и стимулирования культурного разнообразия.

Но достаточно обратиться к книгам немца Тило Саррацина «Германия: самоликвидация» или британца Кристофера Колдуэлла «Размышление о революции в Европе: иммиграция, ислам и Запад», чтобы получить убедительный и исчерпывающий набор примеров, демонстрирующих, что такая государственная нейтральность по отношению к различным культурам способствовала (как напрямую, в рамках государственной политики, так и косвенно, после того как культурные различия оказались политически и социально-экономически значимыми) развитию религиозных, этнических и культурных

в ряде регионов (прежде всего, в Западной Европе) во второй половине XX столетия под влиянием процессов деколонизации и глобализации.

[1] В данном случае мы оставляем без внимания иные формы реакции, такие, например, как политика ассимиляции или изоляционизма.

идентичностей. И именно эта нейтральность в конечном итоге поставила мультикультурные европейские сообщества перед угрозой дезинтеграции и экстремизма, что и привело к провозглашению отказа от продолжения этой политики. Действительно, когда исламская молодежь, выкрикивая лозунг «Пропади ты пропадом, прекрасная Франция!», идет поджигать машины в пригородах Парижа, а в ответ растет поддержка теми европейскими гражданами, кто не исповедует ислам, правых антииммигрантски настроенных популистских партий, говорить об общественном консенсусе в условиях культурного многообразия не приходится. А именно его имеет своей заявленной целью политика мультикультурализма.

Прямым следствием попыток ряда европейских стран реализовать принципы мультикультурализма[1] является сегодняшнее усиление влияния на политическую жизнь этих стран, наравне с гражданами, еще и сегрегированных религиозных и этнокультурных групп, а также появление в качестве значимого политического субъекта социальной группы, интегрированной на культурно-религиозной основе. Поэтому представляется возможным подвергнуть сомнению довольно распространенное убеждение, будто мультикультуралистская позиция означает в то же время и позицию демократическую, коль скоро демократия в ее традиционном либеральном понимании опирается на автономных индивидов, но никак не на группы.

Во многих случаях, без сомнения, политика мультикультурализма действительно способствует утверждению принципов демократии, как, например, в Канаде или Австралии, где такая политика позволила реализоваться праву на участие в политическом процессе сообществам, для которых их этнокультурная идентичность является доминирующей. Речь идет, в первую очередь, об аборигенах, сохраняющих в той или иной мере свой традиционный способ жизни, которые в ином случае были бы просто вытолкнуты за пределы политического процесса. Кроме того, политика мультикультурализма помогла решить проблему сосуществования в рамках одного государства двух культурно-языковых общностей без того, чтобы на их основе формировать «в плавильном котле» единую культурную общность. Однако в европейских странах акцентирование внимания на этнокультурных идентичностях в конечном итоге поставило под угрозу существование общего демократического политического пространства, сформированного на основе новоевропейских

[1] Хотя, пожалуй, не столь уж и не правы те, кто подобно канадскому философу Чарльзу Тейлору утверждает, что в Европе на самом деле и не предпринимались попытки реализовать эти принципы.

ценностей. Ведь теперь и для многих европейцев главенствующей оказывается не общегражданская, а их религиозная или этнокультурная идентичность, традиция не гражданско-демократическая, а религиозная и культурная традиция той этнической группы, с которой человек себя идентифицирует[1].

Тем не менее, утверждать, что политика мультикультурализма уже исчерпала свой позитивный потенциал, представляется преждевременным[2]. Проблема культурного многообразия, столкновения различных этнокультурных традиций сохраняет свою остроту,

---

[1] Действительно, по данным Pew Research Center за 2006 год (см.: Muslims in Europe: Economic Worries Top Concerns About Religious and Cultural Identity // Online: http://www.pewglobal.org/2006/07/06/muslims-in-europe-economic-worries-top-concerns-about-religious-and-cultural-identity/), 81% исповедующих ислам жителей Британии, 69% — Испании, 66% — Германии и 46% — Франции ощущают себя в первую очередь мусульманами. Гражданами же своей страны ощущают себя в первую очередь лишь 7% британских мусульман, 3% — испанских, 13% — немецких и 42% французских (по сравнению с другими европейскими странами французская политика по отношению к мигрантам носит, скорее, ассимиляторский характер, чем и объясняются отличия в идентичности французских мусульман от мусульман из других европейских стран). Эти данные подтверждаются и данными *Policy Exchange* (исследование проведено в Британии), согласно которым 86% опрошенных мусульман поддержали тезис: религия является «наиболее важной вещью в моей жизни».

Ситуация же с теми, кто исповедует христианство, диаметрально противоположна. Так, согласно *Pew Research Center*, в Германии среди них 59% ощущают себя в первую очередь гражданами своей страны и только 33% в первую очередь христианами, в Великобритании — 59% и 24% соответственно, Франции — 83% и 14%, Испании — 60% и 14%.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что, например, среди британских мусульман 45% обеспокоены снижением важности религии для их единоверцев, а 44% — влиянием светской музыки, кино, телевидения на молодежь.

Большинство опрошенных как мусульман, так и не мусульман согласны с тем, что исламская идентичность зачастую оказывается более значимой для молодежи, чем для старшего поколения. Так, в Британии (данные Policy Exchange за 2007 год (см.: *Living Apart Together: British Muslims and the paradox of multiculturalism* // On line: http://www.policyexchange.org.uk/images/publications/living%20apart%20together%20-%20jan%2007.pdf)) 37% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет предпочитает жить по законам шариата, в то время как среди мусульман старше 55 лет таких только 17%. Показательны и другие цифры: 74% молодых мусульман предпочитает, чтобы женщины ходили с покрытой головой, в то время как среди тех мусульман, кто старше 55 лет, сторонников ношения женщинами хиджаба только 28%. Причем, наложенная на социальные проблемы, эта религиозность молодежи естественным образом политизируется, приобретая экстремистский характер.

[2] Повторимся, речь идет о той политике, которая проводилась и в той или иной мере продолжает и сегодня проводиться во многих европейских странах.

причем не только для Европы, но и для таких стран, как, например, Россия. И политика мультикультурализма (в ее различных вариантах) представляет собой один из возможных демократических способов ее решения. В этом отношении не случайно, что звучащие в последнее время заявления о крахе мультикультурализма — это часто лишь способ привлечь внимание к проблеме и повод для теоретической дискуссии. Причем активность последней свидетельствует о том, что у сторонников рассматриваемой нами политики не меньше аргументов в ее защиту, чем у ее противников — против.

Можно ли говорить о том, что, подобно многим европейским странам, Украина сегодня столкнулась с проблемой (или даже, скорее, вызовом) мультикультурализма, принимая во внимание, какое влияние оказывают на политическую ситуацию в стране проблемы языков (прежде всего, русского и украинского), религий и культурных традиций? Как представляется, не вполне[1]. Перед европейскими странами, такими, например, как Германия, Франция или Великобритания, остро стоит проблема сосуществования христианской и исламской традиций, которая имеет даже не столько культурное, сколько социальное измерение (что связано с социальной необустроенностью мигрантов). Хотя, без сомнения, ее культурную составляющую также не стоит недооценивать. Для России же проблема сосуществования различных культур в рамках одного государства в той или иной форме существует вот уже не одно столетие (фактически с того момента, как с XIX в. Россия стала осознавать себя многонациональной империей). И сегодня мы наблюдаем в России обострение межэтнических конфликтов под влиянием политических и экономических факторов, в том числе и под влиянием общемирового тренда актуализации культурной идентичности.

В Украине же ситуация иная. Тут, в отличие от Запада, нет проблемы сосуществования двух различных культурно-религиозных традиций, носители которых «неожиданно» оказались соседями, равно как нет и корреляции между социальным статусом и культурно-религиозной принадлежностью гражданина. А в отличие от России, перед Украиной не стоит задача поиска новых оснований для мирного сосуществования представителей различных культур, которые на протяжении столетий жили в рамках единого государственного образования. Ранее, на территории современной Украины эта проблема

---

[1] Подчеркнем, речь в данном случае идет не о том, что принципы политики мультикультурализма не могут применяться для решения этнокультурных и языковых проблем Украины. Речь идет о мультикультурализме в его «демографическом» измерении и о сходстве/различии связанных с ним проблем в европейских странах и Украине.

решалась в рамках проекта Российской империи, а затем — СССР, т.е. это не было задачей собственно «украинского проекта». Тем не менее, проблема политической значимости культуры, этнической и религиозной идентичностей и для Украины сегодня чрезвычайно остра. И связано это с той особой ситуацией, в которой оказались и многие страны Восточной Европы после краха социалистической системы.

Для обозначения этой ситуации представляется возможным использовать термин «постсоциалистическое состояние», который был введен в политическую теорию Нэнси Фрейзер, выделившей в качестве одной из основных его черт отделение в постсоциалистических странах культурной политики от политики социальной и выдвижение на первый план именно первой. Как справедливо отмечает Фрайзер, требования признания групповых различий сейчас в «постсоциалистическом состоянии» звучат более громко, чем требования социального равенства[1].

Акцент на групповой этнокультурной идентичности в целом сближает ту ситуацию, в которой оказались сегодня европейские страны, где развернулся спор о мультикультурализме, и ту, в которой находятся страны постсоциалистические. Однако генезис этих ситуаций различен. В Западной Европе мы, как указывалось выше, наблюдаем последствия политики, сознательно делавшей акцент на культурных различиях с целью обеспечения групповых прав. На постсоветском же пространстве апелляция к культуре и истории (которая находит свое выражение в политике, определяемой идеологией национализма, а не мультикультурализма) является следствием, во-первых, социально-политических и экономических трансформаций, связанных с падением советского режима[2], а во-вторых, той национальной политики, которая проводилась властью в СССР.

---

[1] См.: *Fraser N.* Justice Interruptus: Critical Reflections on the «Postsocialist» Condition. New York: Routledge, 1997.

А отсюда, добавим от себя, и упадок левых гражданско-политических движений, а также феномен «поправения» левых (примерами чему являются КПРФ в России, Социалистическая партия Сербии и, в последние годы, Прогрессивная социалистическая партия Украины, что дают дополнительные свидетельства в пользу тезиса о том, что национализм может быть как левым, так и правым), т.е. активное использование последними консервативной риторики для удержания и мобилизации электората.

[2] Тут представляется возможным привести мысль Мирослава Хроха, который указывает, что национализм стал реакцией «на экстраординарные социальные стрессовые ситуации», когда «акцент на национальную принадлежность и национальные интересы действует в качестве “заместителя” всех других интересов, социальных трений или же конфликтов» (*Хрох М.* Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах // Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе: В 3 т. Т. 1. М: РОССПЭН, 2010. С. 119).

Нарративы украинского национализма

Советский режим, как точно подметил Р. Брубейкер, был антинационалистическим, но отнюдь не антинациональным[1]. Им жестко подавлялись все формы противоположной классовой этнополитической мобилизации населения и национализма как политической идеологии (в рамках борьбы с «буржуазным национализмом»), но при этом развивались практики формирования у граждан этнонациональной идентичности[2]. Последняя для советского режима была чрезвычайно важным фактором, принимая во внимание то обстоятельство, что формирование национальных советских республик в значительной степени стало ответом на «национальный вопрос», возникший к началу XX столетия перед многими народами Российской империи. И институционализация национальности, на которую была направлена политика советского режима (вспомним политику «украинизации», которая проводилась на Украине в 20-е годы), стимулировала активное развитие этнонациональной самоидентификации в тех случаях, где ее не было вовсе или же она была недостаточно развита.

Интересные примеры этого процесса конституирования этнонациональной идентичности содержатся в работе французской исследовательницы Жюльет Кадио «Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940», в которой показан процесс превращения этничности в инструмент категоризации и управления населением в СССР. В частности, в ней демонстрируется, что власть в Советском Союзе использовала институционализацию этничности (национальности) в качестве инструмента в практиках учета и контроля населения и территориальной организации власти. Причем ключевое значение в этом процессе играли переписи населения, список этносов в которых (с ними предлагалось респондентам себя идентифицировать) формировался в разные годы на основе различных критериев, а также сокращался и видоизменялся от переписи к переписи, в первую очередь из политических соображений. В кон-

---

[1] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 109.

[2] Вспомним, что в речи на собрании студентов КУТВ в 1925 г. И. Сталин назвал общечеловеческую культуру, к которой идет социализм, пролетарской по содержанию и национальной по форме. А ранее, в подписанной Лениным и Сталиным «Декларации прав народов России» (1917), провозглашалось в качестве основы деятельности Совета Народных Комиссаров равенство и суверенность народов России, «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». (См.: Декреты советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39–41.)

це концов, как отмечает Кадио, в качестве основного критерия принадлежности к тому или иному этносу российскими этнографами и статистиками был выбран «родной язык». Что отнюдь не случайно. Ведь в отличие от Западной Европы, где формирование наций происходило или одновременно со становлением государств, или же было связано с их модернизацией, нации Центральной и Восточной Европы формировались, как правило, в рамках империй (Австро-Венгерской и Российской), а потому поначалу «определялись преимущественно по культурным аспектам, по языку, религии и общей истории...»[1]. И к моменту образования СССР темы национального языка и национальной культуры были уже частью повседневных практик и фонового знания, благодаря чему язык смог выступить как один из наиболее понятных для респондентов переписи критериев их национальной самоидентификации.

Впрочем, как показывает Ж. Кадио, вначале далеко не всегда и обращение к языку помогало решению задачи категоризации, которая стояла перед переписью. Французская исследовательница обращает внимание на то, что в 20-е годы «на Украине глава Центральной комиссии национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК большевик Я.Д. Саулевич организовал ряд лингвистических, статистических и этнографических обследований с целью определения этнического состава населения. На вопрос о языке крестьяне отвечали, что они говорят на “крестьянском”, “простом”, “местном” или “католическом” языке»[2]. Однако, как мы помним, в более поздних переписях населения граждане Советского Союза в подавляющем большинстве уже не затруднялись с определением своего «родного языка».

При этом нельзя не отметить, что национальная политика в СССР была амбивалентной в своей основе. Практики этнокультурной идентификации сочетались с идеологией формирования особой идентичности — «советский человек». Хрестоматийной иллюстрацией, ярко представляющей эти интернациональные установки советской идеологической пропаганды и практик саморепрезентации советского строя является стихотворение Роберта Рождественского «О национальности»[3]:

---

[1] *Пуле Г.-Ю.* Новые национализмы в Восточной Европе — шестая волна? // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. С. 180.

[2] *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010. С. 160–161.

[3] На него обращает внимание исследовательница теории и практики национализма М. Ноженко. См.: *Ноженко М.В.* Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007.

Если наш Союз
называет «Россией»
кое-кто на Западе, —
напрягаю глотку,
объясняю истину,
не стою разиней...

Я в Державу верую —
вечную!
Эту.
Красную по смыслу.
По флагу.
По цвету.
Никогда не спрячусь
за кондовой завесой...
По национальности
Я —
советский.

Тем не менее, несмотря на все заявления о том, что на основе исторического, экономического и социально-политического единства была сформирована новая общность — «советский народ», в СССР параллельно системно осуществлялось развитие национальных культур (с одновременным выдвижением русской национально-культурной традиции как основного репрезентанта советской культуры) и проводилась политика по формированию в республиках национальной интеллигенции.

С конца 1950-х гг., «после того, как была реабилитирована идея “титульной” национальности»[1] в советских республиках, началась работа по подготовке национальных кадров для системы государственного управления и экономики: «через систему льгот, “национальные наборы” в вузы была выпестована местная этноэлита, представители которой со временем забронировали административно-управленческие должности и престижные социальные ниши»[2]. Так что во многом именно благодаря советской националь-

[1] *Ноженко М. В.* Указ. соч. С. 245.

[2] Национальная политика в России: история и современность. М.: Русский мир, 1997 (цит. по.: *Ноженко М.В.* Указ. соч. С. 246). Но, как справедливо замечает Ноженко, в отношении представителей некоторых национальностей (евреи, немцы, крымские татары, чеченцы) использовались дискриминационные практики.

При этом стоит принять во внимание, что хотя национальные элиты создавались и поддерживались советскими государственными институтами,

ной политике на том политическом и географическом пространстве, которое мы сегодня называем «постсоветским», окончательно сформировалась и закрепилась практика деления социальных групп на основе этнонациональной принадлежности.

Поэтому не удивительно, что уже к концу 80-х годов прошлого века социологические исследования выявляли тенденцию к замещению бывших социокультурных идентичностей (профессиональная принадлежность, социальное положение и т.п.) идентичностью этнической[1]. И после краха Советского Союза не только в бывших советских республиках, но и в странах Центральной и Восточной Европы, как, например, Румынии или странах — экс-республиках Югославии, идеология национализма, истолкованного в этническом духе, стала оказывать существенное (во многих случаях — определяющее) влияние на политические практики[2]. Вопреки популярным в начале 90-х гг. «пророчествам» Френсиса Фукуямы, падение советского режима не имело своим естественным следствием утверждение либеральной демократии.

Проблемы идентичности оказались после развала Советского Союза более значимыми, чем проблема построения демократических институтов. Это отчетливо видно на примере дискурса, доминирующего в среде украинской национальной интеллигенции после провозглашения независимости, который связан с дебатами о самоопределении между Востоком и Западом, о национальной памяти и истории, языке и культуре, но никак (к примеру) не о правах человека. Институты демократии воспринимаются в рамках этого дискурса как «легитимация вовне», т.е. легитимация в глазах, прежде всего, ведущих демократических стран, в то время как «внутри»

именно в этих элитах (а к ним принадлежали не только технократы-управленцы, но и, пожалуй, даже в первую очередь, люди творческих профессий, интеллектуалы) получила свое развитие национальная идея и начало формироваться понимание «украинского национального проекта».

[1] *Фадєєв В.* Соціокультурні тренди та українські перспективи. К.: Стілос, 2009. С. 148–149.

[2] В своей книге «Сосуществование с негативным» С. Жижек обращает внимание на то, что на государственном флаге, который держали граждане Румынии, восставшие против режима Чаушеску, находящийся в центре герб с красной звездой, которая играла роль «организующего принципа национальной жизни» (С. Жижек), был вырезан, и эта дыра, отмечает философ, символизировала недостаток ценностного порядка. И действительно, в посткоммунистическом обществе это в какой-то момент опустевшее организующее пространство, ранее занимавшееся марксизмом, было быстро наполнено этнонациональными и религиозными символами, вокруг которых и началась организация нового социального порядка.

их легитимирующая роль крайне незначительна, а если быть более точным — ее просто недостаточно. Для «внутреннего» принятия украинского государства, в рамках того восприятия мира, который задается националистической идеологией, принципиально важно, чтобы это государство было выражением «украинскости»[1]. Между тем, универсалистские демократические нормы не могут удовлетворить этой потребности в построении социального порядка на основе норм партикулярной культурной традиции.

Описывая ситуацию, которая сложилась в Центральной и Восточной Европе после падения Советского Союза, Тимоти Гартон Эш отмечает, что «в 90-х годах стало чуть ли не правилом: чем более этнически смешанной является посткоммунистическая страна, тем более высокой является вероятность того, что она пойдет националистически-авторитарным, а не либерально-демократическим путем»[2]. Британский исследователь совершенно в миллевском духе поясняет это тем, что этнонациональная однородность облегчала проведение демократических преобразований. В качестве примера демократического развития Тимоти Гартон Эш, написавший процитированные строки в конце 90-х гг., приводит Венгрию. Однако в 2000-х гг., уже после того, как Венгрия стала членом Европейского союза, в Венгрии наблюдается рост влияния ультраправой политической силы, добившейся даже изменения в консервативном духе Конституции. Это свидетельствует о том, что этнокультурная гомогенность не является гарантом демократического развития. Скорее, от степени культурной гомогенности общества завит степень авторитарности, с которой национализм будет утверждаться, — чем более гетерогенным в культурном отношении является общество, тем больше усилий необходимо для реализации в нем «национального проекта» и, соответственно, тем более авторитарным будет национализм. Так что в данном моменте Эш очевидно не прав, но что он улавливает точно, так это то, что многие постсоветские общества ориентированы на реализацию не столько демократических, сколько именно националистических проектов.

---

[1] Термин, содержание которого может существенно трансформироваться, когда мы переходим от одного нарратива украинского национализма к другому.

[2] Цит. по: *Гнатюк О.* Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність. К.: Критика, 2005. С. 277. Данное исследование Оли Гнатюк является одним из наиболее полных и наиболее профессиональных в своей области из существующих на сегодняшний день, оно представляет прекрасные материалы для исследования украинского национализма, и поэтому ниже мы еще будем к нему обращаться.

Украина не стала исключением. Формально защита прав и свобод граждан, равенство всех культур и языков и развитие демократических институтов провозглашались в независимой Украине основными приоритетами. Показательна в этом отношении принятая Верховной Радой 1 ноября 1991 г. «Декларация прав национальностей Украины», в преамбуле которой утверждается: «На территории Украины проживают граждане более 100 национальностей, которые вместе с украинцами составляют пятидесятидвухмиллионный народ Украины...». На этом основании в документе, в частности, декларируется:

— «Украинское государство гарантирует всем народам, национальным группам, гражданам, которые проживают на его территории, равные политические, экономические, социальные и культурные права»;

— Украинское государство «берет на себя обязательство создавать надлежащие условия для развития всех национальных языков и культур»;

— Украинское государство «гарантирует всем народам и национальным группам право свободного использования родных языков во всех сферах общественной жизни, включая образование, производство, получение и распространение информации»;

— «Украинское государство обеспечивает право своим гражданам свободного использования русского языка».

Однако положения этой Декларации был забыты вскоре после поддержки Акта о провозглашении независимости Украины на всенародном референдуме, прошедшем через месяц после ее принятия. Государственная политика с момента формирования независимой Украины с разной степенью интенсивности всегда была направлена на утверждение культурно-языковой гомогенности, доминирование украиноязычной культурной традиции и, одновременно, акцентирование этнокультурных различий между Украиной и Россией. Россия (понятая и как соседнее независимое государство, и как часть гуманитарного пространства внутри самой Украины) выступила в качестве Другого, в противопоставлении которому, собственно, и конституируется современная украинская национальная идентичность[1].

Действительно, если Украина — это не антироссийский проект, тогда зачем она нужна? Сомнения в том, что Украина должна

[1] Поэтому одним из непосредственных следствий формирования украинской национальной идентичности является рост социальной напряженности, ведь значительная часть граждан оказывается вне этого национального проекта.

быть антироссийской, практически никогда в среде национально[1] ориентированной интеллигенции не высказывались (другой вопрос, что степень радикализма этого «анти-» был и остается различным). Равно как и не делалось никогда сколь-нибудь заметных попыток со стороны представителей либерально-демократической интеллигенции Украины представить и обосновать иное понимание «украинского проекта», не как противостоящего России. Так что доминирующим в общественно-политической жизни страны все годы независимости был и остается (этно)националистический тренд.

В современном украинском национализме можно выделить три основных нарратива[2]. Конечно, зачастую не всегда можно последовательно провести между ними границы, тем более что с годами можно наблюдать, как выразители одного нарратива постепенно «смещаются» к другому (трансформация эта происходит, как правило, в направлении радикализации). Тем не менее, различия между ними ощущаются в том числе и самим выразителями националистического дискурса, ведь не случайно тот вариант украинского национального проекта, который был утвержден на официальном уровне сразу после провозглашения независимости, очень быстро был воспринят многими интеллектуалами (особенно представителями молодого поколения) как неудовлетворительный.

Выше уже упоминалось о том, что национальный украинский проект развивался и поддерживался институтами советского государства в рамках политики по формированию этнических элит в республиках Советского Союза[3]. Именно эти элиты пришли к власти в начале 1990-х гг. В их составе были не только технократы-руководители и представители партноменклатуры, занявшие вскоре после провозглашения независимости все руководящие посты. Но и ученые, журналисты, представители творческих профессий, которые определили практики символической саморепрезентации, ритуалы

---

[1] В данном случае имеется в виду этнокультурный национализм, который принято противопоставлять гражданскому. Не обращаясь к вопросу о том, насколько оправданным является такое разделение, тем не менее, представляется необходимым указать на интересное замечание Э. Смита о том, что каким бы «гражданским» ни был национализм, при внимательном рассмотрении он окажется еще и «этническим».

[2] О нарративизме национализма См., например: Nation and Narration / Ed. by Homi K. Bhabha. New York: Routledge, 1990. P. 1–7.

[3] Мы не хотим сказать, что современный украинский национализм — это исключительное порождение советской национальной политики. Тем не менее, основное внимание в данном случае уделяется именно советским практикам «национализации» и «категоризации», поскольку на них по вполне понятным причинам мало обращается внимание в исследовательской литературе.

украинского государства и его идеологическую политику. Последняя исходила, в частности, из романтического представления об истории борьбы украинского народа за независимость, культе Тараса Шевченко (сформированного еще до 1917 года, но весьма активно поддерживавшегося советской идеологической пропагандой) и необходимости повсеместного утверждения украинского языка и культуры как способа преодоления того «духовного Чернобыля», который пережила Украина[1]. Речь, таким образом, идет о доминировании нарратива возрождения, который на длительный период определил облик украинского национализма.

Но этот государственный «официоз» по многим причинам оказался неприемлемым для многих сторонников национальной идеи. Суть претензий достаточно емко выразил Мыкола Рябчук, который провел параллели между идеологией «малороссийской» и «идеологией кучмизма»[2]. Основное обвинение власти со стороны ее правых идейных противников состояло в том, что она не способна определиться и сделать выбор между Востоком и Западом. (Отсюда и критическое отношение к политике многовекторности, которую проводил на международной арене Кучма.) Между тем как для целой плеяды интеллектуалов во второй половине 1990-х гг. этот выбор был очевиден. Понимание последними «украинского национального проекта» формировалось по лекалам распространенных во многих странах Центральной и Восточной Европы представлений об угрозе со стороны России для национальной и культурной идентичности малых европейских народов, одним из наиболее талантливых выражений которых является эссе М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы»[3]. И выбор Европы для них — это выбор

---

[1] На то, что украинская интеллигенция (в первую очередь писатели) во второй половине 80-х годов стали использовать метафору Чернобыля для обозначения угрозы национальному существованию, обратила внимание Оля Гнатюк, которая в упоминавшемся уже исследовании приводит и любопытную цитату американского политолога А. Мотыля: «Чернобыль стал божьим даром для националистов, поскольку выгодно соединял в себе несколько проблем, значение которых росло на протяжении следующих лет: некомпетентность партии, страдание народа и уничтожение окружающей среды», и львовского писателя Р. Лубкивського: «Игнорирование достижений культуры и нашей национальной истории приносит величайшие потери в экологии духа» (см.: *Гнатюк О.* Прощання з імперією. С. 114, 115).

[2] *Гнатюк О.* Прощання з імперією. С. 366. Украинская власть, по мнению Рябчука, хотя и не отождествляет себя с Россией, тем не менее и не идентифицирует себя с Украиной «украинофонов» (очевидно, что иной Украины для Рябчука быть не может). См.: там же. С. 365).

[3] На это эссе Кундеры ссылаются преимущественно для обоснования «инаковости» России для Центральной Европы. И действительно, Кундера не-

цивилизационный, единственно возможный для спасения украинской культуры от разрушительного влияния тоталитаризма, это путь возвращения домой к западноевропейской гуманитарной культуре, к которой до утверждения тоталитарного режима принадлежала и украинская культура. Этот нарратив цивилизационного выбора связан с культом жертвенности (когда народ, его культура, религия, язык воспринимаются в первую очередь как жертвы тоталитарного режима) и представлением о принадлежности украинской культуры общеевропейской культуре и безальтернативности «европейского выбора». Политическим выражением этого нарратива стал культ Голодомора, который на государственном уровне повсеместно утверждался при президенте В. Ющенко.

Любопытно, что не только его выразители (младшее поколение писателей, часть диссидентской среды) подвергали критике «официальный» национальный проект и то старшее поколение интеллектуалов, которых они осуждали за «коллаборацию», т.е. соучастие в советском режиме[1]. Но и их, в свою очередь, не жаловали позитивными эпитетами. Старшее поколение обвинило «новых» интеллектуалов в том, что они попали под западное влияние, обвинило

однократно подчеркивает: «Россия — это не просто одна из европейских держав, но стоящая на восточных рубежах Запада особая цивилизация, другая цивилизация», «тоталитарная русская цивилизация — это радикальное отрицание современного Запада» (*Кундера М.* Трагедия Центральной Европы // On line: http://www.proza.ru/2005/12/16-142). И при этом мало кто обращает внимание на окончание эссе, а ведь там утверждается, что «подлинной трагедией Центральной Европы» Кундера считает отнюдь не Россию, а Европу, которая, по его мнению, уже изменилась, утратив саму себя как ценность. Отсюда и кундеровский «мессианизм», связанный с его представлением о том, что задача Центральной Европы — сберечь Европу для Запада. В украинском же национальном дискурсе такая «мессианская» идея отсутствует.

В Украине не дочитывают эссе Кундеры до конца, судя по всему потому, что критичные в отношении России мысли чешского писателя перекликаются с высказанной еще в 20-х годах прошлого века Д. Донцовым и М. Хвылевым критикой тех многих украинцев, которые не способны «освободиться из российского культурного пространства» (*Гнатюк О.* Прощання з імперією. С. 365), сделав выбор в пользу Европы. Эта критика в 1990-е годы была подхвачена многими интеллектуалами, которые при этом не различали Европу как идеал и как реальный политический проект, что делает Кундера. Дистанцирование от Европы в среде украинских националистов появляется только с того момента, когда в его рамках начинает развиваться антидемократический тренд, связанный с критикой либерализма и модернизма с позиций традиции и консервативных ценностей. То есть, опять-таки, критическое отношение к Европе строится не на тех позициях, которые занимает чешский писатель.

[1] Вспомним, как на заседании Союза писателей в 1992 г. В. Цыбулько обратился к собравшимся «классикам»: «Господа инвалиды творчества!»

в «кастрировании» украинской самобытности и нивелировании «неповторимости культурных образцов ради того, чтобы приспособиться к требованиям западного рынка»[1].

Конец первого десятилетия XXI в. стал периодом, когда национальный дискурс все больше концентрировался вокруг темы цивилизационного выбора, и одновременно периодом, когда более отчетливо проявился третий нарратив украинского национализма — нарратив борьбы с врагом.

Уже в конце девяностых в адрес получавших все большую популярность представителей новой волны национально ориентированной украинской интеллигенции (в данном случае имеется в виду, прежде всего, писательская среда), позволявших себе, в том числе, и эксперименты с литературным стилем и темами (это уже не только произведения о жизни украинского народа и его борьбе, но и, к примеру, обращение к теме сексуальных меньшинств), прозвучало обвинение в постмодернизме как идеологии, которая, по мнению, к примеру, С. Квита, несет угрозу украинской культуре[2]. Причем Квит (на момент написания им цитируемой нами рецензии — редактор крайне правого издания «Украинськи проблэмы») фактически ставит знак равенства между постмодернизмом и демократией, выступая, соответственно, против обоих. Показательно, что он также выдвигает писателям обвинение в неопределенности. Только в данном случае подразумевается неопределенность идеологическая (связанная с выбором между относительно либеральным, и в этом отношении несущим угрозу, и консервативным национализмом), во имя преодоления которой возможно — и даже необходимо — применение силы: «Это новая вавилонская башня, разрушить ко-

---

[1] *Гнатюк О.* Прощання з імперією. С. 188. Гнатюк объясняет это жесткое противостояние в писательской среде в 1990-е годы (которое, добавим от себя, ощутимо и сегодня) элементарной завистью, вызванной тем, что независимые писатели имели больший доступ к внебюджетным средствам». Ведь, как отмечает исследовательница: «Несмотря на растущую русификацию в 1970-х годах, положение украинских писателей было неизменным. Я имею в виду то, что русификация не уменьшила ни числа украинских литературных журналов, ни их тиражей. Их определяли не потребности рынка и не сложные расчеты издательств, а директивы» властей (Там же. С. 185). Писатели рассчитывали занять достойное место в независимой Украине, но в итоге, наоборот, утратили практически все свои привилегии и обвинили в своих бедах власть, которая, по их мнению, проводит антиукраинскую политику (Там же. С. 187).

Пояснение Гнатюк в данном случае представляется, без сомнения, важным, но далеко не исчерпывающим. По нашему мнению, речь в данном случае идет именно о двух разных нарративах в украинском национализме.

[2] *Гнатюк* О. Прощання з імперією. С. 219.

торую можно только определенностью. Душа живет предчувствием террора»[1].

Обращение к идее борьбы с врагом, которую все чаще сегодня можно встретить в украинском националистическом дискурсе, связано с общим разочарованием значительной части национально ориентированных украинских граждан в элите (как политической, так и гуманитарной). Оно представляет собой в значительной степени выражение социального вопроса в терминах идеологии национализма. Этот нарратив связан с культом национальных героев (а это уже не писатели Т. Шевченко или М. Хвылевой, а прибегавший к убийствам политических оппонентов С. Бандера) и идеей этнократии как единственного способа решения проблемы социальной справедливости (отсюда лозунг борьбы за политические и социальные права этнических украинцев против коррумпированной власти и олигархов, и одновременно с этим — борьбы за расширение жизненного пространства этнических украинцев, «стесненных» в своей стране)[2].

Нарратив борьбы сегодня стремится стать главным репрезентантом украинского национализма в целом. Его успеху способствует готовность многих сторонников националистической идеи к поддержке политического радикализма, который легитимируется в рамках этого нарратива.

Конфликт идентичностей

Проведение в современном полиэтническом и поликультурном обществе гуманитарной политики, рамки для которой задает националистическая идеология, с неизбежностью приводит к возникновению проблемы идентичности (прежде всего — этнической

---

[1] Цит. по: *Гнатюк О.* Прощання з імперією. С. 219.

[2] Анализируя структуру националистического мышления, Патрик Кольм Хоган выделяет в нем три прототипные нарративные формы — героизм, жертвенность и романтизм (*Hogan P.K.* Understanding Nationalism. On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167–213). Эти нарративные формы можно увидеть и в украинском национализме: первый выделенный нами нарратив отчетливо связан с доминированием романтизма, второй — жертвенности, третий — героизма (показательно, что доминирование героизма связывается Хоганом с конфликтом, войной). Только, в отличие от американского исследователя, мы в данном случае анализировали не само националистическое мышление, но то, какое выражение националистическая идеология находит в современной Украине. Соответственно, определяющую роль в нашем случае играют не ментальные структуры, а социальные процессы, способствующие смене одного нарратива на другой.

и языковой)[1], которая становится не только предметом для дискуссии в среде интеллектуалов, но и проблемой выбора, который фактически каждый индивид вынужден постоянно делать в своей повседневной жизни (покупая газету, выбирая школу для ребенка либо включая тот или иной канал телевизора).

В политической теории на протяжении длительного времени господствовал подход, в рамках которого власть трактовалась исключительно как сила, подавляющая и принуждающая индивида. Фактически только М. Фуко убедительно продемонстрировал, что власть не только и не столько подавляет, сколько формирует и создает. Ярким примером этого являются контролируемые властью практики культурной и лингвистической идентификаций. По мнению Брубейкера, «государство является мощным "идентификатором" не потому, что оно может создавать "идентичности" в строгом смысле слова (вообще говоря, оно не может этого делать), но потому, что оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности, с которыми должны работать чиновники, судьи, учителя и врачи и которые должны иметь в виду не-государственные акторы»[2]. И действительно, используя такие процедуры, как перепись населения, государство очень эффективно категоризирует население и затем уже «работает» с этими генерализированными концептами. Но необходимо принимать во внимание, чего не делает Брубейкер, — государственная власть не только задает классификационный инструментарий для чиновника, но и оказывает влияние (возможно, не определяющее, но все-таки достаточно существенное) на повседневные практики социального взаимодействия, в ходе которых формируются партикулярные самопонимания индивидов или, иными словами, их языковая и этнокультурная идентичности, например.

---

[1] Мы в данном случае отдаем себе отчет в том, что, как абсолютно справедливо отмечает Р. Брубейкер, слово «идентичность», как правило, означает или слишком много, или слишком мало, или вообще ничего не означает (*Брубейкер Р.* Этничность без групп. С. 61). Тем не менее, принимая во внимание проходящую в среде социологов, политологов и социальных антропологов дискуссию относительно оправданности использования термина «идентичность», мы считаем возможным в данном случае использовать этот термин описания партикуляристского самопонимания индивида, поскольку в украинском случае такое самопонимание в качестве представителя определенной языковой и этнокультурной групп на данном этапе чрезвычайно актуализировано не только на уровне государственной гуманитарной политики, но и на уровне повседневных коммуникаций.

[2] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. С. 92.

Обращаясь к ситуации, которая сложилась сегодня в Украине, необходимо заметить, что так называемая «языковая проблема» отнюдь не случайно является одной из наиболее острых гуманитарных проблем, которая со времени провозглашения независимости все еще остается нерешенной. Следствием государственной политики регулирования функционирования украинского и русского языков, проводившейся на протяжении последних двадцати лет, явилась ситуация, когда ни украиноязычная, ни русскоязычная группы не удовлетворены теми возможностями, которые они имеют для использования и развития предпочтительного для них языка. И связано это с тем, что сама языковая политика опирается не на общественный консенсус, а задается идеологией «украинского национального проекта». Таким образом, в украинских реалиях вопрос об украинском/русском языке — это не только и не столько вопрос, относящийся к сфере культуры (как, например, вопрос о том, является ли русский язык частью украинской культуры или это язык культуры соседнего государства) или сфере права (права индивида на использование своего родного языка), сколько вопрос политический, вопрос об одной из базисных основ национальной идентичности. Что касается украинского языка, то его особая политическая значимость связана с тем, что украинский национальный проект опирается на этничность, главным маркером которой выступает именно язык. Язык — это для украинской ситуации один из тех очевидных и не требующих разъяснения факторов, которые позволяют в рамках политики идентичности отличать «своих» от «чужих», что в данном случае означает в первую очередь — «украинцев» от «русских».

Выше уже указывалось на то, что гуманитарная (и, конкретно, языковая) политика в Украине, как и в ряде других стран Центральной и Восточной Европы, определяется принципами господствующей националистической идеологии. То есть она акцентирует внимание на этнокультурной (как правило, совпадающей с языковой) идентичности индивида. Эта политика преимущественно направлена на гомогенизацию культурного и лингвистического пространства[1], но ее прямым следствием как раз оказалась его дифференциация — политика украинизации русскоязычного населения[2] способствовала формированию лингвистического самопонимания как украиноязычных, так и русскоязычных.

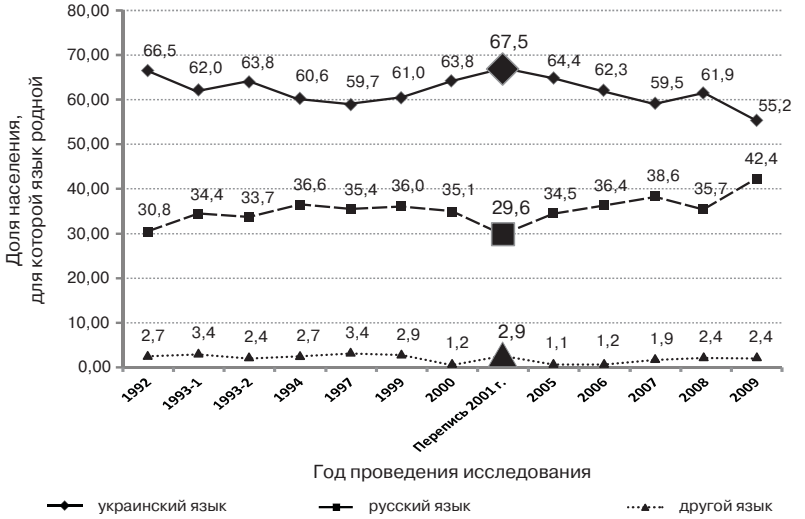
---

[1] Конечно, такая политика проводилась не всегда последовательно.

[2] Для мировосприятия, определяемого националистической идеологией, такой украинизации должны подвергаться, как минимум, этнические украинцы, не говорящие на «естественном» для себя языке.

Как свидетельствуют данные социологических исследований[1], несмотря на проводимую государством политику, доля украинцев, которые называли родным языком русский, с 1992 г. постоянно росла. Динамику языковой идентичности можно проследить на следующем графике(см.: Рис. 1).

Родной язык населения Украины: динамика 1992-2009 гг.
(по данным КМИС (1992-1997 гг., 2009 г.) и СОЦИС (1999-2008 гг.); за 2001 г. приведены данные переписи)



Источник: Киевский центр политических исследований и конфликтологии

Рисунок 1. Динамика языковой идентичности

[1] Здесь и далее, если это не оговаривается особо, приводятся результаты исследовательского проекта по изучению русского языка в Украине, который был реализован Киевским центром политических исследований и конфликтологии. Руководство проектом осуществлял М. Погребинский. В разработке концепции, инструментария исследования и анализе статистических данных принимали участие М. Погребинский, Е. Большов, Д. Кирюхин, в анализе статистических данных — М. Белецкий, С. Щербак, А. Попов, А. Толпыго, В. Стоякин, в проведении и анализе экспертных интервью — Е. Большов, С. Щербак, Д. Кирюхин. Все полученные в ходе исследования результаты социологических исследований языковой ситуации в Украине представлены в книге: Русский язык в Украине. Кн. 2. Социология и статистика / Ред. М. Погребинский. Харьков: Харківський приватний музей міської садиби, 2010.

В тех случаях, когда приводятся данные иных социологических исследований, их источник указывается отдельно.

Эти изменения можно объяснить, с одной стороны, реакцией русскоязычных граждан на политику насильственной украинизации, а с другой — следствием практик классификации части населения как «неукраинского», которые отсутствуют на государственном уровне, но присутствуют в повседневной жизни, например, в высказываниях националистически ориентированных политиков. В частности, стоит обратить внимание на рост числа тех, кто назвал себя русскоязычным именно после 2004 г., когда власть стала проводить более активную политику украинизации.

Очевидно, что увеличение числа тех, кто называет своим родным языком русский, произошло в первую очередь за счет этнических украинцев, проживающих в восточных регионах Украины. Чем же вызвано такое положение дел?

Дело в том, что в Украине наблюдается сильная региональная дифференциация. Политическая идентичность украинцев, проживающих в центральных и западных областях, формируется, как правило, именно на этнолингвистической основе. Однако ситуация с восточными и южными областями Украины куда более сложная. Политическая идентичность населения этих областей формируется не столько на этнической, сколько на гражданской основе, о чем свидетельствуют данные социологических исследований (в частности, исследование представлений о стабильности и справедливости в России и Украине, проведенное Киевским международным институтом социологии в 2007 г.[1]). К примеру, по данным исследования, проведенного Центром Разумкова в 2007 г., абсолютное большинство (86%) русскоязычных граждан воспринимают Украину как свою Родину, а подавляющее большинство (72%) полностью или скорее являются ее патриотами. Иными словами, население восточных областей страны идентифицирует себя не столько как этнических русских, сколько как русскоязычных граждан Украины.

Этническая идентичность не всегда выступает в качестве категориальной формы идентификации, а в тех случаях, когда она оказывается «подчиненной» иным — региональным, конфессиональным и т.п. — идентичностям, она выступает как идентичность реляционная[2]. Именно с такой ситуацией мы и сталкиваемся в слу-

---

[1] См.: *Кірюхін Д.І., Щербак С.І.* Уявлення про справедливість в Україні та Росії: повсякденність та ідеологія // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2007. № 1. С. 136–151.

[2] Различение категориальной и реляционной идентичностей проводит К. Калхун (см.: *Калхун К.* Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006).

На региональную разницу в практиках идентичности обратила внимание автора С. Щербак, которая, кроме того, указывает на необходимость говорить

чае Украины. Если относительно Центрального и Западного регионов можно вести речь о приоритетности именно этнолингвистической идентичности, то относительно Юга и особенно Востока Украины это будет не совсем корректно. Для жителей этих регионов этническая идентичность не играет важной роли — культурно-лингвистическая и региональная идентичность, наряду с гражданской идентичностью, в их случае преобладают над этничностью. Многие из них двуязычны и ассоциируют себя как с русской, так и с украинской культурой, не желая отказываться от одной культурно-лингвистической идентичности в пользу другой. В данном случае этничность, особенно необходимость делать однозначный выбор в пользу одного из этносов, становится, скорее, навязанной идентичностью. Причем наблюдаемое несовпадение этнической и культурно-лингвистической идентичностей, насколько можно судить по данным социологических исследований, является отличительной чертой не только украинцев, но и русских, и в целом является одной из региональных особенностей Юго-Востока.

Выше уже указывалось на то, что часть этнических украинцев считает своим родным языком русский. Но одновременно с этим часть русскоязычных этнических украинцев считают своим родным языком украинский. На этом любопытном феномене стоит остановиться отдельно.

Как свидетельствуют данные социологических исследований, русскоязычная группа неоднородна, в ней можно выделить две подгруппы. Первая — самая многочисленная. К ней можно отнести тех, кто крайне негативно оценивает украинизаторскую деятельность властей, отдает предпочтение русскому языку при просмотре телепрограмм и фильмов, чтении газет, выборе языка обучения школы для своих детей. Иными словами, это группа с четкой культурно-лингвистической идентичностью, не зависящей от этнического происхождения.

Вторая группа немногочисленна. Это, по приблизительным подсчетам, до 10% от всех русскоязычных граждан. К ней можно отнести тех, кто более лояльно относится к языковой политике властей и не против того, чтобы их дети учились в школе с украинским языком обучения. Например, 4,8% русскоязычных считает, что преподавание всех предметов во всех школах страны должно вестись на украинском языке. Как можно было заметить, число

о культурно-лингвистической, а не этнолингвистической группе, в том случае, когда мы говорим о русскоязычных жителях юго-восточных регионов страны. Нижеследующий фрагмент о несовпадении этнической и культурно-лингвистической идентичностей написан совместно со С. Щербак.

тех русскоязычных, кто не удовлетворен имеющимися у них возможностями на использование русского языка, ниже общего числа украинских граждан, которые называют русский своим родным языком. Следует ли из этого, что такая ситуация отражает отсутствие в Украине препятствий нормальному функционированию русского языка в объеме, достаточном для удовлетворения потребностей русскоязычных граждан? Анализ государственной языковой политики и интересов, потребностей граждан исключает подобную возможность (правда, необходимо признать, что в последние пару лет ситуация несколько смягчилась, власти отказались от политики «жесткой» украинизации).

Очевидно, дело в ином, а именно: часть русскоязычных жителей страны не видит проблемы в том, чтобы отказаться от русского языка (как минимум, отказаться от того, чтобы их дети, так же как и они, были русскоязычными). Данная категория граждан в подавляющем большинстве выступает против политики «жесткой» украинизации, предполагающей полное вытеснение русского языка. С одной стороны, они подчеркивают, что являются патриотами Украины и отдают своих детей в школы с украинским языком обучения. С другой стороны, они выступают против того, чтобы им, например, запрещали смотреть фильмы в русском переводе, поскольку считают себя вправе самим выбирать язык кино или телепередачи, против преподавания в школах русских писателей в переводах на украинский язык и т.п. Иными словами, они против того, чтобы им запрещали использовать тот язык, на котором им удобнее всего говорить, — русский язык.

Вместе с тем, в их собственном представлении их русскоязычность не соответствует их же (идеологическим) представлениям о гражданине государства Украина. Иными словами, они считают, что национальная идентичность должна строиться на этническом основании, а этничность, в свою очередь, они связывают с языком как главным маркером этнической принадлежности. В их представлении этничность, язык и культура должны быть слиты воедино.

Это звучит в унисон с официальной моделью этнонационального строительства. Очевидно, у представителей данной (повторимся — крайне немногочисленной) подгруппы русскоязычных граждан Украины этническая идентичность занимает важное место в структуре идентичностей, и в этой связи они ощущают собственную неполноценность и несоответствие собственному представлению об этническом украинце. Фактически, можно говорить о том, что у них наблюдается конфликт лингвистической и этнической идентичностей.

* * *

Превращение культуры (этнокультурной идентичности) в один из ключевых факторов, влияющих на политический процесс, породил ряд острых проблем, вынудив многих политических деятелей и политических философов искать альтернативу сложившейся ситуации в отказе от политики мультикультурализма в пользу либо «либерализма с мускулами» (Д. Кэмерон), либо «общественной культуры» (Уил Кимлика), либо, как Славой Жижек, в *Leitkultur*. При всем различии подходов их объединяет то, что они настаивают на необходимости нахождения (как Жижек) или использования уже существующей (как Кэмерон) общей универсальной идеологии, общих ценностей, «универсального проекта», способного объединить всех участников политического процесса. Иными словами, речь идет о проекте, позволяющем этнокультурную идентичность граждан сделать второстепенной по отношению к их (обще)гражданской идентичности.

Для Украины таким общим политическим проектом могло бы быть создание единой гражданской политической нации.

Выработке и реализации такого проекта в Украине сегодня мешает «сопротивление» элит (как политических, так и интеллектуальных), не готовых, да и, по большому счету, не способных предложить и реализовать такой проект. А во-вторых, общая тенденция капиталистического мира, отмеченная в работе Д. Белла «Культурные противоречия капитализма»: формирование публичной политической культуры, для которой, в отличие от традиционного либерального подхода, характерно внимание не к интересам индивидов, а к интересам групп (языковых, культурных, религиозных, гендерных).

Это ставит под сомнение позитивные перспективы выработки такой общегражданской идентичности в Украине. А это в конечном итоге ставит под угрозу существование даже того, в целом неудовлетворительного, уровня социальной интеграции, который достигнут сегодня.

Национализм и проблема социальной интеграции в Украине

Светлана Щербак

1. Языковая и этническая структура Украины

С момента провозглашения независимости в 1991 г. Украина считается мононациональным государством. По данным переписи 1989 г. в Украине 72,7% населения составляли украинцы, а 64,5% жителей страны назвали украинский своим родным языком. Согласно же данным Всеукраинской переписи 2001 г., украинцы составили 77,8% от общей численности населения, и 67,5% назвали украинский своим родным языком. Иными словами, статистические данные говорят о том, что подавляющее большинство населения Украины составляют украинцы, и украиноязычные являются преобладающей языковой группой в Украине. Казалось бы, все просто: одно государство, один этнос, один язык.

Но ситуация не так проста, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, данные социологических исследований, а также результаты голосования на выборах свидетельствуют о глубоком расколе в украинском обществе. Этот раскол стал заметным во время президентских выборов 1994 г., но особенно очевидным — во время так называемой «оранжевой революции» 2004 г. Это региональный раскол, который (с некоторой долей условности) делит Украину на две части — юго-восточную и северо-западную, которые различаются между собой по очень многим параметрам, начиная с конфессиональных различий и заканчивая геополитическими ориентациями[1].

[1] В среде украинских социологов принято выделять 4 макрорегиона Украины — Запад, Центр, Восток и Юг. Однако, учитывая, что предметом нашего исследования является отношение к официальному нарративу об украинской нации русскоязычных жителей Украины, большая часть которых проживает преимущественно на Востоке и Юге Украины, мы будем здесь вести речь, вслед за В. Хмелько, о юго-восточной и северо-западной Украине. При этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, эти регионы сами по себе неоднородны в этнолингвистическом плане (например, Донецкая и Луганская области и Крым в большей степени русскоязычны, чем остальные области Юго-Востока). Во-вторых, обычно говорят не о Северо-Западе, но о Центре и Западе Украины, которые также отличаются друг от друга. Но поскольку нас интересует, прежде всего, Юго-Восток, эти различия в данном случае можно не принимать во внимание.

Кроме того, различные социологические исследования показывают, что русский язык имеет гораздо большее значение в повседневной жизни украинцев, чем это видно из официальных статистических данных. И что языковая структура Украины существенно отличается от официальной картины. В частности, в 1991 г. при проведении опроса Киевским международным институтом социологии (КМИС) методом личного интервью выяснилось, что, хотя 66% респондентов назвали своим родным языком украинский, больше 55% предпочли говорить с интервьюерами по-русски[1]. Стоит отметить, что в течение двух последних десятилетий языковая ситуация существенно не изменилась — колебания языковых предпочтений респондентов оставались в пределах нескольких процентов[2]. Более того, по данным КМИС за 2009 г., своим родным языком 55,2% респондентов назвали русский, и только 42,4% — украинский[3].

Иным словами, в Украине наблюдается русско-украинская лингво-этническая гетерогенность, когда язык повседневного общения не совпадает с этнической принадлежностью. Такая ситуация связана не только с последствиями русификации, которая имела место в СССР во второй половине XX века, но и, прежде всего, с тем, что, вопреки распространенным представлениям, этническая идентичность не обязательно является однозначно заданной константой, а может включать идентификацию с разными этносами и культурами. В нашем случае речь идет о биэтнорах — людях с двойной русско-украинской идентичностью[4].

Перепись фиксирует национальную идентификацию однозначным образом, не предполагая возможности двойной идентичности[5]. Однако, начиная с 1994 г., в опросах КМИС фигурировал

---

[1] *Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н.* Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине // http://www.isras.ru/publications_bank/1225745240.pdf. См.: также статью «Формирование поликультурной Украины» в настоящем издании, где приведены некоторые соответствующие таблицы.

[2] Русский язык в Украине. Кн. 2. Социология и статистика. Харьков, 2010. С. 185.

[3] Там же. С. 179. Из данного источника можно получить подробное представление о месте и роли русского языка в независимой Украине.

[4] Термин, введенный В.Е. Хмелько.

[5] Это связано с тем, что, во-первых, однозначная идентификация упрощает административную классификацию и контроль за населением, а во-вторых, она соответствует господствовавшему во времена СССР представлению об этничности как объективной данности, независимой от индивидуальных идентификаций. Подробнее об этом см. дальше в тексте.

дополнительный вопрос, который позволял выяснить биэтническую идентификацию респондентов, если таковая имелась. Накопленные данные показали, что этническая структура украинского общества значительно отличается от того, как она представлена в официальной статистике. По сводным данным опросов КМИС 2005–2007 г., в Украине проживают 64,7% моноэтнических украинцев, 22,4% биэтнических русско-украинцев, 9,2% моноэтнических русских и 3,7% представителей других этнических групп[1]. Проведенные исследования подтвердили гипотезу о связи русско-украинской лингво-этнической гетерогенности с русско-украинской биэтнической гетерогенности — как на уровне региональной распространенности, так и на уровне индивидуальной идентификации и языковых предпочтений. Так, вероятность русскоязычности для русско-украинских биэтноров, исключая влияние других факторов[2], в 3,8 раза выше, чем для моноэтнических украинцев. При этом очень немаловажно то, что биэтничность, равно как и тесно связанная с ней лингво-этническая гетерогенность, распространены в Украине очень неравномерно — преимущественно на юго-востоке страны.

Таким образом, с некоторой долей условности можно сказать, что Украина разделена на два региона: русскоязычный Юго-Восток и украиноязычный Северо-Запад, которые существенно отличаются друг от друга по своим политическим предпочтениям, геополитическим ориентациям, конфессионально, лингвистически, по типу культуры (городская и сельская), по характеру региона (преимущественно индустриальный Юго-Восток и преимущественно аграрный Северо-Запад)[3]. В связи с этим возникает вопрос, действительно ли Украина является моноэтническим и монокультурным обществом, или же молодому государству в своем нациестроительстве приходится иметь дело с культурным и языковым полиморфизмом?

Чтобы попытаться дать на этот вопрос более-менее обоснованный ответ, нам потребуется сделать небольшой экскурс в теорию национализма.

---

[1] *Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н.* Указ. соч.

[2] Гендер, возраст, уровень образование, тип поселения и регион проживания.

[3] Мы не будем здесь обсуждать Крым и крымских татар, а также закарпатских русинов и другие национальные меньшинства, поскольку это, во-первых, отдельный вопрос, требующий отдельного рассмотрения; а во-вторых, потому что именно вопрос русского языка имеет особое значение для темы интеграции/дезинтеграции украинского общества.

2. Создание нации как проект

На сегодняшний день литература о национализме достаточно обширна и охватывает самые разные направления. Историки национализма в большинстве своем связывают формирование наций с возникновением национального государства в эпоху буржуазных революций Нового времени, когда народ, нация становится носителем суверенитета[1]. Поскольку «нация» является категорией, по сути, легитимирующей современное национальное государство, постольку национализм есть фундаментальная черта современности. Стоит заметить, что национализм может быть важным фактором не только социальной интеграции, но и дезинтеграции. В этой связи некоторые теоретики (В. Малахов, Р. Брубейкер) проводят различие между национализмом, направленным на достижение общественного единства и исходящим от государства (государственно-фреймированным), и национализмом, исходящим от культурно-этнических групп, стремящихся к обретению суверенитета (контргосударственным)[2]. Однако, как станет видно из дальнейшего изложения, государственно-фреймированный национализм также может нести с собой дезинтеграцию.

Исходя из того, как теоретики национализма трактуют природу этноса и нации, их традиционно относят к одному из двух основных течений — конститутивизму и эссенциализму[3]. Оба течения очень неоднородны в истолковании того, как формируются нации, каковы их истоки и связь с государством, однако у представителей каждого из течений есть некоторые общие установки, которые их объединяют.

Представители эссенциализма[4] (К. Гирц, Э. Смит, Ю. Бромлей, М.М. Руткевич, А.Н. Малинкин, Н.Н. Моисеев и др.) рассматривают нацию как объективно данную реальность, высший этап развития этноса, т.е. как биологически и/или культурно обусловленный феномен. Таким образом, нация рассматривается, прежде всего, как культурная общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общее культурное и историческое наследие, традиции, психологию

---

[1] *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2010.

[2] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. *Малахов В.С.* Указ. соч.

[3] Это разделение достаточно условное — есть много разных классификаций, в основу которых положены различные критерии классифицирования. Однако мы не будем вдаваться в тонкости отдельных подходов, поскольку это не релевантно задачам настоящей работы.

[4] В рамках эссенциализма выделяют также примордиализм и социобиологизм.

и самосознание. С этой точки зрения «национальность» существует объективно, до всякой артикуляции в «национальном самосознании», и нужно быть членом этноса, чтобы принадлежать к нации. В определенной мере этот подход наследует точку зрения немецких романтиков, начиная с Гердера и заканчивая Вагнером, которые искали в немецком народном творчестве некий *Volksgeist* — народный дух (чем, кстати, сделали немалый вклад в формирование немецкого нацизма). В свое время эссенциализм был распространен среди славянофилов, а позднее лег в основу советской этнографии.

Конструктивисты (Б. Андерсон, Э. Геллнер, К. Калхун, Э. Хобсбаум, А. Коэн, В. Тишков, Р. Брубейкер и другие) подчеркивают имагинативную природу наций, рассматривая ее как продукт коллективного воображения, который формируется с помощью разного рода дискурсивных практик. С точки зрения конструктивизма нация является «воображенным политическим сообществом», которое воображается как что-то ограниченное и вместе с тем суверенное[1]. Формирование наций связывается конструктивистами с индустриальной революцией, развитием печатного капитализма и современных систем коммуникации, распространением всеобщего стандартизированного образования, установлением республиканской формы правления, борьбой за власть между элитами и т.д. Иными словами, национализм рассматривается ими как феномен Нового времени, тесно связанный с формированием современных государств. С этой точки зрения нацию нельзя трактовать как развитие этноса — во-первых, есть полиэтнические нации, во-вторых, это сообщества совершенно нового типа, а в-третьих, этнические группы точно так же конструированы, как и другие социальные группы.

Разделяя, в общем и целом, точку зрения конструктивизма, хочу уточнить, что *взгляд на нации и «национальные идентичности» как на сконструированные вовсе не означает, что они являются произвольной интеллектуальной конструкцией*. Конструкция «национальной идентичности» не может строиться на пустом месте, иначе она, так сказать, повиснет в воздухе[2]. Создание нации, как и любой социальной группы, — это проект, который может осуществиться, а может и потерпеть поражение. Даже такой последовательный конструктивист, как Р. Брубейкер, замечает, что группы конструируются на основе некоторого «сырого материала», и успех того или иного проекта создания группы в немалой степени зависит от социального

---

[1] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / Пер. с англ. М., 2001 С. 30.

[2] В этом отношении я не разделяю точку зрения Э. Геллнера на нации как на «фикции».

и культурного материала, с которым приходится работать[1]. Поэтому конструктивизм, в нашем понимании, означает, прежде всего, отказ считать нации сущностью в себе, существующие независимо от и до какого-либо самопонимания. Однако конструктивистский подход никоим образом не отрицает реальность национальности и этничности, их силу и влияние на социальные процессы — он переосмысляет и иначе истолковывает их. Реальность этничности и национальности не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных сущностей. Для конструктивистского анализа имеют значение националистические идеологии, нарративы, категории, установки мышления и понимания, системы классификации, которые фреймируют социальные процессы и тем самым обретают силу и значимость, особенно будучи вписанными в систему власти.

В рамках конструктивистских исследований по формированию образа коллективного «Я» постоянной темой является утверждение, что формирование «Я» неразрывно связано с формированием его «Других». Для нашего анализа имеют значение две идеи, касающиеся вовлечения «Другого» в конституирование образа «коллективного Я». Во-первых, это постструктуралистское положение о том, что «идентичность всегда организована в соответствии с принципом относительности: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является»[2]. Противопоставление «Другому» позволяет актуализировать принцип подобия и редуцировать, сделать незначимыми внутригрупповые различия. Например, при конструировании «афроамериканцев» как группы, противопоставленной белым американцам как своему «Другому», внутригрупповые гендерные различия между мужчинами и женщинами теряют свою значимость.

Вторая идея заключается в том, что «отграничение «Я» от «Другого» является активной и продолжающейся частью формирования

---

[1] *Брубейкер Р.* Указ. соч. С. 36. Хочу добавить, что всякая коллективная идентичность основывается на индивидуальной идентификации — отнесении себя индивидами к некой символической общности. А идентификация строится на определенном хабитуальном основании, который вовлекает в этот процесс телесные и поведенческие диспозиции (используя терминологию П. Бурдье). Это и есть тот материал, с которым приходится иметь дело тому или иному проекту создания группы (в нашем случае нации), и который может оказать сопротивление, если его игнорировать. Кроме того, необходимо учитывать другие факторы, которые также оказывают влияние на успешность того или иного национального проекта — борьба элит за власть и стремление мобилизовать население в свою поддержку, внешнеполитическую ситуацию, интересы и действия ведущих игроков на политической арене и т.д.

[2] *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. С. 75.

идентичности. Создание социальных границ является не следствием социальной интеграции, а одним из ее необходимых априорных составляющих»[1]. Исследование того, как создаются и сохраняются социальные и символические границы между человеческими коллективами, является важной составляющей анализа формирования коллективной идентичности.

Применительно к теме конструирования нации это означает, что в политическом и культурном пространстве циркулируют модели, описывающие данное сообщество (определяющие его особенное место среди других сообществ) и позволяющие индивидам идентифицировать себя как членов данного сообщества. Иначе говоря, речь идет о нарративах, которые связывают историческое прошлое и настоящее (экстраполируя их в будущее); редуцируют различия между регионами и подчеркивают единство; стягивают географические различия и расстояния в тугой узел «единого целого». Подобные модели национального единства призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмыслять себя в аспекте схожести — как принадлежащих к «коллективному Я» — и нивелировать различия (отдельный вопрос, насколько удачно выполняют эти модели свою функцию и от чего зависит их успешность). Хочу подчеркнуть, вслед за И. Нойманом, значимость подобных «историй в сослагательном наклонении»[2], осуществляющих *функцию самопрезентации в политическом пространстве,* — те, кто отстраняется от участия в какой-либо репрезентации историй о коллективном «Я», немедленно остаются без политического пространства[3].

Несмотря на наличие разнородных течений в теории национализма (а может, именно благодаря этому), вопрос о том, что такое этничность и этнос, остается открытым. Аналитически эти понятия очень неясные, что не мешает им быть очень распространенными и политически действенными практическими категориями. В исторической перспективе понятия национальности и этничности совсем недавно получили свое определение и заняли место центральных категорий в научном и политическом обиходе. В XVIII–XIX вв. основными принципами организации общества в Российской империи была религиозная и сословная принадлежность. Еще в начале XX в. в России существовали целые регионы, население которых не

---

[1] *Нойман И.* Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 68.

[2] Трансконтекстуальные истории, конституирующие образ «коллективного Я».

[3] *Нойман И.* Указ. соч. С. 277–278.

определяло себя по этническому признаку, предпочитая конфессиональный, локальный или сословный критерий[1].

Собственно, понятия национальности и этничности были разработаны в тесной связке науки и государства, прежде всего, в политико-административных целях. Появление концепций этноса, племени, народности, народа, нации и превращение их в категории политической практики происходило в контексте развития социальных наук и было связано со стремлением властей, с одной стороны, поставить науку на службу государству, а с другой — использовать ее для легитимации своих действий, порой мотивированных исключительно политическими целями. Задача состояла в том, чтобы сформулировать универсальные критерии, с помощью которых можно было бы четко и однозначно описать различные этнические группы, а также четко и однозначно определить, к какой группе относится тот или иной человек. На практике этнографы сталкивались с множеством локальных групп, весьма разнородных в бытовом, социокультурном, религиозном, языковом отношении. Проблема заключалась в том, что группы отличались друг от друга иногда по целому комплексу характеристик, а иногда — очень и очень незначительно, что не мешало им отличать себя друг от друга. Особенную сложность представляли традиционные общества, самопонимание которых опиралось на совершенно иные категории, нежели те, которые были разработаны социальными науками. Такая ситуация затрудняла выделение универсального объективного критерия или критериев дифференциации социальных групп и требовала, с одной стороны, определенной степени конвенции со стороны ученых, а с другой — наложения на различные общества единой, «научно обоснованной» категориальной сетки. В итоге научные категории, разработанные, прежде всего, с аналитической целью, становились категориями практики, закладывая основы классификации населения, конституируя социальные группы и предлагая новую идентичность их членам[2].

Французская исследовательница Ж. Кадио в своей книге «Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940» детально иссле-

---

[1] См.: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. М., 2010.

[2] С нашей точки зрения, в этих процессах выражается кардинальное различие между общественными и естественными науками. Речь идет об изменчивости самого предмета социальных наук — под влиянием нового знания общество становится объектом рационального конструирования и... изменяется. Социальные науки рефлексивны, поскольку оказывают на свой предмет обратное воздействие. Превращение категорий анализа в категории практики и те последствия, которые влечет за собой это превращение, отлично иллюстрируют наш тезис.

довала, как протекал процесс превращения этничности в ведущий принцип категоризации и учета населения сначала в Российской империи, а потом и в СССР. По ее мнению, этот процесс, во-первых, способствовал формированию национальных самосознаний колонизированных народов, а во-вторых, был вписан в международный контекст формирования и распространения (особенно в колониальных империях) социальных практик учета и контроля, основанных на этнической принадлежности. Как показал Б. Андерсон, аналогичные процессы этнизации протекали в азиатских колониях западноевропейских государств, постепенно вытесняя, как и России, иные категории классификации. Особую роль в этих процессах играли переписи, поскольку они не терпели «множественных», неясных, изменчивых идентификаций, требуя однозначности и завершенности[1]. В частности, проведение переписи предполагало наличие объективных критериев, которые могли быть положены в основу объективной классификации групп населения, включая неясные случаи. А таких случаев было множество. К примеру, во время переписи 1920 г. значительная часть населения Советского Союза затруднялась определить свою национальность. В приграничных районах Украины, Белоруссии и России, а также в Средней Азии и на Кавказе б льшее распространение имели другие категории идентификации, основанные на географических, религиозных и клановых принципах. Подобные трудности с определением своей этнической принадлежности (национальности) рассматривались советскими учеными «лишь как проявление недостаточно развитого национального самосознания, которое предстояло выявить: идентичность, таким образом, реально существовала, в том числе «до» момента выявления»[2]. Одновременно составлялся список этносов, который формировался на основе различных критериев (включая географический), а также сокращался и видоизменялся от переписи к переписи, в первую очередь, из политических соображений.

Таким образом, перепись, вместе с картографированием, способствовала тому, что этничность стала основным принципом государственного административно-территориального устройства. Новая карта выполняла задачу разграничения бесконечных рядов различных этносов, «вымышленных формальным аппаратом переписи, устанавливая территориальные пределы этих рядов там, где, с политической точки зрения, они заканчивались. В свою очередь, перепись посредством своего рода «демографической триангуля-

---

[1] *Андерсон Б.* Указ. соч. С. 181–183.

[2] *Кадио Ж.* Указ. соч. С. 160.

ции» наполняла формальную топографию карты политическим содержанием»[1]. Эти процессы способствовали верификации созданных ими категорий — в частности, категории этничности.

Процессы, начавшиеся в имперской России, успешно завершились при советской власти — в СССР была окончательно установлена практика деления социальных групп на основе этнической принадлежности, которая стала для индивидов обязательной нормой. Этничность легла в основу административно-территориального устройства СССР, состоявшего из национальных и автономных республик и автономных областей и округов. Одновременно этнос стал рассматриваться как изначальная данность, непременными атрибутами которой выступали общая территория, история, культура и язык. Тем самым были заложены основы современных идеологий этнонационализма, расцветших пышным цветом на постсоветском пространстве. В настоящее время «этнос» и «этничность» являются действенными практическими категориями, составляя базис для самоидентификации многих групп, а также для обоснования их притязаний на автономию. На основе представлений об этничности строятся отношения между различными социальными группами; они являются той призмой, сквозь которую рассматривается социальная реальность.

3. Национальная модель поликультурной Украины

Попробуем теперь проанализировать ситуацию, сложившуюся в Украине на сегодняшний день, опираясь на изложенные выше концептуальные положения.

Итак, очевидно, что в основе украинской государственности лежит эссенциалистское понимание нации как «высшей ступени развития этноса», в духе советской этнографии. «Мононациональное государство» понимается как такое государство, основу которого составляет один этнос — так называемая «титульная нация», — и которое в силу этого должно быть этнически, культурно и лингвистически однородным. Однако реальное положение дел в Украине, как мы видели, далеко от идеального образа «национального государства».

Ориентируясь на идеи этнонационализма, представители украинских националистических движений требуют приведения реаль-

---

[1] *Андерсон Б.* Указ. соч. С. 192.

ной ситуации в соответствие с идеалом этнической однородности. Именно это имеет своей целью украинизация образования и другие меры, направленные на поддержку украинского языка в различных общественных сферах[1]. Представители националистических сил не признают за русскоязычным Юго-Востоком права на инаковость, не видя для этого достаточных оснований. В этом плане украинский национализм, несомненно, является государственно-фреймированным (используя терминологию Р. Брубейкера), поскольку имеет своей целью интеграцию разнородного украинского общества путем превращения его в культурно и лингвистически гомогенное.

Проблема, однако, в том, что этнонационализм терпит фиаско в своей практической интенции, поскольку он игнорирует социальную и историческую действительность, упорно пытаясь навязать свое видение реальности в качестве единственного истинного и практически действенного. Это, а также его неспособность осуществить лелеемый им проект выдает его имагинативные основания, подтверждая наш тезис о том, что создание нации — это проект, который может осуществиться, а может и потерпеть поражение.

С одной стороны, прав Р. Брубейкер, когда он критикует классификацию национализмов на гражданский и этнический, показывая, что они практически никогда не встречаются в чистом виде и что даже такой образцовый случай гражданской нации, как США, имеет определенное (англосаксонское) культурное ядро[2]. С другой стороны, очевидно, что в США в основе нациестроительства изначально лежало не этническое единство, а определенные политические принципы. Поэтому в государственном строительстве на первый план может выходить как гражданское единство, когда члены общества объединяются вокруг определенных политических принципов, так и этнокультурная общность, которая и становится принципом солидаризации общества и легитимации власти (потому что иначе не ясно, на каком основании объединены именно эти территории и живущие на них люди). На наш взгляд, второе происходит тогда, когда *в основе политического образования нет других принципов, кроме этнокультурного единства*. И в таком случае требование культурной и лингвистической гомогенности логически вытекает из основного государствообразующего принципа, поскольку только она может легитимировать «национальную» власть (которая совсем не

---

[1] Подробнее о мерах по украинизации и вытеснению русского языка, а также об отношении к этому населения см.: Русский язык в Украине: В 2 т. Харьков, 2010.

[2] *Брубейкер Р.* Указ. соч. С. 239–265.

обязательно является демократической). В этом контексте русскоязычие рассматривается скорее как недоразумение, ошибка, которую следует исправить. На наш взгляд, однако, это не совсем так.

Особенностью украинской ситуации, как и многих постсоветских стран, является тройное влияние на национальную культуру: модернизации (обозначим этим термином процессы индустриализации и урбанизации), советской идеологии и советского нациестроительства, а также русской культуры — сначала как культуры метрополии, а потом как интернациональной советской культуры. По словам украинского социолога Н. Шульги, «в советское время русская культура в Украине воспринималась не столько как этнически русская, а как советская культура на русском языке»[1]. То есть русский язык был межнациональным языком общения в многонациональном Советском Союзе и являлся частью идентичности «советского человека» — идентичности, которая играла важную роль в советской идеологии. Иными словами, гражданам СССР предлагалось выстраивать свою идентичность по двум осям — по этнической принадлежности и по советскому гражданству, причем предполагалось, что первое подчинено второму.

Что касается этнической принадлежности, есть существенное различие между горожанами и жителями сел. Еще в начале XX в. специалисты по статистике утверждали, что классификация горожан по этническому признаку не имела особого смысла из-за большого количества смешанных браков, в то время как для сельского населения критерий национальной принадлежности играл огромную роль: «Если для первых, имевших запутанное происхождение, национальная принадлежность была прежде всего вопросом личной идентификации, то для вторых национальность была более устойчивой характеристикой, гарантировать верность которой могли эксперты»[2]. На наш взгляд, это связано в первую очередь с тем, что сельское население гораздо более гомогенно и однородно, чем городское. Кроме того, сельское население гораздо более традиционно, сохраняя старые формы организации быта и социальной организации, общинные нормы и ценности. Как показывал еще М. Вебер, а за ним и другие социальные теоретики, модернизация предполагает рационализацию и разрушение традиционных норм и ценностей.

Модернизация на социалистический манер, проводимая советскими властями, повлекла за собой универсализацию быта,

---

[1] *Шульга Н.* Кризис этнического самоопределения // Соотечественники: русская культура вне границ. М., 2000. Вып. 4.

[2] *Кадио Ж.* Указ. соч. С. 206–207.

ставшего частью новой советской культуры. Поэтому в поиске исторических и культурных истоков «национальное возрождение» в СССР обращалось к народной культуре на национальном языке и к формам повседневного быта, избежавшим русификации и модернизации. И находило их, конечно же, в селе (здесь не стоит списывать со счетов и влияние советской идеологии). Не случайно главным украинским поэтом в советский период был объявлен Т.Г. Шевченко — поэт крестьянства и села.

В настоящее время украинские национальные нарративы также несут в себе мощный заряд традиционализма, связывая национальные истоки, прежде всего, с аграрной культурой Центральной и Западной Украины. Вместе с тем в этих нарративах не присутствует индустриальный Юго-Восток страны, как если бы его никогда и не было, или присутствует, но в образе «Другого», который еще только ***должен*** стать, после определенных трансформаций, частью украинского «коллективного Я». Официальная национальная модель ориентирована, прежде всего, на западноукраинскую культуру, что порождает, в свою очередь, юго-восточный регионализм. Вот что пишет А. Стегний по результатам социологических исследований межрегиональных различий, проводимых с середины 1990-х гг. и по 2005 г.: «Западная Украина, и прежде всего Галиция, служит примером готовности отчасти поступиться собственной самостоятельностью ради сохранения унитарности украинского национального государства. Здесь массовое политическое сознание направлено на сохранение национального государства, а не политического устройства. Вместе с тем Восток и Юг демонстрируют регионализм самодостаточности, когда на первый план выходит защита интересов территориального сообщества»[1].

Указанный региональный раскол имеет давние исторические истоки. Восточная Украина — особый регион. Заселение «Дикого поля» началось в XVII в. беглыми крестьянами с Правобережной Украины; тогда же здесь начали добывать соль. Но активная разработка и освоение донецкого бассейна началось только с конца XIX в., когда в Донбассе стали добывать уголь. С легкой руки А. Блока[2] за этим регионом закрепилось (и держалось довольно долго, по крайней мере, до начала 1940-х гг.) название «Новой Америки». Аналогия с Америкой проводилась, прежде всего, потому, что «Донбасс имел репутацию края возможностей, где смелый сильный человек

---

[1] *Стегний А.* Региональный фактор развития политической культуры населения Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 3. С. 120.

[2] *Корнилов В.* Донецко-Криворожская республика. Харьков, 2011. С. 35.

мог заработать хорошие деньги»[1]. Кроме того, в Донецкий край стекались люди всех национальностей и культур, и регион изначально имел характер космополитический и интернациональный. Говоря языком современным, его можно было бы назвать мультикультурным — к 1917 г. в Харькове, который в начале XX в. был центром Восточной Украины[2], проживали русские, украинцы, латыши, поляки, армяне, немцы. В результате сформировался промышленный регион с преимущественно городским населением, очень разнообразным в этническом плане, — регион модернизированный, индустриальный, интернациональный, где русский язык был языком межнационального общения.

Земли, которые нынче называются «Юго-Востоком Украины», еще в 1917–1918 гг. называли «Югом России» или «Новороссией»[3]. На протяжении нескольких десятков лет представители крупной буржуазии, в первую очередь Совет съездов горнопромышленников Юга России (ССГЮР), высказывал идею административного выделения промышленных регионов Донецко-Криворожского бассейна[4], которые были разъединены территориально и имели разное административное подчинение. Идея включения этих земель в состав украинской автономии, активно обсуждавшаяся Временным правительством, вызвала сопротивление ССГЮР. Предприниматели Юга России считали, что автономия Донкривбасса должна основываться на его экономическом единстве. Они не видели ничего общего у промышленных регионов Донкривбасса с аграрной Центральной Украиной, как не видели и своего будущего в составе автономии, построенной исключительно на принципе этничности[5].

То, что идея автономии Донкривбасса была подхвачена представителями левых сил — а в 1918 г. ими была создана Донецко-Криворожская республика (ДКР), фактические границы которой совпадали с границами, намеченными ССГЮР — свидетельствует о том, что мнение об особенном характере региона разделяли и другие слои населения, помимо промышленников. Донецко-Криворожский бассейн как самостоятельная экономическая единица претендовал также на политическую автономию[6] (в составе Рос-

---

[1] Там же. С. 39.

[2] С 1919 г. по 1934 г. Харьков был столицей Украины.

[3] *Корнилов В.* Указ. соч. С. 16.

[4] Там же. С. 19.

[5] Там же. С. 32–33.

[6] Показательно, что идея федеративного устройства Украины в период независимости обсуждалась уже не раз — в начале 90-х годов XX в., а также после событий «Оранжевой революции».

сийской Федерации). Этот проект не был поддержан партийным руководством в Москве, которое, как известно, положило в основу территориально-административного деления принцип этничности и включило Донкривбасс в состав УССР.

Быстрое развитие промышленности и разрастание городов сыграло немалую роль в судьбе Востока Украины. Так, в Донецкой области самый высокий по Украине процент городского населения — 90% городских жителей, и всего 10% сельских. Для сравнения, в Львовской области 59% городского населения и 41% сельского, а в Ивано-Франковской — 42% городского и 58% сельского. Урбанизация, вместе с ростом численности населения, приводит к ослаблению социальных связей между людьми. В больших городах люди чувствуют себя гораздо более одинокими, чем население сельских регионов, где все знают друг друга, и в меньшей степени способны к гражданской самоорганизации. Кроме того, большинство жителей больших индустриальных городов Востока — потомки переселенцев, чьи исторические и культурные корни остались где-то в другом месте. Все это приводит к отсутствию устоявшихся традиций, отсутствию той исторической памяти, которая снабжает население мифами, необходимыми для формирования коллективной идентичности.

Я хочу подчеркнуть особый характер региона, поскольку считаю, что случай теперешней Юго-Восточной Украины уникален. Его проблемой является именно промышленный, модерный характер региона, в котором практически отсутствует сельское население. Это регион без исторического прошлого, исторических мифов об общем происхождении, без давних традиций — недаром его сравнивали с Америкой. «Символическая бедность — результат истории данного региона, прежде всего Донбасса, как зоны тяжелой промышленности...»[1] Вместе с тем этот регион обладает собственным уникальным характером, в основе *которого не лежит и не может лежать этничность.* Основой интеграции Юго-Востока является, прежде всего, экономика и русский язык[2] (к которым теперь добавилось православие). Поэтому националистические нарративы, кладущие в основу интеграции украинского общества этнолингвистический принцип — один этнос, один язык, одна культура, — в случае Юго-Востока Украины бьют мимо цели. Но не только поэтому.

---

[1] *Стегний А.* Указ. соч. С. 110.

[2] На чем активно спекулируют те политические силы, которые «представляют» интересы жителей Юго-Востока.

Ранее шла речь о том, что большинство русскоязычного населения Украины — биэтноры, люди с двойной идентификацией, которые идентифицируют себя как с украинцами, так и с русскими. Они принадлежат к обеим культурам, не чувствуя себя иными, чужими на Украине. Они такие же полноправные украинцы, как и те, кто говорит по-украински в повседневном общении. Они не дистанцируются от украинской культуры — скорее, они не хотят отказываться от русской составляющей своей идентичности, поскольку это очевидно обеднит их культурный горизонт (а именно на этом настаивает украинский этнонационализм). Возможно, по этой причине у них нет отчетливого группового самосознания, проекта создания группы, которая неизбежно противостояла бы украиноязычным как своим «Другим»[1]. Они только хотят сохранить русскую составляющую своей идентичности[2].

Проблема, однако, в том, что в таком случае русскоязычные не противопоставляют Украину России — Россия не является тем «Другим», на противостоянии которому и разграничении с которым строится идентификация Юго-Востока[3]. Однако украинский национализм активно использует Россию, наряду с обобщенным образом «Европы», как важнейшего «Другого». Из отношения к этим «Другим», поиска своего места в их непростом взаимодействии во многом складываются образы украинской национальной идентичности, коллективного «Я».

Важной проблемой в данном случае является несовпадение ценностного — аксиологического — порядка во взаимоотношениях с этими «Другими» — Россией и Европой — и порядка праксиологического. Аксиологическая ориентация на «европейские ценности» вступает в конфликт с фактической экономической и институциональной близостью к России, фактической общностью жизненного мира (языка, культуры, ценностных ориентаций)[4]. Идеал вступает

---

[1] Правда, судя по росту числа тех, кто считает русский своим родным языком, после 2004 г., агрессивное продвижение этнонациональных нарративов на официальном уровне может способствовать интеграции русскоязычных как отдельной культурно-лингвистической группы.

[2] Представленные выводы основываются на комплексном исследовании, проведенном в 2009 г. КМИС по заказу КЦПИК, результаты которого изложены в упомянутом выше двухтомнике «Русский язык в Украине».

[3] Причем это касается не только русскоязычного, но и украиноязычного населения Юго-Востока, среди которого также распространены пророссийские настроения. Националистический проект, основанный на противопоставлении Украины России, разделяется далеко не всеми моноэтническими украиноязычными украинцами, что также способствует юго-восточному регионализму.

[4] Наиболее последовательным в этом отношении был В. Ющенко, президент Украины в 2005–2010 гг. Он попытался привести в соответствие аксио-

в противоречие с действительностью. В этих обстоятельствах становится понятным навязчивое стремление провести границу между украинским «Я» и российским «Другим». Кроме того, очевидно, что украинский язык становится важным маркером национальной идентичности именно из-за своей близости к русскому, из-за распространенности русского в Украине — он играет роль символической границы, призванной отграничить украинское «Я» от российского «Другого». Трагедия, однако, состоит в том, что, используя в качестве Другого Россию, украинские модели национальной идентичности исключают также русский язык и русскую культуру. Таким образом, почти половина страны оказывается «Другим» — не просто иным, а именно «Другим» как полюсом символической оппозиции. Эссенциализирующие истории об «украинской Украине» предполагают исключение из состава нации всех русскоязычных, поскольку они не подпадают под критерии этнической идентичности.

Подведем итоги. Украинский проект построения нации представляет собой, по сути, проект создания гомогенной группы из очень разнородного в лингвистическом и культурном плане материала. Пока этот проект демонстрирует свою неспособность воплотить в жизнь свои идеалы. Очевидно, проект создания нации нельзя рассматривать исключительно как воображаемую конструкцию — подобная конструкция строится на определенном основании и должна учитывать это основание, чтобы не потерпеть фиаско.

В случае Украины, как и в случае подавляющего большинства постсоветских стран, главным принципом нациестроительства стало понятие нации как этнокультурной целостности. Поэтому официальная (т.е. поддерживаемая властью) модель нации ориентируется не только на украинский язык как таковой, но и на сельскую символику, нормы и ценности, характерные для традиционного общества[1]. Тем самым на второй план уходит (а в ряде случаев и полностью игнорируется) индустриализированный и урбанизированный мир русскоязычного населения. Вместе с тем *в символическом публичном пространстве нет моделей, которые позволяли бы русскоязычным осмыслять себя и свое место в современном украинском государстве* (консервативные модели, опирающиеся на идею «Русского мира», не подходят большинству русскоязычных, идентифицирующих себя как граждан Украины).

логический и праксиологический уровни отношений с Россией. Результат был катастрофическим для экономики Украины, и это можно рассматривать как косвенное подтверждение справедливости наших выкладок.

[1] Подробнее об идеологии украинского национализма см. статью *Кирюхина Д.И.* в настоящем издании.

По сути дела, украинское общество является поликультурным, однако совсем не в том смысле, в каком привыкли его трактовать, опираясь на эссенциалистские представления об этносе. В нем широко присутствуют два языка и две культуры — украинская и русская, причем, в отличие от аналогичных европейских моделей — скажем, бельгийской — они не обособлены территориально. И модель национальной идентичности, в которой символически не представлена значительная часть населения страны, не только не способствует интеграции общества, а, скорее, ведет к его дезинтеграции. Возможность интеграционной модели «национализма» предполагает учет интересов и потребностей всех языковых и культурных групп населения, предоставление возможности осмыслять свою общность с другими группами, избегая противопоставления и конфронтации.

Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние

Михаил Погребинский,
Алексей Попов, Алексей Толпыго

Нынешняя Украина представляет собой государство, в котором сосуществуют и взаимодействуют множество этносов, языков, культур. Чтобы понять характер этого сосуществования и возникающие при этом проблемы, необходимо представить историю страны в плане взаимодействия культур: как появлялись на ее территории те или иные этнические и культурные сообщества, как они сознавали себя, как вели себя, взаимодействовали, конфликтовали в ходе основных проходивших здесь исторических процессов.

В данной статье авторы пытаются дать представление об истории Украины, позволяющее ответить на эти вопросы.

1. «Лоскутная страна»

Первое государство восточных славян — Киевская Русь — имела в своем составе бóльшую часть заселенных в то время территорий нынешних Украины, Белоруссии и европейской России. После принятия князем Владимиром византийского (православного) варианта христианства оно постепенно стало распространяться по всей Руси. Государство было большим, но не единым, связи между его частями никогда не были достаточно прочными. В том числе и между княжествами, расположенными на территории нынешней Украины.

К примеру, так называемая «*Червонная Русь*» (нынешняя *Галиция*) с конца IX и до середины XIV вв. была местом постоянных конфликтов между Русью, поляками, чехами и венграми. Об этом регионе стоит поговорить подробнее.

В конце IX в. Галиция входила в состав Великоморавского (чешского) государства. В середине следующего столетия эти земли ненадолго захватили венгры, но затем их опять вернули себе «ляхи» (так тогда называли чехов). В 981 г. Перемышль, Червен и несколько

других городов Галиции отвоевал у «ляхов» киевский князь Владимир, но уже через тридцать лет эти места попали под власть Польши. Правда, ненадолго. Скоро Киевская Русь вернула себе Восточную Галицию. В 1084 г. три князя (братья Ростиславовичи) отказались подчиняться киевскому великому князю и начали править в Червонной Руси самостоятельно. Потомки братьев стали воевать между собой за власть, и эта война продолжалась в течение всей второй половины XII столетия. В ней участвовали не только киевские князья, польские и венгерские короли, но и знаменитый император Священной Римской империи германской нации Фридрих Барбаросса. В 1199 г. Галицию присоединил к Волыни князь Роман Мстиславович. Он создал сильное Галицко-Волынское княжество, но спустя шесть лет был убит, после чего в борьбу за его наследство вступили многочисленные родственники, в том числе венгерский король Эндре II и краковский князь Лешко. В 1215 г. папа Иннокентий III короновал на «Галицкое королевство» сына Эндре — Коломана. После смерти Коломана (1241) борьба за Галицию возобновилась. В 1245 г. сын Романа Даниил смог окончательно подчинить себе главный город этой земли Галич. Спасая свои земли от татарского разорения, он сразу же отправился «на поклон» в Орду. Участвуя в совместных с монголами военных походах, Даниил Галицкий в то же самое время вел переговоры с папой о воссоединении русской церкви с Римским престолом и подготовке к войне против ордынцев. В 1253 г. папский посланник объявил Даниила королем Галиции и всей Руси.

В 1323 г. род Мстиславовичей прекратился, и через полтора десятилетия Галиция стала частью Польского королевства. С тех пор вся Восточная Галиция (за малым исключением) в течение шести веков жила в отрыве от каких-либо форм русской государственности. Западная же Галиция с этой государственностью, по сути, вообще никогда не была связана. С момента раздела Польши в XVIII в. и до конца Первой мировой войны Галиция входила в состав Австрийской, позже Австро-Венгерской империи. В 1918 г. она вновь оказалась в составе Польши, где пребывала до 1939 г.

Важно, что после Брестской унии 1596 г. в Галиции среди украинцев полностью утвердилась греко-католическая церковь (впрочем, процесс этот занял больше века), что способствовало ощущению дистанции от православной общерусской идентичности. В конце XIX столетия Галиция, пользуясь бóльшей демократичностью Австро-Венгерской империи по сравнению с Российской, и не без участия австрийских властей, стала кузницей украинского национализма.

Именно тогда и возникло выражение «галицкий Пьемонт», смысл которого в том, что Галиция, дескать, призвана объединить

Украину, как Пьемонт — Италию. Выражение, сохранившее актуальность и сегодня. Ведь объединение итальянских земель в 1860–1870-х гг. оформлялось как их присоединение к землям правившей в Пьемонте Савойской династии. А применительно к нашей ситуации это означает, что украинцы должны воспринять культурные и духовные практики Галиции как истинной Украины. То есть мы имеем явление, противоположное классическому регионализму, который, как правило, выражается в желании территории иметь б льшую автономию и самобытность в своих пределах, а не распространять ее на всю страну.

Галиция, будучи исторически весьма пестрой в этническом отношении, утратила эту пестроту только в ходе Второй мировой войны и сразу после нее. В результате национальный состав Галиции радикально изменился. Так, до войны численность украинцев в нынешних Тернопольской и Львовской областях не достигала и 50%. Во время войны большинство евреев было уничтожено в ходе Холокоста. Немалые потери в результате этнической чистки, устроенной Организацией украинских националистов (ОУН), понесли и поляки. Затем в ходе «обмена населением» (1944–1946) с территории УССР было переселено около 1,1 млн человек (главным образом это были поляки, а также евреи и др.), а в западные области Украины (в основном галицкие) с территории Польши переселили около полумиллиона этнических украинцев. Таким образом, территории с исторически смешанным населением превратились в этнически гомогенные. И миграционные процессы советского времени эту гомогенность практически не изменили.

Словом, в течение многих веков Галиция в культурном и религиозном плане была преимущественно связана с европейскими традициями. Не удивительно, что спустя много веков галичане стали смотреть на русских и даже на восточных украинцев как на «чужих». Когда в 1939 г. на галицкие земли пришла Красная Армия, местные украинцы, в массе своей, поначалу встретили ее приветливо, надеясь на избавление от полонизации и воссоединение Украины. Но коллективизация, национализация, репрессии против значительной части местного населения и греко-католической церкви очень быстро вызвали разочарование у большинства. Поддерживавшая в начале войны гитлеровскую агрессию Организация украинских националистов получила в Галиции массовую базу, без которой немыслимой была бы долголетняя вооруженная борьба УПА против советской власти. Традиции этой борьбы большинством в Галиции почитаются и сегодня. Своеобразное развитие такие традиции получили в украинском диссидентском движении 1960–1970 гг. и осо-

бенно в годы перестройки. Именно Галиция стала опорой современных форм украинского национализма.

Рассмотрим теперь вкратце судьбу других «лоскутов», из которых мало-помалу сложилась нынешняя Украина.

Гетманщина — Киев, Полтавская, Черниговская области, а частично Сумская, Днепропетровская, Запорожская. После монголо-татарского нашествия эта территория оказалась в составе Великого княжества Литовского, а после его унии с Польшей — Речи Посполитой. Заметная часть территории пустовала и интенсивно стала заселяться только после распада Речи Посполитой. Здесь возникла и Запорожская сечь (часть нынешних Днепропетровской и Запорожской областей).

Территория была присоединена к России в результате национально-освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого и закреплена за ней по мирным соглашениям с Польшей (Андрусовскому перемирию 1667 и вечному миру 1686 г.). Однако в рамках России имела особую автономию — точнее и правильней говорить о двух автономиях: Гетманщине и территории Запорожской сечи. Фактически автономия Гетманщины сложилась в годы войны Богдана Хмельницкого (а Запорожской сечи еще раньше), в России этот статус был юридически оформлен. Постепенно урезаемая, эта автономия была окончательно ликвидирована в XVIII в. при Екатерине II. С ликвидацией автономии местная казацкая элита была инкорпорирована в российское дворянство, а крестьянство частично было закрепощено (хотя доля крепостных в числе крестьян была здесь меньшей, чем в Великороссии). Исторически именно эта территория считается «ядром» современной Украины, что выразилось, между прочим, в том, что литературный украинский язык был создан именно на основе полтавского диалекта.

Правобережье (нынешние Волынская, Житомирская, Винницкая, Хмельницкая, Черкасская, частично Киевская и Тернопольская области). Территория имела общую судьбу с Гетманщиной до середины XVII в., когда по итогам войны осталась за Польшей; впрочем, часть земель в результате войны настолько обезлюдела, что по Вечному миру была объявлена нейтральной зоной, которую не полагалось заселять. Затем Россия признала над этой территорией польскую юрисдикцию, но позже присоединила ее — уже в ходе 2-го и 3-го разделов Польши (1792–1795).

Во времена Российской империи эти территории не входили в состав Царства Польского, униатская церковь там была ликвидирована, но польское землевладение оставалось неприкосновенным до революции 1917 г. Поляки составляли не только помещичью эли-

ту Правобережья, но и преобладали среди чиновников. На этой территории родились многие выдающиеся деятели польской культуры: Юлиуш Словацкий, Ярослав Ивашкевич, Кароль Шимановский.

По итогам советско-польской войны 1918–1920 гг. большая часть Правобережья осталась в составе советской Украины. При этом Волынская, Ровенская и север Тернопольской областей отошли к Польше. За два десятилетия пребывания под польской юрисдикцией местное население подверглось заметному влиянию идеологии ОУН.

Слобожанщина. Харьковская область и небольшая часть территорий Сумской, Донецкой и Луганской областей.

Эта территория до середины XVII в. была незаселенной и именовалась Диким Полем. Но Россия рассматривала ее как свою, что никто не оспаривал. Еще в ходе войны под руководством Хмельницкого сюда переселяются многочисленные беженцы из польской Украины (русское переселенчество также есть, но носит несравненно меньший характер).

Российская власть дает переселенцам ряд льгот и предоставляет самоуправление, хотя и с меньшим объёмом прав, чем на Гетманщине. Так, в отличие от нее, Слобожанщина не имеет единого управителя, гетмана, а разделена на территории нескольких слободских (отсюда и название) полков. Оставаясь украинцами по языку, слобожане после переселения, однако, не участвуют в бурных политических процессах, которые продолжались на Левобережье Украины до мятежа Мазепы включительно. При Екатерине II автономия ликвидируется и происходит инкорпорация местной элиты по такому же образцу, как на Гетманщине.

Донбасс. Донецкая и Луганская области. Край также являлся частью Дикого поля, но заселялся позднее, чем Слобожанщина, и при большем участии русских — его территория примыкала к традиционным донским казачьим областям, а часть ее некоторое время входила в эти области. Автономии эти земли не имели. Своеобразие территории стало проявляться с конца XIX в., когда там началось интенсивное освоение угольных месторождений и развитие промышленности, что привлекало переселенцев из числа всех народов европейской России, но более всего — русских и украинцев. Донбасс — наиболее урбанизированная территория Украины.

Новороссия — нынешние Кировоградская, Николаевская, Херсонская, Одесская области и большая часть Днепропетровской и Запорожской областей. Эти земли были присоединены к России по итогам русско-турецких войн XVIII столетия (а часть Одесской

области — южнее Днестра в начале XIX в.[1]). До присоединения эта территория была малозаселенной — кочевые ногайцы и обитатели турецких крепостей покинули ее после присоединения к России.

Новороссия, в отличие от Слобожанщины и Донбасса, заселялась во многом организованно по плану российской власти. Среди сельского населения преобладали украинцы, но заметной была и доля русских, в частности крепостных, привезенных приобретшими здесь земли помещиками из Центральной России (вспомним, например, Чичикова, который якобы собирался вывозить своих крестьян в Херсонскую губернию). В городах изначально преобладал русский элемент.

Российская власть поощряла переселение в Новороссию немцев и представителей христианских народов Османской империи: греков, сербов, болгар, армян, албанцев (арнаутов). В настоящее время они во многом ассимилировались, но в ряде мест сохраняют своеобразие.

Крым — Автономная республика Крым и Севастополь.

Крымский полуостров был присоединен к России тогда же, когда и Новороссия, и заселение его имело сходный характер, но с двумя существенными особенностями.

Во-первых, в Крыму, в отличие от Новороссии, осталось местное мусульманское население (крымские татары, т.е. потомки татар, осевших здесь со времен монголо-татарского нашествия). Во-вторых, украинский элемент в Крыму был меньше, чем в Новороссии не только в городах, но и в селах, и даже Центральная Рада в 1917 г. не выдвигала претензий на его территорию (в отличие от остальной части Таврической губернии).

В годы гражданской войны Крым никогда не был подконтролен украинским буржуазным режимам, а после ее завершения имел статус автономной республики в составе РСФСР. После депортации татар в 1944 г. АССР преобразовали в область России, которая спустя 10 лет была передана Украине. В результате миграции из других областей УССР в послевоенное время в Крыму увеличилась доля людей с родным языком украинским (между тем как на остальной территории Украины, кроме Запада, наблюдалось противоположное явление).

Буковина и Северная Бессарабия (Черновицкая область) — бывшие территории княжества Молдавского с преобладанием укра-

---

[1] Эта часть Одесщины (Южная Бессарабия) также немалое время пребывала в составе Румынии: в 1856–1878, затем в 1918–1940, и, наконец, была оккупирована ею в 1941–1944 гг.

инского населения. Испокон веков украинцы проживали здесь рядом с православным романским населением, которое позже разделилось по идентификации на молдаван и румын. Проживание было в целом мирным, есть немало примеров взаимной ассимиляции. Например, выдающийся просветитель XVII в., основатель Киево-Могилянской академии Петр Могила — по происхождению молдаванин.

Молдавское княжество было вассалом Османской империи. В период своего упадка Османская империя под давлением России и Австрии утратила контроль над княжеством. В 1775 г. б льшая часть территории Черновицкой области (Буковина) вошла в состав Австрии, но имела в рамках империи особый статус, развиваясь отдельно от Галиции. Этому способствовали религиозные различия между двумя территориями. Восток нынешней Черновицкой области с центром в городе Хотин отошел к России в 1812 г. вместе со всей Бессарабией. В 1918 г. и австрийская Буковина, и российская Бессарабия отошли к сильно расширившейся после Первой мировой войны Румынии. В 1940 г. после того, как СССР занял Бессарабию и Северную Буковину, они впервые за долгое время объединились в одну административную единицу — Черновицкую область. В отличие от Галиции, этническая пестрота Буковины сохранилась и сейчас.

Закарпатье (Закарпатская область) — другой регион, сохранивший даже бо2льшую этническую пестроту, чем Буковина. Эта окраина Киевской Руси, отделенная от остальной территории горами, еще в XI–XIII столетии перешла под власть Венгерского государства и делила с Венгрией общую судьбу до конца Первой мировой войны. В межвоенный период Закарпатье входило в состав Чехословакии, в 1938–1939 гг. было оккупировано венграми (до 1944 г.), а в 1945 г. вошло в состав СССР.

Особое положение, которое имела Венгрия в Австрийской империи, куда вошла в XVII–XVIII столетии, предопределило отличие Закарпатья от Галиции, а отсталость края способствовала замедленному характеру процессов самоидентификации. Весомая часть закарпатцев не просто называет себя русинами, но и считает русинов особым народом. В советское время русинская самоидентификация запрещалась, как в СССР, так и в социалистической Чехословакии. В нынешней же Словакии несловацкое славянское население сопредельных с Закарпатьем территорий в большей мере идентифицирует себя как русины, чем как украинцы.

Для закарпатцев, в отличие от галичан, не была характерна русофобия, а греко-католическая церковь представлена не входящей в УГКЦ автономной епархией, подчиненной непосредственно

Ватикану. На территории края многие века рядом с украинцами жили венгры, словаки и румыны, но серьезных национальных конфликтов здесь не было.

2. «Еврейский фактор»

Помимо исторических особенностей развития отдельных регионов на формирование мультикультурного пространства на Украине, несомненно, влиял так называемый «еврейский фактор».

Во времена позднего средневековья Польско-Литовское государство (включая, разумеется, Украину) было самым крупным центром еврейской диаспоры в Европе. В XVI–XVII вв. Польша поставляла в Западную Европу лес, зерно и другие сельскохозяйственные продукты. В этой торговле евреи принимали самое активное участие. Особое положение евреев в христианском мире ограничивало сферы их возможной деятельности. Польские шляхтичи, получив от короля огромные поместья на Украине, сами управлять своими землями не рвались и, как правило, сдавали их арендаторам, очень часто евреям. Таким образом, евреи оказывались посредниками между украинскими крестьянами и польскими панами. Кроме того, многие евреи занимались розничной торговлей и владели шинками. Крестьяне часто становились их должниками, что никак не способствовало хорошим отношениям между украинцами и евреями. Как пишет автор «Очерков истории еврейского народа» проф. Эттингер, «православные украинские крестьяне чувствовали себя порабощенными чужими — католическими панами и их еврейскими ставленниками». Паны жили далеко, в городах, а евреи рядом — на них в первую очередь и обрушивался гнев страдающих от эксплуатации крестьян. Первыми жертвами казацко-крестьянских восстаний против поляков всегда оказывались евреи. И в дальнейшем еврейские погромы были довольно частым явлением на Украине.

Культурная жизнь евреев Украины развивалась весьма интенсивно, однако до середины XIX в. она сосредоточивалась, главным образом, вокруг религиозных проблем иудаизма и, соответственно, была почти недоступна для инаковерующих. На Левобережье, отошедшем к Москве по решению Переяславской Рады, евреев после погромов времен Богдана Хмельницкого почти не осталось, тогда как на украинских землях Речи Посполитой перед разделом Польши проживало более миллиона евреев (примерно 20% всего населения). Здесь евреи часто выступали в качестве проводников буржуазного влияния.

Под влиянием идей Просвещения в иудаизме с конца XVIII в. начинает развиваться реформаторское движение последователей Моисея Мендельсона. Естественно, этот процесс затронул и Украину. Евреи стали более активно включаться в жизнь украинских городов, привнося в нее элементы своего культурного опыта. Во второй половине XIX в. начался массовый выход молодых, наиболее энергичных и образованных евреев из фактического гетто национальной обособленности и стала происходить их добровольная ассимиляция, нередко сопровождавшаяся принятием христианства. Эти ассимилированные евреи тут же бросились реализовывать свою невостребованную в рамках изоляции энергию в общественной жизни Российской империи, примыкая часто к лагерю либералов и революционеров. Поскольку жить евреи (за редким исключением) могли только в пределах установленной царским правительством в 1835 г. «черты оседлости», именно там более всего проявилось их влияние. Украина как раз и составляла бóльшую часть доступной евреям территории проживания. Социальную и культурную жизнь малых и больших украинских городов (в том числе Киева и Одессы) с той поры уже нельзя было представить себе без участия евреев. Аналогичные процессы имели место и в австро-венгерских Галиции и Буковине. В 1890 г. евреи составляли 36% населения Львова, тогда как украинцы — меньше 22%. В Черновцах в 1900 г. евреи составили 33%, украинцы — 20%.

Ассимилированные евреи Украины внесли выдающийся вклад в русскую (Бабель, Багрицкий, Ильф), немецкую (Пауль Целан и другие поэты буковинской школы), польскую (Бруно Шульц) культуру. Вместе с тем Украина, прежде всего российская ее часть, была центром развития собственно еврейской культуры на идише и иврите (Шолом-Алейхем, Бялик).

В ходе русских революций и после 1917 г. еврейская молодежь принимала самое активное участие во всех тех событиях, которые радикальным образом меняли социальную, политическую экономическую и культурную жизнь Украины. До конца 30-х годов прошлого века евреи занимали совсем неплохие общественные позиции, но после войны в СССР (и особенно на Украине) четко стала проявлять себя политика государственного антисемитизма.

3. «Польская» Украина и «русская» Украина

Региональные особенности, обусловленные историей, несомненно, играют важную роль в развитии мультикультурности на Украине, но решающим все же было и остается деление страны на

две части — Правобережье и Левобережье. Условно Правобережье можно было бы назвать «польской Украиной», а Левобережье — «русской», если бы слева от Днепра не было территории, которая до Андрусовского соглашения 1667 года, как и Правобережье, принадлежала Польше, а затем была присоединена к Московскому царству, получив название Гетманщина. Здесь долго сохранялись общие для всей Украины традиции и в то же время были свои преимущества — до конца XVIII в. почти не было крепостного права и, с согласия русских властей, существовала культурная и даже административно-политическая автономия.

Если Правобережье и Гетманщину и можно называть «польской» Украиной, то вовсе не потому, что их население испытывало к полякам особую симпатию. Напротив, украинские крестьяне и казаки Правобережья не раз восставали против польских панов и католической церкви, часто рассчитывая на поддержку России и русских. Просто обустройство этих земель в основном происходило в то время, когда они входили в состав польского государства, а освоение большей части восточной и русской Украины шло под контролем русских властей, что и определило разные судьбы Левобережья и Правобережья.

В 1362 г. литовский князь Ольгерд, выиграв у ордынцев битву при Синих водах, присоединил всю заселенную тогда Украину вместе с Киевом к Великому княжеству Литовскому, создавшему через 23 года династическую унию с Польшей, но оставшемуся самостоятельным государством. С тех пор Украина и Россия в течение многих веков шли каждая своим путем. Становление Московского государства, начавшееся как раз в момент присоединения украинских земель к Литве, происходило уже без Украины и на основе принципов, во многом отличных от принципов строительства Киевской Руси (Московское царство как «Святая Русь», как самодержавно-теократическое государство, претендовало на верховную роль во всем православном мире).

После Люблинской унии (1569) было образовано единое конфедеративное польско-литовское государство — Речь Посполитая. Уния также передала украинские земли Литвы польской части государства, соединив их, таким образом, с Галицией.

Внутренняя политика Литвы, а до известного момента и Речи Посполитой отличалась высокой терпимостью. В ней сравнительно спокойно уживались католики, православные, евреи; после начала Реформации — также и протестанты разных толков.

Не вдаваясь в детали, скажем только, что по печальной, но довольно общей закономерности этот «Золотой век» сменился «Же-

лезным». Непосредственной причиной этого стала активная деятельность иезуитов; если смотреть на вещи шире — то это была борьба Реформации и Контрреформации, в основе которой лежала убежденность протестантов и католиков в том, что их вера — единственно правильная и что ее необходимо навязать всем прочим.

Здесь неуместно было бы обсуждать личную ответственность римских пап, Лютера, Цвингли или Лойолы за Реформацию, Контрреформацию и все их трагедии; достаточно сказать, что терпимость, как это нередко случалось в истории, естественно и «логично» перешла в жесточайшую нетерпимость.

Наиболее ярким и важным событием в этом ряду для Украины была Брестская уния (1596), которая подразумевала «воссоединение» православия с католицизмом. Практически, как это бывает чаще всего, вместо «воссоединения» произошло создание третьей церкви.

Вернемся, однако, к XVI в. К этому моменту процесс полонизации украинской элиты зашел уже довольно далеко: большая часть украинских княжеских семей приняла католичество. (Характерно, что главный противник Хмельницкого в войне 1640-х гг., Ярема Вишневецкий, был потомком знаменитого казака Байды — Дмитрия Вишневецкого.) Деятельность иезуитов привела к ускорению этого процесса, и тем самым резко обострила ситуацию.

Религиозное и социальное угнетение украинцев стало почвой для множества восстаний. Руиной в истории Украины названа вторая половина XVII в., но фактически еще больший период этого столетия ситуация была либо на грани взрыва, либо за этой гранью. Разумеется, в этой дикой гражданской войне «всех против всех» и поляки, и русские, и «свои» казаки, и приглашаемые участниками конфликта татары и турки исправно резали, вешали, жгли всех подряд. Резали и евреев, и поляков, и русских (термина «украинец» тогда еще не было) — иноверцев резали за веру; единоверцев — из молодечества, заодно с другими, просто чтоб не было скучно.

Тут особенно важно то, что, когда начались восстания, оказалось, что украинская (бывшая украинская) элита уже не может, ввиду религиозного различия, стать во главе украинского национального движения, ибо это движение внешне носило характер борьбы православных с католиками. При этом католики независимо от этнического происхождения идентифицировали себя с Речью Посполитой; в результате его возглавили казаки, которые изгнали с Украины прежнюю элиту — князей Острожских, Вишневецких и пр. — тогда как новой элитой стали фамилии Галаганов, Кочубеев и пр. — выходцы из простых казаков.

* * *

Правобережная Украина оставалась в составе Польского королевства на протяжении 400 лет, вплоть до разделов Польши. Естественно, здесь очень сильным и далеко не однозначным было влияние на украинскую жизнь польской культуры и католической церкви. А потом произошел раздел Речи Посполитой, и Правобережную Украину присоединили к России. Любопытно, что в первые несколько десятилетий после этого польское влияние на Украину не только не уменьшилось, но даже несколько усилилось, поскольку распространилось на территории, присоединенные к России раньше (в частности на Киев). Случилось так потому, что царь Александр I симпатизировал польскому дворянству. Деполонизация и русификация, по сути, начались уже после Польского восстания 1830 г., при Николае I. До середины XIX в. культурное влияние поляков в Киеве и других крупных городах Правобережья было доминирующим.

Если на землях «польской Украины» и «Гетманщины» сохранялись определенные традиции прошлого, то бóльшая часть восточной и южной Украины обустраивалась, по существу, с нуля, и делалось это в соответствии с общероссийскими традициями. Интересно, что после реформы 1861 г. в Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Харьковской губерниях 90–95% всех принадлежащих крестьянам земель оказались в распоряжении характерных для Великороссии передельных крестьянских общин, тогда как на Правобережье и в Полтавской губернии таких общин почти не было и господствовали подворные общины, именуемые «громадами». В передельных общинах не было зафиксированных раз и навсегда за каждой семьей участков земли, земля общины периодически делилась между отдельными хозяйствами, и управлялась эта община по принципу «круговой поруки». В подворной громаде земля была закреплена за каждым хозяйством. Экономически более эффективной, по-видимому, была громада, зато передельная «община» в большей мере была сориентирована на коллективные ценности. Все имеет свои плюсы и минусы, но одно очевидно: различия в стиле жизни крестьян (т.е. подавляющего большинства жителей тогдашней Украины) порождали различия в ментальности «польских» и «русских» украинцев.

Влияние событий прошлого ощущается и в наши дни. В частности, в характере электорального поведения разных частей страны. Так, в 1994 г. Левобережье голосовало за Кучму, Правобережье — за Кравчука. Во время президентских выборов 2004 и 2009 гг. «оранжевым» удалось перетянуть на свою сторону часть жителей тех об-

ластей, что раньше составляли территорию Гетманщины. Помимо Правобережья, за их кандидата голосовали еще и Киевщина, Черниговщина, Полтавщина, Сумщина. Януковича же поддержало население тех земель, освоение которых происходило уже в составе России.

4. Превращение малороссов в украинцев

Украинские националисты всячески подчеркивают отдельность судьбы и ментальные различия между русскими и украинцами. Но в царской России украинцев считали ветвью общерусского племени — «малороссами», и есть много свидетельств того, что в то время украинская идентичность была слабой и колебалась между национальной и региональной.

Вот что пишет такой знаток вопроса, как Михаил Драгоманов, чьи работы несколько десятилетий не публиковались в СССР как «националистические»: «Нехай я стану свого роду “проклятою Мазепою”, для певного сорту українських націоналників, але я мушу сказати, що прирівняння обрусенія, напр., Польщі до “обрусенія” України є не слушне й не зручне. Нехай би наука признала, що українська національність не тільки так само відрубна від московської, як польська, але й німецька або навіть фінська, то з того все-таки не вийде, що “обрусеніє” України усе рівно, що “обрусеніє” Польщі. В Польщі відрубність національна й право на автономію чується не в учених кабінетах, а всюди в житті і маніфестується всякими способами серед польських мужиків, як і серед панів і літераторів. На Україні не так. Навіть заборона 1863 р. перешкоджала, напр. Костомарову, друкувати в Росії по-українському Біблію та популярно педагогічні книжки, але не забороняла йому друкувати по-українському “Богдана Хмельницького”, “Мазепи” й т. і. Чого ж він писав їх по-московському? Чого пишуть по-московському наукові твори всі теперішні українські вчені, навіть патентовані українофіли? Чого сам Шевченко писав по-московському повісті або навіть інтимний “Дневник”? Очевидячки, того, що всі ті інтелігентні українці зовсім не так почувають свою відрубність від москалів, як, напр., поляки»[1].

[1] Перевод с укр.: Пусть я стану, в своем роде, «проклятой Мазепой» [перевод Мазепы в женский род — не ошибка, а способ выражения. — *Ред.*] для украинских националистов определенного сорта, но должен сказать, что приравнивать обрусение, напр., Польши к «обрусению» Украины неосновательно и неловко. Пусть даже наука признает, что украинская национальность отлична от московской не только, как польская, но и как немецкая или даже финская,

Иными словами, Драгоманов показывал естественность и объективную обусловленность ассимиляции украинцев в русских. Украинские студенты, в отличие от польских, не создавали в российских университетах особые землячества. А украинцы, перебравшиеся жить в крупные города, где господствовал русский язык, ассимилировались в этой среде без проблем, чему способствовала языковая близость. В конце XIX столетия ни в одном губернском городе Украины, кроме Полтавы, украинский язык не являлся господствующим. Впрочем, русский литературный язык в немалой степени создавался украинцами, так как после присоединения Украины в XVII в. местное духовенство заняло ведущие в православной иерархии Московского патриархата (а грамотность и литература были тогда делом церкви). Книжный язык Украины XVII–XVIII столетия, на котором, в частности, писал выдающийся философ Григорий Сковорода, выглядит для современного читателя русским, а не украинским, и его понимание не требовало перевода и для современников мыслителя.

Нынешний украинский литературный язык создавался в XIX в. Котляревским, Шевченко и другими авторами путем олитературивания народного языка украинских крестьян. Но уже в 70-е годы XIX столетия Драгоманов отмечал, что и у провансальского, и у нижненемецкого на данный момент больше оснований претендовать на звание самостоятельного языка, чем у украинского, не имеющего систематизированной грамматики и словаря.

При всем богатстве украинской народной поэзии литературный язык оставался неразработанным, поэтому переписка основателей украинского профессионального театра друг с другом велась на языке[1], который современный читатель определит не иначе чем

все равно из этого не следует, что «обрусение» Украины то же, что «обрусение» Польши. В Польше национальная особенность и право на автономию слышно не в ученых кабинетах, а всюду в жизни, и провозглашается всякими способами среди польских мужиков, как и среди панов и литераторов. На Украине это не так. Даже запрет 1863 г. [пресловутый «Валуевский циркуляр», см. ниже. — *Ред.*] препятствовал, напр., Костомарову печатать в России по-украински Библию и популярные педагогические книжки, но не запрещал ему печатать по-украински «Богдана Хмельницкого», «Мазепу» и др. Отчего же он писал их по-московски? Отчего пишут по-московски научные труды все нынешние украинские ученые, даже патентованные украинофилы? Отчего сам Шевченко писал по-московски повести, или даже личный «Дневник»? Очевидно, оттого, что все эти интеллигентные украинцы совсем не так ощущают свое отличие от москалей, как, напр., поляки.

[1] См.: например, переписку Михаила Старицкого в 8-м томе его собрания сочинений: *Старицький М.П.* Твори у 8-ми томах (10 кн.) / *Старицкий М.П.* Соч. В 8 т. (10 кн.) (на укр. и рус. яз.). Киев: Дэржлитвыдав — Днипро, 1963.

суржик, т.е. смешение украинского и русского языков. А дневники, т.е. наиболее интимные записи, не только Шевченко, но и многие украинофилы 1870-х гг. вели по-русски!

Нельзя исключить, что при других исторических обстоятельствах в Украине могла бы восторжествовать региональная идентичность в рамках проекта большой русской нации. Ведь и на территории Австро-Венгрии среди немалой части украинской элиты в XIX столетии бытовало мнение о единстве украинского (или, как тогда говорили, русинского) народа с русским народом Российской империи. И москвофильская партия потерпела поражение в Галичине во многом благодаря усилиям австрийского правительства, которое в условиях соперничества двух империй было заинтересовано в развитии украинского движения в России.

Вообще, австрийское влияние на украинское движение в России вряд ли можно игнорировать. В то же время представлять дело так, что якобы весь украинский национальный проект является результатом усилий Австро-Венгрии, было бы несправедливо. На самом деле решающую роль в том, что украинская идентичность оформилась именно как национальная (а не региональная!), сыграли, прежде всего, процессы внутри Российской империи.

Украинское и белорусское национальные движения стали заметными факторами российской политической жизни после Крымской войны. Чтобы понять причины этого явления, стоит сравнить Россию с другими державами континента в сходном контексте национальных проблем.

Так, многие современные исследователи описывают Францию XIX в. как империю, имея в виду не колонии, а языковые различия между этническими группами этой страны, причем речь идет не только о басках и бретонцах, но и о народностях, говоривших, как и французы, на романских языках. Вряд ли языковые различия между собственно французами и провансальцами, каталанцами, овернцами и т.д. были меньше, чем между русскими, украинцами и белорусами. Однако собственно сепаратистских движений во Франции не было, ассимиляция выглядела внешне беспроблемной, из общего фона выбивалось лишь провансальское литературное возрождение, которое, впрочем, ни в политику не перешло, ни ассимиляции не помешало.

Но Франция на тот момент уже несколько веков была сильнейшей державой континента. Еще при Людовике XIV — как и позже, при Наполеоне — она могла на равных бороться на суше со всей остальной Европой. Французам, при всей разнице между богатыми и бедными, не приходилось, как немцам, в поисках лучшей доли

массово эмигрировать ни в Америку, ни в Россию. И господство французского языка среди европейской элиты было именно следствием лидерства Франции. На таком фоне казалось абсолютным безумием говорить о разрушении такого государства, можно было вести речь лишь о его радикальном преобразовании, что и пытались делать левые движения, чей запал приостыл лишь к началу XX в.

Англия была более однородна в этническом отношении, чем Франция, — проблемой оставалась Ирландия из-за многовековой, преимущественно религиозной дискриминации, и переход ирландцев на английский язык с родного гэльского не привел к их интеграции с англичанами. Но шотландцы, чей язык отстоит от английского примерно как украинский от русского, были давно и успешно интегрированы. Англия отставала от Франции по уровню жизни, но весьма быстро догоняла ее, при этом социальные противоречия смягчались несравненно более умело, парламентаризм выглядел недосягаемым образцом для всей Европы; наконец, для социально беспокойного элемента имелся и такой выход, как переселение в колонии с климатом, близким к европейскому (другие державы такими колониями не обладали). И как в таких условиях было появиться серьезному шотландскому сепаратизму?

А Германия и Италия, в отличие от Англии и Франции, до последней трети XIX в. были не государствами, а территориями, что усиливало региональные различия между жителями этих земель. Сравнение между тогдашними немцами и русскими и украинцами выглядит особо актуально: ведь в 1918 г. офицеры оккупационной германской армии обычно говорили украинским политикам, что, на их взгляд, между украинцами и русскими не больше разницы, чем между, скажем, баварцами и саксонцами. Об этом разочарованно свидетельствовали в дневниках и мемуарах Чикаленко, Дорошенко, Донцов и многие другие деятели Гетьманата и УНР. А ведь немцам тогда не было никакого практического смысла стремиться к объединению Украины и России.

При всех региональных различиях населения Германия и Италия смогли стать едиными государствами в значительной степени потому, что большинство жителей этих территорий ощущали себя именно немцами и итальянцами. А не, скажем, пруссаками, саксонцами, неаполитанцами, венецианцами и т.д. Но сказать, что процесс был беспроблемным, нельзя: объединение оформлялось как присоединение германских государств к Пруссии, а итальянских — к Сардинскому королевству, и зачастую это происходило в результате войн.

На фоне других европейских конфликтов того времени эти войны воспринимаются как скоротечные и не слишком кровопролит-

ные. Но все же 100-дневная осада Гаэты (последнего пристанища короля Обеих Сицилий Франциска II) в 1860–1861-х — объективно событие более драматичное, чем разгром Запорожской сечи при Екатерине II. С одной стороны — гибель нескольких тысяч человек и ликвидация суверенного государства, признанного всем остальным миром, с другой — бескровная и быстрая капитуляция и ликвидация автономного образования в рамках одного государства. Наконец, к нашему времени события, связанные с Гаэтой, гораздо ближе, чем ликвидация Сечи. Однако оборона этого города не стала символом, дорогим для жителей итальянского Юга.

Социальных конфликтов и в Германии, и особенно в Италии после объединения было предостаточно. Но во всех классах общества, во всех регионах этих стран сепаратизм оставался уделом незаметной кучки маргиналов, а создание единого государства выглядело мощным импульсом к прогрессу.

Итак, имеем, с одной стороны, исторически давно сложившиеся централизованные государства — Францию и Англию с высоким уровнем жизни и динамичным развитием; там различия между близкородственными этническими группами не углубляются, а даже стираются и уж никак не угрожают государственному единству. С другой стороны, только что появившиеся централизованные государства — Германия и Италия, отстающие от Франции и Англии по уровню жизни, но резко прибавившие (особенно Германия) в темпах модернизации. И в силу успехов последней здесь различия между родственными этническими или субэтническими группами (в Германии — еще и религиозные различия) не дают почвы для сепаратизма.

Теперь Россия. По давности государственности она, конечно, ближе к Англии и Франции. Однако в модернизации явно отстает и от них, и от Германии, да и Италия опережает ее, по крайней мере в развитии политических институтов. При этом страну сотрясает революционное движение. Изрядно потряхивает и Европу, но в России потрясения глубже.

Чем принципиально отличалось российское революционное движение от движений европейских? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить, как оно именовалось: самые разные силы (и кадеты, и эсеры, и большевики) называли его «освободительным движением». Такой термин больше подходит для борьбы алжирцев с французскими колонизаторами, болгар с турецкими завоевателями, для восстания мау-мау в Кении и т.п. Но в данном случае речь идет о действиях российских революционеров, направленных против российского же правительства. Конечно, в других европейских государствах тоже были и радикальные революционеры, и серьез-

ные попытки радикальных переворотов — только понятие «освободительное движение» там не прижилось. А то, что оно прижилось в России, показывает степень ожесточенности борьбы.

И не будет ли логично предположить, что в такой ситуации сепаратизм станет появляться не только там, где он закономерен в силу религиозных, языковых различий и наличия собственной государственной традиции (Польша), но и в регионах, где различия куда более зыбки?

На фоне такого недовольства, какое существовало в стране, вполне закономерно должны были появиться варианты альтернативы существующей самодержавной системе не только в форме конституционной монархии, народнического или марксистского социализма, но и в виде самостоятельности или повышения статуса отдельных частей империи, в том числе Украины. Да, предположим, различий между русскими и украинцами на тот момент меньше, чем между пьемонтцами и сицилийцами. Но у итальянцев опыта жизни в мелких отдельных государствах предостаточно, он свеж в памяти и никого не вдохновляет, а опыта жизни в большом едином государстве еще очень мало. Поэтому, несмотря на обилие проблем, недовольные пополняют мощные ряды социалистов и анархистов, но отнюдь не сепаратистов.

Отставание России в модернизации и субъективно заостренная реакция образованного общества на эту отсталость — это именно то, что способствовало развитию национальных движений российской Украины и Белоруссии. Национальные движения были одновременно и определенной альтернативой общероссийскому революционному движению, и частью этого движения (ведь националисты обычно именуют себя социалистами). Впрочем, часть не слишком заметная, к тому же официально остававшаяся федералистской, а не сепаратистской (хотя некоторыми деятелями федерализм декларировался лишь как наиболее удобный переходный этап на пути к отдельному государству).

Отставание России обусловило и слабость государственной ассимиляции. Так, крупнейший российский специалист по украинскому вопросу Алексей Миллер[1] считает, что ассимиляционное давление на малороссов в XIX в. было довольно слабым, скоординированный план «положительных» ассимиляторских действий так и не был разработан. Да, в городах ассимиляция происходила стихийно. Но большинство населения оставалось неграмотным. В стране не

[1] См.: *Миллер А.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000.

было всеобщего среднего образования, сыгравшего такую важную роль в ограничении местных идентичностей и создании единой нации во Франции и других европейских странах.

Власть делала акцент не на позитивной ассимиляции, а на запретительных мерах. Так, в разгар польского восстания 1863 г. появился так называемый «Валуевский циркуляр», который запрещал использование «малороссийского наречия» в книгах «как духовного содержания, так учебных и вообще предназначенных для начального чтения народа». В 1876 г. император Александр II подписал «Эмский указ», еще более ограничивающий перспективы развития украинского языка и культуры, так как допускал возможность издания лишь художественных произведений. Реально оба документа выполнялись отнюдь не строго, и, во всяком случае, отнюдь не были тотальным запретом украинского языка (как нередко пытаются изобразить ситуацию сегодня). Тем не менее они стали заметным раздражающим фактором для украинского движения. В итоге репрессивные меры царского правительства привели к тому, что украинофильское движение стало намного более радикальным в своих антиимперских воззрениях.

5. Украина в годы советской власти и Второй мировой войны. Урбанизация и общий характер социальных перемен

Со свержением монархии и тем более с последующим захватом власти большевиками в России исчез легитимный центр власти, что, конечно, способствовало подъему украинского движения. Так, украинские крестьяне Правобережья, массово вступавшие в начале столетия в черносотенный Союз русского народа (ибо там надеялись найти опору против поляков и евреев), в 1918–1920 гг. пополняли петлюровские отряды.

Однако вряд ли можно говорить о массовой поддержке обществом на тот момент идеи независимого украинского государства. Оно смогло утвердиться во многом благодаря внешнему фактору — нахождению на украинской территории немецких и австро-венгерских войск и Брестскому миру, по которому большевики отказались от украинской территории. Именно немецким фактором было и предопределено после этого договора падение советской Донецко-Криворожской республики, которая пользовалась поддержкой крупнейших индустриальных центров. Но едва с окончанием Первой мировой войны исчез внешний фактор, армия УНР не смогла

оказать Красной Армии серьезного сопротивления, сравнимого, скажем, с сопротивлением белогвардейцев на Юге России.

И это тоже отражало размытость идентификации украинского населения. Для одних, в том числе и для русской интеллигенции и буржуазии, такое государство в виде украинской державы гетмана Скоропадского (фактически официально двуязычной и двукультурной) было лишь способом отгородиться от большевизма. С падением этой державы оно было готово поддержать белую Добровольческую армию, но не петлюровскую Директорию с ее русофобией и социалистическими тенденциями. Впрочем, Левобережье оставалось под контролем Петлюры считанные месяцы. Украиноязычное крестьянство напротив — предпочитало Петлюру Скоропадскому, опиравшемуся на крупных землевладельцев. Однако говорить об однородности крестьянских настроений не приходится. Повстанческое движение против Скоропадского и немцев на Юге Украины в 1918 г. возникло под анархистскими лозунгами. В дальнейшем, в 1919 г., анархисты и махновцы серьезно дестабилизировали деникинский тыл после того, как летом белые взяли под контроль большую часть Украины, в том числе все Левобережье и Юг. А вот заметного повстанческого движения под националистическими лозунгами в украинском тылу у белых не было.

А затем на большей части Украины утвердилась советская власть. Начались радикальные социальные преобразования. Проходили они в два этапа. Первый связан с образованием СССР, НЭПом и политикой коренизации, т.е. привлечения в партию и выдвижения на руководящую работу представителей коренной национальности. Так, если в 1922 г. украинцы составляли меньше четверти от общего числа членов Компартии Украины, то в 1927 г. их было там уже более половины. Получив формально свою государственность и статус равноправного члена Союза Советских Республик, Украина не была, конечно, независимой страной и подчинялась решениям, принимаемым в Москве. Но определенной долей автономии она все-таки обладала, и в 1920-е гг. эта автономия была наивысшей. Наступил период своеобразного украинского культурного ренессанса — по сути, даже не возрождения, а рождения и становления украинской культуры. Повсеместно открывались украинские школы (*ликнеп* — ликвидация неграмотности — велась на украинском языке), мощный стимул к развитию получили украинская литература, театр, кино, живопись. Украинский язык впервые стал языком массовой прессы и науки (научная терминология на украинском языке начала утверждаться и стала широко использоваться именно в это время). Начал меняться национальный состав украинских

городов. Часть вчерашних крестьян двинулась в города, но в 1920-е гг. таких переселенцев было еще относительно мало. Если в 1897 г. в городах Украины проживало 16% населения, в 1913-м — 19,4%, то в 1926 г. число горожан увеличилось всего лишь до 19,8%. На пике нэпа крестьяне не спешили покидать свои села — там им было совсем неплохо, тогда как в городах еще была массовая безработица. Зато многие горожане, ранее считавшие себя русскими, теперь почувствовали себя украинцами. Если перед революцией украинцы составляли 16% всех киевлян, то уже в 1926 г. число тех киевлян, что назвали себя украинцами, увеличилось почти втрое — до 42%. За это же время с 19 до 26% выросло в Киеве число евреев. Зато вдвое (с 50 до 25%) там уменьшилась численность русских и втрое — поляков. Кто-то менял национальность из конъюнктурных соображений, кто-то — в силу проснувшегося национального самосознания.

Но политика украинизации сопровождалась (так же, как и практически все административные начинания советского режима) перегибами, в первую очередь — вытеснением русского языка. Так, число русских школ резко сократилось, а в украинских русский язык обычно не изучали. Сократилось также число русскоязычных газет и театров. Украиноязычная терминология вырабатывалась с привлечением большого числа жителей Галиции, переехавших в УССР по приглашению ее властей. При ее создании нередко руководствовались принципом несхожести с русским языком. В результате украинские издания нередко казались малопонятными и украинским крестьянам.

Для ряда деятелей культуры, например, Н. Хвылевого, украинизация была достаточно органичным соединением националистической и коммунистической идеологий (что позже получило наименование «национал-большевизма»); для других — утверждением национализма и русофобии под коммунистическими лозунгами. Тем паче, что в первые 10–15 лет советской власти русофобия была отнюдь не чужда коммунистам и в Москве.

Потом наступила эпоха индустриализации, коллективизации и сталинской диктатуры. Коренизация была свернута (тем не менее власть следила, чтобы национальный состав партии и властных органов примерно соответствовал национальному составу республики), многие деятели украинской культуры и тем более приверженцы национал-большевизма были расстреляны или погибли в лагерях. С 1938 г. было введено обязательное преподавание русского языка во всех украинских школах.

В украинских селах, как и по всему Союзу, прошло раскулачивание, крестьян угрозами расправы загнали в колхозы, которые

обязаны были любой ценой обеспечить спущенные Москвой и неподъемные для слабых колхозов объемы госпоставок хлеба и других сельхозтоваров. В результате при первой же засухе начался страшный голод. Голод испытывал практически весь СССР — прирост смертности в 1933 г. по сравнению с 1932 г. был зафиксирован повсеместно, кроме Закавказья, Средней Азии, и имел место в том числе и в урбанизированных промышленных регионах, таких как Урал и Подмосковье. Но для власти главным было обеспечить продуктами города, получить валюту для закупок техники за рубежом (поэтому хлебный экспорт продолжался, хоть и в меньших масштабах), а крестьянами как ненадежным элементом можно было пожертвовать. Сталинское государство не только не выделило голодающим крестьянам продуктов из госзапасов, но и дочиста выгребло все, что у них оставалось. В районах, попавших в так называемый «черный список», запретили торговлю и обмен продуктами. Покидать эти районы было нельзя. То есть советская власть обрекла крестьян на голодную смерть. Украина как главный поставщик хлеба государству пострадала больше других регионов Советского Союза. Сравнимые масштабы трагедии были также и в Казахстане. В страшном 1933 году от голода погибло более трех миллионов украинцев — примерно половина всех погибших тогда голодной смертью в СССР. Особенно пострадали наиболее хлебородные регионы Востока и Юга, тогда как масштабы голода в менее специализированных на зерновом хозяйстве Правобережье и Черниговщине были заметно меньше. В городах же Украины в тот год смертность превысила рождаемость на 117 тыс. человек, хотя во все другие невоенные годы рождаемость там превышала смертность более чем вдвое.

Коллективизация разорила село, крестьяне стали, по существу, государственными крепостными, но индустриализация при этом развивалась быстрыми темпами. Естественно, этот процесс сопровождался стремительной урбанизацией. С 1926 по 1940 г. число горожан на советской Украине выросло почти на 70%. Теперь каждый третий украинец жил в городе. Да и сами города изменились. Появилось много новых предприятий в первую очередь тяжелой промышленности, особенно на востоке и юге Украины (Харьковский тракторный и турбинный заводы, Криворожсталь, Новокраматорский машиностроительный завод и др.).

В начале Второй мировой войны, в результате соглашения между СССР и Германией и пассивности западных держав в их защите Польши, к УССР были присоединены населенные украинцами Галиция и Волынь. Благодаря этим же соглашениям менее чем

через год в 1940 г. к Украине были присоединены Северная Буковина и части Бессарабии с преимущественно украинским населением. Бóльшая часть Бессарабии с молдавским населением стала тогда же Молдавской ССР, к которой отошла от Украины Молдавская АССР, занимавшая территорию нынешнего Приднестровья.

Перед началом гитлеровского вторжения в СССР Организация украинских националистов, имевшая много сторонников в Галиции и на Волыни, договорилась с нацистским командованием о сотрудничестве. Две «дружины украинских националистов» (находившиеся под немецким командованием батальоны «Нахтигаль» и «Роланд») двинулись в составе гитлеровских войск на Украину. Сразу после вступления немцев во Львов националисты провозгласили там союзное нацистской Германии, но формально независимое украинское государство. Такого рода самодеятельность не входила в планы немцев, и они лишили свободы руководителей одного из двух противоборствующих крыльев ОУН, возглавляемого С. Бандерой. Они были отправлены в немецкие лагеря, где находились в довольно комфортных, в особенности в сравнении с другими узниками условиях до своего освобождения в 1944 г. Оставшиеся на свободе бандеровцы осенью 1942 г. создали Украинскую повстанческую армию (УПА), отряды которой вели боевые действия с различной степенью интенсивности по нескольким направлениям: сравнительно ограниченные — против германских войск, более систематические — против советских партизан и бойцов польской Армии Крайовой. Одной из главных операций УПА была этническая чистка, приведшая к большому числу жертв среди польского населения Галиции и особенно Волыни. Другая часть ОУН (сторонники А. Мельника) продолжала сотрудничать с германскими войсками и в 1943 г. содействовала формированию ими украинской дивизии «СС Галичина», воевавшей против Красной Армии, а также словацких и югославских партизан.

После возвращения советской власти в Западную Украину УПА еще в течение 5–7 лет вела против нее партизанскую войну. Всего в разное время войны в боях против Красной Армии участвовало не менее 200 тыс. украинцев, но в десятки раз большее их число сражалось против гитлеровцев в советских воинских частях или партизанских отрядах.

Около десяти лет понадобилось Советскому Союзу для того, чтобы восстановить на Украине разрушенное войной хозяйство. В 1954 г. Хрущев «подарил» Украине Крым. Правда, выселенных оттуда при Сталине крымских татар туда не пускали. По всей Украине, но преимущественно на ее Востоке, продолжались процессы индустриализации (были построены такие предприятия, как «Южмаш»,

«Хартрон», Львовский автобусный завод и др.) и, соответственно, урбанизации. В начале 1960-х гг. уже половина населения страны проживала в городах, еще через двадцать лет число горожан достигло двух третей. Быстрее всего росли города восточной Украины. Перед перестройкой из 11 украинских городов с населением более 500 тыс. девять были расположены на Левобережье, один (Киев) на обоих берегах Днепра и только один Львов — на западной Украине. Продолжал меняться социальный и национальный состав жителей городов.

6. УССР как предтеча украинской независимости. Новая украинская идентичность

Советский Союз, особенно после утверждения сталинизма, стал переформатированным продолжением старой России, причем по многим параметрам централизация носила более жесткий характер. Однако для нас важно, что это переформатирование несло в себе потенциал обособления России и Украины друг от друга.

Главным итогом революционных лет стало то, что впервые территория под названием «Украина» обрела четкие официальные границы.

Да, в 1918–1920 гг. уже формально существовала украинская националистическая государственность, но в водовороте тогдашних событий она казалась почти всем эфемерным явлением; частушка «У вагоні Директорія, під вагоном — територія» — гипербола, но не столь уж далёкая от реального положения дел. А вот УССР возникла всерьез и надолго. И в дальнейшем для становления новых независимых стран долговременность их существования в четких границах даже при отсутствии полноценной независимости оказалась более значимым явлением, чем эфемерная формальная независимость УНР. Житель, скажем, Харькова или Киева в начале XX в. мог сказать о себе «Я живу в Российской империи, на Украине» только в том случае, если придерживался определенной политической позиции, идущей вразрез с официальной идеологией. А вот когда киевлянин или харьковчанин в 1930 или 1950 году говорил «Я живу в СССР, на Украине», это была просто констатация факта, который к тому же широко популяризировался официально. То есть именно с появлением УССР понятие «Украина» из существующего на уровне сознания преобразилось в материальный факт, в четко, на государственном уровне, выделенную территорию.

До 1917 г. для массы украинцев была характерна двойная идентичность (т.е. осознание своей принадлежности к отдельной ветви общерусского племени). Это во многом объясняет и слабость возникшей тогда националистической УНР — в сравнении с прибалтийскими странами, не говоря уже о Польше. Именно создание СССР с такой двойной идентичностью и покончило: Украина и Россия теперь относились друг к другу уже не как часть к целому, а как две части одного целого. Пусть за рубежом и друзья, и враги СССР чаще именовали Советский Союз Россией, чем его официальным именем, — для советских людей современная им Россия сузилась до границ РСФСР.

В советское время происходил ряд неоднозначных процессов, связанных с формированием украинской нации. С одной стороны, декларировался специфический мультикультурализм в обличье советского интернационализма и официального лозунга «дружбы народов». Существенно, что в рамках этого мультикультурализма этническая принадлежность не была частным, сугубо внутренним делом граждан, она закреплялась в официальных документах, в частности в паспортах. То есть советская власть не просто признала украинцев как отдельную нацию, она закрепляла ее сохранение, независимо от сохранения языка, ибо национальность определялась в первую очередь на основе этнического происхождения. Дети паспортного украинца могли принадлежать к другой национальности, лишь если были рождены в смешанном браке (реально выбор национальности в этом случае происходил в момент получения паспорта по желанию самого получающего).

В технических вузах, в том числе и на Западной Украине, преобладал русский язык. Объяснялось это вполне рационально: народное хозяйство всего Советского Союза представляло собой единый комплекс. Но значительная часть школьников до 1980-х гг. получала образование на украинском языке (да и в последнее десятилетие СССР их доля составляла выше 40%). А как отдельный предмет украинский язык изучало в школах абсолютное большинство населения. Да, в городах Центра и Юго-Востока число украинских школ в последние десятилетия советской власти сокращалось, но это отнюдь не всегда надо считать проявлениями административной русификации. В ряде случаев это соответствовало желаниям жителей регионов, где ранее украинизация происходила также административно. Русский язык имел бóльшую престижность как язык городской культуры, и приобщение к нему воспринималось многими гражданами, переехавшими в города из села, не как денационализация, а как урбанизация. Всё это говорит об определенной размытости этнической идентичности.

Но при этом в русскоязычной среде не было распространено негативного отношения к украинскому языку (впрочем, не было распространено оно и в царской России).

О том, что ассимиляция происходила в большинстве случае добровольно, свидетельствует и такой видный деятель украинского национального движения, как Иван Дзюба: «Я навчався в Сталінському педінституті (...сьогодні... це Донецький національний університет) на російській філології. Всі ми спілкувалися російською мовою, хоча зневаги до української в нас не було, ми її прекрасно знали. Потім мені почало відкриватися, що, зрештою, зникає цілий народ, ціла культура, ціла мова, і якщо кожен з нас не відчуватиме причетності до проблеми, то так один за одним ми зникатимемо і не залишиться нікого, хто жив би Україною»[1].

Иван Дзюба признает, что, не имея каких-либо фобий к украинской культуре, его современники не считали ее главной для себя, русская же была для них либо изначально родной (в каких-то случаях одной из двух родных), либо культурой, которую они органично и массово усваивали (в отличие, например, от тех же эстонцев, литовцев или грузин). Большинство жителей Украины, переехавших как в советское, так и в досоветское время в Россию, стали своими в русскоязычной среде. При этом речь идет об истинной ассимиляции (т.е. и в субъективном, и в объективном смысле), с которой нельзя сравнить ассимиляцию евреев, несмотря на то, что они почти исключительно русскоязычны. Ведь вероятность того, что выходца из Украины, неотличимого по языку от русских, злобно обзовут в России «хохлом», была в советское время на порядок меньше вероятности того, что столь же неотличимого по языку еврея обзовут «жидовской мордой».

Впрочем, жителям Галичины такая органичная ассимиляция была свойственна в гораздо меньшей степени. А Надднепрянская Украина дала ряд диссидентов-националистов, чьи требования в начале 1960–1970-х гг. во многом сводились к административной украинизации ряда сфер общественной жизни, то есть возвращению к модели, существовавшей в 1920-е гг.

---

[1] Перевод с укр.: Я учился в Сталинском пединституте (сегодня это Донецкий национальный университет) на русской филологии. Все мы общались по-русски, хотя пренебрежения к украинскому у нас не было, все мы его прекрасно знали. Потом мне стало открываться, что в конечном счете исчезает целый народ, целая культура, целый язык, и если каждый из нас не будет ощущать своей причастности к проблеме, то мы исчезнем, один за другим, и не останется никого, кто бы жил Украиной.

Когда первым секретарем ЦК КПУ был Петр Шелест, украинская власть пыталась лавировать и иногда шла на небольшие уступки требованиям «национально мыслящей» интеллигенции, но это вызывало недовольство со стороны московского руководства. И с заменой Шелеста на Владимира Щербицкого в 1972 г. власть перешла к более жесткому идеологическому контролю и подавлению национальной активности.

Так, изданные в то время в Украине поэтические книги почти всегда начинались с ярко идеологических советских стихов, что не практиковалось в РСФСР, не говоря уже о Прибалтике. Впрочем, это касалось книг, изданных как на украинском, так и на русском языке. А ряд пьес российских и западных авторов, успешно поставленных в театрах России и других республик СССР, не допускались к постановке на Украине (в том числе и к показу гастролирующими театрами).

В эти годы в русских школах распространялась (хотя и не была доминирующей) практика освобождения от украинского языка, что усиливало ощущение его бесперспективности.

В целом в последние десятилетия существования СССР употребление украинского языка сокращалось в сферах государственного управления и образования. Однако в гуманитарной сфере украинский язык сохранял свои позиции, причем во многом благодаря присущему СССР административному регулированию этой области: тиражи книг, количество и язык театров и т.д. — все определялось решениями партийных органов. В уже независимой Украине, когда рынок и свободный выбор стали торжествовать в сфере культуры, деятели искусства принялись жаловаться на рыночную русификацию. В УССР же советский книжный дефицит нередко приводил людей к украинскому языку, поскольку на нем можно было без проблем приобрести переводные книги западных писателей, труднодоступные («дефицитные») на русском.

УССР, конечно, не обладала реальным суверенитетом. Более того, основная масса жителей республики и не мечтала о независимой Украине (националистическое диссидентство не имело широкой поддержки в народе, кроме, возможно, Запада Украины). Однако они привыкли воспринимать Украину как свою республику в составе СССР. Так создавалась специфическая массовая украинская идентичность, связанная, прежде всего с территорией и заметно меньше с языком — не антирусская и не антисоветская, а долгие годы дополнявшая советскую идентичность, как ранее малорусская идентичность дополняла общерусскую.

«С Украиной в крови я живу на земле Украины...» — эти строки жившего в русскоязычном Харькове поэта Бориса Чичибабина появились не ради конъюнктуры, они датированы 1975 г., когда исключенный из Союза писателей поэт мог писать только в стол. А представим себе, что УССР не существовало бы, и советское пространство было бы административно устроено иначе. Скажем, как территориальная федерация с широкими правами для разных языков и культур в рамках своих субъектов. Ощутил бы Чичибабин, живя в Харькове, что живет на земле Украины, и «вошло бы ему это в кровь»? Большой вопрос!

Немало поводов для национальной гордости было и у рядовых жителей УССР. И это не только успехи киевского «Динамо», а и то, в частности, что при всем советском дефиците в украинских магазинах колбаса на прилавках была, тогда как жители областных центров Нечерноземья (т.е. регионов, где исторически возникло Российское государство) должны были за ней по выходным в Москву на электричках ездить.

Долгие годы советская модель как будто бы не создавала препятствий для пребывания Украины в переформатированном виде Российской империи, каким был СССР (за его пределами традиционно называемый Россией). Националистические настроения на большей части территории страны совершенно не ощущались. Тем не менее, Украина практически беспроблемно обрела независимость в 1991 г.

На ее территории не было не то что кровавых межнациональных столкновений, как в Грузии, Азербайджане, Молдавии и других республиках, не было даже заметных интерфронтов, как в государствах Прибалтики. При этом невозможно говорить, что независимость Украина якобы обрела без приложения усилий, а просто в результате распада Союза, как произошло с государствами Средней Азии. Напротив, именно позиция ее руководства относительно союзного договора, подкрепленная результатами республиканского опроса населения об участии в Союзе лишь на условиях Декларации о суверенитете (т.е. при приоритете республиканских законов над союзными) стала в 1991 г. одним из факторов кризиса, спровоцировавшего ГКЧП и последующий распад Союза, точку в котором поставили Беловежские соглашения, заключенные опять-таки при ведущей роли Украины.

При этом украинская ситуация выгодно выделялась на общем фоне рядом моментов, помимо указанных выше. Во-первых, Украина была единственной республикой, где власть спокойно отнеслась к автономизации на местах и согласилась в начале 1991 г. с автоно-

мией Крыма (формально территориальной, а по факту русской). Во-вторых, она также была единственной республикой, где референдум о независимости сыграл такую важную роль в государственном становлении — именно вследствие итогов этого референдума были подписаны Беловежские соглашения и начался процесс международного признания Украины. В-третьих, референдум не зафиксировал значительных различий в поддержке акта независимости в русскоязычных и украиноязычных регионах. Да, в последних «за» голосовали свыше 90% участников плебисцита при явке свыше 85%. Но и в Донецкой и Одесской областях на участки пришло три четверти избирателей, из которых за независимость голосовали 84–85%. То есть и там поддержка независимости составила свыше 60% от общего числа взрослого населения. А почти во всех прочих русскоязычных регионах она была еще больше — исключениями стали лишь Крым и Севастополь, единственные территории, где Акт независимости поддержало меньше половины общего числа населения (54% и 57% голосов пришедших на участки при явке около 2/3 избирателей).

При этом все разговоры о том, что, дескать, избиратели не знали, за что именно голосуют, что речь шла о «независимости в составе обновленного Союза», нельзя назвать иначе как недобросовестными спекуляциями. Официальная трактовка украинскими властями Акта независимости, которая тогда широко ретранслировалась населению, заключалась в том, что: 1) Украина с 24 августа является независимым государством, 2) СССР после ГКЧП де-факто нет (в официальных документах того времени неизменно говорится лишь о «бывшем Союзе»). И хотя желающие республики вправе подписать новый союзный договор, Украина этого делать не намерена. То есть утвердительный референдум подавался не как подтверждение выхода из Союза (хотя фактически он был именно об этом), а как подтверждение отказа вступать в новый Союз.

Такой успех всеукраинского референдума был бы невозможен без фактического формирования на территории УССР новой идентичности, отличной от русской, в том числе и среди русскоязычного населения. Массовости этого явления не предполагали и многие украинские диссиденты-националисты в конце 1980-х гг. Так, Вячеслав Черновол выдвигал тогда идею федерализации Украины не потому, что был последовательным и искренним федералистом, а только потому, что предполагал — лишь широкое самоуправление всех регионов, включающее в себя и культурную автономию, может сделать идею независимости привлекательной и для Донбасса, и для Новороссии. Однако оказалось, что независимость вполне осуществима и без федерализации.

Референдум оформил отделение Украины от исторической России. Но разделение этих двух понятий в сознании произошло раньше. Да, в годы Великой Отечественной многие жители Украины именовали Родину, за которую они сражаются, не СССР, а ее давним историческим названием. «...И с колыбели родина — Россия // Была для нас свободой и судьбой», — писал поэт фронтовик-киевлянин Семен Гудзенко. Так писали и харьковчане Михаил Кульчицкий и Борис Слуцкий, днепропетровец Дмитрий Кедрин и многие другие.

Однако в последующие годы для большинства людей понятия «СССР» и «Россия» разошлись. Советский Союз объективно был продолжением исторической России, но для его жителей эта связь времен всё же затушевывалась. И не только разницей в названиях. Идейной основой единства служила не вековая общая государственная традиция в различных исторически обусловленных формах правления, а конкретная экономическая система советского социализма.

А когда советская идея в начале 1990-х гг. рухнула, дискредитировав себя нарастающим товарным дефицитом в сочетании с политической несвободой, украинская самоидентификация в СССР устояла, поскольку не была идеологизированной. А вот идея триединой русской нации как массовый фактор самоидентификации была ликвидирована КПСС и советской властью. Официальное понятие советских времен «народы-братья» — это отнюдь не одна нация. Существуй вместо РСФСР, УССР и БССР единое государственное пространство даже с широчайшими правами для всех, кто хочет использовать национальные языки, масштаб распространения украинской идентичности был бы, возможно, существенно меньше. Но, как выразился первый украинский президент Леонид Кравчук, «маємо те, що маємо».

7. Независимая Украина. Факторы стабильности и нестабильности в отношениях между этнокультурными группами

К концу перестройки «лоскутное одеяло Украины» уже несколько полиняло и утратило пестроту окраски. Более ярким, чем другие, оставался галицкий лоскут. Намного уменьшилось число поляков. У венгров Закарпатья, румын и молдаван Буковины, болгар и гагаузов Одесской области или греков Приазовья были, конечно, свои проблемы, но они носили локальный характер.

Однако появились и новые факторы. В перестроечные годы получили возможность приехать в Крым крымские татары, у которых тут же начались трения с местным, преимущественно русскоязычным населением, в основе которых, как правило, лежал земельный вопрос. Почти сошел на нет государственный антисемитизм, но многие евреи уже уехали за рубеж или к этому готовились. На идише уже почти никто не говорил, и особого желания развивать культурные традиции еврейской диаспоры на еврейских языках ни у кого не было.

А главное — с момента провозглашения независимости Украины большинство межнациональных проблем служили лишь фоном, на котором отчетливее всего проявлялось размежевание украиноязычной и русскоязычной частей украинского общества.

Правда, в настоящий момент это размежевание носит менее острый характер, чем национальные проблемы в ряде европейских стран, в том числе и тех, которые в отличие от Украины не принято считать расколотыми. Можем ли мы представить следующую ситуацию: в Киеве или в любом из украинских городов футбольная сборная Украины играет со сборной какого-либо государства. Трибуны на 80% заполнены украинскими гражданами, которые начинают матч с дружного освистывания национального гимна, а затем болеют за близких себе по этническому происхождению соперников родной сборной. И болеют настолько неистово, что под конец сорвут матч, выбежав на поле, а украинские футболисты признают, что ни в одной стране не играли в более враждебной атмосфере.

Такое в современной Украине невозможно. А в сердце старой Европы это было не так давно. Придуманный нами эпизод действительно произошел осенью 2001 г., только не в Украине, а во Франции (товарищеский матч на парижском «Стад де Франс» между Францией и Алжиром, с размышлений о котором начинался раздел «интеграция» в предвыборной программе Жака Ширака в 2002 г.). А ведь Франция — страна куда более однородная, чем Украина, если брать историю ее регионов. Недавняя волна мигрантов сделала ее несравненно более пестрой, чем она была на протяжении веков, однако ее и сейчас принято считать монолитной.

Конечно, не стоит говорить, что в Украине все благополучно. Этнокультурные конфликты в стране выглядят своего рода «зарытой в землю миной», которая пока что, вроде бы, ничем не опасна... но осталась не разряженной, и потенциально способной «рвануть».

Попробуем трезво рассмотреть факторы, которые способствуют стабильности в отношениях между этнокультурными группами в Украине, и факторы конфликтогенные, работающие на нестабильность в этой сфере.

Факторы стабильности

1. Близость украинского и русского языка, которые являются взаимопонятными в ряде сфер, в частности, в бытовом общении. Очевидным доказательством этого является, в частности, двуязычие парламентских дебатов, многочисленных как политических, так и не политических ток-шоу, а также одновременное комментирование футбольных матчей русскоязычным и украиноязычным комментаторами. Такое сосуществование языков не создает никаких проблем ни участникам, ни зрителям передач. С другой стороны, эта языковая близость помогает желанию приспособиться к административному регулированию языковой сферы, а не сопротивляться ему. В наше время речь идет о приспособлении к украинизации (но ранее этот же феномен проявлялся и при русификации).

2. В силу подобной близости существование русскоязычного и украиноязычного населения не привело к разделу страны на две общины по образцу Прибалтики. Элементы общинности присутствуют лишь в явно моноэтнических регионах (например, среди украинцев Крыма и русских Львова), а в регионах, наиболее смешанных по языку (в частности, в Киеве), напрочь отсутствуют. Все соцопросы фиксируют малую степень взаимного отчуждения русских и украинцев и тем более украиноязычных украинцев и русскоязычных украинцев, хотя в последнее десятилетие уровень социальной дистанции нарастал. В то же время обращает на себя внимание языковая «согласованность» семейных пар: так, 95% из тех, кто говорит с супругом/ой только на украинском, сообщает о том, что и его партнер по отношениям общается с ним на украинском. То же соотношение и в группе тех, кто говорит с супругом только на русском: 95% респондентов сообщили, что и их супруг/а общается с ними на русском. Это свидетельствует о склонности украинцев с более высокой вероятностью формировать семьи с представителями «своей» языковой группы.

3. Отсутствие заметных сепаратистских или ирредентистских движений. Нет чего-то и близко похожего на кипрское движение за энозис, молдавское движение за объединение с Румынией и т.д. Даже в пик обострения крымской проблемы установить контроль над автономией было очень просто, подчинив милицию на полуострове столичному МВД. Тогда как в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и других горячих точках постсоветского пространства (да и не только там) так решить проблему было бы невозможно: местная милиция все равно не подчинилась бы центру.

4. Отсутствие массовых партий, объединяющих крупнейшее меньшинство страны — русское. Картина, являющая разительное отличие в сравнении с Румынией, Словакией, Македонией, Испанией, Финляндией и другими странами, где подобные партии играют важную роль в жизни страны. Да, Партия регионов и Коммунистическая партия Украины (КПУ) имеют успех в большой степени благодаря декларированному вниманию к нуждам русскоязычного населения. Но все же их правомерно считать суррогатами русских партий, а не русскими партиями как таковыми.

5. Отсутствие заметной общественной поддержки идее федерализации страны. Более того, даже идея выборности глав областей не находится в центре общественных дебатов. В результате Украина оказывается сверхцентрализованной страной в сравнении с государствами ЕС, куда она стремится. Даже автономия Крыма является гораздо меньшей по сравнению с самоуправлением любого французского региона или департамента, ибо во Франции главы территориальных единиц избираются без участия центра.

6. Традиция мирного решения проблем, чему способствует практика смены власти в результате выборов.

7. Убежденность большой части населения, прежде всего в русскоязычных регионах, что все проблемы должно решать государство. И вытекающая из этой убежденности слабая общественная активность.

8. Украинская самоидентификация основной массы населения, что ярко проявляется в отношении к спортивным соревнованиям. Ведь спортивная сборная страны — это мощный инструмент гражданско-национальной самоидентификации, который не существовал в прошлом. Подобная сборная есть, в сущности, образ государства, состязающегося с другими государствами, причем образ, полностью отделенный от государственной машины (депутатов, полиции, армии), а потому, как правило, более привлекательный. В XIX в. таких образов государства не существовало, и единственной формой очевидного состязания государств была война (экономическое соперничество обычно протекает невидимо для глаза).

Это подтверждается и результатами опросов о том, как бы повели себя украинцы в случае повторения референдума 1991 г. 52% опрошенных Киевским международным институтом социологии поддержали бы акт провозглашения независимости в случае повторения референдума, проводившегося в 1991 г. При этом 25% проголосовали бы против акта о независимости. Не принимали бы участие в таком референдуме 11% опрошенных, а 13% участников опроса затруднились ответить.

9. В ряде сфер языковое законодательство соблюдается нестрого, а в других сферах языковое регулирование фактически отсутствует (интернет, кабельное телевидение, печатные СМИ). Поэтому многие русскоязычные жители страны не ощущают какого-либо ущемления.

Факторы нестабильности

1. Традиционный электоральный раскол страны, который коррелирует с распределением населения по языку и, отчасти, по политическим взглядам.

2. Более высокий градус этнической нетерпимости среди политиков и других элитных групп, прежде всего гуманитарной интеллигенции.

3. Распространенность боязни исчезновения или маргинализации украинского языка. Она во многом основана на том, что во многих регионах этот язык мало присутствует в бытовой сфере и в ряде других, несмотря на то, что по данным переписей он является родным языком для большинства населения соответствующих регионов.

4. Распространенность убеждения, что для единства страны необходим один государственный язык при отсутствии каких-либо существенных прав для других языков. И это абсолютно не соответствует подходу к языковым вопросам тех европейских стран, где лингвистическая ситуация хоть немного напоминает украинскую.

5. Присущее широкому сегменту политиков и гражданского общества восприятие распространенности русской культуры в Украине как угрозы независимости страны.

6. Долгое отсутствие законодательных гарантий присутствия русского языка в ряде сфер общественной жизни, где тому есть очевидная потребность (сейчас эти гарантии формально даны законом Колесниченко–Кивалова, но еще неясно, как он будет работать). Стремление ряда влиятельных политиков зарегулировать языковую сферу в духе, не имеющем аналогий в цивилизованных странах.

7. Реабилитация тоталитарных идеологий и практик широкой частью общественно-активного населения. Речь в первую очередь об ОУН-УПА. Полная реабилитация сталинизма коммунистами объективно выглядит меньшей опасностью, так как не опирается на активность гражданского общества, левый фланг которого является очень слабым.

8. Бедность большинства населения и трактовка нынешней оппозицией этого социального явления как национального (украинский народ грабится неукраинской властью, «ордой»).

9. Предпосылки распространения идеологии национал-радикалов на русскоязычные регионы вследствие роста миграции из третьего мира и мусульманских республик СССР, прежде всего в крупные города. При этом, в отличие от Западной Европы, мигранты не находятся внизу социальной лестницы, а зачастую выступают работодателями, то есть эксплуататорами местного населения. Социальные проблемы приобретают национальный оттенок, чем пользуются политики.

10. Внешнее влияние. В частности, применение Западом двойных стандартов при подходе к языковым проблемам в Украине и на прочей территории Европы (например, заключения Венецианской комиссии[1] о языковом законодательстве Украины и Словакии). Особую опасность представляет толерантное отношение Запада (на уровне исполнительной власти ЕС и отдельных стран) к союзу оппозиции с социал-националистической (иначе говоря, нацистской) партией Всеукраинское объединение «Свобода».

Все эти факторы находятся друг с другом в сложном взаимодействии. Нельзя говорить о том, что факторы стабильности просто уравновешивают факторы нестабильности. Порой они нестабильность провоцируют. Например, пассивность русскоязычного населения в отстаивании своих прав способствует дискриминационным инициативам в языковой сфере.

8. Две или три Украины?

Украинские выборы неоднократно давали объективные основания говорить о наличии двух Украин, разделенных по линии языковых предпочтений и отношению к выбору вектора интеграции. Но при этом данные предпочтения занимали высокие строчки в рейтинге личных приоритетов у явного меньшинства населения. Тем не менее, можно согласиться с гипотезой директора Киевского международного института социологии Валерия Хмелько: хотя гуманитарные проблемы называют главными не так много граждан и на Западе, и на Востоке, эти проблемы в ходе политического выбора все равно играют заметную роль, выступая на подсознательном уровне как маркер «свой — чужой». Поэтому-то Запад предпочитает голосовать за украиноязычных, а Восток — за русскоязычных.

---

[1] Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) при Совете Европы.

И все же, в принципе соглашаясь с гипотезой Хмелько, правомерно говорить не о двух Украинах, а о трех. При этом третья находится и на Западе, и на Востоке. Это граждане, для которых языково-культурные вопросы не особенно важны. А на первом плане для них другое — уровень жизни, степень коррупции, отношение к сохранению среды обитания и т.п.

Насколько велика эта третья Украина, трудно сказать. Исследование этой темы — дело будущего. Но факт остается фактом: результаты у противоположных политических сил на выборах в каждом регионе с каждым разом меняются, то увеличиваясь, то уменьшаясь на несколько процентов. Речь в данном случае идет не о результатах отдельных партий или кандидатов в президенты, а о результатах двух групп партий и кандидатов, одну из которых можно условно назвать «оранжевой», а другую «антиоранжевой».

Подобные изменения в несколько процентов могут показаться незначительными, однако они не типичны для стран, имеющих межнациональные проблемы и этнические партии. Так, можно буквально до десятой доли процента спрогнозировать, сколько наберет венгерская партия на выборах в Румынии, албанские партии — в Македонии, шведская — в Финляндии. Этот результат соответствует доле избирателей данного этноса среди избирателей страны. В Украине такое прогнозирование невозможно. Впрочем, Украина не является в этом исключением. В испанских Каталонии и Стране басков, где остро стоит проблема самоопределения, также часть избирателей колеблется между местными умеренно сепаратистскими партиями и общеиспанскими.

Фактически все ведущие участники украинских выборов в последние годы строили кампанию из расчета, что «в своей» Украине они автоматически выигрывают (надо только не посылать избирателю очень разочаровывающих сигналов), но ключ к победе дает успех в *третьей* Украине. Именно поэтому и побеждали Ющенко в 2004 г., а Янукович — в 2010 г.: за счет критической массы избирателей не в своих регионах.

Теперь о том, вокруг чего идет противостояние «двух Украин». На наш взгляд, неверно говорить о том, что идет борьба приверженцев украинской самоидентификации с приверженцами самоидентификации русской.

Что такое самоидентификация? Это то, как сам человек определяет, кто он и где он живет. Например, в Югославии косовский албанец мог считать себя живущим в Югославии югославским гражданином албанской национальности, а мог считать себя албанцем, живущим на албанской земле, захваченной сербами. Как известно,

второй вариант был куда более массовым. Но вернемся к Украине. Украинец из Полтавы — если мы говорим о дореволюционных временах — мог определять себя как: 1) российского подданного из Полтавской губернии; 2) российского подданного из Украины; 3) украинца, живущего на украинской земле, захваченной Россией, и т.д. Но второй и особенно третий вариант, а также сходные с ними были, несомненно, мало распространены.

В годы существования СССР в силу самой модели государственного устройства был дан мощнейший импульс для украинской идентификации. Абсолютное большинство жителей УССР, независимо от места жительства, языка и национальности, легко могли сказать о себе: «Я живу на Украине, в Советском Союзе». И — что крайне важно –добавить: «Я живу на своей земле». Ибо чувствовали себя своими в окружающем обществе. А это значит, что уже тогда народ Украины легко вписывался в понятие политической нации, но с одной особенностью — для большей части этой нации украинская самоидентификация не являлась антироссийской, а напротив — сочеталась с явными симпатиями и к России, и к русской культуре. Однако для меньшей части (которая при этом составляет большинство как в некоторых регионах, так и в ряде элитных групп — литераторы, дипломаты и т.п.), украинская самоидентификация мыслима, прежде всего, как антироссийская.

То есть налицо две трактовки нации. В одном случае — это просто общность людей, которые считают Украину своей страной. В другом — общность людей с определенными политическими позициями. Например, общность людей, объединенных: а) украинским языком, б) ненавистью к «колониальному прошлому в составе СССР и России», в) скорбной памятью о Голодоморе, г) почитанием ОУН-УПА. Именно эту общность третий президент Украины В. Ющенко и называл «моя нация».

Где проходят силовые линии противостояния между двумя Украинами? В политическом плане — это выбор вектора развития: интеграция в ЕС или экономический союз с Россией и другими желающими того странами СНГ. Но ни в одном из вариантов речь не идет об утрате независимости.

Да, соцопросы фиксируют достаточно высокую долю граждан, которые выступают за вхождение Украины в Союз России и Белоруссии или поддерживают создание общего государства Украины, России и Белоруссии. Однако такие идеи, на наш взгляд, — отражение советско-украинской идентичности, которая исходит из мифологического восприятия СССР как некоего союзного государства,

каким он был задекларирован, а не жестко централизованной страны, руководимой Политбюро ЦК КПСС.

А если бы такое общее государство стало реальностью, отнюдь не ясно, какой долей украинского суверенитета были бы готовы поступиться украинские приверженцы восточнославянской общности страны. Важно, что все вышеописанные проекты предполагают создание новой гипотетической страны на базе существующих, а не проект присоединения к уже существующему большому государству (идея, популярная в различные времена в Австрии, в Молдавии, на Кипре). Идея прямого присоединения к России отнюдь не так популярна, как идея вхождения в Союз России и Белоруссии. И почти не имели поддержки в украинском обществе ни действия России под Тузлой в 2003 г., ни идея продать Российской Федерации газотранспортную систему.

Что же касается языка, то силовая линия противостояния проходит не между идеей украинского одноязычия и государственного двуязычия, а шире — по линии отношения к русской культуре («своя», по крайней мере для части граждан Украины, культура или же одна из мировых культур, влияние которой в силу исторических обстоятельств надо ограничивать).

И объективно отечественная борьба «двух Украин» — это не борьба за или против создания украинской политической нации. Это борьба за направленность этой политической нации, но под видом борьбы за ее создание, ибо ряд политиков (самый яркий пример здесь экс-президент Ющенко) использует прилагательное «украинский» исключительно в идеологическом смысле, а неугодный для них взгляд на историю и культуру именуют «малороссийским». Русскоязычная часть Украины воспринимается ими в лучшем случае исключительно как временное явление. Как выразился автор скандального романа-бестселлера «Черный ворон» Василь Шкляр: «Мені потрібна країна в межах моєї мови» [1].

Популярна точка зрения о том, что если в польской Украине «украинский проект» состоял в том, чтобы противопоставить себя Польше, то в русской Украине он состоял в том, чтобы противопоставить себя России. Вот почему, невзирая на глубочайшую близость между украинцами и русскими, а в некотором смысле, именно благодаря ей, антирусская идея имела с начала XX в. популярность среди украинской элиты.

Именно естественность ассимиляции в русскую среду и отрицание особых отличий между украинцами и русскими у одной части

[1] Перевод с укр.: Мне нужна страна в пределах моего языка.

общества и вызвала такой протест у другой. Этот протест и породил желание украинских интеллигентов приписывать России и русским все реальные и мнимые грехи, возможно в подсознательной надежде на то, что накал ненависти предотвратит расширение русскоязычия. Ибо русскоязычная Украина для них не Украина вовсе, а русскоязычные соотечественники для них — янычары.

Обращает на себя внимание, что, скажем, градус русофобии в среде польских или литовских интеллектуалов примерно соответствует тому же градусу в народной среде этих стран. А вот у народа украинского, согласно соцопросам, такой фобии нет, по крайней мере, за пределами Галичины. В отличие от верхушки интеллигенции, особенно литературной.

Можно задать себе вопрос, разве в иных культурах мы не найдем примеров фобий или просто неполиткорректности? Разве у Достоевского нет неприятных слов в адрес поляков и евреев? Разве нет русофобии у польских, литовских и других писателей? Все это так. Однако здесь важно понять, какое место занимают фобии в той или иной культуре, имея в виду, прежде всего ее вершинные достижения. Так, если мы будем знать русскую литературу без подобных проявлений, подобное незнание не слишком исказит представление о ней.

Если сравнивать каждую из культур с большим зданием, то в одном строении ксенофобия окажется куском обвалившейся штукатурки, в другом — не слишком заметным архитектурным излишеством. В сегодняшней же украинской культуре русофобия — несущая конструкция если не всего здания, то его значительной части. Однако еще во времена СССР, а тем более в нынешней Украине можно говорить о принятии огромной частью населения русской культуры, а не о его превращении в русский этнос, т.е. о русскоязычной Украине, а не о России в Украине (впрочем, хотя эти два понятия нельзя смешивать, нельзя их и навязчиво противопоставлять). Число тех, для кого информация и культура на русском языке просто элемент их привычной частной жизни, несравненно больше «политических русских», тех, кто, например, в преобладании русского языка в поисковых запросах в Интернете видит политический акт (впрочем, видят здесь политику и украинские националисты, так что крайности сходятся).

Да, за два с лишним десятилетия независимости Украина не стала более украиноязычной страной, чем была на момент ее обретения.

Удачная методика определения удобного языка общения респондента разработана Киевским международным институтом социологии. При проведении репрезентативных социологических исследований, начиная с 1991 г., интервьюеры в начале интервью

с помощью нескольких вопросов определяют, какой язык является более удобным, комфортным для респондента. Наличие таких данных, которые собираются в течение 18 лет по одной и той же методике на больших выборках, позволяют отследить динамику реальных предпочтений в выборе *удобного* языка общения украинцами.

Таблица 3.1

Динамика выбора удобного языка интервью украинцами с 1991 по 2008 г.[1]

	1991–1994	1995–1999	2000–2003	2004	2005	2006	2007	2008
Украинский	44	49	48	46	48	47	47	46
Русский	56	51	52	54	52	53	53	54

В целом тенденции таковы:

— на протяжении 17 лет независимости (с 1991 по 2008 гг.) доля выбирающих украинский язык как удобный ни разу не превысила 50%;
— на протяжении этого периода доля тех, кто выбирает русский язык как удобный, всегда была выше 50%;
— на протяжении этого периода доля тех, кто выбирает русский язык как удобный, всегда была выше доли, выбирающих украинских язык как удобный;
— на протяжении этого периода распространенность украинского и русского языков менялась незначительно.

Такая ситуация создает благоприятную почву для опасений по поводу перспектив украинского языка. На наш взгляд, эти опасения явно преувеличены, ибо если он выжил, несмотря на века украинской безгосударственности, то несомненно выживет и сейчас. Вопрос в другом: может ли он стать явно доминирующим языком общения в Украине или будет одним из двух языков и при этом в некоторых регионах останется языком меньшинства?

Однако очевидно, что широчайшая распространенность русского языка в Украине не стала мало-мальски серьезной угрозой ее государственности. Тем не менее, хотя власть в стране маятникообразно переходила от представителей Запада к представителям

1 *Хмелько В.* Лінгво-етнічна структура України (http://www.library.ukma.kiev.ua/e-lib/NZ/NZV32_2004_sociol/01_khmelko_vye.pdf).

Востока и наоборот, эти переходы не мешали неуклонному ограничению русского языка в ряде сфер общественной жизни. В одних случаях это ограничение было нормативным и не слишком подкрепленным практикой, в других (как, например, образование и телерадиовещание) оно было эффективным.

Правда, все это происходило до принятия в 2012 г. закона Колесниченко–Кивалова, однако говорить о реальном значении этого акта еще рано. А то, что предыдущая политика могла иметь успех, говорит и о состоянии русскоязычной общины.

На наш взгляд, ее настрой — это во многом результат сохранения в этой среде советской психологии. Ведь среди русскоязычных граждан Украины ностальгирующих по советским временам больше.

В советском обществе самостоятельность и инициатива, идущие независимо от государственной линии (а тем более вопреки ей), не поощрялись, а порой считались преступными. Уровень самоорганизации общества был очень низким (что признает даже такой апологет СССР, как Александр Зиновьев). С другой стороны, существовала традиция сочетать адаптацию к власти с тихим игнорированием ее там, где это возможно. Потому-то русскоязычные практически не прибегали к акциям протеста, не имеют своих политических партий и чрезвычайно пассивны в создании структур гражданского общества.

В целом люди с советской психологией — это люди если не покорные власти, то, по крайней мере, внешне лояльные. А что такое языковые проблемы для жителей Харькова, Донецка или Одессы? Это не проблемы отношения русскоязычной общины с украиноязычной (последняя на этих территориях просто незаметна в быту). Это проблемы отношения людей и власти, которая регламентирует языковую сферу[1]. А советская психология предполагает согласие с правом государства многое регламентировать.

Кроме того, советская идеология постоянно (хотя и не слишком успешно) транслировала гражданам идеи — базис важнее надстройки, проблемы производства важнее проблем культуры и духовности. В современной Украине следствием усвоения этой идеи

[1] Поэтому несостоятельны утверждения тех политиков, которые обосновывают полную украинизацию необходимостью интеграции общества. Русскоязычный житель юго-восточной половины Украины может быть не интегрирован в окружающее общество по социальным или медицинским, но отнюдь не по языковым причинам — ведь его окружают сплошь такие же русскоязычные. Поэтому для данной половины украинизация может быть только попыткой интеграции местного общества с государством, исключительно на условиях самого государства.

является то, что в ходе выборов для русскоязычной общины вопрос языка оказывается более второстепенным, чем для украинской. Так, доля сторонников государственности русского языка в электорате оранжевых партий («Батькивщина», «Удар»), была более заметной, чем доля противников этой идеи среди избирателей ПР и КПУ. Хотя «оранжевые» не делали ни малейших шагов в пользу поддержки хоть какого-либо правового статуса русского языка. Напротив, борьба с законом Кивалова–Колесниченко была одним из главных пунктов их предвыборной кампании.

С другой стороны, проблема языкового регулирования смягчается для русскоязычного населения из-за огромных легальных возможностей обойти украинизацию информационно-культурной сферы. Ведь кабельное и спутниковое телевидение беспрепятственно транслирует российские каналы, а интернет во многом вытесняет традиционные СМИ и заменяет традиционные способы доступа к литературе и искусству. Таким же амортизатором выступало и несоблюдение законов со стороны власти — госчиновники в русскоязычных регионах всегда предпочитали общаться с населением на русском (законом Колесниченко–Кивалова эта практика легализована).

Но можно ли априорно предполагать, что дальнейшая ползучая украинизация будет обречена на успех и при этом, в силу описанных психологических особенностей общества, конфликт двух культур не обострится? Думается, утверждать так было бы рискованно. Ибо логика идеологов «украинской Украины» легко ведет их на опасный путь.

Ведь каков их главный тезис: один государственный язык необходим, чтобы объединить страну. Поэтому отвергается использование русского в общении с органами власти, в суде, рекламе и т.д. Однако трудно встретить людей, которым бы нравилось смотреть рекламу, независимо от того, на каком языке она звучит. Для абсолютного большинства граждан лицезрение рекламы, равно как и общение с представителями власти и судьями — это очень малая часть активного и пассивного использования языка. Куда чаще, чем с чиновниками, общаются они с продавцами магазинов, друзьями, знакомыми и т.д. Поэтому одноязычие в сугубо официальных сферах не может объединить страну, ибо в основном люди живут вне этих сфер.

На самом деле отсутствие единства Украины для ряда политиков и интеллигентов заключается прежде всего в том, что многие ее граждане говорят по-русски, тогда как надо, чтобы они говорили по-украински. Как правило, это внятно не артикулируется (курьёзным исключением из этого правила выглядело обращение к русско-

язычным жителям страны на митинге в июле 2012 г. одного из лидеров оппозиции Арсения Яценюка: «Вы наши братья, хотя до сих пор не разговариваете на украинском. Но мы вас обнимем, и вы будете разговаривать на украинском».)

И естественно, что такая позиция вылилась в законопроект, предложенный видными депутатами трех оппозиционных фракций нынешнего созыва парламента[1], который предлагает осуществлять на украинском языке не только все образование, но и медицинское обслуживание, ликвидирует де-факто двуязычные ток-шоу на телевидении и русскоязычную прессу (возможность использования неукраинского языка в ряде сфер по нему существует лишь в регионах, где представители соответствующей этнической группы составляют больше половины населения). Думается, если бы законопроект удалось провести, то его авторы на этом не остановились бы. Логика привела бы их и к контролю над Интернетом в виде ограничения доступа к русскоязычным сайтам (ведь печатная пресса, которую намерен контролировать закон, все больше уступает место сетевым изданиям), и к украинизации общения продавцов с покупателями, и другим мерам, которые нельзя расценить иначе, чем тотальное вмешательство в частную жизнь.

Не разожмется ли тогда постепенно сжимаемая пружина и не изменится ли нынешняя самоидентификация русскоязычного населения? Ведь такая самоидентификация — дело не одностороннее. И при таких ограничениях русскоязычный человек, который сегодня принимает свою жизнь в Украине как данность, не считая, что живет в чужой стране, уже не будет считать Украину своей страной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В заключение резюмируем наиболее существенные черты нынешней этнокультурной ситуации в Украине.

Как по этнической, так и по языково-культурной самоидентификации подавляющее большинство (около 95%) населения относится к двум группам: по национальности — украинцы и русские, по языку — украиноязычные и русскоязычные.

При этом две названные самоидентификации не совпадают. Если по этнической идентификации украинцы существенно перевешивают, то по языковой имеет место паритет — доли людей, назвавших родным один или другой из указанных языков, близки.

---

[1] В его авторском коллективе числится и бывший глава мониторингового комитета ПАСЕ, министр юстиции при Кучме и Ющенко Сергей Головатый, избранный в Раду созыва 2007–2012 гг. по списку Партии регионов.

В плане межнациональных отношений Украина является относительно благополучной страной. Напряжённость конфликтов на национальной почве в ней значительно меньше, чем едва ли не во всех странах бывшего СССР, да и во многих странах Европы. Заметная конфликтность сохраняется в отдельных регионах. Это прежде всего противостояние крымско-татарского и славянского населения в Крыму, а также неприязнь основного населения к нескольким малым этническим группам, например, к ромам (цыганам). Проблемой для еврейской общины являются проявления антисемитизма, впрочем, не превышающие его уровень во многих европейских странах. При всей значимости упомянутых межнациональных конфликтов для отдельных людей и этнических групп, отметим, что в зоне их влияния оказывается сравнительно небольшая часть населения Украины.

Совершенно иной характер носит возникшее в независимой Украине противостояние на языково-культурной почве. С одной стороны, как показывают социологические исследования, пока это противостояние является предметом серьёзного беспокойства и дискомфорта для относительно небольшой доли населения Украины. С другой, учитывая размеры контингента, интересы которого так или иначе при этом затрагиваются (украино- и русскоязычные, т.е. 95% населения Украины), сохраняется потенциальная угроза перерастания этого противостояния в широкомасштабный конфликт. Есть и другая, на первый взгляд менее опасная, но всё же крайне нежелательная возможность развития событий: жёсткое подавление языка и культуры около половины населения страны, вопреки протестам ее меньшинства (исчисляемого, однако, миллионами) при молчаливом безразличии большинства.

Сегодня языково-культурное противостояние практически не чувствуется на уровне межличностных отношений. Гражданин Украины, как правило, хорошо понимает оба основных языка и даже, если предпочитает пользоваться одним из них, терпимо относится к тому, что собеседник употребляет другой. Велика доля двуязычных, причём многие из них затрудняются определить, какой из двух языков является для них родным. Само языково-культурное противостояние в основном создаётся усилиями политиков и общественных деятелей, строящих по своим лекалам «идеальное государство» с единым народом, единым языком, единой культурой, единой церковью. Свой вклад в противостояние вносит и находящаяся на другом краю группа маргинальных общественных деятелей, всё ещё «не признающих» ни украинского языка, ни украинского государства.

Трудно предвидеть, в какую сторону будет развиваться имеющееся на сегодня языково-культурное противостояние — снижения или перерастания в масштабный конфликт. Это зависит от развития общеполитической ситуации в стране. Надежды на минимизацию потерь от этого противостояния можно связывать с его в значительной мере искусственным характером, находящимся в противоречии с достаточно высоким уровнем толерантности абсолютного большинства населения Украины.

Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины

Антон Финько

1. Мультикультурализм как политическая тенденция

Прежде всего отметим, что здесь и далее «мультикультурализм» мы истолковываем следующим образом:

- во-первых, в качестве подчеркнуто толерантной и гибкой государственной политики, связанной с поощрением или, по крайней мере, признанием культурного разнообразия, а равно и прав различных этнокультурных групп, а также политики отказа от интеграции общества на основе моно-культурной, как правило, одноязычной ассимиляции,
- во-вторых, как набор теоретических конструкций, оправдывающий данную направленность культурной политики.

Некоторые (хотя и не совершенно точные) исторические аналогии в отношении мультикультурализма можно усмотреть в разработанной еще на рубеже XIX и XX вв. классиками австромарксизма О. Бауэром и К. Реннером теории экстерриториальной культурно-национальной автономии (кстати, оба они уделяли соответствующее внимание украинскому/русинскому вопросу), подвергавшейся резкой критике со стороны В. Ленина. Австромарксисты призывали признать, что принцип национального самоопределения, осуществляемый лишь на территориальной основе, ведет к усилению межнациональных конфликтов.

В этой связи О. Бауэр заявил о том, что нацию следует конституировать в качестве не территориальной корпорации, а сугубо личного, персонального союза, что позволило бы сосуществовать в рамках одного государственного образования двум или нескольким самоопределившимся нациям[1]. Отсюда легко было сделать вывод о необходимости государственной поддержки культурного разнообразия.

В то же время между этими двумя направлениями есть и различия. Во-первых, «в Европе среди экспертов и политиков уста-

[1] См.: *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1918. С. 104–106.

новилась неписаная конвенция, по которой «мультикультурализм» относится только к иммигрантам, но не «традиционным» меньшинствам»[1]. Во-вторых, теория культурно-национальной автономии разрабатывалась для Австро-Венгрии — изначально многонациональной и многосоставной страны, представлявшей собою дуалистическую династическую монархию, а не национальное государство. В-третьих, мультикультурализм на теоретическом уровне разрабатывается ныне по преимуществу авторами англосаксонского происхождения (Чарльз Тейлор, Майкл Волцер, Уилл Кимлика), в то время как Карл Реннер и Отто Бауэр были носителями классического континентального европейского мышления, причем последний стремился сочетать марксизм и кантианство.

Известную аналогию можно провести также между мультикультурализмом и «коренизацией» — проводившейся в 20-е и начале 30-х годов прошлого века в Советском Союзе политикой по продвижению национальных языков, национальных кадров и национальных культур. Так, на территории Украины в то время в рамках «коренизации», помимо интенсивно проводившейся и затронувшей все сферы общества масштабной украинизации, предпринимались меры по развитию системы образования, издательского дела, научных и просветительских структур еврейского, польского, немецкого, молдавского, чешского, греческого, болгарского, армянского этнических меньшинств. К примеру, осуществлялась политика «эллинизации» украинских греков, предполагавшая создание новогреческих школ, издание газет и литературных альманахов, открытие национального театра в Мариуполе, изучение местных греческих диалектов.

Достаточно скорое сворачивание политики «коренизации» не отменило того обстоятельства, что вплоть до своей кончины советская политика носила амбивалентный, очень сложный и многокультурный характер, сочетавший мощную централизаторскую «ползучую» русификацию (теория «неуклонного сближения всех наций и народностей» в рамках единой общности — «советского народа») с дозированной, но достаточно весомой поддержкой этнокультур и языков титульных народов, входивших в состав Советского Союза, исподволь подпитывавшей местные этнонационализмы[2]. Однако в отличие и от современного мультикультурализма, и от культур-

---

[1] *Осипов А., Никифиров И.* Национально-культурная автономия. Идея и реализация: эстонский опыт. Таллинн: Центр информации по правам человека, 2008. С. 36.

[2] Этой мыслью мы обязаны *Д.И. Кирюхину* (см. его статью в настоящем издании). Автор также признателен А.К. Толпыго и В.А. Белецкому за ценные советы.

но-национальной автономии, эта модель в устоявшемся виде имела четкую территориальную привязку, увязывая титульные «советские нации» с собственными государственно-правовыми образованиями (республиками и автономиями), в то время как, в отличие от ситуации 1920-х и начала 1930-х гг., забота об этнокультурных интересах нетитульных этносов была минимизирована или же вовсе сведена на нет.

В литературе мультикультурные подходы принято противопоставлять или ассимиляционной в отношения иммигрантских меньшинств североамериканской идее «плавильного котла», или же сформировавшейся в XX в. в странах Западной Европы и Северной Америки традиционной модели «гражданства как набора прав» умеренного социально-демократического или либерально-демократического толка. Последняя модель предполагала интеграцию общества на основе утверждения общей национальной культурной идентичности среди граждан в рамках государства всеобщего благосостояния, причем идентичности, распространяемой повсеместно и на рабочие наемные слои.

Эта традиционная модель нациестроительства, по мнению Уилла Кимлики, нашла свое обоснование в трудах британского социолога Томаса Хэмфри Маршалла, исходившего из того, что «гражданство есть не просто некий правовой статус, определяемый набором прав и обязанностей. Это также и идентичность, выражение чьего-либо членства в политическом сообществе. И его [Т.Х. Маршалла] аргументация в пользу расширения прав гражданства так, чтобы они включали социальные права, такие как право на здравоохранение и образование, заключалась именно в том, что это помогло бы развитию общего чувства принадлежности к нации и национальной идентичности. [...] Маршалл исходил из того, что культурная интеграция хороша для рабочих, поскольку они, конечно, являются англичанами по рождению, т.е. англичанами по этничности, религии, языку. Они должны быть совладельцами национальной культуры, поскольку это их национальная культура. [...] Богатые скорее предпочтут теннис реслингу, или читать «солидную, а не бульварную» газету. Но есть некое ядро общей национальной культуры, с которой знакомо большинство британцев, включая Шекспира, Би-би-си, исторические события (Ватерлоо) и фигуры (Черчилль), футбол и современных политиков»[1].

Надо ли говорить, что такого рода традиционная модель интеграции/нациестроительства, отличавшаяся социальной гибкостью,

---

[1] *Кимлика У.* Современная политическая философия / Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2010. С. 414–415.

доминировала в европейских обществах в условиях, когда в структуре лиц наемного труда, занятых на низкостатусных рабочих местах, абсолютно преобладали, так сказать, европейцы-аборигены. Приток иммигрантов, по преимуществу рекрутируемых для выполнения работ, находящихся на нижних уровнях в статусной иерархии и не требующих особой квалификации, подвигнул к поиску альтернативных в отношении традиционной модели социальной интеграции. Выбор был сделан, по крайней мере, на уровне риторики в пользу также гибких, но более толерантных, что касается культурного разнообразия, мультикультурных подходов в сфере социального управления и культурной политики. Последние представляют собою попытку обеспечить социальную интеграцию через признание идентичностей и прав этнокультурных групп, в том числе пришлых субкультур, не принадлежащих к культуре автохтонного европейского большинства.

Следует специально оговориться, что на законодательном уровне в рамках Западной Европы и Северной Америки мультикультурализм закреплен только в одной стране — Канаде, подчеркивающей стремление интегрировать иммигрантов и коренные народы. Здесь принят специальный федеральный закон о мультикультурализме (*Canadian Multiculturalism Act* от 1988 г.), в рамках которого культурное разнообразие по расовому, религиозному, этническому признакам рассматривается в качестве фундаментальной основы канадского общества.

В иных развитых странах Запада о мультикультурализме можно говорить, скорее, как о некоторых достаточно серьезных политических поползновениях и более или менее значимых тенденциях, чем как о некоем законодательно закрепленном официальном государственном курсе. Такая ситуация позволяет противникам межэтнической толерантности увязывать существующие проблемы в сфере интеграции с распространением мультикультуралистских подходов, а сторонникам, напротив, с отсутствием должной последовательности и решительности в их воплощении. По крайней мере, после известных заявлений федерального канцлера Меркель канадский коммунитарист Чарльз Тейлор отметил: «Когда Ангела Меркель говорит о том, что “мультикультурализм в Германии провалился”, я на это могу ответить, что там и не предпринимались попытки достичь его. [...] Иммигрантов изначально воспринимали как “гастарбайтеров”, что подразумевало, что они в конце концов вернутся к себе на родину, а не станут частью немецкого общества. Не предпринималось никаких попыток их интегрировать, обучить их детей немецкому языку, проследить, чтобы они приобретали навыки, делающие их

конкурентоспособными при поиске работы. Итог катастрофичен»[1].

Конечно, здесь есть явный элемент эмоциональной гиперболизации. На самом же деле, на наш взгляд, ситуация носит амбивалентный характер и «истина лежит где-то посередине».

С одной стороны, в той же Германии созданы достаточно широкие возможности для удовлетворения ряда культурных и духовных потребностей иммигрантских сообществ, включая выходцев из исламских стран и в том числе для турок. К примеру, в немецких землях уже во второй половине 90-х годов XX в. действовало более 2000 мечетей. Относительно широко поставлено в немецкой системе образования преподавание турецкого языка как иностранного. В землях Северный Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония вводится официальное преподавание ислама для школьников мусульманского происхождения, которых всего в стране насчитывается около 700 тыс. человек.

С другой стороны, в Германии, к примеру, до сих пор не решен вопрос об открытии турецких школ и гимназий, что не слишком вяжется с базовой идеологемой мультикультурализма о поддержке культурного разнообразия. Существуют главным образом частные туркоязычные школы, созданные под патронатом организации Фетхуллаха Гюлена.

Этот вопрос был перенесен на высший государственный уровень в ходе визита бундесканцлера А. Меркель в Турцию в марте 2010 г. В его ходе официальная Анкара устами премьер-министра Р.Т. Эрдогана весьма решительно напомнила о том, что в Турции действуют официальные немецкоязычные школы, и отказ от симметричного шага со стороны Берлина может трактоваться как стремление к ассимиляции.

Характерно, что к этому моменту со стороны политических деятелей Германии разной политической направленности были высказано подчеркнуто критическое отношение к лингвистическим инициативам турецкой стороны. Например, гессенский земельный министр по делам интеграции заявил о том, что главной целью Германии является интеграция турок в немецком обществе, в то время как туркоязычные гимназии приведут к их обособлению. В конечном итоге А. Меркель высказалась в пользу усиления школьного двуязычия, преимущественно в земле Северный Рейн-Вестфалия. Такой подход, в рамках которого одновременно создавались условия для сохранения отпрысками иммигрантов турецкой языковой

---

[1] *Тейлор Ч.* Защищая мультикультурализм // www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm.

и культурной идентичности и в то же время обеспечивались условия для их интеграции в немецкое общество через изучение немецкого языка и культуры, представляется весьма рациональным, если не одно «но»: Германия имеет довольно ограниченный опыт двуязычного преподавания.

Двойственная ситуация складывается и в отношении коренного славянского меньшинства Германии — лужицких сорбов (сербов, вендов), чьи этнические анклавы находятся на территории Бранденбурга и Саксонии. С одной стороны, в духе мультикультурных подходов в этой стране создан федеральный правительственный Фонд серболужицкого народа, одновременно, как сообщают СМИ, действует по аналогии с бретонскими образцами программа Vitaj по поддержке преподавания серболужицкого языка, а так или иначе функционирует ряд этнокультурных структур (газета *Serbske Nowiny*, музей, театр, радиопрограмма, телепрограмма *Wuhladko* и т.д.), в неофициальной лужицкой столице Баутцене (Будышин) можно увидеть вывески на двух языках. На земельном уровне лужицкие сербы получили закрепление ряда своих прав в рамках статьи 25 конституции Бранденбурга и статьи 5 конституции Саксонии. С другой стороны, славянские этнокультурные активисты указывают на усиление ползучей экономической ассимиляции и сокращение ассигнований на сохранение лужицкой идентичности. Ситуация дает основание скептикам для выводов крайне драматического толка: «...За 14 веков своего существования лужицким сербам, живущим в окружении германоязычного населения, долгое время удавалось сохранять свои традиции, язык и культуру. Однако в XXI веке процесс германизации затронул и их. Но произошло это не военным путём, как было ранее, а экономическим. Законы, направленные в защиту лужицких сербов, становятся в этой связи бессильными»[1].

В целом все это не согласуется ни с радикальным тейлоровским диагнозом, согласно которому никакого мультикультурализма в Германии нет и не было, ни, напротив, с утверждениями о некоем безудержном разгуле мультикультурализма в немецком обществе. Можно говорить о том, что здесь проводится политика стимулирования или, по крайней мере, непрепятствования иммиграции. Причем, как это и обычно бывает, ввозимая иностранная рабочая сила используется для заполнения вакансий, которые не стремятся занять представители коренного населения (например, в сфере физи-

[1] *Вовк М.* Сорбы, не помнящие родства. Немецкие славяне сдались спустя 14 веков сопротивления // www.chaskor.ru/article/sorby_ne_pomnyashchie_rodstva_10111.

ческого труда на промышленных производствах и в строительстве). Однако мультикультурность и импорт рабочей силы — это все-таки различные явления, они могут взаимно дополнять друг друга, как это декларируется в Канаде с целью интеграции иммигрантов, а могут — нет. Впрочем, как бы ни относиться к упомянутым выше инвективам Тейлора, не все согласны с тем, что и в самой Канаде, относящейся к ряду социально наиболее устроенных и благополучных стран (шестое место в мире по Индексу развития человеческого потенциала ПРООН), ситуация всегда отвечает высшим мультикультуральным критериям и стандартам. К примеру, согласно данным «Эмнести интернэшнл», канадские власти не проявили надлежащего рвения в обеспечении прав коренных народов, особенно инуитов, в обеспечении доступа к земле, здравоохранению, образованию, жилью и даже полноценному питанию, причем последнее приводит к массовому распространению сердечно-сосудистых и иных тяжелых заболеваний в этой этнической среде.

2. Мультикультурализм: украинский вопрос

В любом случае очевидно, что многие из упомянутых проблем, связанных с социальной интеграцией (и вызывающие злорадство среди значительной части образованных слоев постсоветских стран), включая массовые волнения наподобие случившихся в «цветных пригородах» Парижа конфликтов в октябре и ноябре 2005 г., столкновений на расовой почве в декабре 2005 г. в Сиднее, беспорядков в населенном этническими меньшинствами лондонском районе Тоттенхем в августе 2011 г., не имеют прямого отношения к этнополитической ситуации, сложившейся в современной Украине.

Дело здесь отнюдь не в том, что украинскому обществу будто бы присуща некая особая толерантность и умиротворенность. Напротив, недавние исследования зафиксировали в последние десять лет независимости нарастание в Украине настроений ксенофобии и этнического исключения, в первую очередь в Центральном и Западном регионах страны.

Согласно заявлению заместителя директора Института социологии Национальной академии наук Украины Н. Шульги по состоянию на 2010 г., основывающемуся на данных ежегодного мониторинга при использовании т.н. «шкалы Богардуса»: «Мы наблюдаем тревожную динамику... Если в конце 1980-х гг. отмечалось в целом почтительное, возвышенное, гуманистическое отношение к этно-

сам, которое сохранялось до середины 1990-х гг., то начиная с 2002 года происходит резкий спад толерантности. [...] Если в 1994 году к россиянам была толерантность у 60% населения Западной Украины, то в начале 2000-х она снижается до 15%. Показатели по толерантности к евреям и цыганам на западе страны представляют следующую картину: евреи — снижение с 30% до 5–6%, цыгане — с 15% до 3–4%. В центральных областях Украины толерантность к россиянам снизилась больше чем в 2 раза. На востоке страны произошли наименее заметные колебания этого показателя относительно россиян, и в настоящее время составляют около 70%»[1].

Согласно же заключению известного украинского социолога Н. Паниной, «результаты мониторинга показывают, что изначально достаточно высокий (в 1992 году) уровень национальной дистанцированности украинского населения имел тенденцию к нарастанию национального изоляционизма и повышению распространенности ксенофобских установок. В 2002 году произошел качественный скачок в увеличении национальной дистанцированности практически от всех национальностей»[2].

Однако при этом Украина на сегодня в силу невысокого уровня жизни не является страной, привлекательной для массовой иммиграции, а скорее сама является источником вывоза дешевой рабочей силы за рубеж (хотя, возможно, поток трудовой иммиграции на ее территорию несколько увеличивается). Количество иммигрантов, находящихся на учете в МВД Украины, составляет 198 325 человек по данным 2010 г.[3] Общая же численность иммигрантов в Украине, согласно весьма приблизительной оценке руководителя представительства Международной организации по миграции Манфреда Профази, составляет около 500 тыс. человек. В среде демографов используется порою и оценка в 900 тыс., но при этом эксперты обычно признают, что на самом деле более или менее точные данные по данному вопросу отсутствуют.

К тому же на территории Украины сходится несколько маршрутов транзита рабочей силы в страны Западной Европы. Поэтому значительная часть пребывающих в ее границах 500 или 900 тыс. мигрантов вряд ли задаются целью надолго здесь задерживаться.

---

[1] Украинцы становятся все большими ксенофобами // www.segodnya.ua/politics/power/ukraintsy-ctanovjatcja-vce-bolshimi-kcenofobami.html.

[2] *Панина Н.* Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 30.

[3] Міграція в Україні: факти і цифри // http://iom.org.ua/ua/pdf/Facts&Figures_b5_ua_f.pdf.

Все это несопоставимо с масштабами миграции в состоятельные страны Западной Европы. Достаточно напомнить, что в Германии с населением 82 млн (население Украины — 45 млн) численность только лишь зарегистрированных граждан Турции составляла на 2011 г. 1,607 млн человек. Согласно же британской переписи того же года, с 2001 по 2011 г. в пределах Англии и Уэльса вследствие усиленной иммиграции доля аборигенного английского и валлийского населения уменьшилась с 87 до 80%[1].

Среди влиятельных украинских экспертов высказывалось мнение (Элла Либанова), что в силу непрестанного ухудшения демографической ситуации и грозящего Украине сокращения населения на тринадцать миллионов человек власти должны максимально содействовать иммиграции, в том числе из стран Азии и Африки[2]. Но это явно не вопрос сегодняшнего дня.

Что же касается украинской эмиграции, то ее численность значительно выше иммиграции в Украину. Международная организация миграции оценивает в 6,5 млн человек[3], а Институт демографии и социальных исследований им. В. Птухи НАНУ в 2,5–3 млн человек[4].

Конечно, существует высокий риск того, что с учетом возросшего уровня ксенофобии при интенсификации потока мигрантов, а также в случае провоцирования ситуации со стороны экстремистских политических группировок, использующих в своих целях ксенофобские мотивы, усиления бизнес-конфликтов, в которых коммерческие интересы переплетены с этническими факторами, или же обострении политической ситуации в Крымской автономии в Украине воспроизведутся схемы межэтнического напряжения между различными этническими сообществами. Об этом, в частности, свидетельствуют столкновения в Марганце (Днепропетровская область) в июне 2009 г. между молодежью украинского и армянского происхождения, в ходе которых трагически погиб сотрудник МВД.

Столкновения происходили на фоне того, что, согласно распространенным оценкам, рынок (в том числе теневой) муниципальной земли в этом регионе формируется с участием не только специфического капитала с местными славянскими корнями, но и особых бизнес-группировок, связанных с этническими диаспора-

---

[1] «British whites» are the minority in London // www.dailymail.co.uk/news/article-2246288/Census-2011-UK-immigrant-population-jumps-THREE-MILLION-10-years.htm.

[2] См.: http://1tv.com.ua/news/ukraine/05/08/122005.html.

[3] Там же.

[4] Каждый седьмой украинец — трудовой мигрант // http://migraciya.com.ua/news/migrant-workers/964-kazhdyjj-sedmojj-ukraine-trudovojj-migrant/.

ми Северного и Южного Кавказа. Характерно также, что волнения в Марганце были использованы в своих политических интересах как украинскими, так и пророссийскими национал-радикальными силами. Лидеры «Свободы» посчитали их возрождением «лучших традиций Запорожской Сечи»[1]. В свою очередь руководители крымских казачьих организаций заявили о своей готовности вмешаться в ситуацию в этом городе, попутно бросив обвинения татарам и цыганам[2].

В целом нельзя сказать, что мультикультурализм и его ключевая проблема — соотношение разных культур в рамках одной отдельно взятой нации-государства — является чем-то малозначимым для Украины. Как раз напротив, эта проблематика для украинского общества весьма актуальна, однако в ином аспекте, чем это свойственно странам Западной Европы, для которых дебаты вокруг мультикультурализма сосредоточиваются на вопросах взаимоотношений культур автохтонного населения и иммигрантских сообществ.

В Украине на первый план в отношении мультикультурализма выдвигается отличающаяся исключительной сложностью, а зачастую и политической напряженностью проблема *взаимоотношений между украиноязычной и русскоязычной культурами и языками*. Это отчасти (но лишь отчасти) напоминает ситуацию, сложившуюся в Канаде, для которой исторически характерен достаточно высокий уровень напряжения между англофонной и франкофонной частями общества.

Особенно явственно такого рода конфликтность проявилась в ходе дебатов во время принятия в июне-июле 2012 г. в Украине закона 5029-YI «Об основах государственной языковой политики» (т.н. «закон Колесниченко–Кивалова»). Этот закон несколько расширяет возможности использования русского языка на местном уровне в качестве регионального, тем самым усиливая в правоотношениях влияние идеологии мультикультурализма, а точнее бикультурности — сосуществования украиноязычной и русскоязычной культур. Также он расширяет возможности для использования языков национальных меньшинств, включая венгерский и румынский, в регионах их компактного расселения.

Естественно, что наибольшее сопротивление ему оказали правые политические деятели этнонационалистического, придержива-

---

[1] Тягнибок побоища в Марганце назвал «возрождением казацких традиций» // http://24.ua/news/show/id/83165.htm.

[2] Крымские казаки собираются на помощь жителям Марганца // http://news.nswap.info/?p=21161&cp=all.

ющиеся национал-радикальных (радикально-националистически) и национал-демократических (умеренно-националистических) взглядов. Именно этот политический сегмент в наибольшей степени заинтересован в том, чтобы этнокультурное развитие в Украине направлялось по сценарию полной монокультурности и, соответственно, одноязычия.

Напомним, что, согласно выводам Эрнеста Геллнера, проанализировавшего процесс формирования этнонационализма на этапе перехода Европы в XIX и XX вв. от аграрного к индустриальному обществу[1], утверждения монокультурности составляет *idea fix* этой идеологии. По его мнению, определяющим признаком эпохи этнонационализма или «ирредентизма» является стремление воплотить в жизнь формулу «одна культура — одно государство». Средством ее воплощения могут быть как политика в сфере культуры, так и исключительно насильственные и экстремистские средства — геноцид по этническому признаку, этнические чистки в форме массового изгнания, принудительные изменения границ.

В процессе утверждения этого идеала ирредентистским силам, подчеркивает Эрнест Геллнер, пришлось преодолевать сопротивление трех мощных имперских образований. Ведь земли Восточной Европы вплоть до Первой мировой войны были поделены между владениями Габсбургов, Романовых и Османской империей.

Метафизика этнонационализма на первых порах была мягкой и имела исключительно романтическо-популистские корни. Она исходила из того, что человеку следует утверждаться в «народной» (*gemeinschaft*), фольклорной культуре, а не в отчужденной от человека и «холодной» городской среде.

Однако далее этот тезис был дополнен формированием образа врага как антипода витального крестьянина — городского торгаша. Под влиянием социал-дарвинистских теорий получил распространение культ энергии, чувств, иррационального натиска как основы «народной культуры» и движущей силы выживания сильнейших в состязании за аутентичную красоту. Идеализированная эстетика воинов и земледельцев стала, как отмечает Эрнест Геллнер, противопоставляться низкому образу городского торгашества с его сомнительными сделками и зачастую инонациональным происхождением.

«Национализм, — писал Эрнест Геллнер, — представляет собой восстание деревенской вегетирующей культуры против “холодного” универсализма — будь то универсализм куртуазный, ин-

---

[1] *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

дустриальный или бюрократический. Национализм — это деревня, пошедшая против Версаля, или Хофбурга и венских кафе, или против Манчестера»[1].

Однако в действительности, отмечает Геллнер, носителями этнонационализма были не деревенские жители, озабоченные своими повседневными заботами, а представители индустриального общества (или общества, вставшего на путь к индустриализации), которые имели целью навязать обществу идеал «одна культура — одно государство».

Их организационной ячейкой поначалу стали военизированные спортивные, прежде всего гимнастические, объединения, прообразом которых являлось чешское парамилитарное спортивное общество «Соколы» (оно существует по сей день в некоторых славянских странах, а также в Германии среди лужицких сербов). В рамках этих формирований, подчеркивал Эрнест Геллнер, устанавливались ритуалы, которые давали возможность проявлять солидарность большим анонимным сообществам, имеющим сходную культуру. Они также поддерживали военную выучку большого количества людей, что отвечало «энергетически-наступательному» этосу радикального этнонационализма.

Постепенно на основе объединения поэтичной идеологии романтизации фольклорных основ и метафизики энергетического самоутверждения с его недоверием к универсалистскому и дискурсивному мышлению, отмечал Эрнест Геллнер, образовалась сверхжесткая версия этнонационализма. Ее отличительными чертами были общинный дух, культурная однородность, дисциплина, иерархия и жестокость. Главные усилия были направлены на сплочение национального государства и «очищение» его от каких-либо меньшинств. Наиболее энергично «очищались» от тех, по мнению Э. Геллнера, кто ассоциировался с духом коммерции или интеллектуализма.

В контексте геллнеровских размышлений особое значение приобретают слова Бенедикта Андерсона о том, что идея «очищения», свойственная этнонационализму, тесно связана с доведенным в его пределах до наиболее рафинированного уровня морального требования самопожертвования человека как исполнения долга перед своим этническим сообществом, перед своей общиной. По мнению Бенедикта Андерсона, лишь два символа сформировались как в полной мере оправдывающие человеческое самопожертвование. Это — национальная родина и революция. «...Большие войны

---

[1] *Геллнер Э.* Указ. соч. С. 171–172.

этого столетия, — пишет он, — исключительны не столько потому, что они позволили людям убивать в беспрецедентных масштабах, сколько колоссальным числом тех, кто из убеждения жертвовал своей жизнью. Не очевидно ли, что количество убитых значительно превышает количество тех, кто убивал? Идея наивысшего самопожертвования, которого требует судьба, существует лишь в паре с идеей очищения. Умирая за свою страну, которую преимущественно не выбирают, человек приобретает нравственное величие, несравнимое со смертью ради лейбористской партии, американской медицинской ассоциации или даже "Международной амнистии", ведь во все эти организации можно вступить и выйти по собственной воле. Гибель за революцию также приобретает величие вследствие того, что считается чем-то фундаментально чистым»[1].

Отсюда становится понятной немалая притягательность идеалистичной моральной программы революционного национализма для ее сторонников. Он обеспечивает, так сказать, «мультиплицированные» жертвенность и «очищение», предоставляя возможность индивидууму принести себя в жертву, одновременно, нации-родине и революции.

Вторая мировая война (а вернее, ее итоги) нанесли сокрушительный удар по романтическому культу агрессии и идеалистическому этосу сплоченного национального сообщества. В то же время, как акцентирует Эрнест Геллнер, дух экспансионистского национализма претерпел деструкцию вследствие давления стандартов массового потребления и успехам, достигнутым производственно-коммерческой этикой: «Потребительское общество опровергло традиционные понятия о "чести", с которыми в свое время не смогла совладать чистая коммерция. Жизненное пространство (*lebensraum*), как выяснилось, ничего не определяет»[2]. Произошел отказ от свойственного этнофундаментализму идеалистически-агрессивного понимания чести в рамках борьбы за расширение *Lebensraum* в пользу конформной этики, которая приспособлена к условиям общества массового потребления и исходит из ориентации *homo economicus*[3].

---

[1] Цит. по: *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. Міркування про походження й поширення націоналізму. К.: Критика, 2001. С. 180.

[2] *Геллнер Э.* Указ. соч. С. 175.

[3] См.: размышления Б. Сутора и Ф. Бломе-Дреза относительно того, что западноевропейская рыночная этика с ее так или иначе ориентированностью на модель homo oeconomicus является этикой *малых групп* (Политическая и экономическая этика. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 259). Напротив, этнофундаменталистская, последовательно ирредентистская этика апеллирует не к малым группам, а ко всему национальному сообществу, стремясь к его сплочению и «очищению», а также призывая к всеобщей жертвенности.

На украинских землях, по крайней мере тех, которые на начало XX в. принадлежали к империи Габсбургов, развитие национализма осуществлялось отчасти во многом, хотя и не целиком по сценарию, близкому к описанному Геллнером. Украинское парамилитарное «сечевое движение» создавалось Украинской радикальной партией, учрежденной последователями и учениками Михаила Драгоманова, по образцу упомянутого Геллнером чешского общества «Соколы»: «Первыми, кто более всего послужили основанию и популяризации [сечевой] организации, были Василий Нагорный и Владимир Лавровский. Они в 1894 году по образцу организации чешской молодежи "Соколы" и на основе чешского устава, приспособленного к украинским обстоятельствам, начали организовывать молодежь в Галичине в форме гимнастического общества...»[1]

Затем под руководством одного из лидеров Украинской радикальной партии депутата австрийского парламента Кирилла Трилевского в сечевое движение была привнесена идеология перенятого от Восточной Украины романтического «запорожско-рыцарского» казакофильства в соединении с «воинским духом». Далее сечевые парамилитарные организации приобрели заметное распространение, сыграв значительную роль в формировании во время Первой мировой войны регулярного национального воинского формирования Легион сечевых стрельцов, действовавшего в составе Австро-венгерской армии.

Дальнейшее развитие украинского этнонационализма, по крайней мере в западной части Украины, также весьма напоминает схему Геллнера. Вместе с тем первоначально руководство регулярным украинским национальным движением осуществлялось под значительным влиянием политических деятелей из Радикальной партии, придерживающихся скорее леводемократических национал-освободительных взглядов.

Это обстоятельство явственно проявилось в доктринально важной для украинского национально-освободительного движения работе одного из теоретиков «радикалов» национал-марксиста Юлиана Бачинского «Україна irredenta» (1895), в которой с позиций, близких к австромарксизму, впервые была обоснована идея обретения Украиной полной государственной независимости, о чем ныне упоминается не очень часто. В работе, начинавшейся со ссылки на Николая Чернышевского, особенно подчеркивалось, что перспектива создания независимого украинского государства непременно связана с включением в процесс государственного строительства всех этносов, находящихся на территории Украины.

---

[1] *Макух І.* На народній службі. Спогади. К.: Основні цінності, 2001. С. 85.

Однако после войны между ЗУНР (Западно-украинская народная республика) и Польшей и общего поражения национальных сил Украины в период 1918–1921 гг. главную роль в украинской политической жизни (в Западной Украине, т.е. на территориях межвоенной Польши) стали играть иные тенденции. Этому в значительной степени способствовал переход инициативы в национально-освободительном движении к политическим деятелям, чей менталитет сформировался в конспиративных структурах наподобие Украинской военной организации (УВО). Одновременно радикализация этнонационалистических эмоций была вызвана репрессивным характером политики власти Второй Речи Посполитой в отношении украинского меньшинства, в глазах значительной части которого она не могла восприниматься как легитимная.

В деятельности лидеров новой праворадикальной волны этнонационалистического движения, сгруппировавшегося вокруг Организации украинских националистов (ОУН), получила преобладание ставка на террористические и революционные методы борьбы во имя формирования моноэтнического и монокультурного государства. В их среде была культивирована идеология революционного этнонационализма с присущим ей культом «очищения» и идеалистического самопожертвования во имя нации.

Значительный вклад в ее развитие внес один из пропагандистов доктрины «интегрального национализма» Дмитрий Донцов, воспроизведший на украинской почве идеи антиинтеллектуального волюнтаризма, тоталитаризма, моноэтничности, культа чувств, энергии, натиска, «сильной личности», диктатуры и антидемократического элитаризма. Он явно симпатизировал идеям Б. Муссолини, а также стимулировал ксенофобские настроения благодаря созданию образа врага в лице «модерного москвофильства», объявляя одним из главных апологетов последнего украинско-российского левого либерала Михаила Драгоманова.

В то же время исторически развитие этнополитической ситуации на украинских землях развивалось, однако, и по альтернативному сценарию. Длительное время наблюдалась конкуренция между представлениями о полной самостоятельности украинской (малорусской, малороссийской, южнорусской) идентичности, развивавшаяся культуртрегерами народнического и романтического толка, с одной стороны, и консервативными установками панрусизма, согласно которых малорусская культура соподчинена единой трехсоставной общерусской культуре, а малороссы (украинцы) являются русским субэтносом, поддерживавшаяся российским имперским центром. Весьма небезынтересной и проницательной представляет-

ся проведенная современными исследователями русофильства аналогия между этим движениям, с одной стороны, и «славянофильскими» концепциями — югославянским иллиризмом (выдвинутая в 30–40-е годы XIX в. группой хорватских общественных деятелей во главе с Людевитом Гаем и Иосифом-Георгом Штроссмайером панславистская концепция культурного и этнического единства всех югославянских народов), а также идеями чехо-словацкого единства, с другой стороны[1].

Напомним также, что панславистские и славянофильские идеи были характерны и для действовавшего в 40-е годы XIX в. национал-романтического Кирилло-Мефодиевского братства (Н. Костомаров, А. Навроцкий, П. Кулиш, В. Белозерский, Н. Гулак, О. Маркович, а также Т. Шевченко) — организации, положившей начало национально-освободительному движению разночинной интеллигенции на украинских землях, входивших в состав Российской империи. Панславизм проявлялся уже в самой исходной апелляции создателей Братства к ключевому общеславянскому символу — наследию «солунских братьев» и «учителей словенских» Кирилла и Мефодия. При этом национальные деятели, как отмечают исследователи, определенное время колебались в выборе между терминами «Украина» и «украинцы», с одной стороны, и «Малороссия», «малороссы» — с другой.

В целом для Украины был свойственен относительно низкий культурный барьер в отношении великорусской идентичности, и, напротив, этот барьер был весьма высок в отношении идентичности польской. Как отмечает Алексей Миллер, «в течение всего XIX в. большинство образованных малороссов считало поляков врагом номер один, а для крестьян ненависть к польским панам вообще была краеугольным камнем представлений об окружающем мире. Этническая, религиозная и социальная вражда к полякам подталкивала большинство малороссов к ориентации на Россию хотя бы через механизм негативного выбора. Даже некоторые лидеры Кирилло-Мефодиевского общества позднее готовы были служить царю в качестве чиновников-русификаторов, если эта служба была “против поляков”»[2].

---

[1] *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині в середині XIX — на початку XX століття: ґенеза, етапи розвитку, світогляд. Вісник ЛНУ. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 235.

[2] *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) // www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-finish.htm.

Начиная с революции 1848 г. и вплоть до 80-х годов XIX в. «общерусская» позиция была господствующей даже в рамках национального движения в Галичине, входившей в состав империи Габсбургов, в котором длительное время задавало тон включавшее в себя немало греко-католических священников консервативное религиозно-идеологическое движение «русофилов» («москвофилов»). Его наиболее видными лидерами в начале XX ст. были Владимир Дудикевич, Семен Бандасюк и Юлиан Яворский. Консервативная идеологическая позиция «русофилов», противостоящая украинофильству «народовцев» и «радикалов», базировалась на отрицании самостоятельного существования украинского этноса и восприятия западных украинцев (русинов) как этнических русских, а также на следующих постулатах: «1) Киев — центр древнерусской цивилизации; 2) после упадка Киева в середине XIII ст. этот центр переместился в Москву; 3) все это время галицкие земли были оторваны от общерусского процесса и пребывали в польском плену, теперь пришло время восполнить отставание — заимствовать готовую российскую культуру и дополнить ее местными галицкими элементами»[1].

Как отмечает Дмитрий Полюхович, «значительному распространению москвофильских настроений содействовало не только представление о России, как альтернативе польскому влиянию, но и как о своеобразной “земле обещанной” (обетованной). Ведь, в то время Галичина уже успела вкусить все прелести дикого капитализма, в то время как в России еще сохранялись старые, патриархальные порядки, и капитализм только нарождался»[2]. Впрочем, как свидетельствуют воспоминания вдовы Игнатия Райсса Елизаветы Порецкой, участвовавшей в политической жизни приграничного галицкого Подволочиска в начале XX в., среди русофилов («москвофилов») была значительна прослойка зажиточных людей и состоятельной интеллигенции, сохранявших греко-католическое вероисповедание, но в быту стремившихся использовать русский литературный язык. В оппозиционной и революционной среде русофилы воспринимались в качестве ультраконсерваторов, в то время как их противники, отстаивавшие идею полной самостоятельности украинской национальной идентичности, рассматривались как прогрессивные политические деятели.

Русофилы опирались на разветвленную сеть общественных организаций (Ставропигийский институт во Львове, «Общество

---

[1] *Полюхович Д.* Як помирала москвофільська Галичина, потужніша за російськомовний Крим // www.rep-ua.com.

[2] Там же.

русских дам», Галицко-русская «Матица», студенческое общество «Друг», к которому в молодые годы некоторое время принадлежал классик украинской литературы И. Франко, общество «Русский Сокол» и т.д.) и собственные органы печати (газеты «Червонная Русь», «Галичанин», «Прикарпатская Русь» и др.), пользовавшиеся поддержкой России. Созданная ими Русская народная партия направляла своих депутатов в начале XX в. в парламент Австрии и галицкий краевой сейм. В литературной деятельности они использовали поначалу преимущественно так называемый галицко-русский язык (на политическом жаргоне «язычие»), а затем все больше — русский литературный язык. Причем из этой среды вышел ряд русскоязычных писателей — В. Залозецкий, В. Луцык, Н. Глебовицкий.

Исследователи отмечают, что к 1909 г. в рамках этого движения оформилось два курса. Традиционалисты («старорусины») во главе с Михаилом Королем оставались на позициях панрусизма, оставляя историческому будущему вопрос о специфике малорусов. Их более радикальные молодые оппоненты, руководимые Владимиром Дудикевичем, настаивали на полном культурном единстве галичан с православной Россией[1].В ходе Первой мировой войны, которую великорусские правые силы рассматривали как шанс по объединению всех составляющих «святой Руси»[2] — Великой, Малой, Белой и Червонной (т.е. Галичины)[3], галицкие русофилы (москвофилы) стали объектом репрессий со стороны австрийских властей. Многие из них были заключены в тюремный замок Терезин и концлагерь Талергоф, где царила высокая смертность. 8 октября 2004 г. Верховная Рада Украины по инициативе группы депутатов-коммунистов приняла постановление «О 90-летии трагедии Талергофа», предусматривающая увековечение памяти жертв этих преследований.

Что касается украинских земель, входивших в состав Российской империи, особенно для тех, на которых было характерна этнокультурная напряженность во взаимоотношениях с польским

---

[1] См.: *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині в середині XIX — на початку XX століття: ґенеза, етапи розвитку, світогляд. Вісник ЛНУ. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 253.

[2] Во время патриотических демонстраций, охвативших Петроград в начале Первой мировой войны, были видны транспаранты с лозунгами «Свободу Галицкой Руси!».

[3] См.: *Иванов А.А.* «Наша стихия сильнее Нибелунговой»: отношение правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8). Ч. 1. С. 67.

населением, то здесь такого рода тенденции, вплоть до поддержки великорусского национализма были, естественно, еще более заметными. В начале XX в. это было особенно заметно на Волыни (территория которой в 1943–1944 гг. превратилась в оплот перешедшей под контроль ОУН Украинской повстанческой армии и одновременно в арену «Волынской трагедии» — украинско-польского межэтнического столкновения, повлекшего массовые жертвы среди мирного польского, украинского и еврейского населения).

В то же время в первые годы XX столетия Волынская губерния фактически являлась электоральным оплотом Союза русского народа — ведущей великорусской ультраправой националистической («черносотенной») политической организации. Достаточно лишь напомнить, что избираемые от Волыни депутаты Государственной Думы неизменно пополняли фракции русских националистов и других правых[1].

Общая численность Союза русского народа, согласно данным Игоря Омельянчука, составляла на Волыни 99 936 человек (тогда как в Подольской губернии их было 14 637 человек, на Киевщине — 10 976 человек)[2]. Основной социальной базой этого движения в Волынской губернии были действовавшие зачастую под руководством местных приходских священников украинские крестьяне, находившиеся в конфликте со здешними землевладельцами-католиками польского происхождения. Большую роль в идеологическом оформлении этого конфликта сыграл архиепископ Волынский и Житомирский, а позднее митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий)[3], возглавивший в 1921 г. наиболее националистическую ветвь в русском православии — Русскую синодальную зарубежную церковь.

Таким образом, процесс формирования национальной идентичности в Украине происходил на ее Востоке и Западе в условиях конкуренции двух национал-романтических проектов — народнического этноцентристского, ориентированного на народный язык и подчеркивающего эксклюзивные этнографические и лингвистические особенности украинцев в сравнении с иными народами и особенно великорусским этносом, с одной стороны, и сходного с иллиризмом консервативно-славянофильского «панрусского», делавшего ставку на русский литературный язык или же старославянскую панславистскую культурную традицию и рассматривавшего малорусов и русинов

---

[1] *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). К.: НИУРО, 2000. С. 109.

[2] Там же. С. 139–143.

[3] Там же. С. 36.

в качестве составной части «триединого русского народа» — с другой. Оба проекта были направлены против польской культуры и польского политического влияния на украинских землях.

При этом четкое размежевание обеих тенденций наступило не сразу. Первоначально, как об этом свидетельствуют взгляды представителей созданного романтически настроенными выходцами из Киевского и Харьковского университетов Кирилло-Мефодиевского братства, украинский политический проект был связан одновременно как с утверждением национальной специфики, так и с культивированием панславистских идей. На Западе же украинских земель русофильские и украинофильские силы, по мнению российских исследователей москвофильства, изначально не конфликтовали между собою: «...Знаменательно, что в начале деятельности галицких украинцев никакой взаимной вражды не наблюдалось. Это отмечает знаток и свидетель тогдашней галицкой жизни Ф. Свистун: “Украинофильству сначала сочувствовали почти все галицко-рускии (sic! — *А.Ф.*) писатели”. Подтверждений этому можно найти достаточно. Так, например, “Слово”, орган русского движения, в год смерти Шевченко (1861) помещает его некролог и затем еще раз обращается к его памяти, на страницах известного уже нам “Галичанина” наряду с произведениями галицко-русских авторов мы находим стихи О. Федьковича и Е. Огоновского, повесть Д. Мордовцева “Солдатка”, драму Н. Костомарова “Гремуций Корд”, т.е. чисто украинские произведения. В свою очередь на страницах украинских “Вечерниц”, издаваемых сыном Маркиана Шашкевича Владимиром, заведомо украинским поэтом, мы находим работы русских галичан — стихи Залозецкого и Устиановича, статьи Исидора Шараневича. [...] Все скоро изменилось. Нам думается, что едва ли не главную роль сыграл знаменитый циркуляр министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева 1863 г.»[1].

Дилемма же украинского вопроса состояла в том, что с точки зрения утверждения национальной идентичности оба проекта, доведенные до логического конца, приводили к отторжению той или иной части собственного культурного наследия. Панрусский москвофильский подход вел к игнорированию языковой и этнической специфики украинского этноса, а также особенностей его исторического пути, что особенно явственно на примере взглядов Владимира Дудикевича и других «молодых» русофилов. Народнический же сценарий в свою очередь вел национальный проект к отвержению общей

[1] *Пашаева Н.* Очерки истории русского движения в Галичине. М.: Имперская традиция, 2007. С. 71–72.

для восточнославянских народов старорусской культурной основы и панславистских культурных символов, с ней связанных, наподобие старославянского языка, а также формировавшегося с конца XVIII в. русскоязычного слоя украинской/южнорусской культуры, представленного, к примеру, произведениями Н. Гоголя, В. Короленко, Г. Данилевского, Д. Мордовцева, В. Капниста, прозой Т. Шевченко и т.д.

К 20-м годам прошлого столетия политико-идеологическое влияние русофильского (москвофильского) лагеря в Галичине, утратившего к тому же российскую государственную поддержку, сошло на нет. Инициатива в национальном движении полностью оказалась в руках украинокультурных кругов. В лагере последних были представлены и правые (национал-демократические), и левые силы. Причем среди них оформились собственные просоветские течения, приветствовавшие политику массированной украинизации, проводившуюся советским Харьковом до начала 30-х годов. Эти течения сформировали Украинская партия труда и сторонники руководителя эмигрантского правительства Западноукраинской народной республики Е. Петрушевича, а также выделившаяся из националистической УВО Западноукраинская народно-революционная организация, Компартия Западной Украины, партия «Сельроб», с примкнувшими к ней левыми москвофилами из местной партии «Народная воля». Но при этом в местной политике все больше приобретали вес революционно-националистические силы, лидеры которых с 30-х годов все определенней ориентировались на поддержку Германии и постоянно поддерживали связи «с той частью германского режима, которую представляли адмирал Канарис и абвер»[1].

Вооруженная, кровопролитная и отличающаяся чрезвычайной жестокостью с обеих сторон борьба ОУН и УПА с советской властью, шедшая в 40-х — начале 50-х годов XX в., а также репрессивная политика советского режима, приведшая в сталинский период к массовым жертвам в Западной Украине и способствовавшая сохранению скрытых долговременных симпатий среди жителей региона к националистическому движению (повлиявших, в свою очередь, на идеологическую направленность украинского диссидентского движения 70-х и 80-х годов) — все это окончательно подорвало панрусские и русофильские культурно-политические традиции в регионе. К тому же при присоединении западноукраинского региона к УССР в 1939 г. атавистические русофильские организации, такие как Ставропигийский институт во Львове, были ликвидированы.

---

[1] *Армстронг Д.* Украинский национализм. Факты и исследования. М.: Центрполиграф, 2008. С. 47.

В Советской Украине малороссийская/малорусская идентичность была как будто бы безапелляционно отвергнута и подвергнута остракизму в качестве наследия имперского прошлого. Такой подход стал очевидным после официально осужденной за великодержавный шовинизм «теории борьбы двух культур» (русской и украинской), выдвинутой в 1923 г. секретарем ЦК КП(б)У Д. Лебедем, и в условиях временного разворачивания политики массированной украинизации.

Хотя на уровне официальной идеологии малорусская/малороссийская идентичность и идея «триединого русского народа» тогда ушла в прошлое, однако позднее панрусские установки, будучи приспособлены и модифицированы согласно требованиям времени, получили новое развитие. Вторую жизнь им придала в 60-е и 70-е годы XX в. концепция формирования советского народа в качестве «новой исторической общности, возникшей в результате социалистических преобразований и сближения классов и слоев, всех наций и народностей» при условии преобладания русского языка. В сфере политики исторической памяти целям смягченного латентного панрусизма служила историографическая теория «единой русской народности».

В целом к моменту, когда в Украине и иных республиках Советского Союза развернулись в конце 80-х — начале 90-х годов процессы, приведшие к утверждению государственного суверенитета, позиции русского языка и русской культуры постепенно упрочивались. Этому способствовала и государственная политика (нацеленная на сохранение, как отмечалось выше, баланса в употреблении украинского и русского языка, но политически акцентированная в пользу второго); и традиционно сильное влияние в Украине, особенно в больших городах, русского языка; и развитие урбанизации и индустриальной модернизации; и «ползучие» ассимиляционные процессы, вызванные тем, что карьерный рост и успешная социальная адаптация в советских условиях требовала признания главенства и доминирования русской культуры. Во время переписи 1989 г. треть населения Украины выбрали русский язык в качестве родного.

3. Правый политический спектр современной Украины: первые шаги

Демократизация общественной жизни в условиях «перестройки» на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия создала условия для формирования национал-демократических (умеренно правых)

структур — Народного Руха Украины (НРУ)[1], Украинской республиканской партии (УРП) т.д. У их истоков находилась национал-гуманитарная интеллигенция, транслировавшая опасения значительной части общества по поводу экспансии русской культуры, возможной «утраты корней», распада традиционной украинской национальной идентичности и агрокультурных стилей жизни в условиях советского режима и советской индустриальной модернизации.

Этнолингвистический фактор сыграл решающую роль в идеологическом оформлении движения в пользу независимости, в рамках которого экономическая мотивация изначально играла второстепенную роль. При этом правоцентристские национал-демократические политические формирования выступили в качестве основного оппонента мультикультурализма (а точнее, бикультурности) советского образца, оказывая давление на власти поначалу с целью приостановки постепенной русскоязычной ассимиляции, а затем создания предпосылок для ослабления позиций русскоязычной культуры с перспективной перехода к украиноцентричной монокультурности.

Одновременно на рубеже 80–90-х годов стали возникать и национал-радикальные группировки, действовавшие в том числе в молодежной среде и базировавшиеся по преимуществу в западных регионах. Как отмечает В. Блаженко: «В конце 80-х — начале 90-х прошлого века в Украине начали образовываться многочисленные националистические кружки, типа СНУМ — Союза националистической украинской молодежи. В конце концов, появилась “легендарная” партия Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона (УНА-УНСО), которая своим идеалом провозгласила “Доктрину дестабилизации”»[2].

В 1992 г. при участии действовавших в эмиграции наследников Степана Бандеры в ОУН был образован Конгресс украинских националистов (КУН) во главе с вернувшейся из мюнхенской эмиграции деятельницей патронируемого правыми кругами в США «Антибольшевистского блока народов» Ярославой Стецько (1920–2003), вдовой Ярослава Стецько — соратника Степана Бандеры по ОУН. В 1998 г. учреждено молодежное крыло КУН — Молодежный кон-

---

[1] Стоит заметить, что НРУ поначалу именовался «Народное движение (Рух) Украины за перестройку», и представлял собою «общедемократическую» структуру, которая включала как «перестроечное» крыло КПУ (КПСС), так и собственный национал-демократический сегмент. Достаточно быстро национал-демократические тенденции в деятельности НРУ полностью возобладали.

[2] *Блаженко В.* Ющенко и националисты: доступ к телу разрешили не всем // www.temnik.com.ua.

гресс украинских националистов, позднее трансформировавшийся в самостоятельную организацию — Молодежный националистический конгресс (МНК). Позже МНК сыграет свою роль в «оранжевых» событиях 2004 г.

В 1995 г. была сформирована крайне правая Социал-национальная партия Украина (СНПУ; ныне Всеукраинское объединение «Свобода»). В 1997 г. произошла смена руководства в Украинской национальной ассамблее (УНА), которую возглавил Андрей Шкиль. В 2001 г. УНА раскололась на три группировки — Юрия Тымы, Андрея Шкиля и Эдуарда Коваленко. После смерти Ярославы Стецько во главе КУН в 2003 г. оказался Алексей Ивченко — близкий к Виктору Ющенко депутат из фракции «Наша Украина»[1] (в 2006 г. ему было поручено возглавить компанию «Нафтогаз Украины»).

На рубеже 80–90-х годов политическая активность национал-демократических и националистических группировок, обладавшая определенным революционным потенциалом, катализировала действия всех антирежимных и реформистских некоммунистических, антикоммунистических и национал-коммунистических сил и кругов: «На выборах в Верховную Раду УССР (26.03.90) представители оппозиционных партий и движений преимущественно национальной направленности получили около четверти мандатов и тем самым стали довольно влиятельной силой уже внутри законодательной власти. Сформированной из них оппозиционной части Верховной Рады — Народной Раде, ощущавшей за собой широкую поддержку, нередко удавалось инициировать важные решения»[2].

Во время президентских выборов 1991 г. лидер НРУ Вячеслав Черновол получил 23,3% голосов, а руководитель УРП Левко Лукьяненко — 4,5%. Это был пик успехов национал-демократов; но следует иметь в виду, что в 1991 г. Черновол воспринимался избирателями скорее как «кандидат-демократ», чем как «кандидат-националист».

В результате парламентских выборов 1994 г. умеренные правые и ультраправые выдвинули 591 кандидата, но провести смогли в общей сложности 55 депутатов из 450 возможных (против 120 от левых). Из них 28 мандатов получила НРУ, 10 — УРП, 7 — КУН.

Политические мифы, служившие обоснованием действий национал-демократической и радикально-националистической части

---

[1] См.: *Блаженко В.* Указ. соч.

[2] *Білецький М., Погребинський М.* Політичні партії України у взаємодії зі структурами влади // Становлення владних структур в Україні (1991–1996). К.: Українська прес-група, 1997 (www.analitik.org.ua/publications/joint/3dd12dea/).

украинского политического сообщества, опирались на демонизацию московского исторического опыта, представления о сверхдавнем происхождении украинского народа, воспроизводство ряда сугубо народнических романтических установок, включая безоглядную идеализацию казачества, отождествление национальных и крестьянских традиций, описание истории как перманентного процесса борьбы за утверждение национальных ценностей[1]. К этому надо добавить стремление добиться канонизации национал-диссидентского движения 70–80-х годов, сугубо позитивное отношение к деятельности Украинской народной республики (УНР) и ее идеологическим символам (бой под Крутами, акт «Злуки», деятельность академика Михаила Грушевского как лидера Украинской Центральной Рады и патрона украинской исторической науки), попытки добиться полного признания деятельности УПА и ОУН.

В целом в конце 1990-х и начале 2000-х гг. в развитии этнополитической ситуации в Украине определились следующие тенденции:

• сформировалось известное «разделение труда» между правыми партиями и организациями западной части страны и «прагматиками» с востока. Первые оказывали определяющее влияние на идеологическую ситуацию и «символический капитал» украинской государственности, формировали представления о национальной идентичности (первый президент Украины Л. Кравчук даже предполагал передать в распоряжение национал-демократических сил должности заместителей глав местных администраций, отвечающих за гуманитарную политику). Вторые — деидеологизированные выходцы с русскоговорящего Востока Украины («олигархи») — сосредоточили в своих руках экономические ресурсы и постепенно создали на основе приватизации мощные индустриальные активы (прежде всего — восточноукраинские) ряда крупных финансово-промышленных групп — таких как «Интерпайп», «Индустриальный союз Донбасса», «Приват», «СКМ» и др. При этом следует иметь в виду: украинский национализм традиционно носил всецело этнолингвистический, а не экономический характер;

• отношения правых политических сил с бизнесом развивались непросто. Национал-демократические политические партии (Народный Рух, Украинская республиканская партия) возникли как структуры, возглавляемые по преимуществу украинской гуманитарной интеллигенцией советской формации, оказавшейся в целом недостаточно приспособленной к развитию политических процессов

[1] *Бауман Ю.* Міфологія в суспільній свідомості України // Історична міфологія в сучасній українській культурі. К.: Стилос, 1997. С. 20–43.

в условиях рыночных реформ. Бизнес-группы с того момента, как они начали артикулировать свои политические интересы, стали проявлять стремление к формированию собственных политических структур;

● в то же время установились тесные связи между некоторой частью либерально-рыночных и национал-демократических кругов. Еще в 1990 г. деятели киевского «Либерально-демократического союза» поддерживали контакты с национал-либеральным львовским «Обществом Льва», ряд видных деятелей которого (И. Грынив, Т. Стецькив, И. Колиушко) приняли участие в создании действовавшей в составе 2-го созыва Верховной Рады Украины депутатской группы «Реформы», а затем в возникшей в 1997 г. национал-либеральной Партии «Реформы и порядок» (ПРП). Во время первого тура президентских выборов 1994 г. национал-демократические силы оказали определенную поддержку ведущему идеологу либерально-рыночных реформ того периода В. Лановому. Характерно, что между Конгрессом украинских националистов и ПРП существовали взаимовыгодные партнерские отношения. К парламентской фракции «Реформы–Конгресс», действовавшей в 2002–2004 гг., принадлежали как члены ПРП, так и КУН во главе с Ярославой Стецько;

● национал-демократические политические структуры почти не получили поддержки на индустриальном и русскоязычном Юго-Востоке страны (если не считать известные симпатии со стороны некоторых кругов тамошней интеллигенции). Можно сказать, что национал-демократические партии заморозились в виде политических движений умеренного этнолингвистического национализма и не смогли в силу влияния ряда политических и культурных факторов превратиться в обычные правые партии европейского образца. В Украине **этнолингвистический национализм**, поддерживаемый на Западе и в меньшей мере — в Центре страны, не совпадал с **экономическим национализмом** как движением, направленным на обеспечение интересов владельцев индустриальных предприятий Юго-Востока;

● национал-демократические (умеренно правые) политические силы распространили свое влияние на Запад и в меньшей мере — на Центр страны. Их функции в парламенте второго (1994–1998) и третьего созыва (1998–2002) состояли, главным образом, в поддержке инициатив власти, направленных на дистанцирование Украины от интересов Москвы, и в создании противовеса левым партиям. Национал-радикальные группировки не смогли выйти за рамки своей традиционной вотчины — Запада, где они и законсервировались до парламентских выборов 2012 года;

• развитие правого политического движения осуществлялось в условиях сохраняющегося, хотя и принявшего менее открытый характер, геостратегического противостояния между западным блоком во главе с США и Россией. Национал-демократические и в целом правые силы Украины оказались естественными союзниками евроатлантического сообщества в продвижении геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, ограничения и сужения российского влияния в его пределах. Этнонационалистические эмигрантские центры традиционно в послевоенный период находились под опекой англосаксонских стран. При этом эмигрантские (диаспорные) этнонационалистические круги сыграли важную роль посредника между украинскими верхами и политическими кругами евроатлантических стран. В то же время отношение евроатлантических кругов к украинским правым нельзя назвать однозначным. Связанное с воздействием США углубление глобализма, распространение стандартов массового потребления и экспансия либеральной коммерческой этики не способствуют усилению влияния местных этнонационалистических движений. Кроме того, отношение США и их союзников к политическим силам на постсоветском пространстве имеет достаточно инструментальный характер. Наконец, в евроатлантических странах часть общественного мнения настроена категорически против тех восточноевропейских этнонационалистических деятелей, которые исторически были связаны с нацистским режимом;

• под заметным влиянием национал-демократической и одновременно с этим евроатлантической идеологии оказалась часть столичной бюрократии. В особенности это относится к аппарату МИДа, как наиболее близкого к евроатлантическим интересам звена государственного аппарата. В частности, в 1999–2003 гг. Народный Рух Украины возглавлял занимавший в 1994–1998 гг. должность министра иностранных дел Геннадий Удовенко (заявивший, что он поддерживал контакты с Ярославой Стецько еще в период своего пребывания в должности представителя УССР при ООН), а с 2003 г. во главе НРУ встал Борис Тарасюк — министр иностранных дел Украины в 1998–2000 и затем в 2005–2007 гг.

4. Политические маневры правых сил. Зарождение «оранжевого» феномена

Завоевание Украиной независимости в августе-декабре 1991 г. парадоксальным образом привело к кризису идентичности наци-

онал-демократических и радикально-националистических сил. Идеологическая миссия по распространению идеи независимости и радикализации всего антисоветского и антикоммунистического лагеря оказалась исчерпанной. Номенклатурная бюрократия во главе с Леонидом Кравчуком, перехватив лозунги суверенности, оставила для украинской национал-демократии лишь нишу борьбы за моно-культурализм — сужение сферы употребления русской культуры и языка, да еще и право на поддержку действий официального Киева, направленных на сближение с североатлантическим альянсом.

Правда, ведущая сила национал-демократического движения в лице НРУ, возглавлявшегося Вячеславом Черноволом, подчеркнуто фрондировала в отношении президента Леонида Кравчука, но оппозиционность НРУ была скорее связана с завышенными оценками собственных возможностей играть роль главного политического оппонента прагматической бюрократии и с раздражением, вызванным поражением НРУ на президентских выборах 1991 г. (в 1991–1994 гг. национал-демократы были совершенно уверены, что на следующих выборах они одержат полную победу). В то же время более слабое звено национал-демократических сил — Украинская республиканская партия (УРП) — была лояльным партнером режима Леонида Кравчука.

Легализация Компартии в 1993 г. и ее значительные успехи на парламентских выбора 1994 г. (90 мандатов) и 1998 г.[1] (121 мандат) дала возможность национал-демократическим и националистическим силам явиться в новой идеологической роли — борца с угрозой «коммунистического реванша», представ, таким образом, тактическим союзником пробизнесовой киевской власти. Де-факто национальный лагерь чрезвычайно нуждался в коммунистическом движении как объекте противостояния и главном контрагенте, который

[1] Так, на парламентских выборах 1998 г. Компартия Украины получила 24,6% голосов. Всего с учетом голосования по мажоритарным округам КПУ провела 121 депутата (из 450 депутатов парламента). Достаточно успешно выступили и другие левые силы — блок Соцпартии и Селянской партии (36 мандатов) и Прогрессивно-социалистической партии (17 мандатов). Ведущая национал-демократическая партия — НРУ — заручилась поддержкой 9,4% голосов в рамках голосования по спискам. В целом НРУ провел 48 депутатов. Иные национал-демократические и националистические силы (Партия Реформы и порядок; партия «Вперед, Украина»; блок НЭП; Республиканская христианская партия; блок «Национальный фронт», включавший Конгресс украинских националистов и Украинскую республиканскую партию; УНА и блок «Меньше слов») провели в общей сложности еще 23 депутатов. Таким образом, левые контролировали 174 мандата, а правые — 71. См.: Хроники современной Украины. К.: Основные ценности, 2002. Т. 3. С. 340.

оправдывал его собственное существование и позволял мобилизовать традиционно антикоммунистически настроенных избирателей по преимуществу аграрного Западного макрорегиона.

Сближению между национал-демократами (в лице НРУ) и киевскими властями способствовало то обстоятельство, что пришедший к власти в 1994 г. при решающей поддержке ориентированного на партнерство с Москвой Юго-Востока, а, таким образом, и благодаря симпатиям значительной части коммунистических избирателей, Леонид Кучма не только, как они первоначально опасались, не стремился к демонтажу национальной государственности, но и предпринял усилия по укреплению сотрудничества со странами НАТО. (Хотя в то же время он пытался поддерживать баланс сил в отношениях с Москвой в рамках политики «многовекторности».) Напротив, отношения Леонида Кучмы с левыми силами быстро приобрели конфликтный характер.

Поддержка Леонида Кучмы национал-демократами и антикоммунистами из НРУ особенно отчетливо проявилась в моменты наиболее резкого обострения взаимоотношений между ветвями власти. Речь идет в первую очередь о подписании между президентом и Верховной Радой так называемого «Конституционного договора» (июнь 1995 г.) и драматическими событиями, связанными с принятием Конституции (ночь с 27 на 28 июня 1996 г.). Кроме того, национал-демократы были заинтересованы в установлении тесных контактов с теми представителями верхних слоев государственного аппарата, которые наиболее отрицательно относились к российским внешнеполитическим интересам и стремились к интеграции Украины в евроатлантические структуры. Все это вполне отвечало интересам Леонида Кучмы, для которого важно было сплотить вокруг себя все политические силы, выступавшие против «коммунистического реванша». При этом следует отметить, что УРП, в отличие от НРУ, сохраняла в отношении Леонида Кучмы более критическую позицию.

Однако в самые последние годы XX в., т.е. в преддверии и непосредственно после президентских выборов 1999 г., в результате которых победивший лидера КПУ Петра Симоненко Леонид Кучма был вторично избран на пост главы государства, действовавшая на протяжении длительного времени схема его сотрудничества с национал-демократическими силами, позволявшая направлять в выгодное для власти русло антикоммунизм жителей западных областей Украины, начала давать серьезные сбои. Проблема для президента состояла в том, что его режим был выгоден в первую очередь узкому слою новых экономических элит, создавших состояния на основе трейдер-

ского капитала, — крупным собственникам, в руки которых перешли экономические активы Юго-Востока страны и которые постепенно начали формировать несколько крупных финансово-промышленных групп. Их политическое представительство обеспечивалось «партиями власти» центристской направленности — Народно-демократической партией (НДП), СДПУ(О), «Трудовой Украиной».

Хотя основные рычаги власти оставались в руках президента, но его непопулярность стала принимать угрожающие масштабы, а коррупция усиливалась. Постепенно начали создаваться условия для переформатирования политического пространства и изменения направлений основных политических конфликтов в обществе. Этому способствовало и то, что так называемая «угроза коммунистического реванша», оказалась намеренно раздутой. Правда, лидер КПУ Петр Симоненко получил во время второго тура президентских выборов 1999 г. 37,8% голосов, тем не менее Компартия не смогла преодолеть достаточно высокого порога недоверия к себе. Несмотря на ожидания «второго коммунистического пришествия», социологические опросы зафиксировали рост уровня полного недоверия к КПУ с 35% в 1994 г. до 42,9% в 1997 г[1].

Кроме того, Компартии, не располагавшей значительными финансовыми ресурсами, оказалось крайне проблематично конкурировать на мажоритарных выборах с лояльными к режиму Леонида Кучмы представителями крупного капитала, баллотировавшимися в мажоритарных округах. Наконец, КПУ оставалась по преимуществу региональной силой, чья поддержка сосредоточивалась на индустриальном Юго-Востоке. Это означало, что она не могла транслировать настроения «антиолигархического» социального протеста, усилившегося среди населения Запада и Центра страны.

В целом перед правыми силами открылась перспектива изменения своей политической миссии в обществе. К этому их подвигала и необходимость преодоления кризиса в восприятии национал-демократической политики и идеологии. Вне пределов западных регионов восприятие политических партий этой направленности оставалось более чем скептическим. Уровень полного недоверия «националистам» составил в 1997 г. 56,4%, а Народному Руху — 51%[2]. Народный Рух переживал раскол, связанный с ожесточенным противостоянием фракций Вячеслава Черновола и Юрия Костенко. Во время первого тура президентских выборов 1999 г. (уже после ги-

---

[1] *Паніна Н., Головаха Є.* Тенденції розвитку українського суспільства (1994–1997). К.: Інститут соціології, 1998. С. 49–50.

[2] *Паніна Н., Головаха Є.* Там же.

бели В. Черновола в автомобильной катастрофе весной 1999 г.) выдвинутые кандидатами от противоборствующих группировок НРУ Юрий Костенко и бывший министр иностранных дел Геннадий Удовенко набрали, соответственно, 2,2% и 1,2% голосов.

Одной из наиболее примечательных особенностей президентской избирательной кампании 1999 г. были неоднократные заявления ряда правоцентристских партий о готовности поддержать кандидатуру председателя правления Нацбанка Виктора Ющенко, если он согласится баллотироваться на президентских выборах[1]. Наибольшую настойчивость здесь проявила национал-либеральная Партия «Реформы и порядок», несколько раз обращавшаяся к главе НБУ с такого рода предложением, но всякий раз встречавшая его категорический отказ[2]. Возможно, в данном случае ПРП оказывала Виктору Ющенко, стремившемуся дистанцироваться от любых политических команд, услугу сомнительного свойства, раньше времени предавая гласности его президентские амбиции. Но примечательно, что первыми «оранжевые» планы начали вынашивать политические деятели, стремившиеся к сочетанию националистических и либеральных идей.

Кроме того, выборы 1999 г. продемонстрировали готовность части национал-демократических и националистических сил примкнуть к фронде — высокопоставленным чиновникам, перешедшим после отставки в оппозицию к режиму Леонида Кучмы. Столь же явственно проявилось и движение во встречном направлении — вступившие в конфликт с президентом чиновники стремились к сближению с правым лагерем.

На предвыборных съездах обоих Рухов также прозвучали резкие оппозиционные заявления. В сентябре 1999 г. Ю. Костенко подверг критике президента Кучму как политика, который «своей деятельностью или бездеятельностью скомпрометировал идею демократии, независимости и реформ»[3]. Возможно, что усилению недовольства в правой среде режимом Л. Кучмы способствовали опасения, что центристские партии, активно создававшие в тот период свои структуры во всех областях Украины, включая западные, и рас-

---

[1] К этому времени член центристской «партии власти» НДП Ющенко, по результатам опросов экспертов, неизменно включался в состав пятерки наиболее влиятельных украинских политиков. Отметим также, что он пользовался расположением международных финансовых структур и поддержкой влиятельных политических кругов в Соединенных Штатах.

[2] См.: Хроники современной Украины. Т. 4.: 1999–2000. К.: Основные ценности, 2002. С. 207.

[3] Там же. С. 141.

полагавшие значительными ресурсами и поддержкой лояльного к власти большого бизнеса, окажутся способными потеснить национал-демократов в регионах их традиционной поддержки.

Среди других национал-демократических партий с особо резкими нападками на Леонида Кучму выступила национал-либеральная партия «Реформы и порядок». В то же время критическая позиция национал-демократов не была последовательной. Тот же Ю. Костенко, например, принимал участие в учредительном съезде пропрезидентской общественно-политической коалиции «Злагода»[1].

При этом в преддверии второго тура президентских выборов фракция Ю. Костенко заметно снизила уровень критичности своих выступлений. Центральный провид (руководство) костенковского НРУ обратился с призывом поддержать кандидатуру Леонида Кучмы, выдвигая, правда, при этом свои «условия». Поддержка президенту была обещана в том случае, если он «твердо заверит народ», что «последовательно и неуклонно будет отстаивать национальные интересы Украины, отказываясь от политики угодничества перед Россией и подчиненными ей структурами СНГ, ускорит процесс интеграции Украины в европейские экономические и политические структуры, инициирует подачу заявки на вступление в НАТО»[2]. Более лояльная к власти фракция Народного Руха, которую после гибели Вячеслава Черновола возглавил экс-министр иностранных дел Украины Геннадий Удовенко, перед 2-м туром безоговорочно высказалась в поддержку Леонида Кучмы.

Непосредственно после президентских выборов Леонид Кучма предпринял действия, которые привели к драматическим изменениям в политической ситуации и самым серьезным образом сказались на судьбе его режима. В декабре 1999 г. он внес на рассмотрение парламента кандидатуру Виктора Ющенко, устраивавшую международные финансовые организации, на должность главы правительства. 22 декабря Виктор Ющенко был утвержден в качестве премьер-министра 296 голосами из 450 возможных.

Близкие к президенту политические силы инициировали проведение референдума о доверии возглавлявшейся представителями левых сил Верховной Раде. Затем было объявлено о создании пропрезидентского парламентского большинства, в состав которого вошли центристские и национал-демократические фракции (обоих Рухов и «Реформы–Конгресс»). 21 января 2000 г. был совершен

---

[1] Там же. С. 53.

[2] Там же. С. 181.

так называемый «большевистский переворот» в парламенте: депутаты, представляющие центр и правые спектр парламента, покинули здание Верховной Рады и провели альтернативное заседание сессии в «Украинском доме», отстранив от руководства парламента левых спикера и первого вице-спикера. Компартия и союзные ей силы оказались не в состоянии нейтрализовать «большевистский переворот».

Назначение В. Ющенко премьер-министром и «большевистский переворот» коренным образом изменили расстановку сил. С первых своих шагов новый глава правительства получил максимальную поддержку со стороны национал-демократических фракций парламента и симпатии национально ориентированной интеллигенции. Устранение левого руководства парламента заметным образом ослабило стимулы к сохранению единства между центристами и правыми силами в борьбе с общим противником в лице «коммунистической угрозы», что предвещало возникновение в дальнейшем конфликтных ситуаций.

Все это происходило на фоне развернутой в январе 2000 г. вице-премьером Юлией Тимошенко борьбы под антиолигархическими лозунгами за интересы на энергорынке, задевавшей интересы близких к Л. Кучме бизнесменов. Одновременно «большевистский переворот» усилил предпосылки для дальнейшего дистанцирования Соцпартии от КПУ, что проявилась в поисках лидером СПУ Александра Морозом партнеров по противостоянию режима Леонида Кучмы среди правых сил и «фронды».

Таким образом, события рубежа 1999 и 2000 г. привели к изменению политической роли правых сил. От ориентации на режим Л. Кучмы в противостоянии с «коммунистической угрозой» они начали переходить к лавированию — сочетанию выборочной поддержки власти (как в случае с «большевистским переворотом») с критической полуоппозицией и сотрудничеством с антикучмовской «фрондой». Одновременно в силу отдаления Соцпартии от КПУ в Украине наметилась тенденция к ослаблению традиционного конфликта по линии «левые contra правые».

При этом на позицию правых сил заметно влиял фактор недостаточности их общественной поддержки и свойственные им организационные неурядицы. Народный Рух, как отмечалось выше, поразил сопровождавшийся беспрестанными скандалами раскол, приведший к отпочкованию в 1999 г. фракции Юрия Костенко в самостоятельную политическую партию — Украинский народный Рух (УНР), переименованный позже в Украинскую народную партию (УНП). Неспособность заручиться серьезной поддержкой избирателей за пределами Запада Украины и отчасти Киева, а также отсутствие налаженных

отношений с крупным бизнесом усугублялись низкой политической активностью самих партий правой ориентации.

В таких условиях национал-демократические структуры должны были отказаться от каких-либо надежд на продвижение своих кандидатов на высшие государственные должности, которые они питали во время президентских выборов 1991 г.[1] Ситуация подвигала их к всемерной поддержке наиболее близких к евроатлантическим интересам и экономическому неолиберализму высокопоставленных представителей правящего режима, чьим наиболее популярным и харизматичным представителем оказался Виктор Ющенко. Поэтому первоочередную значимость для правых сил на новом этапе приобрела задача максимального содействия правительству Ющенко.

Такая тактика была единственно возможной и в целом весьма выгодной для переживавших тяжелый кризис правых сил, позволяя им опереться на восходящего и усиливающегося политического деятеля. Но в то же время она лишала их самостоятельности и ставила в зависимость от личных политических успехов и настроений В. Ющенко, который и как выходец из среды столичной номенклатурной бюрократии, тесно связанной с нарождающимся крупным бизнесом, и по траектории своей политической биографии, и по менталитету был весьма далек от большинства национал-демократических и националистических деятелей.

Таким образом, постепенно начали вырисовываться первоначальные контуры будущего «оранжевого» проекта как ориентированного на национал-либеральные ценности элиты и опирающегося при этом на мобилизацию с использованием популистской риторики социального протеста по преимуществу аграрных и украиноязычных регионов Центра и Запада страны. Этот постепенно нарастающий социальный протест в значительной мере был направлен против усиления крупного капитала отечественного происхождения («олигархов») и коррупции, а на Западе страны приобрел этнокультурный характер, сочетаясь с сильными этнонационалистическими, монокультурными, антироссийскими и антикоммунистическими настроениями (на русскоязычном и связанном тесными отношениями с Россией Юго-Востоке рупором антиолигархического протеста оставалась КПУ).

Такая ситуация усилила спрос на услуги со стороны национал-радикальных групп, которые в крайней форме артикулировали тре-

[1] Уже на президентских выборах 1994 г. В. Черновол вынужден был отказаться от выдвижения своей кандидатуры, поскольку было слишком очевидно, что результат выборов будет для него неутешительным.

бования и чаяния более умеренных и респектабельных слоев в правом политическом лагере. Свидетельством этого стали события 9 марта 2000 г., когда дотоле неизвестная молодежная ультраправая группа «Самостійна Україна», выдвинувшая лозунг продолжения «национальной революции 1990 года», захватила офис ЦК Компартии Украины в Киеве.

При этом были выдвинуты требования запрета КПУ, немедленного выхода Украины из состава СНГ, проведение люстрации, предоставление официального статуса ветеранам УПА, вывод Черноморского флота ВМФ России с территории Украины. Был выдвинут и монокультурный лозунг «дерусификации и деколонизации» государственного образования и науки[1].

16 марта 2000 г. премьер-министр Виктор Ющенко, комментируя на встрече со студентами ситуацию вокруг захвата офиса КПУ, заявил, что ему «абсолютно понятны мотивы, толерантность и, возможно, некоторые эмоции этих ребят»[2]. Некоторые наблюдатели усмотрели в этих словах косвенное поощрение радикальных форм протеста. Сходную позицию сочувствия к участникам акции «Самостийной Украины» заняли многие правые политики, в особенности руководители НРУ. «Молодой Рух» и СНПУ организовали пикеты у зданий генеральной прокуратуры и Киевской городской администрации.

Дальнейшее нарастание социальной, политической и этнокультурной напряженности отчетливо проявилось в событиях, связанных со смертью 28 мая 2000 г. во Львове талантливого украинского композитора Игоря Билозира.

Билозир погиб после потасовки, затеянной 8 мая в одном из городских кафе. Если представители МВД оценили происшедшее как чисто бытовой инцидент с трагическим исходом, то многие жители Львова сразу же восприняли происшедшее, как политический конфликт. О размахе возмущения свидетельствовал значительный размах похорон Игоря Билозира (по разным оценкам — от 100 до 150 тыс. участников), превратившихся по своему масштабу и эмоциональности в политическую демонстрацию. Церемония похорон композитора (30 мая 2000 г.), во время которых его имя было превращено в символ мученического сопротивления российскому культурному влиянию, даже сравнивалось прессой со «знаковым» для местной политики прощанием с митрополитом Андреем (Шептицким) и Владимиром Ивасюком. По мнению некоторых наблюдателей, во время инцидентов, связанных с гибелью Игоря Билози-

[1] Там же. С. 271.
[2] Там же. С. 272.

ра, Львов фактически оказался на грани взрыва насилия, который мог повлечь за собой цепную реакцию в других регионах страны.

Фактически во Львове на протяжении длительного времени накапливалось значительное недовольство ситуацией в этнокультурной сфере, и с этой точки зрения инцидент вокруг Билозира был только поводом для протеста и выдвижением монокультурных требований. Нет сомнений в том, что смерть Билозира стала поводом для оживления активности праворадикальных СНПУ и УНА, которые в течение длительного времени находились на обочине общественного внимания. Так, например, УНА начала кампанию протеста в связи с выступлениями звезд российской эстрады. Звучали даже призывы «изгнать из города чужаков».

В ряде местных СМИ подчеркивалось этническое русское происхождение лиц, которые нанесли тяжкие телесные повреждения композитору (Воронов и Калинин). Для их характеристики публично употреблялись такие термины, как «оголтелая кацапская элита». 30 мая группа лиц устроила погром в кафе «Цісарська кава», в котором произошло столкновение, приведшее к смерти композитора.

Смерть Игоря Билозира стала также поводом для усиления критики режима Кучмы. Он обвинялся в неспособности противостоять уголовным элементам, в поддержке российской экспансии в украинское информационное пространство, в промедлении с розыском обвиняемых в преступлении и попытках спасти их от наказания, в коррупции, в обнищании украинского народа, в сокрытии от общественности достоверной информации, в равнодушии к судьбе украинской культуры и даже в попустительстве «масонам». Члены национал-радикальной СНПУ пикетировали во Львове здание прокуратуры.

Львовские события вызвали соответствующую реакцию общественных сил, которые представляют интересы украинских русских и подчиненного Московскому патриархату православия. В частности, в СМИ сообщалось, что «Союз православных граждан» обратился к Владимиру Путину с призывом защитить этнических русских в Украине. Обвинения в адрес украинской власти звучали во время заседания Координационного совета Российского движения Украины от 9 июля 2000 г., который также апеллировал к президенту России.

Определенный отзвук львовские языковые эксцессы имели в восточных регионах Украины. Во время заседания 30 июня 2000 г. сессии Донецкого областного совета ряд депутатов, пользуясь случаем, подняли вопрос о придании русскому языку в Донбассе статуса государственного.

Львовский инцидент имел и очевидный международный резонанс. Российский МИД выступил с соответствующей нотой протеста. 17 июля посол России в Украине Иван Абоимов возложил ответственность за львовскую ситуацию на украинские органы государственной власти, действия которых квалифицировались как «поощрение» повторения инцидентов такого рода в будущем. Особенно резкой критике он подверг позицию руководителей Львовской области, обвинив последних в инспирировании антироссийской кампании.

19 июля того же года эти и другие претензии были воспроизведены в специальном заявлении Государственной Думы Российской Федерации. В нем государственной власти Украины вменялось в вину недобросовестное исполнение Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, пренебрежение международными гуманитарными обязательствами, потворство дискриминации русского языка, планомерное сокращение количества русских школ. Претензии относительно языковой политики в Украине прозвучали и со стороны главы правительства России Михаила Касьянова, который до тех пор не вмешивался в российско-украинскую гуманитарную сферу.

Правда, согласно заявлению тогдашнего главы Львовской областной государственной администрации Степана Сенчука, в области не было зафиксировано ни одной жалобы русскоязычных граждан в прокуратуру относительно преследований на языково-этнической почве. Это, по его мнению, свидетельствовало о полной подконтрольности ситуации.

Также следует отметить, что депутаты Львовского городского Совета постепенно смягчили позицию по языковым вопросам. В утвержденном 29 июня 2000 г. постановлении «О защите звуковой среды в г. Львове» было изъято требование запрета исполнения в городе русскоязычных песен, которое содержалось в проекте от 15 июня. Его заменили более умеренным запретом «вульгарных иноязычных песен».

Однако, несмотря на это, немало публикаций местной прессы изобиловало исключительно эмоциональными заявлениями. Праворадикальными организациями был проведен ряд митингов и пикетирований властных структур. При этом роль главного объекта обвинений со стороны местных радикалов играли структуры власти. В частности, звучали призывы к смене областного руководства МВД, а определенные органы СМИ распространяли мнение, что власть в Украине является не украинской, а «московской и масонской».

Под руководством заместителя главы местной организации УРП Ростислава Новоженца, члены местной организации Республи-

канской партии предприняли попытку сформировать и легализовать в виде «народных дружин» собственные «отряды по украинизации».

Обращает на себя внимание то, что накануне эксцессов, вызванных смертью Игоря Билозира, в среде национально ориентированной интеллигенции сложилось заметное недовольство этнокультурной ситуацией как в западноукраинском регионе, так и за его пределами. Возникло даже своего рода ощущение «загнанности в тупик», утраты национальных корней.

Это связано с тем, что культурная политика режима Леонида Кучмы многими представителями местной интеллигенции, представляющей собой основной кадровый резервуар для политических структур национал-демократической и национал-радикальной направленности, расценивалась как проявление ассимиляции и русификации, в то время как галицкий край воспринимался как последний оплот украинства, который подвергается непрестанному давлению со стороны русскоязычной культуры — книг, периодики и поп-музыки, которые, действительно, широко представлены на львовском культурном рынке, как и в целом в Украине.

Избиение композитора рассматривалось многими жителями города также как следствие беспомощности правоохранительных органов перед преступностью. Так, в частности, перед событиями 28 мая в городе было совершено нападение на одного из солистов известной группы «Пикардийская терция». В местных СМИ отмечалось также, что от покушений с начала 2000 г. пострадало несколько предпринимателей. Во Львове распространилось мнение, что жители города становятся все менее защищенными перед преступным миром.

Массовые похороны Игоря Билозира с этой точки зрения подавались и как протест против криминального мира. В условиях роста обеспокоенности, вызванной ощущением укрепления преступности, русская поп-музыка, в том числе представляющая собой образчики так называемого «кабацкого стиля», стала восприниматься многими в городе как проводник влияния криминальной субкультуры. Она, в частности, характеризовалась некоторыми местными журналистами не иначе как «блатная русская попса». Акцентирование внимания на этническом происхождении Воронова и Калинина создавало возможность для формирования образа врага — агента иностранного государства, уголовного авторитета и любителя грязной «блатной попсы», заранее подготовившего убийство композитора.

Легко предположить, что в данной ситуации через антироссийские этнокультурные лозунги, направленные против мультикуль-

турализма (точнее, против сохранения русско-украинской бикультурности), во Львове выразился социальный протест, вызванный недовольством местного населения непростыми экономическими условиями, в частности усилением социального расслоения. Политическое напряжение вокруг смерти Билозира частично было вызвано ощущением утраты солидарности и депрессии, которые возникли у многих жителей региона вследствие социальных сдвигов и экономических трудностей, сопровождающих процесс рыночной трансформации. В ходе этих событий была отработана технология массовой мобилизации на основе сочетания лозунгов социальной антиолигархической борьбы и этнолингвистического национализма.

Еще до гибели Билозира НТШ (Научное товарищество им. Шевченко во Львове) обратилось к Львовскому областному совету с требованиями изменений в этнокультурной сфере. При этом подвергалась резкой критике деятельность украинских русскоязычных органов СМИ, наподобие телеканала «Интер» или газеты «Факты». Национальная гуманитарная интеллигенция, пострадавшая в ходе рыночных реформ в результате уменьшения государственных расходов на культурную и образовательно-научную сферу в постсоветских условиях, требовала усиления бюджетного протекционизма украиноязычной культуры. Смерть талантливого украиноязычного композитора явилась для нее поводом заявить о своих материальных претензиях к власти.

Нельзя не заметить существования определенной идеологической связи между эксцессами во Львове и акцией в Киеве по захвату здания КПУ, проведенной организацией «Самостийная Украина». Об этом свидетельствовало сходство лозунгов: борьба с влиянием Москвы, коммунистами, олигархами, уголовными преступниками и «правящей номенклатурой». В целом львовские события послужили основой для подъема электората западных областей на противостояние режиму Леонида Кучмы, который обвинялся в том, что он не является «украинской властью» и носит номенклатурный характер.

Эксцессы в Киеве и Львове, свидетельствовавшие о росте социально-политической и этнокультурной напряженности, проходили на фоне резкого ухудшения отношений между президентом Леонидом Кучмой, с одной стороны, и правительством, олицетворяемым Виктором Ющенко и вице-премьером Юлией Тимошенко — с другой. В то же время Виктор Ющенко получил демонстративную поддержку со стороны президента США Билла Клинтона и государственного секретаря Мадлен Олбрайт во время своего визита в США в мае 2000 г.

В этих условиях национал-демократические силы в Верховной Раде (фракции НРУ, УНР и «Реформы-Конгресс», а также фракция

Юлии Тимошенко «Батькивщина» выступили в роли единственной верной опоры В. Ющенко в составе законодательного органа. В поддержку правительства Ющенко–Тимошенко высказались и внепарламентские национал-радикальные силы, прежде всего УНА[1].

Ориентирующиеся непосредственно на Леонида Кучму и связанные с крупным украинским капиталом центристские группировки в Верховной Раде все более втягивались в противоборство с правительством Виктора Ющенко. Это, во-первых, лишний раз свидетельствовало о том, насколько далеко разошлись после «большевистского переворота» позиции правых и большей части центристов, а во-вторых, еще раз продемонстрировало, что естественным союзником фрондирующих политических групп (в данном случае «Батькивщины») оказывается правый лагерь.

В июне 2000 г. лидер УНР Юрий Костенко заявил о возможном создании национал-демократического блока на основе поддержки Виктора Ющенко для участия в парламентских выборах 2002 г. в составе УНР, НРУ, ПРП, КУНа с расчетом получить около 35% голосов[2]. В октябре 2000 г. руководитель национал-демократической партии «Собор» и видный «фрондер» Анатолий Матвиенко призвал к формированию широкого правоцентристского блока партий, базирующегося вокруг Виктора Ющенко и нацеленного на построение «национального рыночного государства»[3].

Таким образом, Виктор Ющенко рассматривался правыми силами как своеобразный таран, призванный расчистить им дорогу в Верховную Раду следующего созыва. При этом идеологической базой проекта был избран национал-либерализм, в сочетании с находящей широкий отклик среди избирателей антиолигархической, антибюрократической и антиклановой риторикой. Это давало возможность мобилизовать традиционный национал-демократический электорат, часть среднего и мелкого бизнеса и в особенности избирателей из аграрных регионов, в наибольшей степени пострадавших от рыночных трансформаций, в которых усиливалось ощущение того, что Украина развивается в неверном направлении (Центр, Запад и Север страны).

В сентябре 2000 г. национал-демократические издания под лозунгами борьбы с олигархическими кланами развернули кампанию в защиту Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко. 29 ноября было

---

[1] Хроники современной Украины. Т. 4: 1999–2000. К.: Основные ценности, 2002. С. 342.

2 Там же. С. 319.

3 Там же. С. 356.

объявлено о создании блока НРУ, УРП и КУН с целью проведения совместных акций и согласования списка для участия в парламентских выборах. Было объявлено, что блок открыт и для УНР[1]. Однако УНР в начале 2001 г. предпочел пойти на создание объединения «Українська правиця», в состав которого вошли в том числе УРП, партия «Собор», фрондистская «Батькивщина», а также национал-радикальная СНПУ.

5. Правые силы в роли сегмента «демократической оппозиции» режиму Кучмы

В обстановке постепенного усиления напряженности в политической ситуации в конце 2000 г. возник «кассетный скандал», который имел долгосрочные дестабилизирующие последствия, способствовал резкому ухудшению отношений Л. Кучмы с Западом (в первую очередь с США) и содействовал дальнейшему усилению оппозиционных настроений в среде правых сил, как национал-демократических, так и национал-радикальных.

28 ноября 2000 г. лидер Соцпартии А. Мороз обвинил Л. Кучму в том, что тот является инициатором исчезновения журналиста Г. Гонгадзе. Обращало на себя внимание то, что руководители других левых сил — КПУ и Прогрессивно-социалистической партии Украины (ПСПУ) — весьма сдержанно или даже отрицательно (в лице лидера ПСПУ Н. Витренко) отреагировали на начало скандала[2]. Между тем в преддверии скандала А. Мороз заявил о том, что его партия может присоединиться к блоку сил (национал-демократические фракции и «Батькивщина» Юлиия Тимошенко), поддерживающих в Верховной Раде правительство Виктора Ющенко. Таким образом, стало понятно, что основным партнером левоцентриста А. Мороза в кассетном скандале окажутся правые партии. В проводившихся с конца декабря и в начале 2001 г. оппозиционных акциях «Украина без Кучмы» (УБК) наряду с СПУ принимали участие по преимуществу национал-демократические (в том числе «Собор», УРП) и национал-радикальные партии (в том числе УНА и СНПУ).

После отставки 19 января с должности вице-премьера, ответственного за ТЭК, Юлия Тимошенко присоединилась к акциям

---

1 Там же. С. 370.

2 См.: Хроники современной Украины. Т. 4: 1999–2000. К.: Основные ценности, 2002. С. 362.

протеста, фактически превратившись в лидера радикальной оппозиции. 9 февраля был создан координационный совет оппозиционеров — Форум национального спасения (ФНС) в составе 15 человек, среди которых были лидеры «Батькивщины» Юлии Тимошенко и Александр Турчинов, руководители левоцентристской СПУ, а также правых УРП и «Собора». Среди требований ФНС были и внешнеполитические, в том числе об аннулировании договоренностей между Леонидом Кучмой и Владимиром Путиным, достигнутых в Днепропетровске и касавшихся, в том числе, объединения энергосистем Украины и России.

К деятельности ФНС были привлечены и деятели из среды национал-радикальной УНА. При этом лидер «Щита» Дмитрий Корчинский подверг критике руководство ФНС, поставив ему в вину стремление отстранить радикалов от политических вопросов, ограничив их роль исключительно исполнением функций штурмовых отрядов.

Обращает на себя внимание то, что, несмотря на разнообразную окраску радикальной антикучмовской оппозиции, ее левое крыло (СПУ) не оказывало влияния на формирование общего идеологического профиля оппозиционного лагеря, сплачивавшегося, главным образом, под правыми лозунгами и в целом правая направленность которого усиливалась вследствие практики сотрудничества с национал-радикальными силами.

В рамках антикучмовских акций начала 2001 г., вызванных «кассетным скандалом», проявил себя также молодежное национал-демократическое объединение «За правду», в состав которого, среди прочих организаций, вошли «Молодой Рух» и группа «Самостійна Україна». С его стороны к режиму прозвучали и внешнеполитические требования «прекращения антизападной истерии» и недопущения «решающего влияния Российской Федерации на формирование внешней политики Украины»[1].

Обострение политической борьбы в Украине достигло апогея во время силового столкновения между МВД и представителями оппозиции 9 марта 2001 г. В результате были задержаны десятки активистов национал-радикальной УНА, штаб-квартира которой, по утверждению оппозиционных деятелей, была разгромлена. Задержанному лидеру УНА Андрею Шкилю и группе его приверженцев были предъявлены обвинения в организации массовых беспорядков.

---

[1] Хроники современной Украины. Т. 5: 2001–2002. К.: Основные ценности, 2003. С. 25.

В целом, однако, позиция правых сил в период обострения кассетного кризиса может быть охарактеризована как продолжение политики лавирования. Часть национал-демократических структур (УРП, «Собор»), взаимодействуя с фрондирующей «Батькивщиной» и получившими возможность для активизации в условиях нарастания политического противостояния национал-радикальными группировками, принимала активное участие в акциях протеста. Со стороны национал-либеральной ПРП и Украинского Народного Руха (УНР) прозвучали заявления, направленные в поддержку этих акций. В частности, ПРП осудила действия МВД во время столкновений 9 марта[1]. Впрочем, та же УНР устами своего лидера Юрия Костенко подвергла критике движение «Украина без Кучмы», а руководитель Народного Руха Геннадий Удовенко осудил саму акцию УБК. При этом НРУ и ПРП провели демонстрации с требованиями отставки генерального прокурора и секретаря Совета национальной безопасности Украины[2].

Такого рода двойственность в значительной степени была обусловлена двусмысленностью положения премьер-министра Виктора Ющенко, на которого ориентировались основные правые силы. С одной стороны, он объективно был заинтересован в ослаблении режима Леонида Кучмы, с другой стороны, обязан был подчеркивать свою лояльность к главе государства (в украинской политике премьер-министр не может не подчеркивать такую лояльность).

Например, Виктор Ющенко осудил первый и второй аресты Юлии Тимошенко, что выглядело как моральная поддержка оппозиции. В то же время он подписал вместе с президентом Леонидом Кучмой и председателем Верховной Рады Иваном Плющом «письмо трех», в крайне резких выражениях осуждавшее действия радикальной оппозиции. Это вызвало в среде радикальных оппозиционеров, в том числе национал-демократического толка, явное возмущение. Однако лидер УНР Юрий Костенко поспешил призвать «воздержаться от критики Ющенко, так как он остается надеждой Украины»[3].

Много говорилось и о внешней подоплеке «кассетного скандала». На этот счет высказывались самые разнообразные точки зрения. По мнению политолога Владимира Малинковича, «массированная дискредитация Кучмы и его окружения началась с опубликования фрагментов так называемых пленок Мельниченко и обвинения пре-

---

[1] Там же. С. 47.
[2] Там же. С. 25.
[3] Там же. С.23

зидента в убийстве журналиста Георгия Гонгадзе. Свои первые интервью Мельниченко давал исключительно украинской редакции американского радио "Свобода", которой руководил тогда Роман Купчинский, влиятельный американский украинец, имеющий тесные связи в высших эшелонах прежде всего Демократической партии США, в кругах, связанных со Збигневом Бжезинским. Не без его, вероятно, помощи экс-майор Мельниченко и вдова Гонгадзе получили политическое убежище в Америке. Разумеется, это только одна из версий, но на основании своего эмигрантского опыта могу предположить, что план содействия правой оппозиции и объединения ее с соцпартией Мороза разрабатывался и поддерживался в Америке. Не правительством США, а влиятельными людьми, включенными в такую примерно цепочку: "ястребы" в руководстве Демократической партии, в целом довольно либеральной, — влиятельная часть украинской и польской диаспор в Америке — лобби демократов в Госдепартаменте и спецслужбах — обычно поддерживающий эту же партию крупнейший профсоюз АФТ-КПП тесно связанный с этим профсоюзом "Фридом Хауз" ("Дом свободы"), организация, которая спонсирует проекты в поддержку демократии по всему миру»[1].

«Кассетный кризис» в известной мере завершал для национал-демократических сил период, когда они маневрировали между провластной и оппозиционной линией. 26 апреля 2001 г. Верховная Рада приняла резолюцию недоверия правительству, за которую голосовали центристские фракции и фракция КПУ. Полностью ориентированные на премьера лидеры правых партий незамедлительно после его отставки заговорили о Викторе Ющенко как о кандидате на президентских выборах 2004 г. и объявили о своем переходе в оппозицию.

В преддверии рассмотрения вопроса об отставке правительства В. Ющенко национал-демократические структуры при поддержке Соцпартии организовали ряд массовых акций в его поддержку. Наибольшей массовостью отличался митинг перед зданием Верховной Рады 24 апреля, собравший около 15 тыс. человек. Возглавляемая Юлией Тимошенко партия «Батькивщина» мобилизовала для участия в нем 8 тыс., другие правые структуры — около 6 тыс. человек[2].

Хотя сам Виктор Ющенко долгое время всячески избегал позиционировать себя как жесткого оппозиционера, тем не менее

---

[1] *Малинкович В.* О причинах «оранжевой» революции в Украине // «Оранжевая революция»: версии, хроника, документы. К.: Оптима, 2005. С. 47.

[2] Хроники современной Украины. Т. 5: 2001–2002. К.: Основные ценности, 2003. С. 70.

было очевидным, что поддерживающие его силы вступают в новый этап своего существования — *конфликт с режимом Леонида Кучмы*, который идеологически оформлялся как «борьба народа с олигархами». Новый этап, в котором правые силы взяли на себя роль «демократической оппозиции», продлился вплоть до выборов главы государства в 2004 г. На смену антикоммунизму пришел антиолигархизм и антикучмизм при использовании национальной риторики. Лидер левоцентристской Соцпартии Александром Мороз, в свое время осуждавшийся правыми и их союзниками в евроатлантических странах как спикер «антиреформаторского парламента», оказался ближайшим соратником по антикучмовскому альянсу. Критика Компартии по тактическим соображениям также была приглушена, поскольку КПУ находилась в оппозиции режиму Кучмы.

Украинская политика при этом впервые приобретала все более явственную ориентацию на харизматический фактор. Виктор Ющенко и выступавшая с близких, но намного более радикальных позиций Юлии Тимошенко стремились предстать в образе народных вождей, апеллирующих непосредственно к широким массам.

Более умеренная часть национал-демократических структур оказалась в одном лагере с Виктором Ющенко, а более радикальная — в союзе с «Батькивщиной» Юлии Тимошенко. Для умеренных сил главной и первоочередной целью было добиться возвращения В. Ющенко в кресло главы правительства и тем самым реанимировать его неявно подразумевавшейся статус «наследника» Л. Кучмы. Для радикалов же жесткая антикучмистская позиция изначально была ведущей.

Национал-демократическое движение сформировалось как антикоммунистическая политическая альтернатива, возглавлявшаяся представителями национал-гуманитарной интеллигенции и делавшая ставку прежде всего не на личные качества своих вождей, а на идеологию. Выступая в поддержку набиравших популярность и обладавших харизматическими дарованиями политиков-фрондеров, его руководители вновь приобретали определенную политическую перспективу и, прежде всего, получали возможность расширить свое политическое представительство после парламентских выборов 2002 г. Но в то же время ставка на «лидеров народного доверия» делала правые партии зависимыми от личной воли, планов, настроений и политики политических союзов Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко и, хуже того, вела к «перетеканию» в пользу последних «пусть небольшого, но своего» электората правых партий. Лидеров последних в конечном итоге оттесняли на не слишком благодарную роль политических хористов.

При этом сам Ющенко отнюдь не стремился вносить ясность в свои планы, сохраняя ситуацию неопределенности. Уже это вообще-то должно было бы насторожить правые партии, стремившиеся под его флагом начать кампанию по выборам в парламент, намеченным на 2002 г.

С одной стороны, стремление Ющенко расширить круг своих союзников можно было объяснить соображениями элементарного политического расчета. Ему было невыгодно отождествлять себя исключительно с правым, национал-демократическим лагерем, опиравшимся на достаточно узкий слой избирателей. В его интересах было позиционировать себя как лидера максимально широкой коалиции, включающей разнородные силы и размывающей традиционное идеологическое противостояние между правыми и левыми, активно используя социальную популистскую риторику. С другой стороны, близкий по взглядам к экономическому неолиберализму Ющенко хотя и воспринял ряд ключевых национал-демократических идей (причем — в романтической трактовке), но по своему менталитету всегда был ближе к умеренным — представителям крупного бизнеса и высокопоставленным чиновникам, чем собственно к правым политическим деятелям.

В его окружении немалый вес имели представители «олигархического» капитала (упомянем прежде всего главу финансово-промышленной группы «Укрпроминвест» Петра Порошенко), против которых, в принципе, как раз и был обращен «народный гнев». Судя по дальнейшим событиям, в планы Ющенко входило использование национал-демократических сил и их электората в своих интересах, но никак не исполнение ролей, выгодных политикам, возглавлявших те или иные национал-демократические партии.

Разобщенность национал-демократического движения, символизируемая постоянными неудачными попытками объединить в единый Рух НРУ и УНР, облегчала возможности для политического манипулирования. Не облегчало задач правого движения и то обстоятельство, что все составляющие его партии (за исключением национал-либеральной ПРП) ассоциировались с жизненным опытом преимущественно старшего поколения.

Наконец, после сравнительно длительной паузы Виктор Ющенко 16 июля 2001 г.[1] объявил о создании своего избирательного блока «Наша Украина». При этом бросалась в глаза то, что рамки блока намеренно оставались как можно более размытыми, что лидер

[1] Дата была выбрана не случайно: 16 июля 1990 года Верховная Рада Украинской ССР приняла Декларацию о суверенитете Украины.

«Нашей Украины» стремится не допустить его четкой идентификации с национал-демократическими силами. В частности, прозвучали туманные слова о том, что блок «не будет правоцентристским или левоцентристским», «речь идет о консолидации демократических сил, которые могут часть своих позиций, в частности, идеологических оставить в прошлом»[1]. Было понятно, что независимо от конфигурации блока он получит значительную поддержку избирателей, доверявших в первую очередь лично Ющенко, что открывало перед ним широкие возможности в отношении определения окончательной конфигурации «Нашей Украины». Чисто технологически Ющенко было выгодно добиваться максимального расширения числа участников своего предвыборного проекта, уменьшая тем самым в будущем свою зависимость от поддержки своих союзников в будущем составе парламента.

Как отмечали наблюдатели, правые силы в лице Народного Руха Украины, которые стремились «приватизировать» «Нашу Украину» еще до ее создания, — отреагировали на эти призывы заявлением, что «основу блока составляют НРУ с партнерами — УНР, ПРП и КУН»[2], — заметно расходившимся с планами Ющенко.

Параллельно продолжалось формирование более радикального оппозиционного блока вокруг Юлии Тимошенко. Он был учрежден 19 июля 2001 г. с участием нескольких национал-демократических образований, в том числе партии «Собор» Анатолия Матвиенко и Украинской республиканской партии[3]. К стану Юлии Тимошенко со временем примкнул и лидер одной из фракций национал-радикальной УНА Андрей Шкиль.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вскоре (27 сентября 2001 г.) Юлия Тимошенко обратилась с открытым письмом к Виктору Ющенко, в котором призвала последнего возглавить процесс объединения «Нашей Украины», ее собственного блока и левоцентристской СПУ. То, что Ющенко отклонил эту инициативу, было вполне объяснимым, поскольку он стремился не отпугнуть умеренных избирателей и сохранить возможности для диалога с Леонидом Кучмой, играя роль «оппозиции его величества».

В сентябре 2001 г. Виктор Ющенко все еще поддерживал полную неопределенность в отношении состава своего блока. В своем большинстве национал-демократические политики испытывали немалый энтузиазм по поводу своего участия в «Нашей Украине», гарантиро-

---

[1] Хроники современной Украины. Т. 5. С. 115.

[2] Там же. С. 116.

[3] Там же. С. 116.

вавшей им лично попадание в парламент в 2002 г. и перспективы войти в команду главы государства после президентских выборов 2004 г. При этом многие из них рассчитывали на то, что каждая из основных правых структур, входивших в орбиту Виктору Ющенко (НРУ, УНР, ПРП), получит квоту в 25% от списка «Нашей Украины»[1].

Однако некоторые правые политики все же испытывали сомнения в связи с возможной утратой политической самостоятельности. Так, например, резко выступил против вхождения в «Нашу Украину» руководитель секретариата НРУ Сергей Конев, поскольку это-де приведет к утрате партийного «бренда». (Конев, однако, был вскоре исключен из партии.)

Стремление Виктора Ющенко по возможности расширить состав блока и уменьшить, таким образом, квоты отдельных политических сил четко проявились в декабре 2001 г., когда кроме трех национал-демократических «сестер» (НРУ, УНР и ПРП) и КУНа в составе «Нашей Украины» оказалось еще несколько партий, включая две центристские партии, связанные с крупным капиталом (партия «Солидарность» во главе с игравшим все более заметную роль в «нашеукраинских» делах Петром Порошенко, а также Либеральная партия). Кроме того, Виктор Ющенко зарезервировал значительную часть мест в списке лично за собой. Это свело на нет надежды любой из представленных в «Нашей Украине» сил играть какую-либо исключительную роль в «Нашей Украине» после выборов.

Таким образом, еще до выборов 2002 г. в рамках блока В. Ющенко наметились серьезные трения между ее «олигархической» и «националистической» составляющими. Примечательно, что существовали, правда, нереализованные планы относительно вхождения в «Нашу Украину» Партии регионов[2], в которую некоторое время входил возглавивший в «Нашей Украине» избирательный штаб Петр Порошенко. Предположения же о том, что Виктор Ющенко может стать лидером заново созданного единого Руха оказались полностью безосновательными. Примечательно, что слухи о том, что он вынашивает планы в этом отношении, опроверг Петр Порошенко[3].

* * *

В целом парламентские выборы 2002 г., казалось бы, засвидетельствовали усиление позиций национал-демократических и уме-

---

[1] Чуть позже штаб Ющенко предложил им удовлетвориться десятью процентами.

[2] Хроники современной Украины. Т. 5: 2001–2002. С. 379.

[3] Там же. С. 415.

ренных националистических сил, которые смогли провести немалое число своих сторонников по спискам «Нашей Украины» и Блока Юлии Тимошенко (БЮТ). Оценивая их результаты, Народный Рух Украины (НРУ) заявил, что «общество стало более зрелым», констатируя «реальный сдвиг общества вправо»[1]. «Наша Украина» (НУ) по партийным спискам набрала 23,5% голосов, а БЮТ — 7,26%. Входившие в состав «НУ» Украинский народный Рух приобрел 20 депутатских мандатов, НРУ — 17, Партия «Реформы и порядок» (ПРП) — 20, КУН — 3. Национал-демократические партии, принадлежавшие к БЮТ («Собор» и Украинская республиканская партия) провели, соответственно, 3 и 1 депутата[2]. Праворадикальная СНПУ провела в парламент одного депутата.

Однако действительное положение дел в силу того, что Виктор Ющенко и его окружение применило тактику расширения числа участников блока и создания собственной квоты, оказалась намного сложнее. *Правый поворот состоялся в том смысле, что теперь не левые силы, а возглавляемый Виктор Ющенко национал-либеральный блок смог предстать в глазах избирателей основной альтернативой и оппозицией режиму Л. Кучмы.*

Таким образом, Компартия утратила привилегированное положение основной оппозиционной силы. Произошло и заметное численное уменьшение представительства левых сил. Если в 1998 г. Компартия провела в парламент 121 депутата, то в 2002 г. — 64. ПСПУ не смогла преодолеть четырехпроцентный барьер. А СПУ, которая ввела в состав Верховной Рады 21 депутата, давно дрейфовала в правом направлении.

Преимущество «Нашей Украины» состояло и в том, что, играя роль ведущей альтернативы правящему режиму, это движение, в отличие от Компартии, вплоть до президентских выборов 2004 г. стремилось сохранить образ умеренной политической силы, не исключавшей того, что ее лидер все-таки будет призван Леонидом Кучмой в качестве «наследника».

Однако при этом роста влияния собственно правых — национал-демократических и национал-радикальных — сил не наблюдалось. К концу декабря 2001 г. окончательно возобладала ослаблявшая позиции основных правых партий линия на формирование в рамках «Нашей Украины» максимально широкой коалиции (к блоку в качестве полноправных участников или же «поддерживающих» прим-

---

[1] Там же. С. 231

[2] В состав украинского парламента входит 450 депутатов.

кнуло около 50 организаций[1]) при одновременном резервировании значительной квоты лично за Виктором Ющенко.

Непосредственно после завершения выборов национал-демократическим партиям предстояло включиться в борьбу за влияние на Виктора Ющенко как кандидата на президентский пост, в которой у них были серьезные конкуренты. В январе 2003 г. лидер УНР, уже переименованного в УНП (Украинскую народную партию), Юрий Костенко и руководитель Украинской республиканской партии «Собор» (образовавшейся в результате слияния УРП и «Собора») Анатолий Матвиенко подписали адресованное национал-демократическим партиям воззвание, преследующее цель инициировать создание «демократической коалиции» для выдвижения единого кандидата на президентских выборах. В воззвании содержался призыв к сближению «Нашей Украины» и Блока Юлии Тимошенко. Таким образом, национал-демократы пытались сыграть роль посредника между «НУ» и БЮТ, поскольку УНП входила в состав «Нашей Украины», а УРП «Собор» — в состав БЮТ.

Очевидно, национал-демократические политики все еще рассчитывали, что в случае формирования на основе оппозиционного движения единой партии они смогут играть в ней ведущую роль. Выступая за консолидацию «НУ» и БЮТ, они усматривали перспективу «создания в будущем мощной украинской партии, которая развивала бы традиции единого Руха и УРП начала 90-х годов». Целью этого процесса Юрий Костенко назвал утверждение в Украине «украинской власти во главе с украинским президентом»[2]. Однако доступ национал-демократов с их мечтой о власти и президенте к телу В. Ющенко оказался прегражден представителями идеологически индифферентного крупного бизнеса, плотно окружавшего лидера «Нашей Украины».

В марте 2003 г. с созданием так называемого «Форума демократических сил» фактически стартовала президентская избирательная кампания Виктора Ющенко. Через месяц Народный Рух Украины возглавил бывший министр иностранных дел Борис Тарасюк, олицетворявший евроатлантический вектор в украинской внешней политике. Он призвал к тому, чтобы НРУ вернул «ведущие позиции в украинском политикуме», но уже в рамках блока «НУ». В качестве важнейшей задачи он выделил создания условий для консолидации национал-демократических партий[3]. В июне 2003 г. было заявлено,

---

[1] Хроники современной Украины. Т. 5. С. 394.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же. С. 85.

что НРУ ведет переговоры с ПРП и УНП, направленные на формирование единой национал-демократической партии[1].

Одновременно НРУ включился в активную пропаганду, направленную на дискредитацию политической реформы, инициированную президентом Леонидом Кучмой. Учитывая, что реформа была направлена на усиление роли парламента и политических партий в формировании правительства и, соответственно на усечение в перспективе полномочий главы государства, такая позиция демонстрировала слабость Народного Руха как одной из важнейших партийных составляющих национал-демократических сил. Критика политической реформы со стороны его лидеров свидетельствовала о том, что они делают ставку на близость в будущем к президенту, а не на обеспечение привлекательности собственного партийного проекта в глазах избирателей.

Праворадикальные же силы в период, последовавший после разгрома акций 9 марта 2001 г., оказались в особенно затруднительном положении. Ряд деятелей УНА находились под следствием и судом, причем с их стороны в адрес руководителей радикальной оппозиции из стана Юлии Тимошенко порой звучали обвинения в недостаточном внимании к судьбам арестованных. Кроме того, УНА сотрясали постоянные конфликты, расколы и ожесточенное противоборство группировок.

Некоторые наблюдатели пришли даже к выводам, согласно которым Виктор Ющенко, возглавивший опиравшиеся на умеренно правые партии оппозиционное движение, на тот момент представлял собой некий сдерживающий фактор в отношении праворадикальных тенденций.

В этом отношении, в частности, тогда отмечалось, что «сейчас многие аналитики размышляют о причинах и перспективах “глобального поправения” в Западной Европе. Начиная с победы Йорга Хайдера в Австрии волна электоральных успехов правых радикалов прокатилась по всей Европе, задев такие, казалось бы, традиционно “левые” страны, как Италия, Бельгия, Дания, Франция. Вехой “европейского правого ренессанса” стали выборы 2002 года во Франции и Голландии. [...] Менее заметно для нашего обывателя прошли локальные победы крайне правых на местных выборах в Великобритании, Норвегии, Германии, Швейцарии... На Украине в этом отношении пока более-менее спокойно, если не считать нападения на Киевскую синагогу и Русский культурный центр во Львове. Но это и настораживает. В то время как Европа радикально правеет, на

[1] Там же. С. 106.

Украине традиционно сильный ультраправый фланг вошел в период полного упадка. Идеологической базой отечественных крайне правых всегда был украинский этнический национализм. Весьма прославились на этом поприще известная своими конкретными силовыми упражнениями УНА-УНСО и Социал-национальная партия (СНПУ)... УНА-УНСО, приняв участие в истории с "делом Гонгадзе", подпала под молот борьбы компетентных органов с уличными беспорядками. Нынешнее руководство организации преисполнено конформизма. Бывший лидер УНА Андрей Шкиль стал депутатом и теперь возглавляет "департамент экстремизма" во фракции Юлии Тимошенко. СНПУ ударилась в теорию, а ее единственный нардеп Олег Тягнибок числится беспартийным и влился во фракцию "Нашей Украины". Упадок праворадикального фланга в украинской политике можно отчасти объяснить экспансией политического движения Виктора Ющенко, которое вобрало в себя все реальные политические направления, которые базируются в Западной Украине. Этот разношерстный конгломерат носит ситуативный характер — до президентских выборов 2004 г. Фигура Виктора Ющенко странным образом воплощает в себе чаяния бизнесменов, национал-либералов, национал-демократов — руховцев, национал-консерваторов и даже национал-радикалов. Поэтому, по всей логике событий, крайне правая ниша должна пустовать до 2004 г., поскольку идеологический подход к ней монополизировал столь многоликий Виктор Андреевич. В то же время, на фоне актуальности правой карты в Европе могут быть попытки "отбить" эту нишу со стороны неких новых сил, может быть, созданных искусственно. Этому могут способствовать и возможные локальные неудачи ющенковского локомотива, которые оттолкнут от него правых маргиналов»[1].

Однако в действительности ситуация была намного более сложной и неоднозначной. С одной стороны, действительно, Виктор Ющенко, тесно связанный, как уже отмечалось, с крупным капиталом (и, таким образом, тяготевший к умеренности), отчасти поглотил и растворил национал-демократические и национал-радикальные силы в своем движении. Это отвечало, во-первых, интересам сплотившегося вокруг Ющенко капитала. Во-вторых, «оранжевый» проект изначально развивался в русле согласования позиций украинских национальных кругов с интересами глобального капитала и евроатлантических сил (в феврале 2003 г. Ющенко совершил визит в США, где был принят вице-президентом Ричардом Чейни, что, как отмечали наблюдатели, было необычно высокой честью для лица, офи-

[1] Фашизм: Ющенко — сдерживающий фактор? // www. proua.com.

циально являвшегося лишь лидером одной из политических группировок). Для последних украинское национальное движение имело прежде всего значимость с точки зрения его возможностей по противодействию российскому влиянию в рамках процесса распространения геостратегического плюрализма на постсоветском пространстве, но вряд ли могло рассматриваться как значимая самостоятельная ценность. Подчинение правых сил Виктору Ющенко, действующему в интересах бизнеса высокопоставленному бюрократу, ориентированному на евроатлатические ценности, как и включение в состав широкой оппозиционной коалиции левоцентристской Соцпартии (чей лидер Александр Мороз несколькими годами раньше, в 1994–1998 гг., всемерно осуждался как спикер «антиреформаторского консервативного парламента») — вполне отвечало их интересам.

С другой стороны, с целью мобилизации протестного электората оппозиционные силы, тесно связанные крупным «олигархическим» капиталом (в том числе и с некоторыми влиятельными российскими бизнес-группами), постоянно стимулировали не только радикальные «антиолигархические» настроения, но и пропаганду, имевшую цель убедить избирателей Запада и Центра страны в некоем «неукраинском» («московско-еврейском») характере режима Кучмы. Все это наблюдалось на фоне известного ухудшения межэтнического климата в Украине. Показательным с этой точки зрения является зафиксированное социологами в рамках общеукраинского опроса внезапное усиление в 2002 г. ксенофобских предрассудков и настроений «этнического дистанцирования» (исследования Наталии Паниной, Институт социологии НАН Украины)[1]. На основе осуществляемого в течение 10 лет мониторинга общественного отношения к межэтнической толерантности, который проводился согласно методике «шкалы социальной дистанции» Богардуса, Наталья Панина пришла к выводу о существовании «крайне неблагоприятной тенденции роста как интегрального показателя национального дистанцирования, так и отчуждения населения Украины практически от всех национальностей, включенных в список. За исключением русских, украинцев и белорусов, практически все национальности [...] — “выселены из страны”. Снижается и самотолерантность: возрастание дистанции относительно основных национальностей, проживающих в Украине (титульной нации — украинцам и самым многочисленным меньшинствам — русским и белорусам)»[2].

---

[1] См.: *Панина Н., Кириченко И.* Особенности национальной толерантности в Украине (http://www.zn.kiev.ua/nn/show/408/35964/).

[2] Там же.

6. Национал-демократические и национал-радикальные партии и движения в условиях «оранжевых» событий. Феномен «Поры». Правые ревизионисты

В целом, несмотря на полное, казалось бы, благоприятствование политической конъюнктуры, организованные национал-демократические и радикально-националистические силы подошли к 2004 г. в состоянии известного кризиса. В канун «оранжевой революции» они оставались лишь *одной* из подчиненных составляющих широкого альянса сил, выступавших за избрание Виктора Ющенко главой государства.

Во-первых, как отмечалось выше, доступ «к телу» Ющенко для национал-демократов в значительной степени преграждался представителями крупного идеологически индифферентного бизнеса из окружения лидера «Нашей Украины». Лидер «НУ» мог приближать к себе или отдалять тех или иных деятелей из национал-демократического стана, но в целом они играли незначительную роль в ряду приближенных к нему лиц.

Показательно, что когда в конце сентября 2004 г. произошло объединение центрального штаба блока «Наша Украина» и штаба БЮТ, то в составе руководства нового избирательного центра (Александр Зинченко, Петр Порошенко, Николай Мартыненко, Александр Турчинов, Роман Бессмертный), хотя и появились близкие к правым по идеологическим взглядам деятели (прежде всего, Роман Бессмертный), но не оказалось ни одного официального представителя правых партий (УНП, НРУ, ПРП, УРП «Собор»).

Во-вторых, сам Ющенко стремился стоять *над* партиями, находящимися в оппозиции. Его политический менталитет так или иначе сформировался под влиянием пребывания в КПСС, а затем в постсоветской партии власти НДП. Очевидно, что Ющенко мыслил себя свое будущее, как президента со столь же широкими полномочиями, как и у Л. Кучмы. При этом он, можно предположить, рассчитывал, что поддерживающие его политические силы объединятся в единую чиновничье-бизнесовую «партию власти» с известным национал-демократическим и антимосковским оттенком, в которой всем найдется место и которая будет выполнять служебные в отношении главы государства функции (что отчасти близко к российской модели взаимоотношений между лидером страны и партией «Единая Россия»). Такой сценарий мало отвечал

интересам лишавшихся своих автономных уделов руководителей основных правых сил.

В-третьих, против национал-демократических сил играла их организационная слабость и разрозненность, а также то обстоятельство, что по преимуществу они ассоциировались с политическим опытом национальной гуманитарной интеллигенции начала 1990-х гг. и не выглядели достаточно современно (кроме, может быть, ПРП). На протяжении всего постсоветского периода национал-демократам так и не удалось трансформировать свои структуры из движений, придерживающихся этнолингвистического национализма, в умеренно правые политические партии современного европейского образца. В таких условиях любая претендующая на власть сила, даже если она, прежде всего, опиралась на украиноязычную среду избирателей Западной и Центральной Украины, обязана была позиционировать себя как максимально широкое объединение, выходящее далеко за рамки традиционного национал-демократизма.

Отражая существовавшее в национал-демократических кругах беспокойство, руководство УРП «Собор» при принятии решения о поддержке кандидатуры Виктора Ющенко на президентских выборах заявило, что общественность должна получить четкий ответ на вопрос, какую команду он ведет во власть. Почти отчаянную попытку в борьбе за идеологический контроль над лагерем сторонников Ющенко предприняла возглавляемая Виктором Пинзеником национал-либеральная Партия реформы и порядка (ПРП), объявив в июне 2004 г. о переименовании себя в партию «Наша Украина». Некоторые наблюдатели усмотрели в этой попытке монополизировать бренд блока стремление затруднить создание на его основе единой партии.

Одновременно правые силы стремились перехватить инициативу в вопросах формирования избирательного блока в поддержку лидера «НУ» и создания объединенной партии. На состоявшемся в марте 2004 г. XIV съезде НРУ было принято решение о создании избирательного блока, который должен был выдвинуть кандидатуру Виктора Ющенко на президентских выборах.

Наконец, в национал-демократической среде параллельно продолжались традиционно безрезультатные попытки партийного объединения. На этот раз попытка укрупнения правых партий исходила от Украинской народной партии (УНП), принадлежавшей к «Нашей Украине», и входившей в БЮТ УРП «Собор», руководящие структуры которых в марте 2004 г. провели совместное заседание по обсуждению планов касательно создания единой национал-демократической партии.

Лидер НРУ Борис Тарасюк 30 марта 2004 г. высказался решительно против планов создания на основе этого блока единой партии, назвав их политическим самоубийством. Подобная резкость, отражавшая разногласия внутри «Нашей Украины», прозвучала тотчас после заявления Виктора Ющенко о формировании организационного комитета по созданию новой «европейской партии» и являла собою прямую реакцию на него.

Строго говоря, лидер «Нашей Украины» заявлял, что такого рода партия *не должна* создаваться на основе имеющихся структур. Однако для национал-демократических лидеров было ясно, что «европейская партия» замышляется как проект, призванный оставить большинство из них не у дел, и при этом поглотив наиболее жизнеспособную и карьерную часть политического актива правых партий.

Можно сказать, что верхи «НУ» во главе с Виктором Ющенко использовали в своих целях правые силы с их относительно узким базисом (в лучшие годы — 10–15% электората) и ограниченными ресурсами, отводя им служебную роль в поддержке мобилизации избирателей из украиноязычных областей, особенно западных регионов, в борьбе с Леонидом Кучмой и официальным кандидатом на президентский пост премьер-министром Виктором Януковичем. Функция правых состояла в постоянном клеймлении последних как лидеров «антиукраинской власти», что время от времени сопровождалось инвективами в адрес России. Так, например, 22 января 2004 г. в День соборности Украины один из руководителей НРУ в контексте визита Владимира Путина в Украину заявил о том, что нельзя спокойно наблюдать, «как распределяет украинский президент украинские богатства, как наш сосед издевается над нашей честью, над Украиной как государством, над украинским народом»[1].

При этом лидер «НУ» был весьма заинтересован в использовании личных контактов руководителя НРУ Бориса Тарасюка, как бывшего министра иностранных дел Украины, с целью дальнейшего улучшения своего образа в евроатлантических странах. По инициативе Тарасюка в феврале 2004 г. в Киеве была проведена представительная международная конференция «Украина в Европе и в мире», которая в целом продемонстрировала растущую поддержку Виктора Ющенко в большинстве западных стран. В ней, в частности, приняли участие бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, экс-премьер-министр Швеции Карл Бильдт, глава Бюро национальной безопас-

[1] Роз'єднана соборність // www1.deputat.org.ua/index.php?action=analitics&ar_id=551&as =0.

ности Польши Марек Сивец[1]. Ряд деятелей из национал-демократического лагеря возглавил НПО, ориентированные на продвижение идеи интеграции Украины в евроатлантические структуры. Обещание добиться быстрого и решительного прогресса в отношениях с ЕС и получить со стороны последней сигнал о готовности интегрировать в европейское сообщество Украину было одним из важнейших постулатов в предвыборной пропаганде «Нашей Украины».

Как уже отмечалось, согласно распространенному мнению, международная поддержка проекта Виктора Ющенко сформировалась под покровительством влиятельных политических кругов в евроатлантических странах, связанных с интересами восточноевропейской политической эмиграции, влияющих на позицию верхов Демократической партии США.

Менталитет этих кругов, трактовавших Украину как ординарную составляющую региона Центральной и Восточной Европы, притом якобы находившуюся (наподобие Польши или Венгрии) в длительном историческом конфликте с Москвой, отвечал как установкам жестко антироссийски настроенной части украинского дипломатического корпуса во главе с Борисом Тарасюком, так и традиционным представлениям национал-демократических сил Украины. Для последних, по преимуществу, было характерно видение Украины как обычной восточноевропейской страны, попавшей в колониальную зависимость от московской метрополии. Соответственно, миссия национал-демократических сил виделась как освобождение Украины из колониального пленения и возвращения ее в лоно европейской цивилизации.

Идеологи правых сил рассматривали «оранжевые» события как «...второй этап национальной революции конца 80-х — начала 90-х годов, которая привела к появлению независимого украинского государства»[2]. Выборы расценивались как некое подобие исторически значимого референдума, призванного отделить борющихся за свободное будущее и самоопределение аутентичных патриотов от «коррумпированных и связанных с преступным миром сторонников Москвы».

Один из рядовых радикальных сторонников Виктора Ющенко писал, что президентские выборы 2004 г. «...не менее значимы,

---

[1] В Российской Федерации наиболее близкими партнерами «оранжевого» проекта оказались либеральные политики из Союза правых сил, и прежде всего Б. Немцов, а также некоторые руководители крупных финансово-промышленных групп.

[2] Українське слово. 2004. 1–7 грудня.

чем референдум 1991 года, и оставаться в стороне никто не имеет морального права. [...] Главный аспект поляризации двух кандидатов: Ющенко — украинец по происхождению, воспитанию, убеждениям. А кем является Янукович в этом понимании? К сожалению, это выборы являются борьбой УКРАИНСТВА против РУСОФИЛЬСТВА. И хотя откровенно об этом никто не говорит, но подсознательно все ПОНИМАЮТ [...] Неспроста вновь муссируется тема о государственности русского языка, двойном гражданстве, "экономическом союзе" с Россией. Так что остается национально сознательным украинцам голосовать... за народного кандидата, за новое, цивилизованное будущее Украины — Виктора Ющенко, поскольку его нам ниспослало само Провидение... Это наш последний шанс»[1].

Особый радикализм такого рода двухцветному видению мира, базировавшемуся на явной гипертрофии русофильства команды официального кандидата и отождествлении его со всемирным злом, был придан в «письме двенадцати апостолов» — опубликованном в середине октября 2004 г. заявлении группы известных литераторов. Отметим здесь, что в письме были воспроизведены обвинения в адрес русского языка, звучавшие во время эксцессов, связанных с гибелью Игоря Билозира, когда русский язык отождествлялся с криминальным арго.

В целом политическая ситуация, развивавшаяся в условиях распространения подобного «манихейского дуализма», весьма благоприятствовала развитию активности национал-демократических и национал-радикальных структур в борьбе с т.н. «антиукраинской властью» и украинско-русским мультикультурализмом (точнее, бикультурностью).

Однако специфика ситуации состояла в том, что не существовало никаких гарантий получения политиками национал-демократического, а тем паче национал-радикального толка каких-либо особо значимых дивидендов в случае избрания Виктора Ющенко главой государства. В основном им приходилось надеяться на то, что в условиях победы лидера «Нашей Украины» в стране сформируется тенденция, благоприятствующая их усилению в будущем.

О своей поддержке кандидатуры Виктора Ющенко объявили в совместном заявлении лидеры абсолютного большинства базирующихся в основном западноукраинском регионе национал-радикальных организаций — Олег Тягнибок от СНПУ (переименовавшейся в феврале 2004 г. во Всеукраинское объединение «Свобода»), Микола Плавьюк от Организации украинских националистов, Ан-

[1] «2000». 2004. 22 октября.

дрей Гайдамаха от Организации украинских националистов (революционной) и Алексей Ивченко от Конгресса украинских националистов[1]. В резолюции пленарного заседания руководства ОУН от 26 сентября подчеркивалось: «В это критическое для каждого гражданина время, когда без преувеличения, решается судьба Украины, руководство ОУН заявляет о своей поддержке Виктора Ющенко. Мы обращаемся к нашим членам, ко всем украинским патриотам с призывом поддержать на президентских выборах лидера "Нашей Украины". Мы не имеем права на поражение»[2].

Во время «оранжевых» волнений в декабре 2004 г. ВО «Свобода», ОУН и ОУН (р) в совместном заявлении утверждали: «Украинский народ восстал не только против грубой и нахальной фальсификации выборов Президента Украины, а прежде всего против антинародной, антиукраинской политики действующего режима, неспособного обеспечить достойную жизнь украинцев и государственный суверенитет Украины. [...] Решительно выступаем против иностранного вмешательства в наши дела. Особенно предостерегаем Россию от попыток силового давления на Украину...»[3]

Отражающие взгляды национал-радикальных сил СМИ сообщали, что во время «оранжевых» волнений в Киеве прибыли делегации украинских националистов из Великобритании, США, Канады, Австралии и Польши. Параллельно участие в Майдане приняли представители националистических организаций из Беларуси, Молдовы, Грузии и Азербайджана. При этом «Центр национального возрождения имени Степана Бандеры на Ярославовом Валу стал одним из тех "опорных пунктов", куда "стекались потоки" участников акций протеста. За время "оранжевых недель" тут побывало около десяти тысяч активистов... Именно по инициативе Центра была сформирована группа, пикетировавшая на протяжении двух дней российское посольство...» Большую активность проявили представители Молодежного националистического конгресса (МНК), принимавшие участие в работе избирательных штабов и избирательных комиссий, а также присоединившиеся к акциям «Студенческая волна», «Чистая Украина», и «Пора». Активисты Всеукраинского объединения «Свобода» и МНК сыграли особую роль в создании охранных структур Майдана, сформировав, по их словам, «сотни добровольных народных дружин»[4].

---

[1] Українське слово. 2004. 14–20 липня

[2] Українське слово. 2004. 29 вересня — 5 жовтня.

[3] Українське слово. 2004. 1–7 грудня.

[4] См.: Штрихи великої історії. Участь організованого націоналістичного руху у «помаранчевій революції» // Шлях перемоги. 2004. 15 грудня.

Силы, выступавшие на стороне Виктора Януковича, энергично стремились использовать факт поддержки Виктора Ющенко организованным этнонационалистическим движением для компрометации кандидата. Сам Виктор Янукович заявил по этому поводу, что «национализм — это болезнь», чем порядком уязвил этнонационалистические круги и вызвал их эмоциональную реакцию[1].

С целью мобилизации электората, настроенного против этнонационалистической идеологии и монокультурности, команда Виктора Януковича сделала одну из ставок на языковой вопрос, выступив за радикальное расширение сферы официального употребления русского языка. Помимо этого, избирательная кампания Януковича, как уже отмечалось, подчеркнуто велась в духе поддержки Украинской православной церкви, находящейся в юрисдикции Московского патриархата (УПЦ-МП), что также должно было подчеркнуть его неприятие этнолингвистического национализма, поддержку украинско-русского мультикультурализма и якобы особую ставку на российский фактор.

Во время визита в Донецкую область в июле 2004 г. в качестве главы правительства Виктора Янукович, акцентировавший свой идеологический консерватизм, специально посетил Святогорскую лавру, чтобы ознакомиться с ходом ее реконструкции[2]. Обращали на себя внимание слова Януковича о том, что его мечтой является объединение Украины вокруг трех символов — Почаевской лавры на Западе, Святогорской на Востоке, Печерской в Центре страны. В сентябре 2004 г. во время официального визита в Израиль он посетил Троицкий собор и Русскую духовную миссию в Иерусалиме.

Противостоящая Московскому патриархату Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ-КП), к числу прихожан которой относится немало политиков национал-демократического толка, на своем поместном соборе в июле 2004 г. объявила, что не будет поддерживать ни одного из кандидатов. Однако оппоненты УПЦ–КП утверждали, что часть ее священников активно распространяла листовки, направленные против Виктора Януковича.

С особенным подъемом использовали ориентированные на Виктора Януковича СМИ инцидент, связанный с высказываниями лидера Всеукраинского объединения «Свобода» и члена фракции

---

[1] См.: Українське слово. 2004. 29 вересня — 5 жовтня.

[2] В Украине действуют три лавры: Киево-Печерская, Почаевская и Святогорская.

«Наша Украина» Олега Тягнибока. Обращаясь в присутствии Петра Ющенко (старшего брата лидера «Нашей Украины») к участникам митинга на могиле одного из командиров Украинской повстанческой армии Клима Савура (17 июля 2004 г., гора Яворина), он сказал: «Они [бойцы УПА] не боялись, как и мы сейчас не должны бояться, они взяли автомат на шею и пошли в те леса, они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидвой и другой нечистью, которая хотела забрать у нас нашу украинскую державу... Необходимо отдать Украину, наконец, украинцам. Те молодые люди и вы, седовласые, это и есть та смесь, которую больше всего боится москальско-жидовская мафия, которая сегодня руководит Украиной»[1].

Это заявление, многократно растиражированное провластными массмедиа и свидетельствовавшее об активизации в условиях нарастания политического кризиса правых радикалов, поставило в весьма сложное положение Виктора Ющенко и умеренных деятелей в «Нашей Украине». Агитация национал-радикалов, приобретавшая экстремистский характер, могла снизить поддержку этого блока не только в русскоговорящих областях Юго-Востока (где она и без того была невысокой), но и в Центральной Украине, серьезно снизить его результат.

Олег Тягнибок был исключен из состава депутатской фракции «Нашей Украины» в Верховной Раде. Ющенко осудил слова Тягнибока, подчеркнув свое неприятие ксенофобии, и потребовал от него «покаяться и извиниться перед людьми, чьи национальные чувства он оскорбил»[2]. Впрочем, далее Олег Тягнибок принял довольно активное участие в «оранжевых» событиях, а апелляционный суд Ивано-Франковской области в декабре 2004 г. снял с него обвинения в унижении национального достоинства[3].

Попытки команды премьер-министра Виктора Януковича использовать тему поддержки праворадикалами Виктора Ющенко в интересах своей избирательной кампании сталкивались с проблемой неоднозначности отношения к национал-радикальной монокультурности внутри самого провластного лагеря, среди представителей которого было немало лиц, подчеркивающих свое неприятие украинско-русского мультикультуральности.

Так, например, в сентябре 2004 г. была опубликована программная статья одного из экономических советников Леонида Кучмы

---

[1] www.pravda.com.ua. 20.07.04. Выступление было случайно или нет зафиксировано на видео.

[2] www.pravda.com.ua/ 20.07.04.

[3] Киевские ведомости. 2004. 15 декабря.

Анатолия Гальчинского «Восток-Запад: опасное противостояние», критически оценивающая как Виктора Ющенко, так и Виктора Януковича. В ней со ссылкой на авторитет Збигнева Бжезинского проводилась мысль, что «нация, которая более трехсот лет находилась в ярме порабощения и из собственной истории знает, что такое национальный геноцид, такая нация имеет историческое право на свое национальное лицо, на гегемонию национальной идеи, наконец — на разумную дозу национализма»[1]. В то же время автор не считал украинский национализм идеологией, оправдывающей превосходство украинского этноса над иными этносами, чьи представители являются гражданами Украины.

Об отсутствии единства по этнополическим вопросам в провластной среде свидетельствовало и принятое в преддверии выборов Национальным советом по телевидению и радиовещанию (НСТРВ) исключительно важное в свете продвижения монокультурности решение о стопроцентной украинизации эфира как условия лицензирования теле- и радиоканалов. Позиция НСТРВ, вызвавшая критику со стороны крымских властей, руководителей ряда телекомпаний и осуждение председателя Верховной Рады Владимира Литвина, приветствовалась политиками правого толка.

Кроме того, сторонники Ющенко обвинили власти и команду Януковича в использовании «подложных националистов» с целью дискредитации лидера «Нашей Украины». В этой связи упоминалась одна из фракций расколотой УНА во главе с Эдуардом Коваленко, проводившая акции в поддержку Ющенко с использованием символики, стилизованной под нацистскую, и «технический» кандидат в президенты национал-радикального толка Роман Козак.

* * *

Одной из наиболее примечательных особенностей политической ситуации в Украине в процессе подготовки «оранжевых» волнений было активное использование молодежного, в том числе студенческого, протеста с целью дестабилизации режима и обеспечения победы на президентских выборах оппозиционного кандидата. Впервые явственно эта тенденция проявила себя в июне-июле 2004 г. во время волнений в Сумах, где часть студенческой общественности выступила против планов властей по объединению нескольких вузов. Сумская протестная акция была активно поддержана оппозиционными политическими силами, действовавших при содействии ряда ведущих мировых СМИ.

---

[1] День. 2004. 29 сентября.

Реализация данной цели требовала от оппозиционных сил, в особенности национал-демократической направленности, «пожертвовать» своими организованными сторонниками в молодежной среде в пользу создания новой политической группировки, преследующей мобилизационные цели. При этом такая структура официально не должна была иметь партийной и идеологической направленности и даже на словах ей предстояло отказаться от поддержки какой-либо из сторон в избирательной борьбе, декларируя своей целью исключительно ненасильственную борьбу против авторитаризма во имя проведения честных выборов.

С этой целью с декабря 2003 г. были предприняты энергичные усилия по формированию молодежной политической сети «Пора». В качестве образцов для подражания ее руководителями были избраны такие структуры, как сыгравший видную роль в устранении Слободана Милошевича сербский «Отпор», активно участвовавшая в установлении режима Михаила Саакашвили грузинская «Кмара», албанский «Мъяфт» и антилукашенковский «Зубр» из Беларуси. Организацию «Пора» возглавил оппозиционный молодежный активист Владислав Каськив (затем счастливо переживший президентство В. Ющенко и занявший видную правительственную должность при президенте В. Януковиче).

Один из видных деятелей «Отпора» Станко Лазендич заявил, что «цель поездок представителей молодежных организаций — подготовка молодежных организаций (независимо от их политической направленности) и передача опыта, как организовываться и успешно действовать. С украинской молодежью проводим тренинги, рассказываем ей, каким образом можно проводить ту или иную кампанию, как оказывать сопротивление власти, не прибегая к насильственным действиям»[1].

Согласно общему мнению, организация, как и большинство иных НПО, поддерживалась дружественными донорами из евроатлантических стран, в особенности Соединенных Штатов. Недружественные к «Нашей Украине» массмедиа отнесли на счет «Поры» высказывания в украинском парламенте депутата Валерия Мишуры (фракция Компартии), руководившего временной комиссией по расследованию фактов внешнего вмешательства в избирательный процесс в Украине: «Местные СМИ сообщают, что в марте этого [2004] года в Луцке, Николаеве, Запорожье, Херсоне, ряде иных областных центров на иностранные деньги проводятся закрытые тре-

---

[1] Сербський «Отпор»: експорт революції чи поділ досвідом? // www.bbc.co.uk/ukrainian/indepth/story/2004/06/printable/040615_otpor_serbia.shtml.

нинги... Эти мероприятия проводятся при финансовой поддержке Вестминстерского фонда за демократию (Великобритания) для ограниченного числа участников. "Тренерами" выступают представители сербской организации "Отпор" и белорусский "Зубр". Они ознакомили с белорусским и сербским опытом проведения массовых протестных акций, противостояния правоохранительным органам и ухода от ответственности»[1]. Одновременно оппоненты Виктора Ющенко рассматривали деятельность «Поры» в контексте связей между «Нашей Украиной» и организацией *Freedom House*[2].

Официально «Пора» позиционировала себя как сугубо внепартийная гражданская волонтерская инициатива. Организация всемерно подчеркивала свою независимость от любых политических структур, коммерческих и государственных организаций. В качестве своих целей «Пора» называла распространение информации о выборах и кандидатах, мобилизацию избирателей для участия в голосовании, обеспечении гражданского контроля и защите результатов выборов. При этом организация (подобно «Самостийной Украине», устроившей ранее захват здания КПУ) рассматривала свою миссию как продолжение национального студенческого движения начала 1990-х гг.

Однако наблюдатели изначально рассматривали руководителей «Поры» как функционеров, тесно связанных со средой «НУ» и БЮТ. Утверждалось также, что костяк организации составляют выходцы из Молодежного националистического конгресса, национал-радикального Союза украинской молодежи (СУМ), Молодежного Руха и иных правых молодежных структур[3].

Можно сказать, что такого рода организации решили ключевой для «оранжевого» движения вопрос о соединении «национализма и глобализма». Связанные с национал-демократической и националистической средой, ее лидеры находились в сфере влияния руководящих кругов евроатлантических стран, выступая в роли их союзников в конкуренции с влиянием Кремля на постсоветском пространстве. Особенность ситуации при этом состояла в том, что Москва, в отличие от государств евроатлантического блока, не могла выступать с позиций «экспортера демократии».

Изначально «Пора», деятельность которой носила полуконспиративный характер, стремилась взять на себя роль радикального крыла антирежимного движения. Она вела максимально жесткую критику властей.

---

[1] *Тимченко О.* Пора не любить, коли її називають «тіньовим штабом» Ющенка // www.temnik.com.ua.

[2] *Бессмертный И.* «Пора», брат, «пора». «2000». 13.08.2004.

[3] *Тимченко О.* Указ. соч.

В октябре 2004 г. «Пора» объявила о составлении «черных списков» на должностных лиц, обвиняемых организацией в «черных делах». Тогда же «Пора» устроила «полосатый рейс» на Крещатике: несколько десятков молодых людей, переодевшись в арестантскую одежду, со скорбным видом дефилировали по центру Киева, подчеркивая тем самым свое отношение к провластному кандидату на президентских выборах. Месяцем ранее эта структура организовала пикетирование Центральной избирательной комиссии.

Во время событий конца 2004 г. эта структура сыграла довольно значимую роль в мобилизации оппозиционной общественности для участия в массовых акциях протеста, в особенности стремясь стимулировать студенческое забастовочное движение. Акцентируя свой радикализм, лидеры «Поры» выступили против переговоров Виктора Ющенко с Леонидом Кучмой и Виктором Януковичем, которые велись при посредничестве Хавьера Соланы и Александра Квасьневского.

* * *

Несмотря на то, что Виктор Ющенко пользовался исключительным доверием национал-демократического актива, награждавшего его такими эпитетами, как «последняя надежда Украины», и в его поддержку было мобилизовано абсолютное большинство украиноязычных избирателей, все же президентские выборы 2004 г. выявили признаки некоторого брожения и сомнений в среде национал-демократических и даже национал-радикальных политических и общественных деятелей.

Это выявилось в переходе на сторону Виктора Януковича и его Партии регионов группы представителей традиционной национал-демократии, включавшей в себя бывшую руководительницу украинской службы «Радио Свобода» Анну Герман; сына основателя национал-демократического движения Вячеслава Черновола — Тараса, покинувшего фракцию «Нашей Украины» в Верховной Раде; известную общественную деятельницу и экс-депутата парламента Ларису Скорик. Все они оставили «оранжевый» стан вопреки сильному психологическому давлению собственной среды, проявив при этом заметную решимость. Анна Герман заняла должность пресс-секретаря Виктора Януковича, Тарас Черновол, дотоле известный как непримиримый противник режима Леонида Кучмы, возглавил избирательный штаб Партии регионов перед третьим туром выборов.

Возможно, в действиях Тараса Черновола дало себя знать недовольство моральным состоянием «Нашей Украины», а также известное разочарование действиями евроатлантических сил в Украине,

в том числе инструментальным отношением Соединенных Штатов к украинскому вопросу. Переход на сторону Виктора Януковича группы национал-демократических деятелей облегчался идеологической индифферентностью Партии регионов, которая трактовала себя как партию деловых людей, руководствующихся здравым смыслом и озабоченных решением социально-экономических проблем.

Для понимания ситуации следует также учитывать то обстоятельство, что базовая для Партии регионов (ПР) Донецкая область, как и другие русскоязычные и ориентированные на сотрудничество с Россией регионы Юго-Востока Украины, представляет собою основной оплот национального капитала. В это же время элиты западных и центральных регионов, поддержавших Виктора Ющенко, в гораздо меньшей степени заинтересованы в конкуренции с проникающим в Украину внешним капиталом и способны к такого рода противодействию. Как отмечалось выше, экономический и этнолингвистический национализм в Украине между собой не совпадают и опираются на различные регионы и политических субъектов. Переход группы национал-демократических деятелей на сторону ПР мог идеологически объясняться ими как стремление встать на сторону политической силы, отстаивающей *экономическую* самостоятельность Украины.

Среди праворадикальных структур на стороне Виктора Януковича оказалось возглавляемое автором «доктрины дестабилизации» и идеи «революции в толпе» Дмитрием Корчинским «Братство», которое обрушилось с резкой критикой на Виктора Ющенко, рассматривая последнего как воплощение олигархии. «Наша Украина» обвинила «Братство» в выполнении заказа властей.

В отличие от большинства национал-демократических и национал-радикальных идеологов, Корчинский довольно скептически оценивал евроатлантические и европейские перспективы Украины. На съезде «Братства», состоявшемся в апреле 2004 г., в качестве цели было провозглашено создание панславистской Великой Украины и возрождения православия в условиях формирования союза между Украиной, Россией и Беларусью. «Братство» также потребовало ограничения влияния внешних игроков на украинский политический процесс.

«Братство» также взяло на себя функции лоббирования интересов украинцев Приднестровья в рамках президентской кампании. В Приднестровском регионе, в котором 55 тыс. человек получили украинские паспорта, постепенно усиливалось влияние украинского бизнеса. Интересы тираспольского режима и украинских слоев ПМР конфликтуют с позицией не только официальной Молдовы,

но и Соединенных Штатов и ЕС. В этих условиях украинцы Приднестровья (в период до Второй мировой войны являвшегося автономией в составе советской Украины) оказались крайне не заинтересованы в победе на президентских выборах В. Ющенко как кандидата, ориентированного на евроатлантические ценности.

В силу этого «Братство» оказало поддержку устроенному Союзом украинцев Приднестровья «Маршу мира» с требованием создать избирательные участки по выборам президента Украины на территории ПМР. Его активисты, вступив в стычку с охраной, даже попытались прорваться в здание Центральной избирательной комиссии.

7. Приход в исчезающую власть: национал-демократические партии после «оранжевой революции»

Прежде чем перейти к анализу деятельности правых в период президентства Ющенко, стоит напомнить, что доминантой этого периода был стремительно нарастающий конфликт между президентом и премьер-министром Юлией Тимошенко. Этот конфликт, в частности, позволил на удивление быстро восстановить свои позиции В. Януковичу и возглавляемой им Партии регионов, которых после «оранжевой революции», казалось, можно полностью списать со счета. В действительности же результатом парламентских выборов 2006 г. — всего лишь через год с небольшим после оранжевых событий — стала победа ПР и возвращение Януковича в кресло премьер-министра, а еще через год — новый политический кризис, попытка государственного переворота со стороны президента и еще одни, досрочные выборы парламента. В результате Тимошенко вновь стала премьер-министром, но уже не как союзник, а как «враг № 1» для быстро теряющего остатки своей популярности президента Ющенко.

Держа это в уме, обратимся к роли правых сил в 2005–2010 гг.

Президентская инаугурация В. Ющенко (23 января 2005 г.) ознаменовала переход правых сил к выполнению *новой роли — составной части правящего «оранжевого» альянса*. Партии, поддержавшие Ющенко, заключили квотное соглашение о распределении должностей, в результате которого политики, представляющие национал-демократические структуры, получили ряд постов в сформированном 4 февраля правительстве Тимошенко.

Национал-либеральная ПРП была представлена вице-премьером по гуманитарным вопросам Николаем Томенко, министром

экономики Сергеем Терехиным, министром финансов Виктором Пинзеником, министром здравоохранения Николаем Полищуком. НРУ получил посты министра иностранных дел (Борис Тарасюк) и министра юстиции (Роман Зварич), УНП — портфель министра труда и социальной политики (Вячеслав Кириленко). Ключевую в деятельности правительства компанию «Нафтогаз Украины» возглавил близкий к новому президенту Алексей Ивченко — официальный лидер КУНа.

Кроме того, национал-демократические партии установили контроль над рядом губернаторских должностей. УНП получила посты глав областных администраций в Киевской (Евгений Жовтяк) и Ровенской (Василий Червоний) областях. Последнее назначение вызвало большие кривотолки в связи с активным участием Червония во многих резонансных конфликтах, прежде всего межцерковных, в том числе — с силовыми столкновениями с прихожанами Украинской православной церкви (Московского патриархата).

НРУ приобрел должности Львовского (Петр Олийнык), Ивано-Франковского (Роман Ткач) и Тернопольского (Иван Стойко) губернаторов. В Волынской области губернатором стал представитель ПРП Владимир Бондарь, впрочем, вскоре, как верный «солдат президента», оставивший ряды партии. Несколько позже лидер УРП «Собор» Анатолий Матвиенко возглавил Совет министров Крыма.

Таким образом, национал-либеральные политики-рыночники из ПРП обрели значительное влияние в экономическом блоке правительства. Связанный с МИДовской бюрократией НРУ провел в министры иностранных дел непримиримого ястреба-атлантиста Бориса Тарасюка. НРУ и УНП получили также влияние на социальную политику. За национал-демократами было закреплено большинство губернаторских должностей в Западной Украине. По сложившейся в независимой Украине традиции деятели такого толка получили большое влияние на гуманитарную политику.

Кроме того, высшие государственные должности занял ряд политиков, исповедующих близкие к правым силам монокультуралистские взгляды, но не входящих в официальные национал-демократические и этнонационалистические структуры. К таковым можно отнести, например, вице-премьера по административной реформе Романа Бессмертного, как наиболее правого по идеологическим взглядам членом нового правительства, министра культуры Оксану Билозир (вдову композитора Игоря Билозира, о гибели которого речь шла выше) и министра по делам молодежи и спорта Юрия Павленко.

Конечно, это было меньше того, на что рассчитывали многие правые лидеры. Например, УНП вынашивала планы в отношении одного из ключевых в правительственной иерархии должности министра топлива и энергетики, на которое якобы метил Александр Гудыма, и министерства охраны окружающей среды, но вынуждена была довольствоваться меньшим[1]. В то же время было очевидно, что национал-демократические и умеренно националистические силы (УНП, ПРП, НРУ, УРП «Собор», КУН) в целом были достаточно внушительно представлены в верхних слоях новой управленческой системы.

Вскоре, однако, выявилось, что хотя Виктор Ющенко и разделял полностью ряд ключевых установок национал-демократической идеологии (включая романтическую концепцию украинской культуры; восприятие Украины как ординарной восточноевропейской страны, призванной освободиться из-под колониального ярма самовластной Москвы; позицию в отношении русского языка и евроатлантический вектор, вплоть до полной интеграции Украины в НАТО, во внешней политике), он вместе с тем отнюдь не был в восторге от сохранения самостоятельного существования правых политиков во главе собственных публичных структур. Таким же образом он не мыслил себя и во главе единой политической партии, созданной на основе объединения ведущих правых игроков — УНП, НРУ, КУНа, УРП «Собор». Виктор Ющенко принял в целом идеологический курс национал-демократии, но отнюдь не идею сохранения самостоятельных публичных национал-демократических партий.

Для нового главы государства предпочтительным был, как отмечалось выше, сценарий, когда он в образе «отца нации» оставался бы над политическими партиями, тогда как созданная под него чиновничье-предпринимательская партия власти, поглотившая правые структуры, обеспечивала поддержку президентским инициативам в парламенте. Можно предположить, что в силу аппаратного менталитета для Ющенко всегда была намного ближе идея правительства, составленного из квалифицированных специалистов-бюрократов, чем идея политического кабинета, сформированного из профессиональных политиков, подотчетных своим партиям. В конечном итоге объединенным в пропрезидентском партийном проекте бизнесменам, высшим слоям чиновничества и растворенным в новом партийном проекте публичным политикам национал-демо-

[1] См.: *Макаркин А.* Коалиция Ющенко и правительство Тимошенко // www.apn-nn.ru.

кратического происхождения отводилась функция всемерной поддержки неолиберальных экономических реформ, на которые был настроен новый лидер страны. Виктору Ющенко требовалась собственная партия, но это не означало, что она получала какие-либо права на своего лидера. Тем более не могло быть и речи о каких-то его особых обязательствах в отношении традиционных правых партий, принимавших участие в его «возведении на престол».

Кроме того, для новой власти необходимо было создать такого рода партийный или блоковый проект, который можно было бы сделать хотя бы отчасти привлекательным для русскоговорящих регионов Юга и Востока Украины. Решение этой задачи требовало не допустить, чтобы власть четко ассоциировалась с правой идеологией и политиками национал-демократического призыва. Новый партийный проект с идеологической точки зрения должен был восприниматься ни как правый, ни как левый.

В этих условиях резко активизировались попытки президентской стороны сформировать при помощи административного ресурса единую партию власти на основе «Нашей Украины», получившей название «Народный союз "Наша Украина"» (НСНУ). Одновременно Виктор Ющенко выказал стремление создать широкий блок для участия в парламентских выборах в составе партии, учрежденной на платформе «НУ», социал-популистского Блока Юлии Тимошенко (БЮТ) и центристской Народной партии во главе со спикером парламента Владимиром Литвиным. Иногда зондаж относительно возможного вступления в блок осуществлялся и в отношении левоцентристской Соцпартии во главе с Александром Морозом.

Такой подход соответствовал традиционному патримониальному менталитету украинских правящих слоев (в том числе и сформированному в лоне прагматической номенклатуры 1990-х гг. крупному бизнесу), основывающемуся на представлении о необходимости консолидироваться в виде некой «стаи» вокруг действующего главы государства и хранить ему полную верность до тех пор, пока он не начнет утрачивать влияние и на горизонте не замаячит новый «хозяин». Проект политической реформы, разработанный в 2002–2004 гг., как раз был направлен на подрыв такого рода ментальных установок господствующего класса и усиление в его среде начал публичной конкуренции.

По мнению некоторых экспертов, присущая президентской стороне боязнь раздробления сил провластного лагеря выглядела явным нежеланием учитывать опыт ряда успешных европейских демократий стран Европы, где близкие между собой партии всегда идут на выборы по отдельности, что не мешает им затем фор-

мировать коалиционное правительство. Кроме того, опасность сверхширокого блока состояла в резком расширении возможности манипуляций при подсчете голосов. Напротив, самостоятельное выдвижение НСНУ, БЮТ и правого блока создавало ситуацию взаимного сдерживания и контроля внутри «оранжевых» сил.

Идея создания максимально широкого «оранжевого» блока вызвала весьма скептическую реакцию лидера УНП Юрия Костенко, который во время встречи с послом Финляндии высказал убеждение, что ориентируясь на различные группы избирателей партии правящей коалиции смогут достичь большего результата, чем создавая единый «кулак».

Фактически Ющенко и стоящий за его спиной крупный бизнес, допустив некоторое количество «старых» национал-демократических публичных политиков на государственные посты, в то же время предприняли усилия по полному поглощению и растворению правых сил. Конечно, новый президент активно пользовался евроатлантическими услугами вновь ставшего министром иностранных дел лидера НРУ Бориса Тарасюка, но обращает внимание, что уже в первом зарубежном турне нового президента в ряду его сопровождавших (Александр Третьяков, Евгений Червоненко, Александр Зинченко) не было ни одного известного правого политика. При этом раздробленность и организационная слабость правого лагеря лишь провоцировали президентскую сторону на попытку полностью его ассимилировать в рамках проекта НСНУ.

Как и в случае разногласий между Юлией Тимошенко и окружением Виктора Ющенко, здесь проявилась общая тенденция: конфликт между публичными политиками и идеологически индифферентными крупными бизнесменами, заинтересованными в административных преференциях и в создании «партии власти» административного толка, выступающими вкупе с «оранжевыми» функционерами-аппаратчиками типа Романа Бессмертного. При этом бизнес-сторона оказалась явно в более выгодном положении.

Национал-демократы попытались сохранить автономию в рамках «оранжевой коалиции». Их нежелание присоединяться к НСНУ было вызвано стремлением восстановить контроль над избирателями, традиционно придерживающимися национал-демократической ориентации (возможно, около 10% электората; назвать сколько-нибудь точные цифры сегодня трудно, так как после 1998 г. правые всегда участвовали в выборах в составе более широких коалиций); недовольством размерами своих квот при получении аппаратных должностей; возможно, также и опасениями, что НСНУ является недолговечным проектом, чье существование будет

длиться лишь до тех пор, пока Ющенко будет сохранять высокую популярность. Кроме того, они могли попытаться использовать в своих интересах разногласия между Ющенко и премьер-министром Юлией Тимошенко. Наконец, полный уход традиционных правых в НСНУ освобождал правую политико-идеологическую нишу, которую рано или поздно попыталась бы заполнить какая-нибудь новая сила.

В то же время пространство для маневра у правых оказалось критически ограниченным. Социологические исследования зафиксировали некоторое усиление влияния национал-демократической идеологии после «оранжевых событий». Число респондентов, идентифицирующих себя с нею, возросло с 8,4% в 2004 г. до 10,2% в 2005 г. (в 2002 г. их было 6,8%)[1]. Однако при этом традиционный электорат правых партий в основном переориентировался лично на Виктора Ющенко или Юлию Тимошенко и, соответственно, на политические структуры, которые они олицетворяли (НСНУ и БЮТ). Согласно данным опросов общественного мнения, проведенных в апреле, популярность основных правых партий не превышала 1%. Поддержка Ющенко на президентских выборах и вхождение во власть обернулась для них *размыванием устоявшейся национал-демократической избирательной среды,* что делало проблематичным прохождение гипотетическим правым блоком (УНП, НРУ, КУН) 3% ограничительного барьера на парламентских выборах 2006 г.

В январе 2005 г., сразу после того, как Ющенко объявил о создании собственной партии, бросалось в глаза то обстоятельство, что среди координаторов нового партийного проекта (Роман Бессмертный, Александр Третьяков, Юрий Павленко, Петр Ющенко) не оказалось официальных представителей традиционных правых структур. Движущей силой новой партии оказались бизнесмены-центристы из «Нашей Украины». Партийно-фракционной базой были избраны «Солидарность» Петра Порошенко, группа «Разом» банкира Олега Рыбачука и часть группы «Центр».

Из числа политических деятелей с национал-демократическими взглядами в состав президиума Совета НСНУ вошли Оксана Билозир, Вячеслав Брюховецкий, Роман Зварич, Юрий Ключковский и некоторые другие. Часть из них перешли в НСНУ из традиционных национал-демократических партий (ПРП, НРУ, УНП), причем их лидеры фактически оказались перед выбором — ассимилиро-

---

[1] См.: *Панина Н.В.* Социологический мониторинг: украинское общество 1994–2005: год перелома. К.: Институт социологии НАНУ, 2005. С. 17.

ваться в новой партии, где им были уготованы вторые и третьи роли, или же быть вообще вытесненными из большой политики.

Этому событию предшествовали слухи о том, что УНП, УНР и некоторые другие национал-демократические партии планируют создать собственный автономный «Народный блок». При этом УНП сразу подчеркнула, что не имеет намерения вступать в партию, создаваемую Романом Бессмертным, т.е. НСНУ. В непростой ситуации оказалась ПРП, которой оказалось очень сложно определиться с отношением к новой партии.

На учредительном съезде НСНУ (6 марта 2005 г.) ни одна из правых партий не вошла в состав новой структуры. 9 марта 2005 г. НРУ призвал национал-демократические силы начать процесс формирования блока к выборам 2006 г. А 16 марта в Верховной Раде Украины была создана самостоятельная фракция Украинской народной партии (УНП), в состав которой вошел 21 депутат. Лидер УНП Юрий Костенко объяснил это тем, что поскольку появилась новая партия НСНУ, то его однопартийцы вынуждены были выйти из общей фракции «Наша Украина», а по уставу УНП ее члены не могут входить во фракцию другой партии.

Фронда правых политиков, имеющая целью обеспечить им автономию в рамках «оранжевой коалиции», вызвала явное раздражение В. Ющенко. 9 мая в интервью телеканалу «1+1», комментируя возможное создание предвыборной коалиции УНП с другими правыми партиями, он высказал сомнение в их способности преодолеть ограничительный барьер на выборах. А отказ УНП влиться в НСНУ назвал ошибочным шагом, основывающимся на переоценке собственных сил («победил парадный эгоизм»).

Со временем в прессе появились статьи под красноречивыми заголовками наподобие «Власть сдвигает правых на маргинес». Их авторы отмечали, что даже в Галичине — вотчине публичных национал-демократических сил — был ощутим нажим НСНУ с целью поглощения правых политиков: «Западная Украина — это основной духовный и электоральный плацдарм национал-демократов. Именно они были основателями блока “Наша Украина” и в 2002 году активно поддерживали Виктора Ющенко... Правые сыграли главную роль и в оранжевой революции. Конфликт с привкусом скандала возник после инаугурации Президента, когда было объявлено о создании провластной партии. Всем участникам революционной коалиции “Сила народа” настойчиво предложили самораспуститься и дружными колоннами влиться в новую политическую структуру. УНП и НРУ сразу же наотрез отказались растворяться в общем политическом котле, а со временем, после продолжительных тяже-

лых раздумий и сомнений к "откатчикам" присоединилась и ПРП Пинзеника»[1].

На Львовщине во главе этой политики абсорбции национал-демократических сил оказался губернатор Петр Олийник, занявший свою должность по квоте УНП. Вслед за ним к рядам вновь сформированной НСНУ примкнул ряд сотрудников областной и районных администраций.

Наблюдатели отмечали как применение при создании новой «партии власти» методов давления, так и использование этой ситуации в своих интересах «Батькивщиной» — организационным центром БЮТ. С этой точки зрения отмечалось, что «вопреки заявлениям главного руховца Бориса Тарасюка и председателя УНП Юрия Костенко о недопустимости давления на их партийцев, в том числе относительно создания единой партии, это давление не прекращается. В районах с большим упорством формируют первичные ячейки НСНУ, переманивая где пряником, а где кнутом членов НРУ, УНР и ПРП. Ряды последних сейчас существенно поредели. ...кадровой политикой Олийныка и методами пожарного развития новой мегапартии не удовлетворен и областной совет, где доминируют симпатии к Юлии Тимошенко и где крепкие позиции у "Батьківщини". Последняя фактически не получила ни единой солидной должности в органах власти, хотя относительно этого было достигнуто джентльменское соглашение между главными революционерами»[2].

Однако достаточно быстро выяснилось, что бизнес-административный проект «Народный союз "Наша Украина"» не оправдал возложенных на него надежд. Его несамостоятельный характер, зависимость общественной поддержки партии от уровня личной популярности Виктора Ющенко при отсутствии в партии других популярных лидеров (бизнесмены-выходцы из группы «Разом», имевшие решающее влияние на НСНУ в первый период его существования, не являлись лицами, снискавшими к себе общественное доверие) обусловил шаткость положения НСНУ в условиях ухудшения социально-экономической ситуации, заметно сказавшегося со второй половины 2005 г. на отношении общества к новому главе государства. Отобрав у правых партий их традиционный электорат, НСНУ не превратился в структуру, способную формировать вокруг себя политическую жизнь страны. С осени 2005 г. можно было

---

[1] Власть сдвигает правых на маргинес // Украина и мир сегодня. 2005. 3 сентября.

[2] Там же.

предположить, что его поддержка во время парламентских выборов 2006г. не превысит 15–20%.

Во время I съезда НСНУ, открывшегося 9 июля 2005 г., Виктор Ющенко высказался за консолидацию «оранжевой тройки» (НСНУ, социал-популистская БЮТ и центристская Народная партия В. Литвина) в рамках предвыборного блока уже в сентябре 2005 г. Из его уст прозвучала критика за «увлечение пиаром» в адрес одного из ближайших соратников Ю. Тимошенко вице-премьера по гуманитарным вопросам и видного национал-демократического идеолога Николая Томенко (ПРП), что отражало усиление конфликта по линии Ющенко–Тимошенко. О напряжении, существовавшем между НСНУ и национал-демократическими силами, свидетельствовало обращение съезда с требованием отставки известного своей склонностью к силовым конфликтам ровенского губернатора Василия Червония (УНП), который, по мнению делегатов, чинил всевозможные препятствия созданию организационной сети НСНУ в своей области.

К съезду с общим приветствием обратились Юлия Тимошенко и ряд лидеров правого лагеря — Юрий Костенко (УНП), Виктор Пинзеник (ПРП), Борис Тарасюк (НРУ). Один из руководителей НСНУ Петр Порошенко не без оснований усмотрел в этом угрожающий сигнал: УНП, ПРП и НРУ показывали тем президентской команде, что могут сплотиться вокруг Юлии Тимошенко на парламентских выборах.

На проходившем параллельно съезде национал-либеральной ПРП прозвучали едва завуалированные обвинения в отношении президентской команды. Единогласно избранный заместителем председателя этой структуры вице-премьер Николай Томенко заявил, что его соратники слишком долго были в оппозиции, чтобы молчать об ошибках во власти. Он потребовал признать, что власть сделала много ошибок, включая кадровые, а также проявила неспособность обуздать коррупцию. В этой связи он призвал к «честному и откровенному разговору в команде Виктора Ющенко», дабы далее не иметь проблем во время парламентской избирательной кампании.

Н. Томенко высказался в поддержку письма БЮТ, НРУ, УНП, ПРП к съезду НСНУ. По его мнению, неудача проекта формирования объединенной «оранжевой» партии демонстрировала необходимость создания демократического предвыборного блока. Отсюда следовало, что БЮТ выказывает готовность принять исторические правые партии в свой избирательный список.

Отношение В. Ющенко к правым силам вызвало ропот в среде национал-гуманитарной интеллигенции, традиционно представ-

лявшей собой главный источник кадров для национал-демократов и национал-радикалов. С ее стороны также высказывались укоры новому режиму в забвении обязанностей по защите национальной культуры, в том, что он занят прежде всего установлением контроля над экономически важными активами.

Еще в феврале 2006 г. известный кинорежиссер и бывший оператор Сергея Параджанова Юрий Ильенко, сблизившийся с ВО «Свобода» (бывшей СНПУ), заявил о необходимости создания «национальной оппозиции» Виктору Ющенко. Формирование такого рода оппозиции, по его словам, якобы началось с того момента, когда лидер «Нашей Украины» санкционировал исключение из своей парламентской фракции Олега Тягнибока. Он высказал возмущение тем, что от участия в распределении высших должностей была устранена «Пора»: «Президент пренебрег вкладом молодежного движения "Пора" в национальную Революцию, когда "Пора" полным составом оказалась за порогами власти»[1]. Кроме всего прочего, Ю. Ильенко обвинил режим Виктора Ющенко в недостаточной поддержке национального кинематографа.

Поэт и бывший посол в Польше и Словакии Дмитро Павлычко в июне 2005 г. обвинил «оранжевую» власть в том, что она «как будто позабыла свои национальные лозунги, которые звучали со сцены на Майдане. [...] Такое впечатление, что власть не имеет намерений ничего менять в жалком существовании украинского языка и книги, культуры и прессы»[2].

Но главным в его критике было отстаивание позиций УНП и Народного Руха перед лицом опасности поглощения со стороны НСНУ, переходящее в угрозы организации новых масштабных волнений: «На учредительном съезде партии Народный союз "Наша Украина" Виктор Андреевич [Ющенко] твердо заявил, что его блок на выборах 2006 года будет состоять только из трех политических сил: Народного союза "Наша Украина", БЮТ и Народной партии Литвина. Таким образом, Украинской народной партии и Народному Руху Украины указано их место. Либо самороспуск, либо идти на выборы отдельно. Что ж, атакованные партии изберут самостоятельную дорогу. Но выгодно ли это Президенту? Ведь между политической силой, которая вчера была враждебно настроена к Ющенко и полюбила его только тогда, когда он стал Президентом, и политической силой, которая помогла ему победить, не будет согласия [...] Не будем гадать, что произойдет с партиями, которые проиграют

---

[1] Культура переходить в опозицію // Українське слово. 2005. 16–22 лютого.

[2] Quo vadis, domine? // День. 2005. 24 июня.

выборы 2006 года. Но дело в том, что Президент создает свою выигрышную партию главным образом из приспособленцев и вчерашних своих противников. У него нет желания проанализировать, почему руховские партии не хотят вливаться в Народный союз "Наша Украина". Но при этом не нужно никого пугать, что, проиграв выборы, вы станете отработанным атомным топливом, которое нужно куда-то захоронить. Не станем. Не думайте о наших похоронах, потому что забудете о своей жизни. Идет время, когда судьбоносные решения для народа будет принимать не управляемый, послушный парламент, а свободолюбивый, непокоренный Майдан. Эпоха бескровных революций, когда восстанут не худшие против лучших, а лучшие против худших политиков, началась»[1].

На фоне набиравшего все большую интенсивность противоборства между Ющенко и Тимошенко стало явным не только стремление к перепозиционировнию правых партий, ранее принадлежавших к коалиции «Наша Украина» (УНП, НРУ, ПРП), намекавших на свой возможный союз с БЮТ, но и, напротив, усилились попытки президентской стороны вывести из-под контроля БЮТ его собственную национал-демократическую составляющую. Отставка Юлии Тимошенко с поста главы правительства в сентябре 2005 г. заметно катализировала эти процессы.

В сентябре 2005 г. лидер УРП «Собор», входившего в состав БЮТ, Анатолий Матвиенко объявил о сложении с себя полномочий руководителя партии в знак протеста против того, что депутаты-члены «Собора» не проголосовали за кандидатуру Юрия Еханурова, внесенную В. Ющенко на должность премьер-министра после отставки Юлии Тимошенко. Центральный провод (президиум) партии приняли эту отставку. Но Центральный совет УРП «Собор» принял сторону Анатолия Матвиенко, который отозвал заявление об уходе.

Радикальные сторонники Юлии Тимошенко в руководстве этой национал-демократической партии (Левко Лукьяненко, Григорий Омельченко) начали обвинять Анатолия Матвиенко в узурпации власти и стремлении вывести УРП «Собор» из состава БЮТ. Все это завершилось расколом партии на проющенковскую и протимошенковскую фракции.

Весьма напряженная ситуация сложилась после смены главы правительства и в национал-либеральной Партии «Реформы и порядок» (ПРП), в которой роль главного лоббиста интересов Юлии Тимошенко взял на себя Николай Томенко. Последний бескомпромиссно выступил против участия лидера партии неолиберала Вик-

[1] Там же.

тора Пинзеника в деятельности «посттимошенковского» правительства Юрия Еханурова в должности министра финансов.

Кроме того, Томенко играл одну из первых ролей в идеологической кампании «в защиту идеалов Майдана», нацеленную на актив правых партий и радикальных «оранжевых» избирателей, которую вела Юлия Тимошенко. Между тем Пинзеник не поддался давлению и благоразумно предпочел «бороться за идеалы Майдана» на министерском посту.

Таким образом, позиция правого лагеря была двойственной. С одной стороны, его представители были явно недовольны «ассимиляторской» политикой президента и НСНУ, о чем сигнализировало подписание ими совместно с Юлией Тимошенко «письма четырех» к учредительному съезду НСНУ. С другой стороны, они не поддержали Юлию Тимошенко в конфликте с Ющенко, возможно, опасаясь ее социал-радикализма и призывов к реприватизации, рассчитанных на стимулирование антиолигархических настроений. Отношение правых к грядущим парламентским выборам оставалось неопределенным, и окончательный выбор между возможными решениями (соглашаться на подчиненное в отношении НСНУ положение с перспективой поглощения; вступить в переговоры с БЮТ; создавать самостоятельный блок в составе УНП, ПРП, НРУ и КУН) заблаговременно сделан не был.

Бросается в глаза, что во время конфликта на Львовщине, связанного с отстранением от должности львовского городского головы Любомира Буняка, которому на выборах 2002 г. лично выразила поддержку Юлия Тимошенко, традиционные правые партии выступили единым фронтом с НСНУ. 27 сентября 2005 г. Львовский городской совет досрочно прекратил его полномочия. «За» проголосовало 70 депутатов из 84. Фракция БЮТ оказалась в абсолютном меньшинстве. Этот инцидент происходил на фоне противоборства между главой Львовской областной администрации Петром Олийныком (НСНУ) и председателем Львовского областного совета Михаилом Сендаком (сторонник БЮТ).

Все это дало наблюдателям основания для вывода о том, что позиции БЮТ в регионе были еще недостаточно сильны. Об этом свидетельствовал и выход перешедшей в НСНУ местной молодежной организации «Батькивщина молода» из «Батькивщины» (ключевой партии БЮТ). Это подтвердили и мартовские выборы, на которых «Наша Украина» обогнала БЮТ в области (ситуация, обратная большинству украинских областей).

Если в отношении традиционных правых партий режим В. Ющенко выбрал тактику поглощения в рамках проекта создания

единой «оранжевой» партии НСНУ, то организации «Пора», которая приняла решение о преобразовании в политическую партию, длительное время министерство юстиции отказывало в регистрации. Такие действия находились в русле линии на устранение или, по крайней мере, ослабление всех «оранжевых» сил, которые не попали в сферу влияния НСНУ.

После завершения «оранжевых» событий члены «Поры» пытались взять на себя исполнение, так сказать, роли хунвейбинов «оранжевой революции». «Пора» принялась за составление черных списков должностных лиц, обвиняемых в совершении преступлений, и высказалась за проведение люстрации. В качестве основных направлений деятельности организации в новых условиях назывались также публикация документов эпохи Кучмы, контроль за кадровой политикой новой власти и даже раскрытие резонансных преступлений.

Необходимость своего сохранения (долгое время заявлялось, что после проведения выборов «Пора» самораспустится) руководители этой структуры объясняли тем, что «происходит перекрашивание старой властной верхушки в оранжевый цвет для того, что остаться при власти и продолжить свою преступную практику»[1]. «Пора» всячески добивалась отставки генерального прокурора Святослава Пискуна, а также экс-министра образования Украины и бывшего зав. сектором ЦК КПСС Василия Кремня, занявшего одну из руководящих должностей в секретариате Виктора Ющенко. Одновременно активисты «Поры» стремились оказывать давление на руководителей оппозиции, передав, в частности, некую «черную метку» бывшему руководителю президентской администрации Евгению Кушнареву, который приобретал все больший вес в оппозиционной Партии регионов.

Несмотря на длительную волокиту и препирательства, министерство юстиции все же зарегистрировало «Пору» в качестве политической партии. В то же время ей не удалось быстро трансформироваться в структуру, готовую вести эффективную предвыборную борьбу. Так же как и для иных правых партий, перед «Порой» возникла проблема выбора тактики блокирования и определения своего отношения к конфликту между Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко. Какое-то время эта партия выступала за создание коалиции, критически относящейся как к президенту, так и к деятельности правительства Тимошенко, не исключая, однако, возможности сотрудничества с последней.

---

[1] Пора завжди актуальна // Слово просвіти. 2005. 24 лютого.

С приближением выборов вопрос определения рациональной тактики блокирования приобретал все большую остроту для всего сообщества правых партий. Длительное существование в тени Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко лишило их самостоятельности и привело к оттоку традиционного электората. Это делало чрезвычайно проблематичным успех на выборах самостоятельного блока национал-демократических партий в любой конфигурации. В то же время вхождение в блок во главе с НСНУ или же «Батькивщиной» Юлией Тимошенко могло состояться только на вторых и третьих ролях и подчеркнуть зависимый статус правых сил. В этих условиях любое принятое решение оказывалось уязвимым.

Народный Рух, УРП «Собор» (фракция Анатолия Матвиенко) и Конгресс украинских националистов присоединились к образованному 25 ноября 2005 г. Политическому блоку Ющенко «Наша Украина», где доминировал НСНУ. 18 декабря на межпартийном съезде был утвержден избирательный список блока. Лидеры правых партий вошли в список: Борис Тарасюк (НРУ) под номером три, Анатолий Матвиенко (УРП «Собор») стал двенадцатым, а Алексей Ивченко (КУН) — двадцать пятым.

Сохранившие верность Юлии Тимошенко руководители УРП «Собор» во главе с Левком Лукьяненко были введены 7 декабря 2005 г. в состав избирательного списка БЮТ.

Украинская народная партия приняла решение о создании собственного микроблока, а фактически приняла решение выдвигаться самостоятельно. 27 ноября на внеочередном съезде УНП, к которой примкнуло три небольшие партии, было заявлено о создании Украинского народного блока (или же «Блок Костенко–Плюща»). В первую пятерку списка блока, окончательно сформированного 11 декабря во время второго этапа съезда, вошли лидер УНП Юрий Костенко, экс-спикер Верховной Рады Иван Плющ, президент АО «Оболонь» Александр Слободян, ровенский губернатор Василий Червоний и губернатор Киевской области Евгений Жовтяк. Съезд сопровождался резкими конфликтами, вызванными распределением мест. Из состава УНП вышли Дмитро Павлычко и руководитель национал-культурного общества «Просвита» Павел Мовчан.

Весьма напряженным характером отличались дебаты относительно политики блокирования в рядах партии «Реформы и порядок». На состоявшемся 26 ноября 2005 г. съезде она так и не смогла сформулировать окончательную позицию в отношении блокирования. Согласно заявлению одного из руководителей партии Игоря Грынива, проблема состояла в жесткости Юлии Тимошенко, требовавшей выхода лидера ПРП Виктора Пинзеника из состава прави-

тельства Юрии Еханурова, а также отказа ПРП от проведения самостоятельной линии на местных выборах. Бывший вице-премьер Николай Томенко демонстративно покинул ПРП и позднее занял видное место в избирательном списке БЮТ.

Провал попыток договориться с Юлией Тимошенко, равно как и нежелание растворяться в рядах НСНУ, толкнул ПРП на весьма рискованный путь формирования блока с «Порой». Для увеличения популярности тандема «Пора»–ПРП к участию в нем был привлечен Виталий Кличко, который возглавил избирательный список блока, одновременно претендуя на должность киевского городского головы. Возможно, что сторонники Кличко питали надежду на то, что, удачно выступив на выборах, он откроет себе перспективу участия в борьбе за должность президента в 2009 г. Взаимодействие с молодежной «Порой» облегчалось для ПРП тем обстоятельством, что как структура, созданная во второй половине 1990-х гг. группой либеральных и в то же время национально ориентированных рыночников младшего поколения, эта партия отличалась от других основных национал-демократических структур (УНП, НРУ, КУН, УРП «Собор») тем, что не ассоциировалась с жизненным опытом старших поколений.

Все эти технологические маневры, однако не привели к успеху. В результате парламентских выборов 2006 г. ни блок ПРП–«Пора», ни «Блок Костенко–Плюща» не преодолели трехпроцентного барьера, получив соответственно 1,47% и 1,87% голосов. Народный Рух Украины провел в парламент 14 депутатов по списку НСНУ. Еще несколько национал-демократов прошло в Верховную Раду через список БЮТ. Все это вместе взятое представляло намного более скромные результаты, чем, например, в 1998 г., когда, напомним, организованные правые провели в парламент 71 депутата. Правда, нужно учитывать, что среди избранных в парламент членов НСНУ было немало лиц, вышедших в свое время из национал-демократической среды и имеющих соответствующие идейные взгляды.

Выборы 2006 г. со всей очевидностью подтвердили тенденцию утраты национал-демократическими партиями самостоятельности. Время, когда они могли позволить себе участвовать в выборах в одиночку, ушло в прошлое.

Правые партии оказались зажаты в тисках между пропрезидентской партией НСНУ и Блоком Юлии Тимошенко — силами сугубо вождистского толка, пришедшими к власти благодаря харизматическим данным своих лидеров, за счет выдвижения лозунгов социал-популистского «мелкобуржуазного» протеста, направленных против социальной несправедливости, концентрации богатства

в руках верхушки общества и коррупции, а также в силу канализации в своих интересах позитивных ожиданий значительной части избирателей в отношении евроинтеграции, усилившихся после присоединения к ЕС Болгарии и Румынии. С целью завоевания общественных симпатий в западноукраинском регионе НСНУ и БЮТ использовали апелляцию к национал-демократическим и националистическим идеологемам. Однако их существование зависело не от отождествления с традиционными национал-демократическими брендами, а исключительно от сохранения личной популярности Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко.

После президентских выборов 2004 г. Виктор Ющенко с его либеральными экономическими взглядами, который еще в период своего премьерства пытался урезать социальные выплаты, постарался ослабить социальную составляющую «оранжевого» движения. В это же время как Юлия Тимошенко, напротив, стремилась предстать в образе верной продолжательницы идей перераспределения и в целом защитницы социал-популистской составляющей «оранжевого» проекта, что обеспечило ей поддержку широких слоев избирателей.

В качестве основного инструмента борьбы за социальную справедливость была избрана реприватизация, обосновываемая необходимостью борьбы с олигархией и требованиями обеспечения «честных и прозрачных» приватизационных процессов. При этом предполагалось, что часть средств от масштабной реприватизации будет пущена на социальные нужды. В результате длительных препирательств и сопротивления с президентской стороны всё это вылилось в переход только лишь одного актива (правда, в высшей степени привлекательной для инвесторов «Криворожстали») из рук крупного украинского капитала во владение Лакшми Миттала.

В этом противостоянии традиционная национал-демократия оказалась «третьим лишним». Акцентирование ею внимания на идеях монокультурности было неактуальным в условиях, когда Виктор Ющенко и его присные прилагали более или менее энергичные усилия по вытеснению русского языка, особенно из сферы медиа. Что же касается экономики, то ни социальные вопросы, ни экономическая проблематика в целом никогда не были приоритетными для национал-демократических деятелей.

Досрочные парламентские выборы 2007 г., завершившие период острого политического кризиса, лишь подтвердили эту тенденцию. Основные правые силы вынуждены были почти полностью отказаться от попыток самостоятельного выдвижения. Им оставался лишь выбор: блокироваться с Ю. Тимошенко или с В. Ющенко.

Национал-либеральная ПРП в конечном итоге вошла в состав БЮТ, получившего 156 из депутатских 450 мандатов. Из них ПРП досталось 9 мандатов. Иные правые партии (Народный Рух, Украинская республиканская партия «Собор», Украинская народная партия и примкнувшая к ним «Пора») оказались под «зонтиком» ющенковского блока «Наша Украина — Народная самооборона», созданного на основе НСНУ (72 мандата). При этом НРУ провел 5 депутатов, УНП — 5, УРП «Собор» — 2. Правда, эта зависимость все-таки компенсировалась тем обстоятельством, что в составе депутатов от БЮТа и НСНУ было представлено немало выходцев из традиционных правых партий.

Стоявшая особняком национал-радикальная «Свобода», не примкнувшая к этим блокам, сумела заручиться поддержкой лишь 0,76% избирателей. Ее время еще не пришло.

К президентским выборам 2010 г., приведшим к власти Виктора Януковича, традиционные правые (национал-демократические) силы подошли в состоянии «разброда и шатания», демонстрируя исчерпанность своего ресурса. Об этом наглядно свидетельствовал выдвинувшийся в качестве кандидата в президенты лидер УНП Ю. Костенко, набравший в первом туре 0,22% голосов. Традиционные национал-демократические избиратели и, шире, бывший «оранжевый» электорат в ходе первого тура был поделен между Ю. Тимошенко (25,05% голосов), утратившим любые шансы на победу В. Ющенко (5,45%) и перспективным национал-либеральным кандидатом А. Яценюком (6,96%). Во втором туре их голоса, соответственно, перетекли к Ю. Тимошенко. Эти кандидаты в борьбе за голоса правого электората активно использовали национал-демократические и националистические символы (к примеру, Ю. Тимошенко во Львове заявила о том, что, если бы ей довелось жить в 1918–1919 гг. XX в., то она примкнула бы к рядам Легиона сечевых стрельцов). Однако все они генетически не были связаны с традиционными правыми силами и выдвинулись в публичную политику на «оранжевой» волне.

8. Феномен «Свободы» в контексте усиления правопопулистских тенденций в европейской политике

Если умеренно правые (национал-демократические) партии длительное время опирались на собственный электоральный сегмент и были в целом широко представлены в Верховной Раде, то

уровень общественной поддержки праворадикальных и этнофундаменталистских структур (по преимуществу локализованных в западноукраинском регионе) в течение двух десятилетий оставался крайне невысоким. Ни одна из политических группировок подобного толка — Социал-национальная партия Украины (СНПУ)/ВО «Свобода», Украинская национальная ассамблея (УНА), различные небольшие фракции Организации украинских националистов (ОУН) и скорее национал-демократический, чем национал-радикальный Конгресс украинских националистов (КУН) — на протяжении двух десятилетий не достигала сколько-нибудь заметного результата на выборах. Это как будто давало основания для вывода о том, что праворадикальные настроения в Украине пребывают в приглушенном состоянии.

В парламент разных созывов попали буквально считанные представители официально зарегистрированных УНА, СНПУ/«Свободы» и КУНа. В составе Верховной Рады Украины IV созыва (сформированного в 2002 г.) СНПУ представлял избранный по мажоритарному округу № 120 (Львовская обл.) и находившийся до сентября 2004 г. в составе фракции «Наша Украина» О. Тягнибок; КУН располагал двумя мандатами, принадлежавшими выдвинутому по квоте блока В. Ющенко «Наша Украина» А. Ивченко (в 2005 г. был назначен В. Ющенко на должность главы компании «Нафтогаз Украины») и избранному по мажоритарному округу № 89 (Ивано-Франковская обл.) Е. Гирныку, который вплоть до сентября 2005 г. принадлежал к фракции «Наша Украина», а затем присоединился к правоцентристской фракции Партии «Реформы и порядок». В парламенте V созыва (избранного в 2006 г.) национал-радикальные организации вновь представляют два депутата от КУНа А. Ивченко и Е. Гирнык (фракция блока «Наша Украина»). Кроме того, в состав Верховной Рады был избран бывший лидер УНА А. Шкиль (фракция Блока Юлии Тимошенко).

Украинская ситуация, таким образом, вплоть до 2010 г. контрастировала с активизацией радикального этноцентризма и нацеленного против мультикультурализма правого популизма, характерного для многих, если не большинства, европейских стран. В Европе в начале XXI в. наблюдалось усиление ксенофобских, экстремистских и антииммигрантских настроений. Оно было вызвано как неразрешенностью иммиграционных проблем в условиях проводившихся на протяжении многих лет правительственной политики поощрения или же, по крайней мере, непрепятствования иммиграции, так и недовольством размыванием национально-культурной идентичности под воздействием ЕС. Этнонационалистические лозунги получили поддержку и среди многих восточных европейцев.

Согласно гипотезе эксперта по вопросам миграции Германского общества внешней политики Штеффена Ангенендта, за использованием правопопулистскими партиями темы иммиграции скрывается их стремление использовать к собственной выгоде распространившиеся вследствие усиления глобализации среди избирателей (особенно в рядах протестного электората) страхи, связанные с чувством утраты национально-культурной идентичности и самобытности[1].

Глобализация и сопутствующая ей рыночная рационализация всех сфер жизни, как подчеркивает немецкий политолог, усиливают у многих людей симптомы утери смысла жизни, ощущение «утраты корней», распада традиционной среды и стиля жизней, боязнь потери статуса. Это, в свою очередь, провоцирует желание отгородиться от чужаков, обращаясь к так называемому «праву на различие» (речь идет о разрешении различного обращения с людьми на основе этнокультурных критериев[2]). Тема иммиграции, как считает Ш. Ангенендт, лишь связывает все эти опасения воедино. По его мнению, современные европейские правопопулистские партии, наряду с религиозным фундаментализмом и сепаратистским регионализмом, могут быть отнесены к «новой форме авторитарных движений».

Как считает Франк Деккер, перспективы усиления правопопулистских структур связаны с общими структурными изменениями последних лет на правом (буржуазном) фланге европейской политической жизни. Очевидный кризис демохристианского движения открыл в этом отношении две возможности: речь идет как о возникновении совершенно новых правопопулистских партий, так и о попытках сдвинуться вправо, которые были предприняты в среде некоторых традиционных либеральных партий. Типичным примером последнего рода является эволюция под руководством Йорга Хайдера Австрийской партии свободы (АПС)[3].

АПС получила поддержку 26,9% избирателей на парламентских выборах 1999 г., 10,1% — на парламентских выборах 2002 г., 11% — в 2006 г., 17% — на внеочередных выборах в 2008 г. При этом отколовшийся от АПС крайне правый Альянс за будущее Австрии заручился в 2006 г. 4,1% голосов, а в 2008 г. — 10,7% голосов.

---

[1] См.: *Ангенендт Ш.* Иммиграция и правый популизм // Internationale politik. 2003. No 2 // www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/international-politik.

[2] Попросту говоря, под «правом на различие» подразумевается запрещенная в конституциях демократических государств и осужденная международным гуманитарным правом дискриминация.

[3] См.: *Деккер Ф.* Почему германские правые популисты часто терпят неудачу // Internationale politik. 2003. No 2 // www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/international-politik.

В Нидерландах за антиммигрантский и антимусульманский Список Пима Фортейна на парламентских выборах 2002 г. проголосовали 17% избирателей. Близкой ко взглядам Пима Фортейна (национал-радикализм в этнополитических вопросах, неолиберализм — в экономических) Партии свободы Герта Вилдерса оказали поддержку 5,9% избирателей на парламентских выборах 2006 г. и 15,5% на парламентских выборах 2010 г.

В Норвегии правопопулистская Партия прогресса Карла Ивара Хагена и Сива Йенсена получила голоса 14,7% избирателей на парламентских выборах 2001 г., 22,1% в 2005 г. и 22,9% в 2009 г. Напомним, что некоторое время в ее рядах находился Андреас Брейвик, совершивший массовые убийства на острове Утойа в 2011 г.

Исключительных успехов за последнее время достигла правопопулистская партия «Истинные финны». В ходе прошедших в апреле 2011 г. парламентских выборов в Финляндии она была поддержана 19% избирателей, среди которых оказалось немало представителей рабочих слоев, улучшив свой результат в сравнении с предыдущими выборами в восемь раз.

В Дании правопопулистская антиммигрантская Датская народная партия была поддержана 12% избирателей на парламентских выборах 2001 г., 13,2% в 2005 г. и 15,3% в 2009 г. Внимание наблюдателей привлекло и появление на крайне правом фланге здешней политической сцены созданной бывшими членами Датского национал-социалистического движения «Партии датчан», выступающей за депортацию всех неевропейцев и предполагающей принять активное участие в муниципальных выборах 2013 г.[1]

В Бельгии праворадикальный фламандский «Влаамс блок» во главе с Филиппом Девинтером и Брюно Валкенирсом, трансформировавшийся в движение «Влаамс беланг», получил 10% поддержки на региональных выборах 2003 г. В ходе парламентских выборов 2007 г. в его пользу проголосовали 11,99% избирателей при избрании Палаты представителей и 11,89% при избрании Сената. На парламентских выборах 2010 г. за «Влаамс беланг» были отданы 7,7% голосов при избрании Палаты представителей и 7,6% при избрании Сената. Считается, что эта политическая группировка поддерживает контакты с организацией «Сент-Мартенфондс», созданной в середине XX в. ветеранами бельгийских войск Waffen SS[2].

---

[1] Новые националисты Дании за окружающую среду (right-world.net/news/550).

[2] См.: *Бенедиктов К.* Ультраправый фланг Европы (www.apn.ru/publications/article1648.htm).

Стабильно высокие результаты демонстрирует правопопулистский Национальный фронт (НФ) во Франции, в 70-е и начале 80-х годов XX в. находившийся на грани исчезновения. В 2002 г. его кандидат набрал 17,2% голосов, что позволило ему, при наличии сразу нескольких левых кандидатов, обойти их всех и прорваться во второй тур президентских выборов. В ходе президентских выборов 2007 г. (в первом туре) уровень поддержки кандидата от НФ уменьшился до 10,44%. Однако на следующих выборах главы государства, состоявшихся в апреле 2012 г., НФ вернул свои позиции, набрав 17,9% голосов.

В этом же ряду стоят успешное выступление праворадикальных сил на выборах в Швейцарии и Греции, а также вхождение в состав кабинета С. Берлускони в Италии представителей ультраправого Национального альянса (ранее Итальянское социальное движение) Джанфранко Фини, чья риторика вызывает достаточно четкие ассоциации со временами Муссолини.

Исключением из этого ряда западноевропейских стран остается сохраняющая историческую память о последствиях усиления этнонационалистического экстремизма Германия, где ни одной из современных правопопулистских структур еще не удалось добиться значимых результатов на общенациональных выборах. Здесь праворадикальная активность групп представлена, главным образом, на уровне деятельности различных относительно небольших экстремистских группировок.

Несмотря на это, политологи склонны считать, что в этом отношении ситуация в Германии может измениться в будущем. Основанием для подобных предположений стали успехи на локальном уровне правопопулистской «Партии Шилля».

В немецких условиях опыт Йорга Хайдера попытался воспроизвести в 2002 г. заместитель председателя либеральной Свободной демократической партии (СвДП) Юрген Меллеман, возглавлявший свободных демократов земли Северный Рейн–Вестфалия. Однако попытка «австризации» СвДП не увенчалась успехом. В марте 2003 г. Юрген Меллеман вынужден был выйти из состава партии[1].

В странах Центральной и Восточной Европы, в меньшей мере сталкивающихся с ситуацией массовой иммиграции, крайне правые силы достигли наибольшего успеха в Румынии, Венгрии, Болгарии, Сербии. В опоре на протестный электорат праворадикальная партия «Великая Румыния» во главе с Корнелиу Тудором, которая

1 *Деккер Ф.* Почему германские правые популисты часто терпят неудачу // Internationale politik. 2003. No 2 (www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/international-politik).

использовала, в том числе, лозунги территориальных притязаний к Украине, заручилась поддержкой 19,5% избирателей. В Венгрии ультранационалистическая партия «Йоббик», для приверженцев которой характерны ксенофобские высказывания, а порою и апелляции к наследию нилашизма, завоевала в ходе парламентских выборов 2010 г. 16,7% голосов. В Болгарии националистическая партия «АТАКА», подчеркнуто выступающая против мультикультурализма во имя утверждения моноэтнического и монокультурного общества, набрала в ходе парламентских выборов 2009 г. 9,36% голосов. Националисты из Сербской радикальной партии получили на парламентских выборах 2008 г. 29,46% голосов (правда, в 2012 г. ее поддержка ослабла).

Все это заставило Славоя Жижека прийти к выводу о существовании тенденции к партийной перегруппировке в европейских странах (правда, мы со своей стороны полагаем, что она не носит на сегодня абсолютного характера): «Рост недовольства наплывом мигрантов следует рассматривать в контексте затянувшегося переустройства политического пространства Западной и Восточной Европы. До сих пор в политическом пространстве европейских стран преобладали две основные партии, которые обращались ко всему электорату — правоцентристские партии (христианские демократы, либерал-консерваторы, народные партии) и левоцентристские партии (социалисты, социал-демократы); более мелкие партии обращались к более узкой прослойке электората (экологи, коммунисты и пр.). Последние результаты выборов на Западе и на Востоке сигнализируют о постепенном складывании другой полярности. Существует одна господствующая центристская партия, которая выступает за глобальный капитализм как таковой, обычно она проводит либеральную культурную повестку (толерантность к идее абортов, правам гомосексуалистов, правам религиозных и национальных меньшинств и т.д.). Противовесом этой партии является набирающая силу популистская партия, настроенная против иммигрантов, которой периферийно сочувствуют откровенно расистские неофашистские группы. Этот пример удачно иллюстрирует Польша: после исчезновения коммунистов основными партиями стали «антиидеологическая» центристская либеральная партия премьер-министра Дональда Туска и консервативная Христианская партия братьев Качиньских. Аналогичные тенденции наблюдаются в Нидерландах, Норвегии, Швеции, Венгрии»[1].

---

[1] *Жижек С.* Казус Брейвика, или Чего хочет Европа // www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa.

Что касается Украины, то проблематика радикальных правых сил не казалась здесь актуальной вплоть до парламентских выборов, состоявшихся в октябре 2012 г. В их результате праворадикальная «Свобода» заручилась поддержкой 10,44% избирателей в рамках пропорциональной составляющей выборов. Кроме того, этой партии удалось провести 13 депутатов по мажоритарным округам. Это дало возможность национал-радикалам впервые в истории независимой Украины сформировать собственную фракцию (38 из 450 мандатов украинского парламента).

Эти данные вызвали шоковый эффект среди значительной части украинского общества (возможность преодоления «Свободой» 5% ограничительного барьера рассматривалась вплоть до дня выборов как сомнительная). Однако на самом деле тенденция увеличения поддержки «Свободы» наметилась еще во время местных выборов 2010 г. По их итогам ВО «Свобода» набрала уверенно заняла первое место в ключевом регионе Западной Украины — Галичине, получив 25,98% голосов при голосовании во Львовский облсовет и 17% в Ивано-Франковский облсовет.

Стало очевидным, что перед «Свободой» открывается перспектива закрепиться в качестве ведущей региональной партии Западного региона. Неудача «оранжевого» проекта В. Ющенко, опиравшегося на революционно-националистический потенциал Галичины и нацеленного на экспансию ценностей соответствующего толка по всей Украины, поставила политически активные слои местного общества перед необходимостью искать пути реагирования на изменившуюся ситуацию. Создавалось впечатление, что местное политическое сообщество стремится замкнуться на себе, сделав выбор в пользу «Свободы» в качестве идеологически наиболее радикальной силы.

В то же время было видно, что в ходе местных выборов 2010 г. «Свободе» кое-где удалось добиться некоторых успехов и в Центральной Украине, т.е. за пределами своей вотчины — Галичины. К примеру, эту партию поддержали 4,48% избирателей при выборах в Киевский областной совет и 3% при выборах в Хмельницкий городской совет.

Однако все-таки этого было явно недостаточно для притязаний на серьезные позиции в масштабах всей страны. Особенность же парламентских выборов 2012 г. заключалась в том, что в их результате *региональная партия крайне правого толка вышла на общеукраинский уровень*. Таким образом, после неудачи на президентских выборах 2010 г. местные политические круги сначала сделали ставку на идеологическую радикализацию в рамках западного региона, однако затем им удачно удалось продвинуть этот ориентированный

на идейные предпочтения галицкого избирателя проект в качестве общенационального.

Конечно, основная поддержка этой партии сосредоточилась в трех галицких областях (в рамках пропорциональной составляющей выборов здесь ее показатели составили от 31 до 38% голосов) и в целом в Западной Украине, а также в идейно близком ей Киеве (17%). Однако при этом «Свобода» смогла преодолеть 5% барьер во всех областях Центра страны, а также в Днепропетровской области. Кроме того, она оказалась на грани преодоления 5%-го показателя в Херсонской (4,71%) и Николаевской (4,3%) областях, т.е. в двух областях Юга страны.

В идеологическом аспекте «Свобода» к моменту начала предвыборной кампании предстала в качестве наиболее непримиримого противника мультикультурных тенденций и, прежде всего, русского языка и украинско-русской бикультурности. В ее программных документах можно было увидеть требования отмены закона «Об основах государственной языковой политики» («закон Колесниченко–Кивалова»), а идеолог партии Ирина Фарион выступила с утверждениями на тему того, что «двуязычие Украины не является естественным этно-общественным явлением. Это следствие более трехсотлетнего имперско-русского террора в отношении самого языка (около 200 указов о его всеобщем и частичном запрете) — т.е. лингвоцид, и истребление носителей этого языка — украинского крестьянства голодом и интеллигенции — репрессиями — т.е. геноцид. Эту исторически вопиющую несправедливость необходимо немедленно изменять путем всеохватывающих мер протекционистской политики государства в отношении украинского языка. [...] Русскоязычные украинцы — это преимущественно жертвы оккупационного московско-советского режима, обращение которых возможно только в лоне родного языка и культуры»[1]. Помимо этого, она заявила о том, что русский язык не может носить в Украине ни регионального, ни государственного характера, поскольку он является «оккупационным», а также выступила за введение налога на исполнение песен на иностранных языках, включая русский. Проект Конституции, предложенный этой партией, предполагает, что «... незнание государственного языка или нежелание использовать его на работе или во время публичных выступлений является основанием для лишения депутатского мандата или иного представительского мандата, освобождения служебного лица от должности. Для

[1] Відкритий лист Ірины Фаріон Віктору Януковичу // www.svoboda.org.ua/diyalnist/novyny/013771.

контроля за соблюдением чистоты государственного языка создается Академия украинского языка»[1].

Лингвистический монокультурализм сочетается в идеологических установках «Свободы» с пропагандой мер, направленных на маркирование национальных меньшинств. Партийная программа «свободовцев» ратует за пропорциональное представительство в органах исполнительной власти этнических украинцев и представителей национальных меньшинств, а также возобновления фиксации этнического происхождения в паспортных данных. Конституционный проект, подготовленный этой партией, также требует, чтобы удельный вес представителей коренного этноса и национальных меньшинств, обучающихся в системе образования, служащих в органах власти, вооруженных силах и правоохранительных органах, работающих в образовательной и здравоохранительных сферах и имеющих бизнес, «отвечал национальному составу населения Украины». Проект провозглашает основой государственного строительства «национальную идею» в качестве идеи полновластия коренной нации, а также рассматривает украинское государство как «сердцевину духовности» не только украинской нации, но даже всей «европейской цивилизации». Он также предусматривает запрет «антиукраинской деятельности», создания «антиукраинских» партий и движений, а также политических забастовок.

Особый аспект партийной программы «Свободы» — пропаганда антииммиграционной политики. Речь идет о запрете усыновления украинских детей иностранцами, борьбе с нелегальной миграцией, введении системы биометрического контроля, обеспечении депортации нелегальных мигрантов.

Важный момент пропаганды «Свободы» — стремление предстать в образе наиболее ревностного наследника традиций революционного национализма и последовательных сторонников героизации ОУН. Предвыборная программа этой партии призывает признать ветеранов ОУН–УПА участниками национально-освободительной борьбы за государственную независимость и объявить 14 октября, почитающийся националистической общественностью в качестве дня образования УПА, государственным праздником. Преамбула проекта конституции, предложенного «свободовцами», называет предшественником современной независимой Украины «Украинское государство, возобновленное Актом 30 июня 1941 года» (речь идет о провозглашении рядом представителей ОУН(б) во главе с Я. Стецько независимости в занятом немецкими войсками Льво-

[1] Національна Конституція (проект ВО «Свобода») // www.svoboda.org.ua.

ве). 9 мая 2011 г. представители «Свободы» вступили в столкновения с ветеранами Отечественной войны и сотрудниками МВД на львовском Холме Славы, стремясь не допустить празднования.

Что касается внутриукраинской политической ситуации, то в своем конституционном проекте «Свобода» утверждает представление о себе как о политической силе, ориентированной на «твердую руку». В этом плане партия объявила себя сторонницей перехода к президентской форме правления. Одновременно она стремится утвердить имидж поборницы консервативных моральных ценностей, ратуя за запрет абортов.

«Свобода» оказалась единственной политической силой правого спектра в Украине, которая удостоилась инвектив со стороны европейских инстанций. Характерно, что ранее, например, в период баллотирования на пост президента В. Ющенко, поддерживавшегося крайне правым флангом, европейские структуры такого рода недовольства не проявляли.

В резолюции Европарламента № 2889 от 13 декабря 2012 г., в частности, указывается: «Европарламент обеспокоен ростом националистических настроений в Украине, что подтвердила поддержка партии “Свобода”, которая стала одной из двух новых партий в Верховной Раде. Европарламент также напоминает, что расистские, антисемитские и ксенофобские взгляды противоречат фундаментальным ценностям и принципам ЕС, а поэтому призывает демократические партии в Верховной Раде не объединяться с ней и не формировать коалицию с этой партией»[1]. Здесь характерны не только критика в адрес «Свободы», но и призыв к ведущим оппозиционным силам — возглавляемой в условиях заключения Ю. Тимошенко А. Яценюком «Батькивщине» и партии УДАР В. Кличко — установить для себя барьер в эволюции в направлении направо. Несмотря на сугубо рекомендательный характер резолюции, такого рода вмешательство в украинские политические процессы наблюдалось впервые, поскольку по обыкновению европейские структуры избегали какой-либо критической рефлексии по поводу умонастроений на правом и в целом бывшем «оранжевом» фланге украинской политике. Впрочем, такого рода призывы были проигнорированы. Известную обеспокоенность публично высказал также посол Соединенных Штатов в Украине Д. Тефft. Заметно резче были оценки Антидиффамационной лиги США и Центра Симона Визенталя.

---

[1] European Parliament resolution of 13 December 2012 on the situation in Ukraine // www.europarl.europa.eu.

В ряду факторов, обусловивших продвижение «Свободы» на выборах 28 октября 2012 г., принято уделять особое внимание скрытому содействию со стороны «партии власти» (например, в сфере медиа), что представители «Свободы» традиционно отрицают. К примеру, наблюдатели отметили, что «свободовцы» оказались в преддверии выборов весьма желанными гостями на ведущих политических ток-шоу страны, выходящих на телеканалах «олигархических» финансово-промышленных групп, связанных со властью. За день до проведения выборов медиаэксперты заметили, что в программе «Свобода слова» наиболее популярного в стране канала «Интер» лидеры «Свободы» по частоте появления заняли третье место после Партии регионов и Партии УДАР Виталия Кличко: «...В одном из популярнейших ток-шоу была заметно представлена «Свобода», прохождение которой все еще [по состоянию на 26 октября] остается под вопросом. Одновременно Компартия, которой социология дает уверенные 10% в «Большой политике», представлена не была вообще»[1]. Нечто подобное отмечалось и в отношении чрезвычайно популярного ток-шоу Савика Шустера на телеканале «Украина».

Широкий резонанс (а со стороны «Свободы» судебные иски) вызвали заявление руководителя Тернопольской региональной организации Партии регионов Ореста Муца о том, что будто бы уже во время выборов 2007 г. избирательный штаб ПР направлял средства не только своим однопартийцам, но и представителям «Свободы».

Независимо от степени юридической обоснованности этих заявлений, нельзя не заметить совпадения в ходе этих выборов тактических интересов «партии власти», действовавшей по принципу «разделяй и властвуй» в отношении оппозиционных партий, и национал-радикалов. Усиление «Свободы» автоматически оттягивало голоса у тимошенковской «Батькивщины», и, таким образом, усиливало шансы Партии регионов занять первое место в рамках пропорциональной составляющей выборов, что давало ей право объявить себе партией-победительницей голосования. Вероятно, те, кто в структурах власти вынашивал идею ослабить «Батькивщину» за счет поощрения национал-радикалов, полагал, что влияние последних по результатам выборов не выйдет за пределы западноукраинского региона.

Характерно с этой точки зрения мнение, прозвучавшее в среде политических экспертов: «...не уверен, что те возможности, которые сейчас получила «Свобода», — это полностью управляемо из Банко-

---

[1] *Щербина С.* Политические ток-шоу. Манипуляции в болоте // www.pravda.com.ua/rus/articles/2012/10/26/6975496/.

вой. Конечно, Банковая — да, но только частично. Оттуда наверняка много сделали для того, чтобы раскрутить эту политсилу. К примеру, у них была возможность влиять на то, кто принимает участие в телевизионных ток-шоу. Если бы на Банковой занимали жесткую позицию, то представителей «Свободы» там бы не было, поскольку это — региональная политсила. Но то, что «свободовцы» появились на центральных каналах, не осуществилось бы без участия тех, кто влияет на ТВ. А кто влияет, кто платит деньги Шустеру и Киселеву — известно. Это близкие к власти олигархи. Конечно, сами они этим не занимаются, а перепоручают управленцам. Одним словом, был некий план, который, по-видимому, заключался в том, чтобы «Батькивщина», считающаяся главным конкурентом партии власти, получила на выборах хотя бы на полпроцента меньше, чем ПР. Как это сделать? С одной стороны — добиваться большего успеха для ПР, а с другой — раскалывать электорат оппозиции. Мол, поможем «Свободе», чтобы она отобрала 5–6%! Технологически осмысленная программа, но, как всегда бывает в таких вещах, — дьявол кроется в мелочах! Переборщили: раскрутили не на 5, а на 11%!»[1]

При этом следует признать обоснованность мнения тех экспертов, которые подчеркивают, что успех «Свободы» по продвижению в парламент нельзя сводить исключительно к совпадению тактических интересов «партии власти» и крайне правых. Он обусловлен одновременным воздействием нескольких факторов.

Речь идет, прежде всего, о том, что А. Умланд назвал «некогерентным кругом избирателей украинских правых»[2]. Точнее говоря, речь идет о том, что «Свободе» удалось привлечь к себе избирателей с различными мотивами из разных социально-политических сред. Далеко не все они являются идеологически ориентированными радикальными националистами, хотя именно таков ядерный электорат этой партии. Часть избирателей «Свободы» — это та составляющая протестных оппозиционных слоев общества, которая, сама по себе отличаясь неопределенностью и размытостью идеологических взглядов, сделала ставку на национал-радикалов в расчете на то, что они сыграют роль ударной силы в борьбе с режимом В. Януковича, ассоциирующимся у них с олигархическим капиталом. Таким образом, в электорате «Свободы» сошлись ведущие традиционалистский об-

---

[1] *Погребинский М.* Альтернатива — космические пришельцы // www.2000.net.ua/2000/forum/vizavi/88963.

[2] *Умланд А.* Типичная разновидность европейского правого радикализма // http://gazeta.zn.ua/POLITICS/tipichnaya_raznovidnost__evropeyskogo_pravogo_radikalizma___chetyre_osobennosti_vseukrainskogo_obedi.html.

раз жизни слои из аграрных областей Запада страны и радикальные противники власти с высшим образованием из городской среды, что особенно характерно для Киева. При этом произошло наложение идеологического радикализма этнонационалистического электората на политический радикализм избирателей, далеких от крайне правых идеологов, но желающих добиться смены власти любой ценой или, по крайней мере, демонстрирующих, что из неприязни к властям они готовы поддержать любую по степени декларируемой радикальности политическую силу.

Необходимо отметить проявленную лидерами «Свободы» тактическую гибкость в ведении избирательной кампании. С целью привлечения идейно стороннего и колеблющегося избирателя в ее ходе некоторые традиционные партийные идеологические темы приглушались, при этом в социально-экономическом плане предвыборной программе был придан подчеркнуто социальный, близкий к левым установкам характер (на фоне общей популистско-антиолигархической риторики).

К примеру, в предвыборной программе «Свободы» речь шла о запрете приватизации стратегических предприятий и возвращении в государственную собственность ранее приватизированных объектов, гарантиях государственного контроля над природными монополиями, ликвидации частных природных монополий и олигополий, ренационализации предприятий, собственники которых не выполняют социальных и инвестиционных обязательств, возврате в коммунальную собственность инфраструктурных предприятий-монополистов, запрете торговли сельскохозяйственной землей, установлении прогрессивных налогов, обеспечении государственного контроля над банковским сектором. Этот акцент позволил «Свободе» обозначить себя как силу, претендующую на выражение не только идеологического и политического радикализма, но и социального протеста, направленного против господства крупного («олигархического») капитала.

Такая ситуация представляется весьма симптоматичной для современной украинской политики. Этнорегиональный раскол привел к полному блокированию левых сил в Западном регионе и утрате их влияния в Центре страны. В таких условиях выражение требований социального протеста при активном использовании антиолигархической риторики de facto левого или же мелкобуржуазного толка взяли на себя представители популистских и правых сил «оранжевого» образца. Это, как отмечалось выше, обычно не мешало их тесным связям на этапе собственного усиления, с крупным капиталом, что характерно для развития политических процессов в Украине с начала нового века, в то время как сформировавшаяся на более ранних этапах развития неза-

висимой Украине традиционная национал-демократия так и осталась скорее движением национальной интеллигенции. С целью прихода к власти лозунги, направленные против «донецких олигархов», намеренно выдвигал В. Ющенко и его «Наша Украина», хотя после прихода его к власти миллиардер Сергей Тарута — глава «Индустриального Союза Донбасса» (ИСД), являвшимся одной из крупнейших финансово-промышленных групп страны и конкурентом SCM Р. Ахметова, признался, что его компания «всегда поддерживала Ющенко»[1]. Еще сильнее антиолигархические мотивы были выражены у «Батькивщины-БЮТ» Юлии Тимошенко. Однако ее планы масштабной реприватизации остались нереализованными (за исключением «Криворожстали»), а фракция пополнилась представителями крупного «олигархического» капитала, такими, как, к примеру, миллиардер Константин Жеваго — руководитель компании «Феррэкспо».

Что касается «Свободы», то ей противники с разных сторон традиционно и настойчиво пеняют финансированием со стороны связанной с «Евразом» финансово-промышленной группой «Приват» днепропетровского происхождения во главе с миллиардером Игорем Коломойским, имеющей собственные интересы в ТЭК Галичины. Эти обвинения сопровождаются протестами и опровержениями со стороны лидеров «Свободы».

Наблюдателям бросился в глаза достаточно снисходительный тон, взятый главой «Привата» в отношении «свободовцев». В январе 2011 г. Игорь Коломойский заявил: «Если раньше их электорат составлял 2–3 процента маргинального населения, то теперь их электоральная база выросла. Они вполне в ближайшее время могут стать лидерами. [...] Я вижу по ТВ, “Свобода” явно сместилась от ультранационализма ближе к центру, стала более умеренной. [...] Будем надеяться, что чем больше она будет набирать электорат, тем ближе она будет смещаться к центру. Лучше те националисты, которые прямо говорят то, что они думают, чем те, которые молчат, но все делают за спиной»[2]. Одновременно он подверг резкой критике Ю. Тимошенко. После выборов 2012 г. Коломойский призвал еврейское этнокультурное движение Украины «не поддаваться паническим настроениям» в связи с вхождением «Свободы» в состав украинского парламента[3].

---

[1] *Молдован А.* Донецкое «дерби»: «ИСД» против «SCM» // www.pravda.com.ua/rus/articles/2005/03/14/4386459/.

[2] *Коломойский И.* «Свобода» может стать лидирующей силой Центра и Запада Украины // http://zn.ua/article/print/POLITICS/kolomoyskiy_svoboda_mozhet_stat_lidiruyuschey_politsiloy_tsentra_i_zapada_ukrainy.html.

[3] *Горбачев С.* Игорь Коломойский держит место // http://kommersant.ua/doc/2057059.

Важный фактор, обеспечивший продвижение «Свободы», — неудача «оранжевого» проекта и исчерпанность жизненного ресурса традиционной правоцентристской национал-демократии: «...Свое влияние оказал политический провал Виктора Ющенко и, хоть и в меньшей степени, Юлии Тимошенко, что выразилось в падении доверия ко всем правоцентристским партиям, которые их поддерживали. Фактически западноукраинскому избирателю сегодня не за кого голосовать. Некогда популярный (в 90-х годах) Народный Рух Украины был поглощен политическими проектами Ющенко и Тимошенко в период 2004–2007 гг. Возглавляемой Виктором Ющенко "Нашей Украине" сегодня мало кто доверяет. Блок Юлии Тимошенко потерял значительную часть своих сторонников. Ни за Партию регионов, ни за коммунистов на Западе Украины голосовать не будут. "Фронт перемен" Арсения Яценюка и "Сильная Украина" Сергея Тигипко по разным причинам не вызывают особого доверия. Остается только политическая сила Тягнибока...»[1] Наконец, успешное выступление «Свободы» на выборах не могло бы состояться, если бы не такое обстоятельство, как традиционное отсутствие иммунитета политически активных слоев украинского общества перед идеологиями крайне правого толка.

* * *

Выводы: в Украине существует слой избирателей (приблизительно одна пятая часть электората), являющихся убежденными противниками мультикультурности, точнее, украинско-русской бикультурности. Так, согласно данным проведенного в марте 2013 г. всеукраинского опроса, 18,6% респондентов высказываются за то, что «русский язык необходимо исключить из официального общения по всей территории Украины»[2]. Эта среда, имеющая особое влияние на Западе (где она связана с революционно-националистическим «пассионарным» ферментом) и в Центре страны, формирует базовую электоральную поддержку правых партий.

Будучи не в состоянии самостоятельно добиться власти, национал-демократические силы сыграли роль одного из базовых элементов «оранжевого» проекта, в рамках которого мобилизация немало потерявших в ходе рыночных экономических трансформаций за годы независимости слоев избирателей Запада и Центра страны

---

[1] *КирюхинД.* Феномен «Свободы» //www.analitik.org.ua/publications/kirukhin/4e1eb914713d2/.

[2] Думки населення України щодо зовнішньої політики та мовного питання // www.kiis.com.ua.

осуществлялась за счет выдвижения национальных лозунгов и в то же время активизации настроений социального протеста с помощью квазилевой, либо же мелкобуржуазной популистской антиолигархической риторики.

При этом опыт свидетельствует: правые (а затем «оранжевые») силы призывались на политическую сцену всякий раз, когда контролирующие экономические ресурсы страны политические и бизнесовые элиты Востока страны сотрясал фракционный раскол, или же возникала необходимость дистанцироваться от Москвы, или же они проявляли неспособность утихомирить массовое недовольство. Так было, к примеру, в условиях «перестройки» (противостояние «реформистов» и «суверен-коммунистов», с одной стороны, и «консерваторов», с другой), во времена правления Л. Кучмы (конфликт президента с левыми силами; «выдавливание» из власти одной из днепропетровских групп влияния во главе с П. Лазаренко и Ю. Тимошенко, возглавившей далее социально наиболее радикальную группировку в «оранжевом» движении).

Современные украинские правые силы проделали длительную и непростую эволюцию. На рубеже 80–90-х годов прошлого века политическая активность национал-демократических и националистических группировок, обладавшая определенным революционным потенциалом и опиравшаяся на поддержку национальной гуманитарной интеллигенции советского образца Запада и Центра страны, катализировала действия всех антирежимных и реформистских некоммунистических, антикоммунистических и национал-коммунистических сил и кругов. После легализации в 1993 г. Компартии, превратившейся в ведущую региональную силу Востока Украины, национал-демократы, являвшиеся региональным политическим лоббистом Запада страны, взяли на себя роль борца с угрозой «коммунистического реванша» и, таким образом, союзника связанной с бизнесом киевской власти, имевшей во времена правления президента Кучмы восточноукраинское происхождение и нацеленной на формирование крупного национального («олигархического») капитала. Правые силы Украины оказались естественными партнерами евроатлантического сообщества ограничения и сужения в его пределах российского влияния, а диаспорные (эмигрантские) круги сыграли важную роль посредника между украинскими верхами и политическими кругами евроатлантических стран.

Перегруппировка рубежа 1999 и 2000 гг. (назначение премьером В. Ющенко и устранение левых от руководства парламентом) привели к изменению политической роли правых сил. От ориентации на режим Л. Кучмы в противостоянии с «коммунистической

угрозой» они начали переходить к лавированию — сочетанию выборочной поддержки власти с критической полуоппозицией и сотрудничеством с антикучмовской «фрондой». Одновременно в Украине наметилась тенденция к утрате левыми статуса основной оппозиции. Таким образом, начали вырисовываться первоначальные контуры будущего «оранжевого» проекта как ориентированного на национал-либеральные ценности элиты и опирающегося при этом на мобилизацию с использованием популистской риторики социального протеста по преимуществу аграрных и украиноязычных регионов Центра и Запада страны. Этот постепенно нарастающий социальный протест в значительной мере был направлен против усиления крупного капитала отечественного происхождения («олигархов») и коррупции, а на Западе страны приобрел этнокультурный характер, сочетаясь с сильными монокультурными, антироссийскими и антикоммунистическими настроениями. В этих условиях правоцентристские национал-демократические фракции в Верховной Раде, а также популистская фракция «Батькивщина» Ю. Тимошенко выступили в роли главной опоры В. Ющенко в парламенте. После отставки В. Ющенко с должности главы правительства (апрель 2001 г.), вступившего в противостояние с властью под популистскими антиолигархическими лозунгами, правые силы взяли на себя роль «демократической оппозиции». В то же время надежды национал-демократических партий на то, что им удастся монополизировать влияние на В. Ющенко, не суждено было сбыться в силу противодействия представителей крупного капитала в окружении последнего. К моменту президентских выборов 2004 г. они оказались лишь одной из подчиненных составляющих широкого альянса сил, выступающих в поддержку В. Ющенко.

После объявления В. Ющенко президентом в январе 2005 г. правоцентристские партии, получив ряд постов в составе первого правительства Ю. Тимошенко, вступили в роль фрагмента правящего «оранжевого» альянса. Однако вскоре выяснилось, что В. Ющенко принял в целом идеологический курс национал-демократии, но отнюдь не идею сохранения самостоятельных публичных национал-демократических партий и попытался растворить их в рамках собственной пропрезидентской партии. К парламентским выборам 2006 г. и особенно президентским выборам 2010 г. традиционные правоцентристские национал-демократические силы полностью утратили самостоятельность. Они попали в зависимость от политических группировок, созданных Ю. Тимошенко и В. Ющенко, чья популярность основывалась не столько на идеологии, сколько на харизматических дарованиях их вождей.

Освободившуюся вследствие угасания правоцентристов на правом фланге нишу заняла праворадикальная партия «Свобода», успешное баллотирование которое на выборах 2012 г. произошло в условиях, когда центристская киевская власть восточноукраинского происхождения ввиду необходимости ослабления позиций сторонников «Батькивщины» Ю. Тимошенко объективно оказалась заинтересованной в усилении влияния ее конкурентов с крайне правого фланга.

Конфессиональное разделение Украины

Михаил Белецкий

1. Немного истории

Существенную роль в этнокультурной и идеологической ситуации в Украине играет разделение страны по конфессиональному признаку.

Здесь мы ограничимся рассмотрением христианских церквей восточного обряда, поскольку именно они вносят основной «вклад» в этнокультурное и идеологическое разделение общества. Большинство других конфессий, включая протестантские церкви, римско-католическую, иудаизм, можно охарактеризовать как идеологически нейтральные, потому они остаются за пределами нашего рассмотрения. Этнокультурные и идеологические проблемы возникают в связи с исламскими организациями, но мы не будем их касаться, поскольку они носят узко региональный характер, не выходя за пределы Крыма.

Прежде чем говорить о самом конфессиональном разделении, кратко охарактеризуем его предысторию.

Территория, занимаемая современной Украиной, испокон веков отличалась поликонфессиональностью. Широко были представлены на ней и различные христианские конфессии: православные — как принадлежащие к официальной церкви, так и старообрядцы; католики; греко-католики; разные ветви протестантизма.

После революции в ходе возникшего в церковной среде движения за автокефалию к ним добавилась ещё одна православная юрисдикция — Украинская Автокефальная Православная Церковь. УАПЦ была провозглашена в 1919 г. директорией Украинской Народной Республики и окончательно утверждена в 1921 г. на Всеукраинском православном соборе в Киеве. В 1920-е гг. основным объектом антирелигиозных преследований со стороны советской власти была Русская православная церковь (РПЦ) как наиболее влиятельная и наиболее «опасная». В связи с этим власть оказывала определённую и зачастую существенную поддержку церковным диссидентским движениям — как Обновленческому движению в РПЦ, так и признанной последней УАПЦ. В 1920-е гг. УАПЦ сосуществовала на Украине с РПЦ, расширяя свое влияние (более 10 тыс. свя-

щенников в 1927 г.). В 1928 г. советская власть начала преследование УАПЦ, ссылая и уничтожая ее священнослужителей. Окончательно ликвидирована на территории советской Украины она была в 1930 г. решением Чрезвычайного православного собора в Киеве, проходившего под сильным давлением советской власти. Духовенство УАПЦ было почти полностью уничтожено, немногие оставшиеся продолжили церковную деятельность за рубежом. В 1942 г. УАПЦ была восстановлена на оккупированных землях; власти рейхскомиссариата «Украина» первоначально признали ее, но затем тоже запретили. После восстановления советской власти эта церковь оставалась попрежнему запрещённой.

На западно-украинских землях подавляющее большинство украинского населения принадлежало к Украинской греко-католической Церкви (УГКЦ). Эта церковь была образована в 1596 г. на Брестском соборе, принявшем решение об унии с католической церковью, при которой в основном были сохранены православные догматика, каноны и обряды, но была признана верховная власть римского папы. Образование униатской церкви, получившей впоследствии наименование УГКЦ, привело к длительному противостоянию ее последователей как с православной, так и с католической церквами, эпизоды которого принимали характер религиозной войны. Однако с течением времени эта церковь стала традиционной для западных областей Украины, входивших в состав Австро-Венгерской империи, Царства Польского в составе Российской империи, а впоследствии независимой Польши. Подвергаясь в этих странах определённому давлению и дискриминации со стороны господствующих церквей, УГКЦ с течением веков приобрела характер института, сплачивающего и объединяющего украинскую нацию на землях своего влияния. После присоединения Западной Украины в 1939 г. и восстановления в ней советской власти после войны УГКЦ ликвидируется. Под давлением власти и с участием органов госбезопасности в 1946 г. был созван Львовский церковный собор, который признал недействительной Брестскую унию и провозгласил соединение УГКЦ с РПЦ. Последовали репрессии униатских священников и активных мирян, не принявших этого соединения; сама церковь перешла на катакомбное положение. Большинство же населения формально приняло православие, осознавая вынужденность этого шага и сохраняя память о своей прежней вере.

Общий поворот в официальной идеологии, вызванный началом Отечественной войны, ставка на русский патриотизм, традиционно связанный с православием, не мог не сказаться и на церковной политике. Давление на РПЦ сменяется заигрыванием с ней,

стремлением обрести в ее лице младшего партнёра. Поэтому в послевоенные годы РПЦ добилась более терпимого отношения к себе, особенно в тех регионах, где конкурирующими были прозападные церкви, например, в Западной Украине.

Таким образом, с середины 1940-х и до середины 1980-х гг. в Украине легально функционировала единственная массовая христианская церковь восточного обряда — РПЦ.

С началом перестройки были легализованы запрещённые ранее УГКЦ и УАПЦ. В процессе восстановления влияния на своих традиционных землях, т.е. в Западной Украине, лидировала УГКЦ, регистрация общин которой была разрешена в 1990 г.

Однако к тому времени на тех же землях вполне утвердилось и православие с явным стремлением к независимости[1]. Первым шагом возрождения независимой православной церкви стало провозглашение существования УАПЦ 19 августа 1989 г. в львовской церкви апостолов Петра и Павла. Официальное ее восстановление произошло на Соборе УАПЦ 5–6 июня 1990 г., который также утвердил Устав и избрал патриарха.

Реабилитация церквей сопровождалась острой борьбой между ними и РПЦ, вызванной, прежде всего, нехваткой храмов для богослужения. Власти, восстановив церкви в формальных правах, не позаботились о решении имущественных вопросов; отнятые в свое время у репрессированных церквей храмы частично были переданы РПЦ, а большей частью разрушены или переданы различным организациям, прямо или косвенно зависящим от партийно-государственных структур. Межцерковная борьба, не ограничивающаяся публичной полемикой, а выливающаяся в насильственные захваты храмов и избиения верующих, была особенно интенсивной в Западной Украине. В Киеве в октябре 1991 г. верующие УАПЦ проводили голодовки и пикетирования, требуя передачи своей церкви всех храмов города.

В эти же годы существенные изменения происходили и в Украинском Экзархате РПЦ. Как в священноначалии, так и среди клира и верующих росли тенденции к большей самостоятельности, вплоть до полной независимости от Московского патриархата, т.е. автокефалии. Особенно это проявлялось в западноукраинских епархиях, для которых самостоятельность своей церкви была необходимым условием, чтобы выстоять в противостоянии с набирающими силу конкурирующими церквами. В июле 1990 г. украинский епископат

---

[1] В литературе это стремление обычно характеризуется лозунгом (непонятного происхождения): «Рим нам не отец, но и Москва — не мать».

обратился к патриарху Алексию и Священному синоду РПЦ с просьбой о предоставлении большей самостоятельности своей церкви. А в октябре Архиерейский собор РПЦ под председательством патриарха принял определение, которым преобразовал Украинский экзархат в Украинскую православную церковь (УПЦ), предоставив ей независимость и самостоятельность в управлении с правами широкой автономии. Это решение было утверждено Поместным собором РПЦ в январе 2009 г. (в период 1990–2009 гг. Поместный собор не собирался).

Однако стремительное развитие событий, прежде всего провозглашение независимости Украины, побудило руководство УПЦ пожелать большего: в конце 1991 г. оно обратилось к Синоду РПЦ с просьбой о предоставлении автокефалии. Руководство РПЦ использовало удобный повод для снятия с повестки дня этого вопроса: на Архиерейском соборе в марте-апреле 1992 г. он был подменен персональным вопросом — о несоответствии сану предстоятеля УПЦ митрополита Филарета, в результате чего Филарет был вынужден сделать заявление о предстоящей отставке.

Эти события были использованы властями и национально-патриотическими силами Украины, стремившимися поставить церковь на службу своим интересам и идеологии. Заручившись их поддержкой, Филарет, отождествивший себя с идеей автокефалии, отказался уходить в отставку.

Архиерейский собор УПЦ в Харькове 27 мая 1992 г., низложив и лишив сана Филарета, избрал предстоятелем митрополитом Владимира (Сабодана). Филарет, не признавая правомочными решения собора, в ответ на это провозгласил автокефалию УПЦ, которую он якобы возглавляет, а в июне провел Всеукраинский православный собор, где было объявлено о соединении УПЦ и УАПЦ в новую церковь под названием Украинская православная церковь — Киевский пПатриархат (УПЦ-КП).

Поскольку большинство клириков и мирян УПЦ и УАПЦ с объединением своих церквей не согласилось, в Украине оказались три православных церкви. После этого объединения межцерковное противостояние приобрело особо острый характер, каждая из церквей боролась против двух других, в их борьбу активно вмешивалось государство, в первое время открыто ориентировавшееся на превращение УПЦ-КП в государственную церковь и подавление двух других. С течением времени это противостояние приобрело более цивилизованный характер, проявляются даже элементы сотрудничества, вмешательство государства почти не ощущается (что, вероятно, и стало главной причиной уменьшения конфронтации).

Итак, в настоящее время в Украине серьёзно представлены четыре христианских церкви восточного обряда: УПЦ[1], УПЦ-КП, УАПЦ и УГКЦ. Из трёх православных церквей только УПЦ признаётся Вселенским Православием и рассматривается как его составная часть. (С точки зрения УПЦ, две другие — УПЦ-КП и УАПЦ — представляют собой не церкви, а «религиозные объединения»[2].)

2. Современное состояние: статистические и социологические данные

Украина — поликонфессиональная страна: по состоянию на 1 января 2010 г. в ней было представлено 55 вероисповеданий[3]. При этом она является преимущественно христианской страной: именно христианским конфессиям принадлежат 93,2% религиозных организаций[4]. В то же время, вопреки расхожим представлениям, ее нельзя назвать в основном православной: православные организации составляют всего 51,1% от общего числа; православие существенно теснят многочисленные протестантские общины, количество которых достигает 26,8%.

---

[1] В массовых изданиях, прежде всего — в СМИ, к официальному названию «Украинская православная церковь» обычно добавляют «(Московского патриархата)» (сокращенно «УПЦ (МП)»), чтобы малосведущий читатель мог отличить эту церковь от УПЦ-КП.

[2] Отметим, что сегодня нет общепринятого и приемлемого для всех термина, охватывающего все четыре названные структуры, за исключением слишком широкого — типа «религиозное объединение». Мы будем использовать для них термины «церковь» или «конфессия»; последний не вполне точен, но широко употребляем.

[3] Все данные приводятся по отчёту Государственного комитета Украины по делам национальностей и религий «О состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации в Украине за 2009 г.». При анализе количественных данных использован информационно-аналитический материал Центра Разумкова «Религия и власть в Украине: проблемы взаимоотношений» (08.02.2011).

[4] Используемое понятие религиозные организации» включает «религиозные общины, управления и центры, монастыри, религиозные братства, миссионерские общества (миссии), духовные учебные заведения, а также объединения, состоящие из вышеуказанных религиозных организаций» (Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях», ст. 7). Количество религиозных организаций и количество религиозных общин (приходов) — основные показатели, характеризующие состояние религиозных структур в Украине, поскольку нет попыток учёта реально практикующих верующих, да и сама постановка вопроса о таком учёте методологически проблематична. Отметим, что в официальной статистике учитываются только зарегистрированные религиозные организации, составляющие 94,8% от общего числа.

Рассматриваемые нами четыре церкви восточного обряда в совокупности включают 61,8% религиозных организаций и покрывают сетью всю Украину. При этом УПЦ включает 34,9% религиозных организаций, УПЦ-КП — 12,7%, УГКЦ — 10,7%, УАПЦ — 3,5%.

Соотношение между церквями в регионах[1]

В таблице 3.2 пдоля приходов церквей по пяти регионам (т.е. отношение числа приходов конкретной церкви к общему числу всех религиозных общин в регионе).

Таблица 3.2

Доля религиозных общин (%)

РЕГИОН	Приходы УПЦ	Приходы УПЦ-КП	Приходы УАПЦ	Приходы УГКЦ	Остальные религиозные общины	ВСЕГО
Центр	45,2	14,7	2,1	1,0	37,0	100
Восток	42,0	6,6	0,7	1,4	49,3	100
Юг	35,0	7,3	1,4	1,4	54,9	100
Запад без Галичины	38,0	14,4	0,8	7,5	39,2	100
Галичина	3,6	16,8	13,7	50,6	15,2	100
Украина в целом	**34,9**	**12,7**	**3,5**	**10,7**	**38,2**	**100**

Из этой таблицы видно, что в Украине нет моноконфессиональных регионов. И более того, в четырёх регионах (за исключением Галичины) ни одна из церквей не является абсолютно доминирующей по этому показателю, т.е. не покрывает более половины приходов. Можно говорить лишь об относительном доминировании, т.е. о большей представленности одной из церквей по сравнению с другими.

---

[1] Мы используем следующее распределение областей *по четырём регионам*: **Центр**: г. Киев, Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская и Черниговская области; **Восток**: Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская области; **Юг**: АР Крым (с г. Севастополем), Николаевская, Одесская и Херсонская области; **Запад**: Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая области. Иногда мы будем использовать распределение *по пяти регионам*, при котором Запад разбивается на два субрегиона: **Запад-1,** или **Галичина**: Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области; **Запад-2**: Волынская, Закарпатская, Ровенская и Черновицкая области.

УПЦ обладает преимуществом перед тремя остальными церквами в четырёх регионах — Восточном, Центральном, Южном и Западном (без Галичины)[1]. И это преимущество весьма существенно — УПЦ в каждом из регионов имеет больше приходов, чем три остальные, вместе взятые, причём в Центре, на Юге и на Востоке — существенно больше (соответственно в 2,5, в 3,5 и почти в 5 раз). Заметим, что цифры опровергают распространённое мнение о слабости позиций УПЦ в Западном регионе как таковом, — на самом деле, если рассматривать его без Галичины (что мы и делаем), то видно, что они принципиально не отличаются от ее позиций в остальных регионах.

Противоположным образом обстоит дело в Галичине, где УГКЦ является доминирующей церковью по количеству приходов, т.е. включает более половины их общего числа. Галичина является также единственным регионом, где УПЦ почти не присутствует — доля ее приходов (3,6%) в 10–12 раз меньше, чем в остальных регионах. При этом во Львовской и Ивано-Франковской областях этот показатель составляет вообще 2,1%.

Количество приходов является показателем, отражающим реальную представленность церквей в регионах. Не менее важен и показатель, отражающий отношение к церквам масс населения, верующих и неверующих. Его дают ответы на вопросы о конфессиональной самоидентификации при социологических опросах[2]. Исследование показывает, что эти два показателя мало коррелируют друг с другом.

В Украине верующими называют себя подавляющее большинство, при этом, как правило, верующие относят себя к той или иной конфессии, что явно не соответствует данным о реальной конфессиональной практике. Очевидно, такая самоидентификация отражает симпатию/антипатию к разным церквам, базирующуюся то ли на реальной принадлежности к ним, то ли на отзывах и почерпнутых сведениях о них, иногда не выходящих за пределы самого наименования («Киевский патриархат» — «Московский патриархат»). Ясно, что существенное влияние на конфессиональную самоидентификацию оказывают этнокультурные и идеологические предпочтения.

---

[1] Отметим, что в этих регионах серьёзную конкуренцию православным церквам составляют различные ветви протестантизма, которые в совокупности безусловно опережают здесь УПЦ-КП и УАПЦ, а в Восточном регионе (где их доля равна 42,7%) — даже и УПЦ. Однако роль и место в Украине протестантских церквей, как узко церковная проблема, находится за пределами нашего рассмотрения.

[2] Мы используем данные социологического опроса, проведенного Центром Разумкова в ноябре 2010 г. Опрошен 2001 респондент в возрасте от 18 лет.

В таблице 3.3 представлены уровни конфессиональной самоидентификации в Украине и по *четырём*[1] *регионам, т.е. доля давших тот или иной ответ на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» (в процентах). Эти цифры заслуживают внимательного анализа.*

Таблица 3.3

Конфессиональная самоидентификация населения (%)

РЕГИОНЫ	УПЦ	УПЦ-КП	УАПЦ	УГКЦ	Сумма по 4 церквам	Другие конф., вне конф.	Неверующие
Центр	22,2	17,4	0,8	0,3	40,7	42,3	17,0
Восток	21,6	12,5	0,2	0,8	35,1	48,1	16,8
Юг	42,6	8,5	0	0	51,1	38,0	10,9
Запад	14,4	20,3	3,1	37,2	75,0	20,9	4,1
Украина в целом	**23,6**	**15,1**	**0,9**	**7,6**	**47,2**	**39,3**	**13,5**

Прежде всего бросается в глаза, что назвались верующими и/или отнесли себя к определённой конфессии 86,5% (!) опрошенных.

Обратим внимание на высокий процент тех, кто отнесли себя к другим (кроме названных четырех) конфессиям или назвали верующими вне конфессий. Среди этих двух групп подавляющее большинство составляют вторые: по Украине назвались православными, но не отнесли себя ни к одной из церквей 28,5%, просто христианами — 7,2%. К другим конфессиям отнесли себя всего 3,6% (среди них протестантов всего 1,9%).

Таким образом, идентифицировала себя с четырьмя интересующими нас церквами почти половина (47,2%) опрошенных, причём к УПЦ отнесли себя ровно столько (23,6%), сколько к трём остальным, вместе взятым.

Рассмотрим сравнительную популярность четырёх церквей, мерилом которой может служить показатель «относительной конфессиональной идентификации» — доля тех, кто отнёс себя к определённой церкви среди всех отнесших себя к одной из четырёх (табл. 3.4). При этом следует помнить, что популярность их всех вместе взятых бывает достаточно низкой — напр., в Восточном регионе 35,1%.

[1] К сожалению, опубликованных данных недостаточно, чтобы анализ провести отдельно по двум субрегионам Запада; можно ожидать, что и по этому показателю отличия были бы существенными.

Таблица 3.4

Относительная конфессиональная самоидентификация верующих (%)

РЕГИОНЫ	УПЦ	УПЦ-КП	УАПЦ	УГКЦ
Центр	54,5	42,8	2,0	0,7
Восток	61,5	35,6	0,6	2,3
Юг	83,4	16,6	0	0
Запад	19,2	27,1	4,1	45,6
Украина в целом	**50,0**	**32,0**	**1,9**	**16,1**

В трех регионах — Центральном, Восточном и Южном — симпатия разделена между УПЦ и УПЦ-КП с бо2льшим или меньшим преимуществом УПЦ (достаточно близкие значения в Центре и пятикратное преимущество на Юге).

В Западном регионе явным преимуществом обладает УГКЦ (очевидно, за счёт Галичины), влиятельна УПЦ-КП и все же немалой поддержкой пользуется УПЦ (насколько можно судить, за счет областей, не входящих в Галичину).

Интересно выглядит динамика конфессиональной самоидентификации. Феноменальным представляется резкое увеличение за 10 лет числа тех, кто идентифицирует себя с УПЦ: от 9,2% в 2000 г. до 23,6% в 2010 г. — рост в 2,5 раза. Особенно высоки были темпы роста на Юге (с 9,9 до 42,6%) и на Востоке (с 6,6 до 21,6%).

За это время выросло и число сторонников УПЦ-КП, но рост был не таким стремительным — с 12,1 до 15,1%.

Более внимательный анализ показывает, что рост «верующих» обеих церквей происходит за счёт тех, кто называют себя «просто православными». И так как ресурс последних далеко не исчерпан, можно ожидать в ближайшие годы продолжения этого процесса.

Ввиду невысокого и снижающегося со временем уровня популярности УАПЦ мы в дальнейшем изложении будем, как правило, ограничиваться рассмотрением УПЦ, УПЦ-КП и УГКЦ, говоря о них как о трех «основных церквах Украины» (и сознавая при этом условность такого словоупотребления).

3. Украинские церкви и этнокультурное разделение Украины

Как видно из предыдущего изложения, и история четырёх основных украинских церквей, и ареалы их распространения вынуждают каждую из них выбрать ту или иную, но определённую позицию в этнокультурном и идеологическом разделении страны.

Выбор оставался за ними: работать ли на взаимопонимание или на противостояние двух частей Украины, проявлять ли большую или меньшую степень миролюбия или агрессивности.

Выбирая ту или иную тактику, каждая из церквей вынуждена была учитывать, в первую очередь, два основных фактора: ориентацию основного контингента своей паствы и политическую конъюнктуру, партийную борьбу в стране.

Что касается первого фактора, то для трех, условно говоря, «национально ориентированных» церквей — УГКЦ, УАПЦ, УПЦ-КП — основным контингентом в силу исторических причин были жители Запада Украины и/или «национально сознательная» (или «национально озабоченная») часть населения Центра. В ином положении находилась и находится УПЦ: при абсолютно прочных позициях на Востоке и Юге и достаточно надёжных в Центре, она крайне заинтересована в максимальном сохранении влияния и на Западе, где оно заметно поколеблено.

При этом, если УПЦ по всем признакам может на сегодня считаться церковью общенациональной, т.е. распространяющей влияние на всю страну, то УПЦ-КП и УГКЦ также претендуют на такую роль — по крайней мере, в перспективе.

Это означает, что церкви неизбежно выступают в роли конкурентов. Но это не лишает каждую из них возможности выбрать тактику — то ли примирительную, без подчёркивания идеологических и этнокультурных разногласий, рассчитанную на то, чтобы сделать свою церковь приемлемой для возможно большего числа верующих — то ли агрессивную, с подчёркиванием разногласий и с нападками на «противника», рассчитанную на мобилизацию хотя бы узкого круга, но зато активных сторонников, позволяющую переходить и к силовым действиям — захватам храмов и т.п. Последняя тактика особенно эффективна при условии поддержки властей.

Такова одна сторона дела. Другая — выбор позиции по отношению к основным политическим субъектам: власти, главным политическим течениям и партиям, или говоря шире — выбор: в какой степени участвовать и участвовать ли вообще в политической жизни страны.

Это и вынуждало каждую из церквей выбирать тактику постепенно, с течением времени всё лучше учитывая условия бурно меняющейся действительности и одновременно с этим вырабатывая долгосрочную стратегию.

Украинская греко-католическая церковь

Представляется, что меньше всего менялась с течением времени тактика УГКЦ.

Единственное резкое движение, которое эта церковь сделала в первые годы или месяцы после своего восстановления — это возвращение себе практически всех храмов, принадлежавших ей до ее ликвидации в 1946 г. Эта операция была проведена быстро и успешно при поддержке местных властей и большинства населения. Но ее результаты существенно затрагивали и нарушали интересы православного (по существу, а не только номинально) меньшинства в Западном регионе, а также и самой УПЦ, оказавшейся в этом регионе в положении церкви меньшинства. Попытки УПЦ договориться о возвращении части храмов не дали результата. Всё это послужило началом серьёзного и до сих пор не улаженного конфликта между двумя церквами, отразившегося на отношениях УПЦ и включающей ее в себя РПЦ с Римско-Католической Церковью. Каждый раз, когда возникал вопрос о расширении контактов с католической церковью или с Ватиканом (как во время визита Папы в Украину в 2001 г. или при обсуждении возможности визита Папы в Россию), в качестве одного из главных препятствий православная сторона называла неурегулированность отношений между УПЦ и УГКЦ.

Последовательно реализуемой частью стратегии УГКЦ является расширение ее влияния на всю Украину, превращения из региональной в общеукраинскую церковь. Существенным шагом в рамках этой стратегии было принятие в 2005 г. главой УГКЦ титула «Верховный архиепископ Киево-Галицкий» (до того он именовался всего лишь «архиепископом Львовским») с переносом своей резиденции в Киев. В ответ УПЦ и РПЦ выступили с резкими заявлениями, назвав эти шаги усложняющими православно-католический диалог, однако изменить что-либо было не в их власти.

Таким образом, на сегодня между УГКЦ и УПЦ сохраняется заметное отчуждение, хотя в последние годы отмечались и некоторые попытки к установлению контактов. Вместе с тем, эта напряженность в отношениях не представляется опасной в плане этнокультурного противостояния. Обе стороны подают свои конфликты как чисто межцерковные, связанные с принадлежностью храмов, распространением сферы влияния, и никогда не переводят их в сферу этнокультурную, не обвиняют другую церковь в распространении чуждой идеологии, «антиукраинстве» и т.п. (Мы говорим здесь о политике церквей как таковых и оставляем в стороне конфронтационные заявления маргинальных околоцерковных радикалов с обеих сторон.)

Ограниченность этого конфликта собственно церковными рамками во многом связана с общей взвешенной и осторожной линией поведения УГКЦ в общественных вопросах. Ориентированность этой церкви на украинские национальные традиции и ценности

очевидна по самому ее происхождению, потому ей нет необходимости об этом постоянно напоминать, вмешиваясь в идеологические дискуссии. УГКЦ пытается рассматривать современные проблемы с позиций церковных (католических) доктрин и избегает их привязки к политической конкретике. Она не выступает с идеологическими обвинениями в адрес оппонентов, сознавая, что в долгосрочной перспективе такие обвинения могут обернуться против нее. В официальных документах и выступлениях предстоятелей УГКЦ при рассмотрении современных проблем Украины на первый план выступает моральная и социальная тематика. Сильной стороной тактики этой церкви является постоянное подчеркнутое дистанцирование от общеукраинских властей — как симпатизирующих, так и не симпатизирующих ей (местные власти Западного региона угождают ей безусловно). В общем, УГКЦ ведет себя как церковь, стремящаяся завоевывать авторитет в стране всерьез и надолго.

И всё же при всём сказанном УГКЦ имеет свои политические симпатии, и они очевидны для жителей Украины: это «национально ориентированное» крыло украинского политического истеблишмента. Видно это, в частности, и по участию иерархов этой церкви в молитвенных мероприятиях, организуемых этими политическими лидерами.

Украинская православная церковь — Киевский патриархат

В отличие от тактики УГКЦ, действия УПЦ-КП претерпели значительные изменения во времени и в зависимости прежде всего от политической ситуации в стране.

Эта церковь была задумана как единая для страны независимая (от РПЦ) православная церковь, по существу — государственная церковь со статусом, аналогичным статусу РПЦ в России. Руководители церкви — митрополит Филарет (Денисенко), формально заместитель предстоятеля, затем патриарх Владимир (Романюк) — рассчитывали обрести этот статус «кавалерийским наскоком», используя безоговорочную поддержку государства на всех уровнях. Примером может служить решение Верховной Рады, объявившее неканоническим (!) созыв Харьковского собора УПЦ в мае 1992 г., на котором был избран новый предстоятель митрополит Владимир (Сабодан). В ход пускались все средства: захваты и попытки захвата храмов с участием боевиков радикальной военизированной организации УНА-УНСО, мощная пропагандистская кампания против УПЦ. Именно в этот период (до середины 1990-х гг.) обострившееся до предела межконфессиональное противостояние между УПЦ-

КЦ и УПЦ стало частью общего идеологического противостояния в стране. Главными мотивами идеологической кампании, развязанной национал-патриотическими силами, было навязывание стране определённого варианта национальной идентичности, включающего воинственное неприятие всего российского, и обвинение оппонентов в отсутствии такой идентичности. В эту кампанию наряду с неприятием русского языка как «языка чужой державы» естественно вписывалось и неприятие УПЦ как «церкви чужой державы». Усиливающееся идеологическое противостояние по своей природе не могло не углубить этнокультурное разделение Украины.

Однако по прошествии одного-двух лет стало ясно, что проводимая государством политика объединения церквей, т.е. включения УПЦ и УАПЦ в церковь, руководимую Филаретом, не срабатывает. По мере осознания этого государственная политика по отношению к «неугодным» церквам смягчалась, давление на них ослабевало. Определённая стабилизация наступила после избрания президента Кучмы в 1994 г. С этого времени государственная власть постоянно декларировала равное и уважительное отношение ко всем церквам и религиозным организациям Украины.

В этих условиях руководство УПЦ-КП, т.е. Филарет, ставший в 1995 г. ее предстоятелем с титулом патриарха, долгие годы по инерции продолжало политику противостояния с УПЦ и стремилось к ее дискредитации. Дискуссия между двумя церквами носила обоюдоострый характер, однако взаимные обвинения были принципиально различны: в то время как УПЦ обвиняла церковь-соперницу в неканоничности, даже отказывая ей в праве называться церковью и считая ее действия расколом, то УПЦ-КП делала упор на обвинениях идеологических и политических, что превращало конфликт между ними в этнокультурный. При этом до самого последнего времени при декларируемом верховной властью равном отношении к обеим церквам наиболее влиятельная часть политического сообщества, относящаяся к национал-патриотическому спектру, — как в Верховной Раде, так и во властных структурах среднего уровня (министерствах, госкомитетах, местных органах власти) — продолжала демонстрировать преимущественную поддержку УПЦ-КП. Церковь отвечала взаимностью, постоянно солидаризируясь с этим политическим направлением и активно поддерживая ее лидеров и ее акции — в частности, «оранжевую революцию».

Только в последние годы, неслучайно совпавшие с президентством В. Януковича, УПЦ-КП заметно изменила тактику и фразеологию. Очевидно, ее руководство осознало отсутствие перспективы одолеть церковь-соперницу. В документах и выступлениях руковод-

ства церкви практически полностью оказались снятыми конфронтационные моменты и идеологические обвинения; преобладают мотивы необходимости примирения и поиска компромисса.

Таким образом, в последнее время уровень межправославного противостояния в Украине заметно снизился, и оно потеряло характер этнокультурного. Оно сводится к относительно спокойной полемике и конфликтам частным и локальным, например, о принадлежности того или иного храма.

Украинская православная церковь

В этнокультурном разделении Украины роль этой церкви, самой крупной в Украине по числу общин и единственной признаваемой Вселенским Православием, менялась с течением времени и в конце концов приобрела довольно неожиданный характер.

В первые годы независимости Украины УПЦ в ходе противостояния с УПЦ-КП и находясь под сильным давлением властей и влиятельных политических сил, вынужденно занимала оборонительную позицию. Чтобы выстоять, ей было необходимо сплотиться вокруг своего предстоятеля, и сам характер личности, высокий авторитет митрополита Владимира были как будто специально предназначены для этой цели.

В течение почти двух десятков лет, прошедших после Харьковского собора, церковь развивалась, упрочивала своё положение в обществе, налаживала связи с властными структурами. Постепенно вырабатывались и концепции церкви по наиболее актуальным общественным и социальным проблемам современной Украины. Одно из важнейших мест среди них занимает концепция цивилизационного и геополитического выбора Украины. Очевидно ее непосредственное отношение к нашей теме, потому остановимся на ней подробнее, взяв за основу ее изложение митрополитом Владимиром на Архиерейском соборе РПЦ 25 июня 2008 г.

Заслуживает внимания уже то, что предстоятель УПЦ начал обоснование своей позиции со ссылки на известное высказывание С. Хантингтона: «Украина — это расколотая страна с двумя различными культурами», — назвав его хотя и излишне категоричным, но в значительной степени отражающим действительность. Далее процитируем самого митрополита Владимира: «Сегодня мы вынуждены говорить о двух полюсах украинской культуры, двух различных цивилизационных орбитах: “восточной” и “западной”. Восточно-украинский мир, сконцентрированный преимущественно по левую сторону Днепра, сформировался в результате творческого взаимодействия украинской и российской культуры. Западно-украинская

цивилизационная общность, расположенная главным образом на правом берегу Днепра, напротив, сложилась в результате взаимодействия с польской, австрийской, румынской, литовской и другими европейскими культурами. ...Эти две общности — украинский восток и запад — различны, но нераздельны — между ними много объединяющего. Это и язык, и история, и культура, но, пожалуй, самое главное — христианство, имеющее единый источник — Крещение святого князя Владимира. Миссия Украины отнюдь не исчерпывается функцией буферной зоны между востоком и западом. Украина — это самодостаточное социокультурное пространство, перед которым стоит задача обретения собственной внутренней целостности через синтез наследия востока и запада». Дальше митрополит говорил о стоящей «перед украинским народом и украинской Церковью... глобальной задаче культурной реформы на основании синтеза западноевропейской и восточнославянской культур». И сформулировал цель: «Сегодня Церковь вновь призвана инициировать рождение социокультурного пространства, в котором антагонизм западных и восточных элементов культуры будет творчески преобразован в синтетическое единство на основе православной традиции».

По нашему мнению, на сегодня эти слова представляют собой наиболее чёткое изложение концепции построения мультикультурного общества в Украине.

Вместе с тем по мере того, как для УПЦ уменьшались внешние опасности и укреплялись ее позиции в обществе, становилась явственнее ее неоднородность. Те самые два полюса украинской культуры, о которых говорил ее предстоятель, обнаруживались и в ней самой, и особенно — в ее окружении.

Одним из основных идеологических вопросов, разделяющих представителей церкви, является вопрос о перспективах ее автокефалии. «Проукраинское крыло» церкви выступает за то, чтобы добиваться автокефалии каноническим путём, но немедленно. «Пророссийское» — за принципиальный отказ от самой идеи автокефалии; наиболее радикальные его представители выступают вообще за отказ УПЦ от самостоятельности в управлении и возвращение к статусу экзархата. (Разумеется, наименование сторонников двух течений условно, и они сами вряд ли бы с ним согласились.) Руководство УПЦ занимает примирительную позицию: идея автокефалии не осуждается; ее перспектива представляется возможной, но в нынешних условиях ввиду отсутствия единого мнения — нецелесообразной; на сегодня сложившийся статус представляется оптимальным. Противоборствующие силы явно неравны, по крайней мере, при публичном изложении позиций: едва ли не единственным

выступающим за автокефалию служителем церкви остаётся архиепископ Черкасский Софроний, в то время как категорически против нее выступает достаточно большое число таковых, прежде всего в Восточном и Южном регионах.

Другой конфликтный вопрос — об отношении к деятельности околоцерковных структур, именуемых «православными братствами». Практически все они резко политизированы в духе традиционной парадигмы консервативного крыла РПЦ: единая Святая Русь, непримиримое противостояние с «безбожным Западом» и другими конфессиями и т.п. Основной формой их деятельности является проведение акций, в том числе крестных ходов, под политическими лозунгами, объединяя их с фундаменталистски-церковными (например, отказ от идентификационных кодов). Подобная деятельность, получившая наименование «политического православия», была осуждена священноначалием УПЦ. В акциях «политических православных» нередко принимают участие и священники УПЦ; иерархи более высокого уровня ограничиваются выражением сомнения в правильности их осуждения.

С течением времени конфликт между двумя направлениями внутри УПЦ становится всё более острым, причём «пророссийское крыло» приобретает характер внутрицерковной оппозиции, противостоя уже не слабому «проукраинскому», а самому священноначалию своей церкви. Всё громче звучат его нападки на линию митрополита Владимира, хотя и подаваемые как претензии только к его окружению, обвиняемому в скрытых симпатиях к автокефалии, украинском национализме, сговоре с «оранжевыми» и т.п. Ясно, что для этой оппозиции неприемлем сам общий подход предстоятеля церкви, включая представления об Украине как стране двух культур и о необходимости общенационального взаимоуважения и взаимопонимания.

Представляется, что указанный конфликт внутри УПЦ настолько же чреват обострением этнокультурного противостояния, как в своё время ее конфликт с УПЦ-КП.

Об авторах

Михаил Белецкий, кандидат физико-математических наук, политолог, эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии (КЦПИК)

Денис Кирюхин, кандидат философских наук, политолог, эксперт КЦПИК, научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной АН Украины

Доктор *Владимир Малинкович*, политолог, публицист (Мюнхен)

Михаил Погребинский, политолог, директор КЦПИК

Алексей Попов, политолог, журналист, переводчик, эксперт КЦПИК (Харьков)

Валерий Тишков, доктор исторических наук, директор Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН (Москва)

Алексей Толпыго, кандидат физико-математических наук, политолог, эксперт КЦПИК

Антон Финько, кандидат философских наук, политолог, эксперт КЦПИК, научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной АН Украины

Светлана Щербак, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной АН Украины

Под редакцией М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго

Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики

Редактор: *О.А. Зимарин*
Художник: *В.Ю. Яковлев*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*
Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 07.10.2013 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в ЗАО «Новые печатные технологии»
Тел.: (495) 223-92-00
e-mail: n.chudaeva@web2books.ru